№ 2/x

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XL-й. ОКТЯБРЬ. 1909 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля.** А. Ѳ. Кони. . . . 3— 29

II. **Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ (1864—1909 г.г.).** Ивана Янжула. . . . . 33— 57

III. **Темное Царство.** (Черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка). Сообщ. В. Шереметевскій . . . . . 58— 62

IV. **Записки сенатора Есиповича** . . . . . 63— 78

V. **Изъ документовъ архива Виленскаго генералъ - губернаторства.** (Бѣгство и поимка В. К. Кюхельбекера). Сообщилъ Ю. В. Татищевъ. . . . 79— 87

VI. **Депутатъ отъ Россіи** (Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой). Сообщено Е. С. М. 88—105

VII. **Ссылка М. Е. Салтыкова въ Вятку и его освобожденіе (1848—1856 гг.).** Вл. Емельянова. . . . 107—123

VIII. **Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера** . . . . . 125—139

IX. **Семь лѣтъ неурожайныхъ.** (Изъ исторіи Самарскихъ голодовокъ). П. Л. Юдина . . . . . 140—152

X. **Изъ переписки А. П. Зонтагъ съ В. А. Жуковскимъ.** Сообщ. К. Гротъ. . . . . 153—168

XI. **Воспоминанія институтки шестидесятыхъ годовъ.** Р. Ф. . . . . 169—193

XII. **Воспоминанія юнкера 2-го военнаго Константиновскаго училища.** И. Ф. . . . . 194—224

XIII. **Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 9 іюля по 3 сентября 1909 г.** . . 225—230

XIV. **Изъ записной книжки „Русской Старины":**

а) **Къ исторіи Костромской іерархіи.** (Резолюція еп. Симона Лагова на прошеніи архим. Ѳеодосія). Сообщилъ И. Баженовъ. . . . . 30— 32

б) **Военно-бытовые наброски.** Сообщ. Л. Драке. . . 106

в) **Изъ жизни русскихъ въ Финляндіи.** (Практика русскихъ врачей). Сообщено ..и. 124

XV. **Библіографическій листокъ** (на оберткѣ).

Приложенія: Портретъ **Ивана Ивановича Янжула**; объявленіе о подпискѣ на 1910 г. и перечисленіе нѣкоторыхъ статей, которыя будутъ напечатаны въ 1910 г.

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1910 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва и. ф. „Электро-тип. Н. Я. Стойковой". Знаменская, 27.
1909.

X-я книга „Русской Старины" вышла 1-го октября 1909 года.

Библіографическій листокъ.

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Изданіе т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ". Части I—II (т.т. I—IV). М. 1908—1909.

Первая половина этого монументальнаго коллективнаго труда (всѣхъ томовъ будетъ восемь) закончена. Она распадается на два отдѣла: „Дореформенная Россія" и „Эпоха реформъ". Бѣглый перечень вошедшихъ въ эти отдѣлы статей ясно показываетъ, какъ широко и научно поняли авторы свою задачу: „Россія въ концѣ XVIII вѣка",—Павелъ Петровичъ, Александръ I, декабристы, экономическое развитіе Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка, русская литература до Пушкина, очеркъ Пушкинскаго періода, русская литература во второй четверти вѣка, внѣшняя политика Россіи въ первыя десятилѣтія XIX вѣка; Крымская война, крестьянская реформа, земская реформа, судебная реформа, польское возстаніе, городъ и городовое положеніе 1870 г., городъ и городское самоуправленіе въ Прибалтійскомъ краѣ, расколъ въ первой половинѣ XIX вѣка, народное образованіе въ первой половинѣ XIX вѣка, средняя школа, университеты, русская литература 60-хъ годовъ, украинская литература, пластическія искусства въ первой половинѣ вѣка, русская музыка въ первой половинѣ вѣка. Эта программа, почти цѣликомъ охватывающая народную жизнь въ ея важнѣйшихъ проявленіяхъ, вполнѣ осуществлена. Авторовъ статей (назовемъ нѣкоторыя имена—Е. В. Аничковъ, М. М. Богословскій, И. Н. Бородинъ, П. Н. Сакулинъ, В. И. Чарнолусскій, М. Н. Покровскій, А. А. Кизеветтеръ) интересовали не столько отдѣльные факты, мелкія подробности, сколько идейныя теченія, не внѣшніе, яркіе моменты, а глубоко вросшіе въ почву корни жизни народной. Это изданіе, такимъ образомъ, съ одной стороны не замѣнитъ ни учебника, ни справочника, зато съ другой—его можно назвать интересной книгой для чтенія по русской исторіи прошлаго вѣка, и каждый образованный читатель отведетъ ему мѣсто на книжной полкѣ. Съ внѣшней стороны оно прекрасно и богато иллюстрировано снимками и портретами; особенно хороши геліогравюры англійскаго типа.

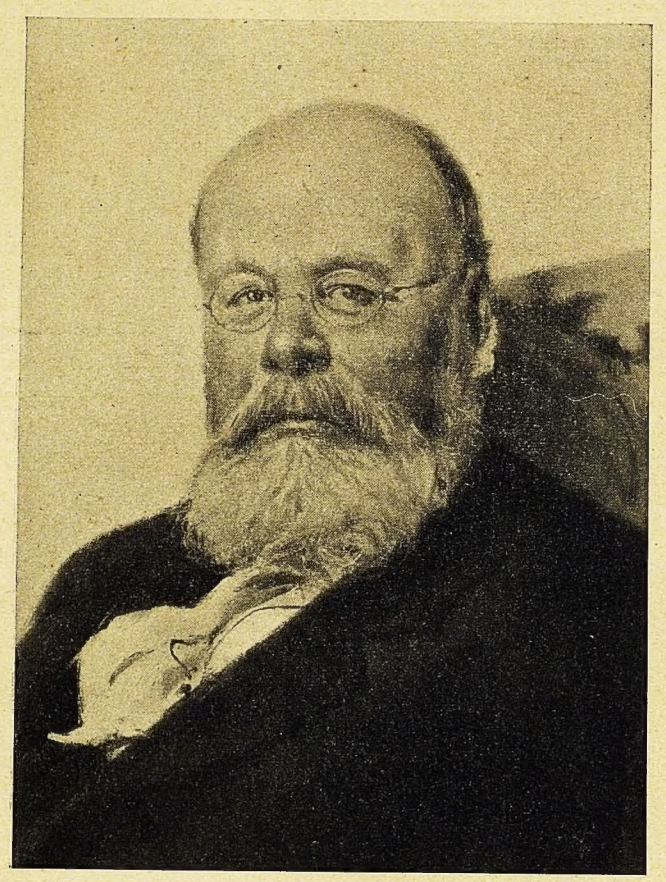
Кн. Б. Л. Вяземскій. Верховный Тайный Совѣтъ. СПБ. 1909.

„Эпоха Верховнаго Тайнаго Совѣта"—говоритъ авторъ—„разработана въ нашей исторической литературѣ крайне односторонне. Верховное учрежденіе, стоявшее четыре года у власти, само по себѣ привлекло вниманіе изслѣдователей и даже породило между ними разногласія. Но одной исторіей и природой этого учрежденія еще далеко не исчерпывается то, что можетъ имѣть историческій интересъ въ эпохѣ. Этому учрежденію пришлось дѣйствовать четыре не случайныхъ и не безцвѣтныхъ года. Въ этотъ промежутокъ времени Россія могла оглянуться на пройденный ею въ первой четверти XVIII вѣка путь, чего Петръ Великій ей не далъ времени сдѣлать при своей жизни... Послѣдовавшая за смертью Петра эпоха была эпохой общаго испытанія всей его системы, и, слѣдовательно, изученіе дѣятельности Верховнаго Тайнаго Совѣта имѣетъ огромный историческій интересъ. А между тѣмъ именно эта сторона его четырехлѣтней жизни является менѣе всего разработанною изслѣдователями. Вопросъ о дѣятельности Верховнаго Тайнаго Совѣта является вслѣдствіе этого кардинальнымъ вопросомъ нашей работы". Изслѣдованіе распадается на три части, посвященныя значенію, организаціи и дѣятельности Совѣта; послѣдняя часть наиболѣе самостоятельна и занимаетъ больше двухъ третей книги. Авторъ изслѣдовалъ дѣятельность Совѣта по его дѣламъ, журналамъ и протоколамъ, и выводъ, къ которому онъ пришелъ, въ общемъ подтвердилъ взгляды нѣкоторыхъ прежнихъ изслѣдователей (Филиппова, Милюкова) на это учрежденіе. Матеріальная сторона изслѣдованія—крупный вкладъ въ исторію Тайнаго Совѣта. Не лишнее замѣтить, что авторъ писалъ свою работу на студенческой скамьѣ; это обстоятельство значительно повышаетъ относительную цѣнность книги, имѣющей, впрочемъ, и несомнѣнное абсолютное значеніе въ наукѣ.

Левъ Шестовъ. Начала и концы. Сборникъ статей. СПБ. 1908.

Вотъ писатель, котораго нельзя изучать и понимать по частямъ. Шестова нужно брать всего разомъ. „Бердяевъ ловитъ меня на словѣ"—съ удивительной простотой говоритъ онъ въ своей новой книгѣ: „что правда, то правда. Поймалъ. Только зачѣмъ ловить было? И развѣ такъ книги читаютъ? По прочтеніи книги нужно забыть не только всѣ слова, но и всѣ мысли автора, и только помнить его лицо. Вѣдь слова и мысли только несовершенныя средства общенія. Нельзя душу ни сфотографировать, ни нарисовать, ну и обращаются къ слову. Давно чувствую, что мысль изреченная есть ложь..". „Помни,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—„что собесѣдникъ твой и хотѣлъ бы, да не можетъ иначе проявить себя, какъ прибѣгая къ готовымъ формамъ рѣчи. Приглядывайся къ выраженію его лица, прислушивайся къ интонаціи его голоса—это поможетъ тебѣ сквозь слова проникнуть къ его душѣ. Не только въ устной бесѣдѣ, но даже въ написанной книгѣ можно подслушать звукъ, даже и тембръ голоса автора и подмѣтить мельчайшіе оттѣнки выраженія глазъ и лица его".

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки



Иванъ Ивановичъ
Янжулъ

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ,

ОСНОВАННОЕ 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1909.

ОКТЯБРЬ,—НОЯБРЬ,—ДЕКАБРЬ.

25295
49 г.

СОРОКОВОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО СОРОКОВОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. т-ва п. ф. «Электро-тип. Н. Я. Стойковой». Знаменская, 27.
1909.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

БИБЛІОТЕКА
при
НОВОТОРЖ. ЗЕМСКОЙ УПРАВѢ.

Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля [1].

IX.

Первые годы царствованія покойнаго Государя были ознаменованы мягкимъ и человѣколюбивымъ взглядомъ на *расколъ*. Почти передъ самымъ его коронованіемъ, 3 мая 1883 г., послѣдовало обнародованіе Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта о дарованіи раскольникамъ нѣкоторыхъ правъ гражданскихъ и о разрѣшеніи имъ, по отправленію духовныхъ требъ, совершать богослуженія по ихъ обрядамъ, какъ въ частныхъ домахъ, такъ и въ особо предназначенныхъ для этого зданіяхъ, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы при этомъ не были нарушаемы общія правила благочинія и общественнаго порядка. Эти льготы не были распространены лишь на скопцовъ и на тѣхъ сектантовъ, которые принадлежатъ къ изувѣрнымъ сектамъ, т. е. такимъ, которыя соединены, по выраженію закона, „съ фанатическимъ посягательствомъ на жизнь свою или чужую и съ противонравственными, гнусными дѣйствіями".

Поэтому и такъ какъ ни наши полицейскій, сельскій и бывшій рекрутскій уставы, ни наши уголовные законы, ни, наконецъ, рядъ Высочайшихъ повелѣній съ 1840 по 1859 г. не дѣлали и не дѣлаютъ никакого, по существу своему, различія между тѣмъ, что называлось *расколомъ* и что именуется *ересью*,—льготы эти считались касающимися всѣхъ видовъ русскаго сектантства, за исключеніемъ скопчества и такихъ сектъ, самое ученіе коихъ, по грубому оскор-

[1] См. „Русскую Старину" 1907 г. — II, X, XII. 1908 г. — III, XI, XII. 1909 г.—I, II.

бленію нравственности—будетъ ли то Moralitaet или Sittlichkeit—представляется нарушающимъ основы и условія общественной жизни и устройства.—Это торжественное признаніе осуществленія въ религіозной жизни русскаго народа возвышеннаго начала, выраженнаго въ словахъ основныхъ законовъ о „повсемѣстномъ свободномъ отправленіи вѣры и богослуженія“, было встрѣчено вздохомъ радостнаго облегченія не только тѣми злополучными, которые должны были молиться по секрету отъ мѣстной власти, могущей „тащить и не пущать“,—но и всѣми, кому дороги были священныя права духовной природы человѣка, и кто не безъ основанія видѣлъ въ новомъ законѣ зарю грядущей свободы совѣсти.

Но отмѣченная еще Императоромъ Николаемъ I подмѣна широкихъ велѣній Монарха въ практическомъ ихъ исполненіи узкими личными взглядами и вкусами „столоначальниковъ“—иногда весьма высокаго ранга—нашла себѣ примѣненіе и здѣсь. Началось съ формальнаго вопроса о *мѣстахъ для частнаго и общественнаго богомоленія.* Ограничительное толкованіе и даже полное оставленіе втуне новой льготы направилось прежде всего на *старообрядцевъ*, въ которыхъ, судя по отчетамъ синодальнаго оберъ-прокурора за восьмидесятые и девяностые годы, православное вѣдомство видѣло наиболѣе опасныхъ изъ отпавшихъ отъ оффиціальной церкви чадъ. Несмотря на то, что статья нашего полицейскаго устава, запрещавшая обращеніе крестьянскихъ избъ въ публичныя молельни, послѣ закона 1883 г. была установленнымъ порядкомъ отмѣнена, были предприняты, по требованіямъ епархіальныхъ властей, уголовныя преслѣдованія противъ старообрядцевъ, въ домахъ которыхъ уже существовали до закона 1883 г. молельни, обращенныя затѣмъ въ мѣста разрѣшенныхъ этимъ закономъ общественныхъ богомоленій. Подчиняясь толкованію духовныхъ властей, что допущеніе единомышленныхъ по вѣрѣ людей молиться въ частномъ домѣ — равносильно устройству *особо предназначеннаго* для этого зданія, каковое влечетъ за собою уголовную кару, если для этого не испрошено разрѣшенія подлежащаго начальства,—толкованію, обращавшему въ ничто законъ 1883 года, строго разграничивавшій *частные дома* и *особо предназначенныя* для богослуженій зданія, — судебныя власти начинали „дѣло“, которое обыкновенно оканчивалось въ апелляціонной инстанціи обвинительнымъ приговоромъ со всѣми свойственными подобнымъ дѣламъ „онерами“, т. е. съ постановленіемъ объ уничтоженіи всего устроеннаго для молитвы и съ препровожденіемъ отобранныхъ иконъ, книгъ, лампадъ, ризъ и т. п. въ мѣстную консисторію.

Сомнительно, чтобы послѣднее постановленіе соблюдалось съ

точностью и необходимымъ уваженіемъ къ предметамъ священнымъ въ глазахъ старообрядцевъ. Я не могу не припомнить здѣсь посѣщенія мною въ 1877 г. вмѣстѣ съ Ѳ. М. Достоевскимъ петербургской колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ на Охтѣ, за Пороховыми заводами. Мы зашли въ церковь колоніи, довольно обширную, съ простыми деревянными, ничѣмъ не обшитыми внутри стѣнами, почти сплошь увѣшанными иконами стараго письма въ потускнѣвшихъ ризахъ и безъ нихъ. Такое чрезмѣрное обиліе иконъ не понравилось Достоевскому. „Это какой-то музей, а не храмъ“,—сказалъ онъ: „и къ чему столько образовъ“?! Оказалось, что сенаторъ Михаилъ Евграфовичъ Ковалевскій [1]), основатель колоніи и горячо преданный ей ея попечитель, зная, по старой своей должности предсѣдателя петербургской уголовной палаты, что въ кладовыхъ послѣдней хранятся въ теченіе десятилѣтій, безъ всякаго порядка, въ пыли и паутинѣ, часто безъ всякихъ описей, многія иконы, отобранныя у раскольниковъ, выпросилъ отдачу ихъ на „украшеніе храма“, сооружаемаго въ колоніи. Хорошо, что *малолѣтніе преступники*, по всѣмъ вѣроятіямъ, не вѣдали происхожденія иконъ, со всѣхъ сторонъ глядѣвшихъ на нихъ со стѣнъ, и не знали, что онѣ отобраны также у *преступниковъ* и при томъ *взрослыхъ* и даже сѣдыхъ, преступленіе которыхъ состояло лишь въ томъ, что они молились предъ этими священными и для православныхъ изображеніями, но только не здѣсь, а въ другомъ мѣстѣ, въ которое входили съ умиленіемъ и вѣрою. Пожалуй, юноши эти получили бы довольно странное представленіе о томъ, *что* иногда называется преступленіемъ.

Когда первое изъ такихъ *дѣлъ о молельняхъ* дошло, наконецъ, до уголовнаго кассаціоннаго департамента, Сенатъ, въ рѣшеніи по дѣлу Рябинина, возстановилъ истинный смыслъ закона 3 мая 1883 года и, согласно съ моимъ оберъ-прокурорскимъ заключеніемъ, отмѣнилъ приговоръ Казанской судебной палаты. Въ это время, начиная съ 1886 г., по соглашенію моему съ главнымъ редакторомъ „Правительственнаго Вѣстника“ Г. П. Данилевскимъ, въ этой газетѣ стали печататься составляемые оберъ-секретарями подробные тезисы, извлеченные изъ уголовныхъ кассаціонныхъ рѣшеній. Это было не только полезно, но и необходимо, въ виду того, что подробныя кассаціонныя рѣшенія печатались очень медленно, иногда черезъ годъ и болѣе послѣ того, какъ они состоялись, при чемъ о нихъ совершенно ничего не вѣдали широкіе общественные круги. Изъ „Правительственнаго Вѣстника“ ихъ перепечатывали газеты и

[1]) См. мои „Очерки и воспоминанія“, изд. 1907 г. стр. 725—729.

такимъ образомъ руководящія разъясненія высшаго суда дѣлались общимъ достояніемъ немедленно и переставали быть извѣстными однимъ лишь профессіональнымъ юристамъ—криминалистамъ. Такъ, къ общему удовольствію, продолжалось нѣсколько лѣтъ. Но когда тезисъ, выведенный изъ рѣшенія по дѣлу Рябинина, былъ, по дошедшей очереди, напечатанъ,—со стороны синодальнаго оберъ-прокурора послѣдовала *настоятельная* просьба не печатать болѣе никакихъ тезисовъ по раскольничьимъ дѣламъ. На мои указанія относительно полезности подобнаго печатанія для устраненія множества житейскихъ и судебныхъ недоразумѣній и на то, что рѣшеніе по дѣлу Рябинина вполнѣ согласно съ мотивами, положенными Государственнымъ Совѣтомъ въ основу закона 1883 года, К. П. Побѣдоносцевъ отвѣчалъ весьма нелестными отзывами о нашемъ законосовѣщательномъ учрежденіи и утвержденіемъ, что это рѣшеніе, сдѣлавшись общеизвѣстнымъ, принесетъ великій вредъ православному вѣдомству. Вскорѣ затѣмъ редакція „Правительственнаго Вѣстника“ увѣдомила меня, что признаетъ затруднительнымъ печатаніе нашихъ тезисовъ. Такимъ образомъ о взглядахъ Сената по раскольничьимъ дѣламъ осталось—и то по прошествіи долгаго срока—узнавать лишь изъ сборника кассаціонныхъ рѣшеній, издаваемаго при Сенатскихъ вѣдомостяхъ. Да и узнавать приходилось мало, чтобы не сказать ничего, вслѣдствіе усвоеннаго нѣкоторыми первоприсутствующими уголовнаго кассаціоннаго департамента, не находящаго себѣ никакого оправданія въ Судебныхъ Уставахъ обычая писать на рѣшеніяхъ по „щекотливымъ“ дѣламъ (а такими прежде всего считались дѣла о преступленіяхъ противъ вѣры): „не подлежитъ печатанію“. Благодаря всему этому, извращеніе закона 1883 г. по отношенію къ старообрядцамъ продолжалось еще многіе годы, и мнѣ, чрезъ девять лѣтъ послѣ его изданія, еще пришлось докладывать о кассаціи приговора Харьковской судебной палаты по дѣлу Тулупова, совершенно однородному съ дѣломъ Рябинина.

Не могу не привести здѣсь и доходившаго до Сената въ 1894 г. случая, гдѣ къ обвиненію въ устройствѣ „молитвеннаго дома“ были привлечены Московской городской полиціей даже и не старообрядцы или сектанты, а хозяинъ кондитерской фабрики, православный мѣщанинъ Савельевъ,обвиняемый въ томъ, что, какъ говорилось въ полицейскомъ протоколѣ, у него въ воскресный день „было обнаружено собраніе народу, которые были застаны стоящими на колѣняхъ, опустивъ голову, при чемъ Савельевъ читалъ Евангеліе и тутъ же на столѣ лежала библія и десять Евангелій, а на стѣнѣ оказались три текста изъ священнаго писанія, на картонѣ напечатанные, каковые книги и тексты отобраны и доставлены въ упра-

вленіе участка". Мировой съѣздъ, соглашаясь съ подсудимымъ, что по ст. 23 полицейскаго устава воскресные дни слѣдуетъ посвящать „отдохновенію отъ трудовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ набожному благоговѣнію", нашелъ однако умѣстнымъ примѣнить къ нему ст. 116 о тайныхъ обществахъ, въ силу которой запрещается всѣмъ и каждому заводить и вчинать въ городѣ общества, товарищества, братства или иное подобное собраніе безъ вѣдома или согласія правительства. Сенатъ отмѣнилъ это мудрое рѣшеніе.

Дѣло не обошлось, однако, *ограничительнымъ*, вопреки его духу, толкованіемъ закона 3 мая 1883 года. Предприняты были шаги и къ упраздненію его *по существу*, къ отнятію торжественно даннаго права собираться для богомоленій не только въ особо предназначенныхъ зданіяхъ, но даже и въ частныхъ домахъ. На этотъ разъ ударъ направленъ былъ на *штундистовъ*.

Явленіе сравнительно новое, обратившее на себя вниманіе лишь въ началѣ семидесятыхъ годовъ, штундизмъ (отъ слова Stunde—часъ собесѣдованія) возникъ подъ вліяніемъ энергической печатной и устной проповѣди нѣсколько видоизмѣненныхъ началъ протестантства среди южнорусскаго населенія. Это не раціоналистическая секта, и ей не свойственны ни аскетизмъ, ни религіозный экстазъ. Центръ тяжести ея лежитъ въ отрицаніи всякой обрядности и внѣшняго оказательства своей вѣры, по существу же она проникнута глубокимъ піетизмомъ. Ближе всего ученіе ея подходитъ къ вѣроученію отдѣлившихся отъ лютеранства баптистовъ, при чемъ русскіе послѣдователи баптизма именуютъ себя на югѣ Россіи и на Волгѣ „евангельскими христіанами" и употребляютъ на своихъ молитвенныхъ собраніяхъ тѣ же сборники духовныхъ пѣсенъ, какъ и баптисты. Бесѣды ихъ и собранія прежде всего характеризуются чтеніемъ Евангелія, которое, по мнѣнію многихъ изъ нихъ, было издано Сѵнодомъ на русскомъ языкѣ и продается по дешевой цѣнѣ по повелѣнію Государя, дабы „русскій народъ позналъ истинную вѣру". Здѣсь не мѣсто подробно разбирать это вѣроученіе, тѣмъ болѣе, что оно имѣетъ въ различныхъ мѣстностяхъ нѣкоторые, не существенные впрочемъ, оттѣнки.

Почти въ каждомъ дѣлѣ о штундистахъ, доходившемъ до судебнаго разбирательства, встрѣчается въ той или иной формѣ изложеніе этого вѣроученія. Типическимъ можетъ служить пріобщенное въ 1895 году, по распоряженію наказного атамана войска Донского, къ дѣлу Бураковыхъ. Вотъ оно: „1) Мы вѣруемъ, что есть только Единый Животворящій Истинный и Вѣчный Богъ и что Богъ есть Троица Святая: Отецъ, Сынъ и Духъ Святый. Христосъ Сынъ Божій есть истинный Богъ, Духомъ Святымъ зачатый во чревѣ Дѣвы

Маріи и отъ нея рожденный, Онъ Единый посредникъ между Богомъ и человѣками, отдавшій себя для искупленія всѣхъ. Безъ вѣры Богу угодить невозможно. Вѣра основывается на словахъ Божіихъ; исполненіе ихъ есть соблюденіе воли Божіей и влечетъ за собою любовь Бога и благословеніе Его, а нарушеніе какого-нибудь слова Божія и невѣріе есть смертный грѣхъ и навлекаетъ на человѣка гнѣвъ Божій. 2) Бракъ учрежденъ Богомъ и цѣль его: а) сохраненіе цѣломудрія, б) положить преграду потоку зла—блуду. При сочетаніи у брачущихся спрашивается о взаимномъ ихъ согласіи на вступленіе въ бракъ и о томъ свидѣтельствуется предъ Церковью. Брачущіеся даютъ передъ Богомъ другъ другу обѣщаніе жить вѣрно, неразлучными, хранить бракъ въ чести и святости до скончанія жизни. Сочетающимъ бракъ читаются обязанности о взаимной любви изъ Слова Божія. Совершается молитва и пѣснопѣніе, но поѣздовъ съ пѣніемъ по улицѣ не признаемъ. 3) Надъ новорожденными дѣтьми, при нареченіи имени, совершается молитва. 4) Святое Крещеніе согласно яснымъ изреченіямъ Новаго Завѣта состоитъ въ томъ, что рукоположенный служитель Господа и Церкви погружаетъ принимающаго крещеніе во Имя Единаго Бога, въ трехъ лицахъ. Крещеніе совершается въ открытой водѣ съ молитвой, пѣснопѣніемъ и проповѣдью Слова Господня. 5) Обрядность молитвъ и Богослуженія совершается отъ сердечнаго и живого чувства къ Богу; молитва во Имя Іисуса Христа, за всю Церковь, за Царя, Царствующій Домъ, за Начальствующихъ, за Отечество и за всѣхъ человѣковъ,—проповѣдуется Слово Божіе Ветхаго и Новаго Завѣта. Совершается преломленіе хлѣба. Пресвитеръ беретъ хлѣбъ и въ воспоминаніе смерти и страданій нашего Спасителя Іисуса Христа въ молитвѣ, возблагодаривъ, преломляетъ, подаетъ членамъ Церкви, также и чашу съ виномъ. Заканчивается пѣніемъ и молитвою. 6) О погребеніи: тамъ, гдѣ лежитъ тѣло усопшаго, назначается молитвенное собраніе, творимъ пѣніе, молитвы, проповѣдуется Слово Божіе, во утѣшеніе всего собранія, въ особенности родству умершаго;—сопровождая тѣло усопшаго, поемъ. На кладбищѣ также поемъ и говорится надгробная рѣчь изъ священнаго писанія, заканчивается молитвою. 7) Праздники чтимъ: 1) Воскресеніе или день недѣльный мы празднуемъ по примѣру учениковъ Господа; 2) Рождество Іисуса Христа; 3) Новый Годъ; 4) Крещеніе Господне; 5) Благовѣщеніе; 6) Пасху Господню; 7) Вознесеніе Господа на небо; 8) Пятидесятницу и 9) Преображеніе. Кромѣ вышесказанныхъ дней, чтимъ дни Ихъ Императорскихъ Величествъ, творимъ торжества и молимся о здравіи и долгоденствіи Царя и Царственнаго Дома. 8) О гражданскомъ порядкѣ: вѣримъ, что правительство установлено Богомъ, что оно облечено властію,

для защиты добрыхъ и для наказанія злодѣевъ. Мы признаемъ себя обязанными оказывать безусловное повиновеніе всѣмъ его законамъ, если только они не ограничиваютъ свободнаго исполненія и обязанности нашей христіанской вѣры, и тихою безмятежною жизнью во всякомъ благочестіи должны облегчать ему его трудную задачу. Мы признаемъ себя также обязанными, по повелѣнію Божію, молиться за властей и правительство, чтобы оно, по Его Волѣ и подъ Его милостивымъ покровительствомъ и защитой, ввѣренной ему властію могло управлять такъ, чтобы сохранить во всемъ государствѣ миръ и правосудіе. Мы признаемъ, что клятва Всемогущимъ Богомъ воспрещена христіанамъ; вмѣсто „клянусь“ можемъ произносить: „обѣщаюсь“, „да“, „сохраню“; также призываніе наше Бога во свидѣтели истины есть только молитва въ необыкновенной формѣ. Мы вѣримъ, что правительство и въ Новомъ Завѣтѣ не напрасно носитъ мечъ, но имѣетъ право и обязанность наказывать преступниковъ и употреблять мечъ противъ враговъ отечества, въ защиту подданныхъ его. А потому мы считаемъ себя обязанными, когда потребуетъ насъ къ тому начальство, нести повинности военной и гражданской службы. Мы не видимъ себѣ препятствія со стороны нашей вѣры принимать на себя правительственныя должности“.

Появленіе штундизма, грозя уменьшеніемъ православной паствы, встревожило мѣстное духовенство, а нѣкоторыхъ его членовъ, которые, выражаясь словами Четьихъ-Миней, „*корчемствовали* Божію благодать“, разгнѣвало тѣмъ, что могло чувствительно отразиться и на матеріальномъ ихъ положеніи. Но мѣстныя, а вслѣдъ затѣмъ и болѣе высокія духовныя власти не прибѣгли къ тому, единственно свойственному Церкви оружію, которое впослѣдствіи, въ 1905 году, было съ точностью опредѣлено словами Высочайшаго указа, какъ „поученіе, кротость и добрые примѣры“. Они забыли слова великаго Петра: „съ противниками церкви надлежитъ поступать съ кротостью и разумомъ—по Апостолу—а не жестокими словами и отчужденіемъ“, и стали вопіять о помощи къ „мечу свѣтскому“. Между тѣмъ еще въ 1894 г. въ комиссіи по раскольничьимъ дѣламъ, подъ предсѣдательствомъ Валуева, тайный совѣтникъ Лазаревскій, видя причину возникновенія и распространенія штундизма въ томъ, что страстное исканіе народомъ обновленія духовнаго послѣ того, какъ онъ позналъ въ 1861 году обновленіе гражданское, встрѣтило на пути религіозной восторженности равнодушіе, неразвитость, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и безнравственность своихъ пастырей, рекомендовалъ не преслѣдованіе отпадающихъ, а настояніе, чтобы пастырь преобладалъ надъ паствой „во весь ростъ своего духовнаго значенія“, соединяя съ хорошей проповѣдью нравственныя начала и христіан-

ское сердце. Лазаревскій приводилъ рядъ вопіющихъ примѣровъ объ отказахъ въ крещеніи, отпѣваніи или повѣнчаніи вслѣдствіе нежеланія мѣстнаго священника уступить хоть грошъ изъ объявленной цѣны. Отъ этого, по его заявленію, сердце у обѣихъ сторонъ распаляется,—а тутъ находится грамотный человѣкъ, знающій, *что* и *какъ* полагается въ данномъ случаѣ прочесть—и первый шагъ къ отпаденію въ штундизмъ съ его отрицаніемъ обрядовъ сдѣланъ... Горестная для церкви справедливость этого мнѣнія, не утратившаго своего значенія и до настоящаго времени, подтверждается по временамъ проникающими въ печать отрывками изъ отзывовъ нѣкоторыхъ преосвященныхъ, посѣщавшихъ свои епархіи. Подтверждается она и словами „Московскаго Сборника“, изданнаго К. П. Побѣдоносцевымъ, о „множествѣ, затерянныхъ въ глубинѣ лѣсовъ и въ широтѣ полей, нашихъ храмовъ, гдѣ народъ тупо стоитъ въ церкви, ничего не понимая, подъ козлогласованіемъ дьячка или бормотаніемъ клирика, при чемъ не церковь повинна въ этой тупости и не бѣдный народъ повиненъ:—повиненъ лѣнивый и несмыслящій служитель церкви; повинна власть церковная, невнимательно и равнодушно распредѣляющая служителей церкви, повинна по мѣстамъ скудость и безпомощность народная“.—Судебныя дѣла о штундистахъ содержали не мало иллюстрацій ко всему этому. Вотъ что, напримѣръ, написалъ собственноручно у слѣдователя запасный унтеръ-офицеръ Воробьевъ: „я вѣры евангельской и поясняю, что придчиной отпаденія послужило слѣдующее: до прошлаго года я велъ развратную жизнь и редко когда былъ трезвъ хотя былъ усердный христіанинъ и посѣщалъ церковь, причемъ по десяти рублей платилъ священникамъ села К., по пяти рублей села П. и села С. по три рубля для замаливанія моихъ грѣховъ, чтобы Господь Богъ далъ мнѣ облегченіе въ пьянствѣ и грехѣ,—и сто рублей пожертвовалъ на колоколъ, но все же облегченія не послѣдовало и я дѣлался все развратнѣе. Къ моему счастью услышалъ я, что единственное спасеніе отъ пьянства чтеніе Евангелія, слѣдствіе чего я сталъ его читать, и Господь нашъ Іисусъ мнѣ открылъ истину, которая заключается... (здѣсь идетъ изложеніе вѣроученія штундистовъ)—и въ виду того, что когда я приходилъ насчетъ моихъ непониманій къ нашему священнику, то бесѣды наши всегда кончались водкой, то я отцалъ и сталъ жить по Евангелію, пересталъ пьянствовать и живу съ семьею дружно“.—Жена Воробьева, допрошенная еще ранѣе мужа, объяснила, что „они“ священниковъ не признаютъ потому, что никакого наставленія отъ нихъ нѣтъ, и правду, которая изображена въ Евангеліи, пришлось искать самимъ, а священникъ ничего объ Евангеліи никогда не говорилъ, а только взялъ съ мужа, бывшаго въ пьяномъ видѣ, на колоколъ сто рублей, которые

она проситъ взыскать обратно, такъ какъ мужъ, въ новой вѣрѣ, пить вовсе пересталъ.—Иногда къ подобному отношенію къ своему пастырскому долгу присоединялись и личные раздоры между членами причта, что̀ мѣшало „утвержденію православныхъ въ истинной вѣрѣ и увѣщанію заблудшихъ“. Такъ, по дѣлу Бѣлоконя благочинный, побуждаемый ходатайствами мѣстнаго священника о скорѣйшемъ назначеніи суда и слѣдствія надъ штундистами, вернувшимися было въ православіе и вновь отпавшими, доноситъ консисторіи, что успѣшная борьба со штундою затрудняется постоянною личною враждою между членами причта и тѣмъ, что священникъ не желаетъ видѣть учителемъ школы сына псаломщика, а крестьяне не желаютъ имѣть назначенную по его просьбѣ учительницу...

Когда былъ обнародованъ законъ 3 мая 1883 года, штундисты юго-западнаго генералъ-губернаторства, преимущественно въ предѣлахъ Кіевской губерніи, рѣшились пользоваться предоставленной имъ, наравнѣ съ прочими раскольниками, льготой. Но этого достигнуть было не такъ-то легко. Мѣстныя полицейскія власти, не обращая—конечно съ разрѣшенія и по наставленію представителей высшей мѣстной администраціи—вниманія на этотъ законъ, стали требовать прекращенія молитвенныхъ собраній штундистовъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ разгоняя молящихся силою и представляя составленные акты мировымъ судьямъ, которые, въ большинствѣ случаевъ, и постановляли обвинительные приговоры „за неисполненіе *законныхъ* (?) требованій и распоряженій полиціи“. Когда, наконецъ, одинъ изъ такихъ приговоровъ (по дѣлу крестьянина Стремаля) дошелъ въ маѣ 1888 года до Сената, то послѣдній, найдя лишеннымъ законнаго основанія требованіе полицейской власти не совершать совокупной молитвы въ частномъ жилищѣ, не имѣющемъ ни по наружному виду, ни по внутреннему устройству характера молитвеннаго зданія,—отмѣнилъ обвинительный приговоръ и все производство по дѣлу, указавъ тѣмъ самымъ, *какъ* онъ будетъ относиться къ возбужденію такихъ дѣлъ на будущее время. Преслѣдованіе штундистовъ за пользованіе закономъ 3 мая послѣ этого, повидимому, затихло, но лишь на время. Вскорѣ найдено было *другое основаніе* для преслѣдованія молитвенныхъ собраній. Въ январѣ 1890 года министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ изданъ, на имя начальниковъ губерній, циркуляръ, въ которомъ говорилось, что „нѣкоторые изъ коноводовъ раскола дозволяютъ себѣ созывать какіе-то мнимые *соборы*, приглашая къ участію въ оныхъ своихъ требоисправителей, лжеепископовъ, а также и проживающихъ въ разныхъ мѣстностяхъ послѣдователей ихъ секты, и на этихъ совѣщаніяхъ, безпрепятственно занимаясь обсужденіемъ произвольно возбуж-

даемыхъ ими вопросовъ, составляютъ постановленія, направленныя къ упроченію своихъ лжевѣрованій, клонящихся нерѣдко къ нарушенію основныхъ государственныхъ постановленій". Въ виду такихъ „самопроизвольныхъ, служащихъ къ соблазну для православныхъ, вредныхъ и клонящихся къ нарушенію основныхъ государственныхъ постановленій дѣйствій, воспрещенныхъ ст. 128 Полицейскаго Устава", губернаторамъ предложено было поручить полиціи строго наблюдать, чтобы нигдѣ и ни подъ какимъ видомъ подобныхъ собраній раскольниковъ, именуемыхъ *соборами*, не было допускаемо,— и привлекать къ уголовной отвѣтственности виновныхъ въ ихъ устройствѣ. Этимъ циркуляромъ воспользовались въ Юго-Западномъ краѣ противъ штундистовъ, обвиняя участниковъ молитвенныхъ собраній въ частныхъ домахъ—въ неисполненіи основаннаго на немъ требованія полиціи. Постепенно и такія дѣла стали доходить до Сената, который въ мартѣ 1892 года, отмѣнивъ обвинительный приговоръ по дѣлу Яценко и разъясняя истинный смыслъ циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ о соборахъ, нашелъ, что примѣненіе послѣдняго къ молитвенному собранію, въ которомъ, по удостовѣренію полицейскаго протокола, происходило лишь чтеніе и слушаніе святого Евангелія и принесеніе Господу Богу молитвъ объ укрѣпленіи собравшихся въ вѣрѣ и о ниспосланіи благоденствія Государю Императору,—лишено всякаго основанія.

Казалось бы, что этимъ послѣднимъ рѣшеніемъ законъ 3 мая 1883 г. по отношенію къ штундистамъ былъ возстановленъ въ своей силѣ. Но это лишь казалось, ибо вопреки разъясненію Правительствующаго Сената и совершенно независимо отъ него, состоялось распоряженіе генералъ-губернатора Юго-Западнаго края о воспрещеніи штундистамъ общественныхъ богомоленій на основаніи правилъ положенія объ усиленной охранѣ, съ привлеченіемъ виновныхъ въ неисполненіи этого распоряженія по 29 ст. Уст. о наказ., нал. миров. судьями. „Такой порядокъ привлеченія виновныхъ, — сообщалъ графъ А. П. Игнатьевъ министру юстиціи Манасеину — признанъ правильнымъ большинствомъ мировыхъ судей, обвинительные приговоры которыхъ производятъ благотворное вліяніе не только на мѣстное православное населеніе, но и на самихъ штундистовъ. Къ сожалѣнію, этотъ взглядъ большинства мировыхъ судей не раздѣляется нѣкоторыми изъ нихъ, напр. мировымъ судьею Чигиринскаго уѣзда г. Тетерей, который, основываясь на указѣ Сената по дѣлу Яценко, постановляетъ оправдательные приговоры, что не только парализуетъ дѣятельность мѣстныхъ полицейскихъ органовъ въ борьбѣ со штундой, но и ободряетъ самихъ штундистовъ, поддерживая въ нихъ убѣжденіе въ незаконности предпринимаемыхъ

противъ нихъ полицейскихъ мѣропріятій". Поэтому графъ Игнатьевъ просилъ министра юстиціи принять мѣры къ установленію единообразнаго взгляда мировыхъ судей на вопросъ о штундистскихъ молитвенныхъ собраніяхъ. Это, конечно, могло быть достигнуто лишь предложеніемъ кассаціонному Сенату, на основаніи 259[1] ст. Учр. Суд. Уст., разсмотрѣть вопросъ и дать руководящія указанія для единообразнаго примѣненія ихъ на практикѣ.

Такъ какъ въ это время мнѣ предстояло замѣстить моего недолговременнаго преемника по званію оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента Н. В. Муравьева, то Н. А. Манасеинъ, передавъ мнѣ, частнымъ образомъ, письмо графа Игнатьева, пожелалъ знать мое мнѣніе о томъ, какого разъясненія можно ожидать отъ уголовнаго кассаціоннаго департамента, если я внесу по ордеру министра этотъ вопросъ на разрѣшеніе послѣдняго. Очертивъ исторію доходившихъ до Сената дѣлъ объ отвѣтственности штундистовъ за пользованіе благами закона 3 мая 1883 года, я высказался въ томъ смыслѣ, что распоряженіе генералъ-губернатора, объ укрѣпленіи котораго авторитетомъ Сената шла рѣчь, должно быть признано несогласнымъ съ закономъ, такъ что нарушеніе его ни въ какомъ случаѣ не можетъ влечь отвѣтственности за неисполненіе *законныхъ* требованій административной власти. Изданіе положенія объ усиленной охранѣ вызвано, по словамъ именного указа Сенату 4 сентября 1881 г., печальною необходимостью допустить *на время* чрезвычайныя мѣры *преходящаго свойства* для водворенія *полнаго спокойствія* и *искорененія крамолы*, при чемъ предѣлъ власти высшаго мѣстнаго начальства ограниченъ предметами, точно указанными въ правилахъ объ охранѣ. Хотя въ силу этихъ правилъ такому мѣстному начальству разрѣшено воспрещать всякаго рода собранія, но однако исключительно съ цѣлью охраненія *государственнаго порядка* отъ преступныхъ на него посягательствъ. На это указываютъ не только смыслъ всего положенія объ усиленной охранѣ, но и событія, вызвавшія его изданіе. Издавать правила о воспрещеніи штундистамъ всякихъ собраній, послѣ дарованной имъ верховной властью въ 1883 году наравнѣ съ другими раскольниками льготы—значитъ не исполнять положеніе объ усиленной охранѣ, а самоуправно его нарушать. Случаи такого нарушенія, къ сожалѣнію, часты, но разсчетъ на то, что Сенатъ ихъ можетъ одобрить, можетъ оказаться весьма непрочнымъ. При томъ составѣ уголовнаго кассаціоннаго департамента, съ которымъ я могъ близко ознакомиться, пробывъ при немъ шесть съ половиною лѣтъ оберъ-прокуроромъ и болѣе года сенаторомъ, можно было почти съ полной увѣренностью сказать, что мнѣніе безвѣстнаго, но истин-

наго судьи, имѣвшаго смѣлость стать на защиту закона въ Чигиринѣ, будетъ раздѣлено и Сенатомъ. При этомъ я счелъ своею нравственною обязанностью предупредить министра, что, въ случаѣ полученія ордера по 259 [1] ст. У. У. С., я дамъ заключеніе о признаніи распоряженія юго-западнаго генералъ-губернатора незаконнымъ и о разъясненіи мировымъ судьямъ непримѣнимости въ данномъ случаѣ ст. 29 Устава о наказаніяхъ. Манасеинъ задумался — и больше между нами рѣчи объ этомъ не было. Но должно быть на него было оказано, по этому вопросу, сильное давленіе, или же оберъ-прокуроръ общаго собранія кассаціонныхъ департаментовъ высказалъ ему мнѣніе, противоположное моему, но только въ октябрѣ 1892 года онъ далъ послѣднему ордеръ о предложеніи общему собранію постановить опредѣленіе въ разъясненіе возбужденнаго графомъ Игнатьевымъ вопроса о молитвенныхъ собраніяхъ штундистовъ.

Засѣданіе состоялось 23 ноября. Я участвовалъ въ немъ лишь, какъ слушатель, ибо уже съ октября былъ неприсутствующимъ сенаторомъ, исполняющимъ обязанности уголовнаго кассаціоннаго оберъ-прокурора. Оно было очень оживленно, чтобы не сказать бурно.

Этому, въ значительной степени, содѣйствовало оберъ-прокурорское заключеніе Николая Адріановича Неклюдова.

Я уже характеризовалъ его въ другомъ мѣстѣ моихъ воспоминаній [1]). Это былъ человѣкъ съ орлинымъ выраженіемъ лица и глазъ, съ могучимъ полетомъ смѣлой мысли, съ добрыми порывами великодушнаго сердца, съ богатѣйшимъ запасомъ серьезныхъ знаній. Судьба дала ему и крылья орлиныя, но по присущей ей, особливо на нашей родинѣ, ироніи, не пустила его въ поднебесье, а заставила летать въ полусвѣтѣ низкаго и узкаго корридора, гдѣ нельзя было развернуть крыльевъ во всю ширь изъ боязни ихъ переломить, и гдѣ часто приходилось ихъ подгибать въ надеждѣ вырваться на жадно желаемый просторъ. Отсюда вытекали служебные и правовые, дорого стоившіе его гордому, больному сердцу компромиссы, предшествовавшіе тому времени, когда онъ подошелъ почти къ самому порогу обширной, властной и могшей быть очень благотворной дѣятельности,—къ тому порогу, у котораго его встрѣтила внезапная смерть съ ея risus sardonicus надъ несбывшимися мечтами и безплодными душевными жертвами.

Неклюдовъ построилъ свое заключеніе, сказанное по обычаю со сдержанною страстностью, на странномъ началѣ. Онъ уклонился

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1909 г. № 2. „Отрывки изъ воспоминаній“, стр. 44—46.

отъ оцѣнки закономѣрности распоряженія генералъ-губернатора по отношенію къ молитвеннымъ собраніямъ штундистовъ, а сталъ доказывать, что на основаніи положенія объ усиленной охранѣ начальникъ края могъ бы просто высылать административно кажущихся ему вредными штундистовъ, а не обращаться, отдавая должное уваженіе судебной власти, за ея содѣйствіемъ, при чемъ приговоръ послѣдней, конечно, все-таки гораздо мягче, чѣмъ насильственное „выдвореніе“ человѣка изъ семьи и изъ мѣста его жительства съ запрещеніемъ возвращаться. Эта теорія, въ которой право приносилось въ жертву болѣе, чѣмъ сомнительной цѣлесообразности, и меньшее беззаконіе узаконялось изъ страха передъ еще большимъ, вызвала протесты со стороны многихъ изъ сенаторовъ и встрѣтила сочувствіе весьма немногихъ. Изъ послѣднихъ особенно горячо ратовалъ противъ штундистовъ одинъ, связавшій въ недалекомъ будущемъ свое управленіе цѣлымъ краемъ съ допущеніемъ дѣла о сопротивленіи властямъ на религіозной подкладкѣ, дѣла, по которому судебная палата постановила ходатайствовать о полномъ помилованіи всѣхъ обвиняемыхъ, въ виду допущенныхъ относительно нихъ жестокостей.— Онъ горячо увѣрялъ, что ему, по его прежней высшей полицейской дѣятельности, достовѣрно извѣстно, что штундисты гораздо опаснѣе для Россіи всякихъ анархистовъ и террористовъ, и „умолялъ“ своихъ товарищей по курульнымъ кресламъ сломить „инако мыслящихъ“ судей. Но товарищи вняли не ему, а возвышеннымъ, достойнымъ Сената, рѣчамъ убѣленнаго почтенной сѣдиною покойнаго старика Виктора Антоновича Арцимовича [1]) и нѣкоторыхъ другихъ, еще и нынѣ здравствующихъ сенаторовъ. Большинствомъ голосовъ было признано, что неисполненіе послѣдовавшаго, на основаніи правилъ объ усиленной охранѣ, распоряженія генералъ-губернатора о воспрещеніи штундистамъ общественныхъ богомоленныхъ собраній не можетъ влечь за собою отвѣтственности по 29 ст. устава о наказ.

Въ опредѣленіи по этому дѣлу, Сенатъ, исходя изъ тѣхъ же соображеній, изъ которыхъ исходилъ и я при объясненіи съ министромъ по поводу предполагавшагося ордера, привелъ еще и то, что для предупрежденія распространенія раскола и совращенія въ него существуютъ спеціальныя постановленія въ рядѣ статей полицейскаго устава и уложеніи о наказаніяхъ, почему примѣненіе къ предотвращенію такихъ случаевъ правилъ усиленной охраны представляется неумѣстнымъ.—Несмотря на то, что это опредѣленіе состоялось для установленія единства въ судебной практикѣ, оно не только не было напечатано въ сборникѣ рѣшеній общаго собранія

[1]) См. „Очерки и воспоминанія“, изд. 1907 г.

кассаціонныхъ и перваго департаментовъ, но даже и министерству юстиціи оффиціально сообщено было лишь черезъ годъ съ четвертью. Однако, вопреки этому услужливому замалчиванію, свѣдѣнія о взглядѣ Сената, высказанномъ въ этомъ опредѣленіи, дошли, конечно, до высшей администраціи Юго-Западнаго края и до главъ православнаго вѣдомства. Проникли они и въ среду штундистовъ. Результатомъ освѣдомленности мѣстнаго начальства явилось прекращеніе возбужденія дѣлъ у мировыхъ судей, какъ въ концѣ концовъ нецѣлесообразнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ со средины 1894 года стало въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи особенно широко примѣняться положеніе объ усиленной охранѣ въ видѣ обязательныхъ постановленій о воспрещеніи собраній штундистовъ,—даже безъ опубликованія во *всеобщее* свѣдѣніе, хотя и съ угрозой, въ случаѣ его нарушенія, административнымъ штрафомъ въ 50 руб. или арестомъ на 15 дней, по распоряженію кіевскаго губернатора.

Создавшееся такимъ образомъ положеніе было затруднительно. Примѣнять правила объ усиленной охранѣ къ штундистамъ, когда существовало опредѣленіе Правительствующаго Сената, признавшее это незаконнымъ, было неловко, да пожалуй и чревато послѣдствіями, если пойдутъ жалобы и кто-нибудь изъ вліятельныхъ людей въ области бюрократическихъ „минъ и контрминъ“ вздумаетъ въ надлежащемъ освѣщеніи сопоставить кіевскія обязательныя постановленія о штундистахъ съ категорическими указаніями Сената, поставленнаго для отправленія „нелицемѣрнаго правосудія“ и для охраненія силы закона. Кромѣ того, было, конечно, желательно поднять духъ большинства покладливыхъ судей и сломить гордыню „мнящихъ о себѣ“, обративъ ихъ всѣхъ изъ критиковъ въ пособники. Изъ этого положенія надо было найти выходъ... Онъ и нашелся въ видѣ внесенной въ маѣ 1894 года въ Комитетъ министровъ записки министра внутреннихъ дѣлъ по вопросамъ „о признаніи штунды болѣе вредной сектой и объ отсутствіи въ борьбѣ съ нею единства между дѣйствіями администраціи и суда“. Комитетъ не сталъ затруднять себя, подобно Сенату, разборомъ такихъ несущественныхъ понятій, какъ истинный смыслъ, предѣлы и условія примѣненія правилъ усиленной охраны, а согласившись съ И. Н. Дурново въ томъ, что молитвенныя собранія штундистовъ, внося смуту въ жизнь мѣстныхъ приходовъ, служатъ самымъ удобнымъ способомъ распространенія лжеученія среди православныхъ; — съ графомъ Игнатьевымъ — въ томъ, что запрещеніемъ этихъ молитвенныхъ собраній достигнуты весьма благопріятные результаты,— и съ Н. А. Неклюдовымъ (уже въ званіи товарища государствен-

наго секретаря)—въ томъ, что со времени изданія обязательнаго постановленія генералъ-губернатора собранія штундистовъ преслѣдуются уже не какъ общественная молитва раскольниковъ, а какъ сборища, вредныя въ политическомъ отношеніи, — пришелъ, подъ руководствомъ своего предсѣдателя, къ убѣжденію въ необходимости примѣненія къ штундѣ общихъ мѣръ, не ограничивающихся мѣстностями, подлежащими усиленной охранѣ. Поэтому, признавая вполнѣ выясненнымъ особо вредное значеніе штунды, при чемъ главнымъ источникомъ распространенія ея являются именно молитвенныя собранія, комитетъ министровъ положилъ предоставить министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Сѵнода, объявить секту штундистовъ болѣе вредною съ воспрещеніемъ имъ общественныхъ молитвенныхъ собраній. Это положеніе пріобрѣло силу закона 4 іюля 1894 года. Такъ произошла легальная по формѣ отмѣна льготы, дарованной штундистамъ закономъ 3 мая 1883 г. Для радикальнаго осуществленія этой отмѣны на практикѣ былъ изданъ 3 сентября 1894 г. циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ, въ которомъ, разъясняя, что по свѣдѣніямъ министерства и духовнаго вѣдомства — послѣдователи секты штундъ — отвергаютъ *всѣ* церковные обряды и таинства, не признаютъ никакихъ властей, возстаютъ противъ присяги и военной службы, проповѣдуютъ соціалистическіе принципы, какъ, напр., общее равенство, раздѣлъ имуществъ и т. п., почему ученіе ихъ подрываетъ въ корнѣ основныя начала православной вѣры и русской народности,—статсъ-секретарь И. Н. Дурново заявлялъ, что со своей стороны признаетъ секту штундъ одною изъ наиболѣе опасныхъ и вредныхъ въ церковномъ и государственномъ отношеніи, и что поэтому никакія общественныя молитвенныя собранія штундистовъ впредь не должны быть допускаемы, подъ опасеніемъ привлеченія виновныхъ къ строгой судебной отвѣтственности, о чемъ и сообщено министру юстиціи для соотвѣтствующаго распоряженія.

Нельзя не сопоставить сдѣланное такимъ образомъ опредѣленіе штундизма съ тѣми о немъ свѣдѣніями, которыя приведены выше, и съ мнѣніемъ такого знатока раскола, какъ знаменитый авторъ „Въ лѣсахъ“ и „На горахъ“ Мельниковъ, находившій, что сами по себѣ штундисты невредны ни въ государственномъ, ни въ гражданскомъ отношеніяхъ, ибо ихъ секта—родная сестра лютеранъ-реформатовъ и менонитовъ, почему вся задача правительства относительно ихъ заключается въ томъ, чтобы не возбуждать въ нихъ фанатизма, который вызывается единственно преслѣдованіями, стѣсненіемъ богослуженія и ограниченіемъ правъ.—Поэтому можно лишь удивляться поспѣшности и фактической безпочвенности обоб-

25295
Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

щеній, столь щедро разсыпанныхъ въ этомъ опредѣленіи, несмотря на то, что дѣло шло о вѣроученіи значительнаго числа людей. Конечно, „заблуждающіеся, впавшіе въ лжеученіе, повреждающее вѣру“, могли не ждать отъ представителей и оберегателей господствующей церкви снисходительнаго къ себѣ отношенія, но и за ними нельзя было отрицать права встрѣтить со стороны, осуждающей ихъ, точное и согласное съ истиной указаніе на сущность и размѣры вреда ихъ пагубнаго вѣроученія. Между тѣмъ даже въ дѣлахъ, по которымъ состоялись обвинительные приговоры на основаніи *экспертизы* представителей духовнаго вѣдомства, нигдѣ не было фактическихъ данныхъ, указывающихъ на непризнаніе штундистами никакихъ властей, на возставаніе противъ военной службы, на отрицаніе *всѣхъ* таинствъ и т. д. Изъ этихъ дѣлъ видно, что, „претерпѣвая“, штундисты исполняли всѣ приказанія мѣстнаго начальства по уплатѣ штрафовъ и исполненію незаконно возлагаемыхъ на нихъ особыхъ повинностей. Весьма характерно, въ этомъ отношеніи, слѣдующее письмо, пріобщенное къ дѣлу 1892 года и отобранное при „разсѣяніи“ штундистскаго богомоленія въ одномъ изъ селъ Сквирскаго уѣзда: „По распоряженію исправника каждый день на работу всѣ, кто только есть въ хатѣ. А придемъ съ работы, то сейчасъ на обходъ. А женщины съ дѣтьми остаются у домахъ. Мы на обходѣ, мущины, ночью, а до нашихъ женъ и дѣтей пріѣзжаютъ волостной старшина и урядникъ и набираютъ съ собой пьянаго народа и ходятъ по домамъ по нашимъ, згнушаются надъ нашими женами и дѣтьми, бьютъ окошки у домахъ и посудину хатнюю выбиваютъ, да сильно ругаются. Хустки женскія съ головы срываютъ. Курятъ папиросы, затыкаютъ у хати дымопроходныя трубы и накуриваютъ у хати. Трамаютъ женъ и дѣтей, не пускаютъ изъ хаты. Поутру мы сейчасъ на работу у одну сторону, а женщинъ съ дѣтьми гонятъ у другое мѣсто на работу. Постоянно безъ очереди, каждый день, каждую ночь это совершается. И у котораго остались лошади, то каждый день лошадьми ѣдь на работу. И нельзя ни купить, ни продать, ни пищи для себя уготовить. И все это намъ дѣлаютъ за вѣру Евангельскую. И наливаютъ воду у хатъ гдѣ бы мы ни были, на обходѣ или на работѣ. Крайнее несчастіе. Боже сохрани, такое нынѣ совершается. Возлюбленные въ Господѣ Іисусѣ Христѣ братья! Просимъ васъ сердечно со слезами, возьмите эту бумагу вы или нехай возьметъ кто-либо другой, кто можетъ сильно кричать, можетъ кто услышалъ бы нашу страшную минуту. Ибо мы въ сіе время сдавленные за горло и не можемъ крикнуть, чтобы кто услышалъ. И книги у насъ отняли до послѣдней книжечки, какія у насъ только были. Страшное и грозное несчастіе наступило нынѣ“... Точно

такъ же ни изъ одного изъ дѣлъ, доходившихъ въ большомъ числѣ до Сената, не было видно, чтобы штундисты отрицали свою обязанность защищать родину, неся военную службу. Циркуляръ очевидно смѣшивалъ штундистовъ съ духоборами, отъ которыхъ они однако существенно отличаются. Наконецъ, бойкую руку редактора этого циркуляра очевидно не остановила мысль, что надо понимать подъ такимъ неопредѣленнымъ выраженіемъ, какъ „общее равенство". Равенство—предъ чѣмъ? Предъ закономъ? предъ Богомъ? Но такое же лжеученіе проповѣдывалось и въ манифестѣ, зажегшемъ зарю Судебныхъ Уставовъ, обѣщаніемъ даровать судъ скорый, милостивый, и равный для всѣхъ; да и та среда, изъ которой исходило обличеніе и преслѣдованіе штундистовъ, конечно не рѣшилась бы отрицать равенства „человѣковъ" предъ лицомъ Господа...

Положеніе Комитета министровъ и приведенный циркуляръ открыли всѣ шлюзы для преслѣдованія штундистовъ, и обвиненія противъ нихъ хлынули неудержимымъ потокомъ, наводняя мѣстныя судебныя и судебно-административныя учрежденія. Въ дѣлахъ этихъ, сравнительно съ прежде возникавшими, проявились характерныя особенности и въ основаніяхъ и пріемахъ преслѣдованія и въ заключеніяхъ свѣдущихъ людей. Въ *первомъ* отношеніи, вопреки ст. 65 основныхъ законовъ, предписывающихъ исполнять законъ по точному и буквальному его смыслу, безъ всякаго измѣненія и распространенія, не перемѣняя въ словахъ его ни единой буквы и не допуская самопроизвольныхъ толкованій, —началось именно распространительное толкованіе словъ положенія комитета министровъ объ *общественныхъ* собраніяхъ. Такъ, во многихъ случаяхъ стали, напримѣръ, считаться *общественнымъ богомоленіемъ*: частная молитва штундистовъ у себя, на дому, въ присутствіи близкихъ лицъ; собраніе нѣсколькихъ родственниковъ штундиста въ его домѣ для погребенія его умершей дочери, безъ всякаго при томъ внѣшняго оказательства ереси; простое чтеніе вслухъ священнаго писанія и пѣніе псалмовъ, или присутствіе трехъ гостей въ семьѣ штундиста для бесѣды „съ братомъ о Господѣ о словѣ Божьемъ". Въ одномъ изъ дѣлъ оказался протоколъ урядника о томъ, что, проходя мимо хаты крестьянина и замѣтивъ въ ней свѣтъ, онъ нашелъ, войдя, хозяина и его свояка читавшими священное писаніе, о чемъ и составленъ имъ надлежащій актъ, съ пріобщеніемъ къ нему книги, „именуемой Евангеліе". Въ другомъ дѣлѣ урядникъ доносилъ становому приставу, что „съ заходомъ солнца сотскимъ замѣчены вошедшіе въ квартиру Солодкаго два крестьянина, но они однако еще не успѣли начать какихъ-либо толкованій, ибо были тотчасъ же сотскимъ устранены, а на другой день онъ, уряд-

никъ, подозрѣвая Солодкаго въ штундистскомъ *настроеніи*, посѣтилъ его и нашелъ у него Евангеліе Новаго Завѣта и какую-то писанную молитву". Подозрѣніе свое урядникъ основывалъ на томъ, что, разговаривая съ предполагаемыми штундистами и „примѣняясь къ упоминаемымъ ими главамъ и стихамъ изъ Евангелія, онъ вполнѣ убѣдился, то, они, читая съ углубленіемъ Евангеліе Новаго Завѣта, съ твердостью стали понимать и относить все къ теперешнему духовенству, примѣняя таковое къ книжникамъ и фарисеямъ, ибо учитель—единъ Христосъ—и хоть строгими наблюденіями сборища ихъ положительно пресѣчены и въ домахъ своихъ имѣютъ образа, также для *близира* и изъ *боязни* посѣщаютъ церковь, но все-таки въ тайнѣ остаются при своемъ заблудшемъ мнѣніи". Въ третьемъ дѣлѣ урядникъ отобралъ у подозрѣваемаго въ штундизмѣ Бухарова Новый Завѣтъ, изд. Сѵнодальной типографіи, ключъ къ Новому Завѣту и пособіе къ чтенію Новаго Завѣта, изданія Балашова, и девять брошюръ религіозно-нравственнаго содержанія, изданныхъ Троице-Сергіевою лаврою въ Москвѣ.

Все это приподымаетъ кончикъ завѣсы надъ тѣмъ рядомъ мелочныхъ и совершенно произвольныхъ преслѣдованій, которымъ, во имя борьбы со штундизмомъ, могъ подвергнуться всякій, имѣвшій неосторожность часто прибѣгать къ Евангелію или разсуждать „отъ писанія". Достаточно было рисующемуся своимъ полуобразованіемъ невѣжественному полицейскому уряднику прочесть въ сердцахъ заподозрѣнныхъ имъ „близиръ" и „страхъ", чтобы установить произвольный за ними надзоръ, „устранять" и „накрывать" ихъ посѣтителей и „посѣщать" ихъ для отобранія святой и вѣчной книги.

Не лучше была и *экспертиза*, представляемая всегда стороною, заинтересованною въ дѣлѣ, такъ какъ для производства ея вызывались мѣстные священники и миссіонеры, командировались состоящіе при оберъ-прокурорѣ чиновники или требовалось заключеніе консисторіи. Эта сомнительная въ своемъ безпристрастіи экспертиза должна была доказать въ каждомъ данномъ случаѣ, что имѣлось дѣло съ „доподлиннымъ штундистомъ". Я не помню, однако, почти ни одного судебнаго производства, въ которомъ экспертиза была произведена согласно съ указаніями комитета министровъ, т. е. такъ, чтобы изъ ряда фактическихъ данныхъ по дѣлу вывести заключеніе, что обвиняемые исповѣдуютъ и распространяютъ именно то ученіе, которое „подрываетъ въ корнѣ основныя начала православной вѣры и русской народности" и является „однимъ изъ наиболѣе опасныхъ и вредныхъ въ церковномъ и государственномъ отношеніяхъ". Все ограничивалось обыкновенно голословнымъ повтореніемъ приведенныхъ цитатъ безъ всякаго соотношенія съ обстоятельствами дѣла или перечисленіемъ задержанныхъ книгъ и другихъ

вещественныхъ доказательствъ, которыя, по мнѣнію экспертовъ, служатъ несомнѣннымъ признакомъ штундизма тѣхъ, кто ихъ имѣетъ въ рукахъ. Къ послѣднимъ очень часто сверхъ книги „именуемой Евангеліе“, особливо если въ немъ подчеркнуты или чѣмъ-нибудь отмѣчены 5, 10, 13, 15, 18, 20 и 23 главы отъ Матѳея, 8 и 12 отъ Марка, 4 отъ Іоанна, 2, 17 и 20 Дѣяній Апостольскихъ, 6 глава 1 посланія къ Тимофею и 1-ая изъ посланія къ Титу, были относимы — „Сборникъ духовныхъ пѣсенъ для христіанъ Евангелическо-Лютеранскаго вѣроисповѣданія“ (при чемъ мировой съѣздъ на основаніи мнѣнія эксперта—протоіерея, что подобная книга, несмотря на цензурное разрѣшеніе, не должна быть въ обращеніи, оправдавъ подсудимыхъ въ молитвенномъ собраніи, тѣмъ не менѣе книгу постановилъ уничтожить); брошюра Толстого „Гдѣ любовь, тамъ и Богъ“; писанная молитва: „благослови, Господь Отецъ, на сей трапезѣ Святой даръ, кой Ты, Благой Творецъ, подалъ для пищи плоти земной и удостой вкусить его въ подкрѣпленье и чтобъ крестъ во слѣдъ Христа носить — излей Свое благословенье“; письмо къ заподозрѣнному штундисту, въ которомъ говорится: „брось ты свои Евангелія, а держи вѣру христіанскую, а иначе и на поселеніе угодить можешь“... и т. п. Наконецъ, нерѣдко, какъ основаніе къ признанію наличности штундизма экспертами изъ духовенства приводились ходящіе въ народѣ слухи и ихъ личное убѣжденіе, подчасъ мотивированное довольно своеобразно. Такъ, въ *одномъ* дѣлѣ такой экспертъ въ числѣ доказательствъ штундизма обвиняемыхъ привелъ то, что нѣкоторые изъ послѣднихъ считаютъ Петербургъ великимъ Вавилономъ, гдѣ живутъ поклоняющіеся Валааму, и, говоря противъ міроправителей тьма вѣка сего и противъ духовъ злобы поднебесной, подъ первыми очевидно (?) понимаютъ полицію, а подъ вторыми духовенство и т. д.; въ *другомъ*, — какъ на признакъ штундизма было указано на сомнѣніе обвиняемаго въ цѣлительной отъ болѣзни силѣ молитвы св. Пантелеймону; въ *третьемъ* — такое же значеніе придано заявленію прихожанки: „если бы ты послушалъ чтеніе Бѣлоконя объ Іисусѣ Христѣ, ты заплакалъ бы“; въ *четвертомъ* — при полномъ забвеніи, что еще въ началѣ прошлаго столѣтія Сперанскій писалъ А. Н. Голицыну по поводу предпринятаго имъ ознакомленія съ духоборами: „въ одномъ могу васъ увѣрить, что не допущу никакой опрометчивости и не дозволю себѣ осуждать мысль, когда найду дѣла добрыми“ — уликой въ штундизмѣ признано „фарисейское *воздержаніе отъ худыхъ дѣлъ и* повиновеніе правительству и закону не за совѣсть, а страха ради“; въ *пятомъ* — основаніемъ для обвиненія приведено предположеніе, что принятіе къ себѣ въ дома во время церковныхъ праздниковъ

священнослужителей съ крестомъ и св. иконами, имѣніе послѣднихъ въ комнатахъ и хожденіе въ церковь дѣлается этими богоотступниками лишь изъ „притворства“ и желанія прикрыть себя отъ преслѣдованій и обнаруженія ихъ богопротивныхъ заблужденій. Замѣчательно, что штундистовъ нерѣдко обвиняли въ томъ, что они держатся Пашковскаго лжеученія о томъ, что достаточно одной любви къ Христу, а остальное все приложится. Ихъ преслѣдовали за ученіе о *вѣрѣ безъ дѣлъ*, свободно проповѣдывавшейся въ гостиныхъ петербургской знати лордомъ Редстокомъ, а если они хотѣли оправдать себя *дѣлами*, то это признавалось фарисействомъ. Невольно съ грустною усмѣшкою вспомнишь при этомъ малороссійскую поговорку (недаромъ большинство штундистовъ хохлы): „перевернишься — бьютъ, недовернишься — бьютъ“. Бывали случаи и такихъ показаній „свѣдущаго лица“: „ученіе этой секты, — говорилъ священникъ одной изъ мѣстностей средней Россіи, — заключается въ признаніи одного только Новаго Завѣта, при чемъ нѣкоторыя мѣста изъ Евангелія подчеркиваются фіолетовыми (sic!) чернилами. Отрицая святость креста и иконъ, они считаютъ излишнимъ посѣщать церковь. *Въ чемъ заключается вредъ этой секты*, я передать не могу, но знаю, что она считается повреждающею вѣру“. Очевидно, что этотъ добродушный экспертъ еще не усвоилъ себѣ твердаго міросозерцанія того іерея, съ вѣдома и согласія котораго, какъ это было оглашено на миссіонерскомъ съѣздѣ въ Орлѣ въ 1901-мъ году М. А. Стаховичемъ, заподозрѣнныхъ въ штундизмѣ насильно заставляли прикладываться къ иконѣ и пороли, въ случаѣ отказа, до четырехъ разъ; — или того, который заявлялъ, что изъ села Глыбочка „милостью Божьею сослано въ Сибирь и Закавказье изъ сорока семей штундистовъ 36 (въ дѣйствительности семь человѣкъ).

Къ отсутствію ясности и точности въ опредѣленіи догматики штундизма, ярко выраженному уже и въ циркулярѣ И. Н. Дурново, какъ необходимое послѣдствіе, присоединялось нерѣдко и вносившее еще большую путаницу въ дѣло смѣшеніе его съ другими ученіями. Штундистовъ спутывали съ молоканами, духоборами и адвентистами, на которыхъ они въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ походили лишь осужденіемъ употребленія табаку, спиртныхъ напитковъ и сквернословія,—и даже съ хлыстами! Такія ошибки дѣлались иногда и консисторіями, возбуждавшими дѣла у прокурорскаго надзора. Результатомъ этого, по почину печальной памяти третьяго миссіонерскаго съѣзда въ Казани въ 1897 г., признавшаго, что къ штундѣ относится и баптизмъ, и пашковщина, явилось созданіе на практикѣ понятія о какой-то но-

вой „сектѣ штундо-баптизма“. Такъ какъ вѣроученіе штундистовъ, что мною уже выше замѣчено, въ нѣкоторомъ отношеніи подходитъ къ баптизму, то тѣхъ штундистовъ, которые, желая избѣжать воспрещенія молитвенныхъ собраній, стали именовать себя баптистами, начали считать принадлежащими къ этой новой сектѣ, при чемъ въ судебной практикѣ появились приговоры о совращеніи въ „ штундо-баптизмъ“. Это было двояко неправильно. Баптизмъ есть признанная нашимъ закономъ, терпимая и организованная секта, отдѣлившаяся отъ лютеранства и составляющая въ сущности одну изъ вѣтвей его. Поэтому, какъ это и было разъяснено Сенатомъ, вступленіе числящагося православнымъ въ эту секту есть уклоненіе отъ православія въ инославіе, а не въ раскольничій толкъ или ересь, къ которымъ отнесенъ закономъ штундизмъ. Кромѣ того, какъ ни неопредѣлительна была редакція положенія комитета министровъ относительно штундизма и какъ, съ другой стороны, ни поспѣшно и непродуманно были втиснуты въ циркулярѣ И. Н. Дурново признаки разнородныхъ ересей въ одно общее понятіе штундизма, но все-таки тамъ дѣло шло о *штундизмѣ*, и это вѣроученіе, именно оно, было признано *особо вреднымъ*. Поэтому распространять запрещеніе молитвенныхъ общественныхъ собраній на другія секты, кромѣ штундистовъ, никому не было предоставлено права. Между тѣмъ постепенно слово „штунда“ стало пристегиваться къ самымъ разновиднымъ вѣроученіямъ и служить основаніемъ къ привлеченію ихъ послѣдователей, въ случаѣ собранія, согласно закону 3 мая 1883 г., для общей молитвы, къ суду, который, запутываясь въ свою очередь, сталъ осуждать сектантовъ, выражаясь словами Гоголя, „и на Онуфрія и на Антона“. Особенно характернымъ и во многомъ поучительнымъ является въ этомъ отношеніи разбиравшееся въ 1898 году, въ уѣздномъ поволжскомъ городкѣ, дѣло о четырехъ крестьянахъ, обвиняемыхъ въ устройствѣ молитвенныхъ собраній и раздачѣ книжекъ духовнаго содержанія, послѣдствіемъ чего было отпаденіе нѣсколькихъ человѣкъ въ штунду. Во всемъ производствѣ этого дѣла обвиняемымъ попеременно приписывалась, то вмѣстѣ, то порознь принадлежность къ баптизму, къ пашковской ереси, къ духовной штундѣ и, наконецъ, къ штундо-баптизму. Длившееся четыре часа заключеніе чиновнаго эксперта, присланнаго изъ Петербурга, допущеннаго къ непосредственному допросу свидѣтелей и говорившаго предъ присяжными преимущественно изъ крестьянъ съ особаго возвышенія рядомъ съ судейскимъ столомъ,—было не столько научнымъ мнѣніемъ о догматической сторонѣ штундо-баптизма въ примѣненіи къ обстоятельствамъ дѣла, сколько настоящею обвинительною рѣчью. Эту рѣчь экспертъ, стремясь незаконно и авторитетно повліять на

рѣшеніе присяжныхъ и присваивая себѣ—при услужливомъ попустительствѣ предсѣдательствующаго—роль прокурора, заключилъ воззваніемъ къ присяжнымъ о томъ, что подсудимые, подрывая религію, подрываютъ и государство, и выраженіемъ увѣренности правительства, что они встанутъ на защиту церкви, памятуя, что ихъ приговора ждетъ съ нетерпѣніемъ вся Россія. Уголовный кассаціонный департаментъ, по моему докладу, отмѣнилъ приговоръ, постановленный съ такими вопіющими нарушеніями правилъ судопроизводства и, усматривая, что нарушенія эти установлены не судомъ, а рапортомъ помощника секретаря предсѣдателю о томъ, что они не внесены въ протоколъ по приказанію его непосредственнаго начальства, передалъ дѣйствія суда на распоряженіе соединеннаго присутствія, которое разъяснило, кому слѣдуетъ, неправильность ихъ дѣйствій. Дозволительно думать, что въ уложеніи о наказаніяхъ могли бы найтись болѣе громкіе перуны, подходящіе къ случаю... Во всякомъ случаѣ отдыхая умственнымъ взоромъ, дорожащимъ правильнымъ отправленіемъ правосудія, на пониманіи своего долга этимъ скромнымъ помощникомъ секретаря, присоединяю къ названному выше имени мирового судьи Тетери и его имя: его звали—Калининъ...

Становилось очевидно, что лишь департаментское рѣшеніе уголовнаго кассаціоннаго суда дающее авторитетное руководящее разъясненіе, можетъ—по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ судебнаго вѣдомства — указать судьямъ соотвѣтствующій ихъ обязанностямъ путь, избавить ихъ отъ недоумѣній и положить предѣлъ незаконномѣрнымъ преслѣдованіямъ, прибѣгая къ которымъ можно было осуществлять, подъ флагомъ „ревнованія о вѣрѣ“, бездушный формализмъ и своекорыстные разсчеты. Это соображеніе побудило меня перенести на уваженіе присутствія департамента такъ часто затѣмъ упоминаемое дѣло Головко, по которому владикавказскою духовною консисторіей, признавшей, что баптизмъ и штундизмъ совершенно тождественны, возбуждено было противъ восемнадцати казаковъ станицы Прохладной, собиравшихся вмѣстѣ пѣть духовные стихи и пѣсни, уголовное преслѣдованіе, окончившееся у мирового судьи присужденіемъ Матвѣя Головко къ штрафу въ 20 р., а остальныхъ въ 10 р. каждаго. Дѣло докладывалось мною въ составѣ 18 сенаторовъ подъ предсѣдательствомъ Н. С. Таганцева 18 января 1900 г. Ходъ и смыслъ сужденій, содержавшихся въ моемъ докладѣ и въ заключеніи оберъ-прокурора В. К. Случевскаго, былъ таковъ: воспрещеніе штундистамъ общественныхъ богомоленій, отмѣнившее въ 1894 году состоявшееся въ 1883 году дозволеніе этихъ богомоленій, есть законъ и, какъ таковой, подлежитъ точному

исполненію;—этимъ закономъ, вслѣдствіе полной выясненности особо вреднаго характера штунды, министръ внутреннихъ дѣлъ уполномоченъ, по соглашенію съ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Сунода, объявить секту штундистовъ болѣе вредною;—въ силу этого уполномочія министръ призналъ штунду одною изъ наиболѣе опасныхъ и вредныхъ въ государственномъ и церковномъ отношеніяхъ сектъ; твердо установивъ существенныя черты вѣроученія штундистовъ,—поэтому въ отношеніи этой ереси значеніе имѣютъ не различныя названія, которыя ей и себѣ присваиваютъ ея послѣдователи, а эти существенныя черты свойственнаго ей, по заключенію министра вн. дѣлъ, вѣроученія, вслѣдствіе чего въ каждомъ случаѣ привлеченія тѣхъ или другихъ сектантовъ къ отвѣтственности за нарушеніе существующаго относительно штундистовъ воспрещенія сходиться для общественныхъ богомоленій, на судѣ прежде всего лежитъ обязанность выяснить и установить, на основаніи точно провѣренныхъ обстоятельствъ дѣла, принадлежатъ ли обвиняемые, по существу основныхъ положеній исповѣдуемой ими ереси или расколоученія, именно къ штундизму и соотвѣтствуютъ ли эти основныя положенія указаніямъ министра внутреннихъ дѣлъ, въ силу коихъ штундизмъ выражается въ отрицаніи *всѣхъ* таинствъ и обрядовъ, непризнаваніи *никакихъ* властей и отрицаніи присяги и военной службы и направляется на подрывъ основныхъ началъ православной вѣры и государственнаго строя.

Большинствомъ пятнадцати голосовъ противъ трехъ эти соображенія были раздѣлены присутствующими,—и колебаніямъ судебныхъ властей, какъ при возбужденіи подобныхъ дѣлъ, такъ и при разрѣшеніи ихъ, положенъ предѣлъ. Значеніе рѣшенія по дѣлу Головко сказалось очень скоро. Много искусственно раздутыхъ дѣлъ о штундобаптизмѣ было окончено оправдательными приговорами, а новыя стали возбуждаться съ большею осмотрительностью. Серьезнѣе сдѣлалась и экспертиза, которой пришлось считаться съ обстоятельствами каждаго дѣла, отыскивая въ нихъ подтвержденіе своихъ теоретическихъ положеній о штундизмѣ. Рѣшеніе по дѣлу Головко было надлежащимъ образомъ понято не одними судебными учрежденіями, принявшими его къ руководству. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду во всеподданнѣйшихъ отчетахъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Сунода было помѣщаемо настойчивое указаніе на то, что, въ виду рѣшенія по дѣлу Головко, благодѣтельный законъ 1894 года потерялъ, въ практическомъ своемъ примѣненіи, всякое значеніе и силу. Изъ компетентныхъ источниковъ мнѣ передавали, что мой старый профессоръ гражданскаго судопроизводства по Мо-

сковскому университету, стоявшій у руля духовнаго вѣдомства, сталъ „скорбѣть“ обо мнѣ, какъ докладчикѣ по дѣлу Головко, и негодовать на редакцію рѣшенія Сената. Но и я тоже вскорѣ сталъ „скорбѣть“, но только по другому поводу. Упраздненіе мировой юстиціи, начатое въ 1889 году введеніемъ института земскихъ начальниковъ съ предоставленіемъ имъ судебной власти, расширялось съ каждымъ годомъ территоріально. Область нравственнаго и юридическаго воздѣйствія кассаціоннаго Сената становилась все меньше и меньше, неотвратимо идя къ своему ограниченію столицами, тремя-четырьмя губернскими городами съ большимъ населеніемъ, да Прибалтійскимъ краемъ, гдѣ о штундизмѣ не было и слуху, но гдѣ за то прочно укрѣпилось гонимое старообрядчество. Земскіе начальники не подвѣдомы Сенату, и кассаціонною инстанціею для ихъ приговоровъ служитъ губернское присутствіе, благодаря чему созданный великимъ Петромъ единый на всю имперію Сенатъ, стяжавшій себѣ своею почти двухвѣковою дѣятельностью несомнѣнное довѣріе и уваженіе народа, оказывается замѣненнымъ множествомъ, по числу губерній, маленькихъ кассаціонныхъ судовъ, съ пестрымъ, въ значительной степени зависимымъ, личнымъ составомъ,—не имѣющихъ ни связи между собою, ни надлежащаго юридическаго авторитета и рѣшающихъ окончательно вопросы о толкованіи и правильности примѣненія закона. Вслѣдствіе этого—сѣтованія отчетовъ К. П. Побѣдоносцева на рѣшеніе по дѣлу Головко, ослабившее благодѣянія закона 1894 года, не соотвѣтствовали дѣйствительному положенію вещей. Весьма многіе земскіе начальники, „ничтоже сумняся“, разсматривали пагубное рѣшеніе, если только они знали о его существованіи, какъ до нихъ не относящееся и подвергали „штундобаптистовъ“ взысканіямъ и лишенію свободы, не затрудняя себя преподанной Сенатомъ экспертизой. Хотя такія карательныя постановленія административныхъ чиновниковъ и не могли доходить до Сената, но въ печати за время съ 1900 по 1905 г. встрѣчается рядъ корреспонденцій и свѣдѣній изъ разныхъ мѣстъ о неукоснительномъ и строгомъ примѣненіи наказаній къ сектантамъ, безъ обременительнаго опредѣленія сущности ихъ вѣроученія. Даже Высочайшій манифестъ 26 февраля 1903 г., въ которомъ было выражено „неуклонное душевное желаніе охранять освященную основными законами Имперіи терпимость въ дѣлахъ вѣры“, не оказалъ осязательнаго вліянія на уменьшеніе случаевъ примѣненія карательныхъ мѣръ къ заподозрѣннымъ въ штундизмѣ. Ознакомленіе съ высказаннымъ въ немъ великодушнымъ желаніемъ оказывалось даже не всегда безопаснымъ и приводило къ совершенно неожиданнымъ

послѣдствіямъ. Такъ, въ мартѣ 1903 г. тридцать „евангелическихъ христіанъ“, подвергнутыхъ за собранія для чтенія Евангелія и пѣнія псалмовъ неоднократнымъ штрафамъ, доходившимъ до 50 р. съ одного лица, рѣшились, чрезъ харьковскаго губернатора, подать на имя министра внутреннихъ дѣлъ прошеніе, въ которомъ „выражая свою великую радость и глубокую благодарность Государю Императору за даруемыя манифестомъ 1903 года блага, просили разрѣшить имъ служить Богу по своему разумѣнію и установить законныя формы для ихъ браковъ“. Ближайшимъ результатомъ этого ходатайства было, вмѣсто отвѣта, полицейское дознаніе надъ просителями, о которомъ, уже въ жалобѣ на имя того же министра, поданной въ 1904 году, они говорятъ: „Полицейскіе чины разъяснили намъ, что мы прежде всего не имѣемъ права сами понимать никакой бумаги отъ высшаго начальства, а тѣмъ болѣе манифеста Государя, а если намъ желательно понять смыслъ такового, то мы обязаны обратиться за разъясненіями къ земскому начальнику или иному изъ ближайшихъ начальствующихъ лицъ, безъ вѣдома которыхъ не можемъ даже разсуждать о такихъ высокихъ документахъ. А такъ какъ мы совершили такое беззаконіе, то и впали въ ошибку, такъ какъ Государевъ манифестъ никакого отношенія къ намъ не имѣетъ, такъ какъ манифестомъ этимъ существующіе законы не отмѣняются, а въ силу существующихъ законовъ мы причисляемся къ казенной вѣрѣ и обязаны молиться Богу только по казенному, а другимъ порядкомъ вѣрить и молиться Богу намъ строго воспрещается подъ страхомъ уголовной отвѣтственности; если же мы не будемъ вѣрить и молиться по казенному, то признаемся людьми безъ вѣры и богослуженія, а потому никакого разрѣшенія свободы отправленія таковыхъ для насъ быть не можетъ“. Когда же въ маѣ 1904 года, одинъ изъ подписавшихъ прошеніе 1903 года, Бодянскій, уполномоченный на подачу его губернатору, былъ высланъ административно изъ губерніи на три года, сектанты приняли это за „указательный отвѣтъ“ и на этомъ, какъ они писали министру „безпадежно и успокоились“,—тѣмъ болѣе, что преслѣдованія за религіозныя собранія съ тѣхъ поръ не только не уменьшились, но разрослись до того, что, напримѣръ, въ селѣ Хотомлѣ Волчанскаго уѣзда за одинъ текущій годъ съ шести сектантскихъ семей было взыскано за участіе въ религіозныхъ собраніяхъ, кромѣ арестовъ, 267 рублей, и въ нѣсколькихъ случаяхъ приговоры приводились въ исполненіе помимо всякой законности и не взирая ни на какіе протесты. Такъ, у крестьянина того же села Митрофана Маяцкаго, человѣка многосемейнаго,— у него четверо малолѣтнихъ и женакалѣка,—продали единственную корову черезъ четыре дня послѣ

приговора земскаго начальника и несмотря на заявленное обвиненнымъ недовольство рѣшеніемъ".

Вотъ почему нельзя было не скорбѣть, что толкованіе высшаго судилища имперіи, призваннаго къ разъясненію истиннаго смысла закона, журчало, какъ узкій, стѣсненный крутыми берегами, ручеекъ, въ то время, когда по сторонамъ его широкою рѣкой разливалось торжествующее нежеланіе его знать и съ нимъ считаться. Вотъ почему и оберъ-прокуроръ Сунода преждевременно впадалъ въ своихъ отчетахъ Монарху въ уныніе, находя, что Сенатъ въ своихъ рѣшеніяхъ проводитъ взгляды, дающіе силу „врагамъ православія". Но время для такого унынія все-таки наступило въ дѣйствительности, когда тѣмъ же комитетомъ министровъ, который объявилъ въ 1894-мъ году штунду — особо вредной сектой, было въ 1905-мъ году признано, что относиться къ сектантству надо сознательно и съ серьезнымъ вниманіемъ и что взглядъ Сената на обязанность суда выяснять и установлять существо основныхъ положеній вѣроученія обвиняемыхъ въ общественныхъ богомоленіяхъ — вполнѣ правиленъ. Уныніе должно было еще усугубиться, когда оказалось, что митрополитъ петербургскій и ладожскій Антоній и самъ товарищъ оберъ-прокурора Саблеръ, которыхъ, конечно, нельзя было заподозрѣть въ сочувствіи „врагамъ православія", удостовѣрили въ засѣданіи комитета, что положеніе 1894 года не достигло своей цѣли, а лишь внесло въ жизнь мѣстнаго населенія значительную рознь, а иногда и вражду между односельчанами, вызвавъ вмѣстѣ съ тѣмъ со стороны православнаго духовенства чрезмѣрное въ иныхъ случаяхъ стремленіе къ охраненію своей силы и значенія, привлекая священниковъ къ дѣятельности, не соотвѣтствующей ни призванію ихъ, ни носимому ими сану.

Въ свѣтлый во внутренней исторіи Россіи день 17 апрѣля 1905 года высказанныя комитетомъ министровъ мнѣнія получили торжественную санкцію въ Высочайшемъ указѣ Сенату, шестымъ пунктомъ котораго опредѣлено: „признать, что постановленія закона, дарующія право совершенія общественныхъ богомоленій, объемлютъ послѣдователей какъ старообрядческихъ согласій, такъ и сектантскихъ толковъ". — Этимъ положенъ конецъ преслѣдованіямъ штундистовъ и возмущавшему моральное чувство поставленію на одну доску людей, изучающихъ и толкующихъ Евангеліе, при осуществленіи даннаго въ 1883-мъ году права молитвенныхъ собраній, со скопцами и другими изувѣрами, посягающими на свою и чужую жизнь или прибѣгающими къ гнуснымъ противонравственнымъ дѣйствіямъ въ родѣ свальнаго грѣха. Съ тѣхъ поръ

прошло четыре года слишкомъ... Штундисты собираютъ съѣзды и устраиваютъ семинаріи для проповѣдниковъ, и ни одна изъ пагубъ, которыя пятнадцать лѣтъ назадъ трепетно предвидѣлъ въ церковномъ, государственномъ и общественномъ отношеніяхъ комитетъ министровъ, поручая И. Н. Дурново соорудить свою собственную догму штундизма—не осуществилась.

А. Ѳ. Кони.

Къ исторіи Костромской іерархіи.

(Резолюція еп. Симона Лагова на прошеніи архим. Ѳеодосія).

Открытая 16 іюля 1744 г. Костромская іерархія съ 6 сент. 1769 г. по 31 марта 1778 г. находилась подъ управленіемъ епископа Симона[1]), который былъ очень образованный и энергичный администраторъ. Принявши подъ свое ближайшее руководство помѣщавшуюся тогда на Запрудне юную духовную семинарію, организованную при еп. Геннадіи (1753—1757 г.) изъ открытой въ 1747 г. сначала при Ипатьевскомъ монастырѣ духовной школы, еп. Симонъ долгое время самъ замѣнялъ въ ней ректора и, какъ большой знатокъ греческаго и еврейскаго языковъ и пасхаліи, преподавалъ ихъ ученикамъ семинаріи. Въ заботливости о просвѣщеніи народа онъ каждый воскресный и праздничный день произносилъ поученія и издалъ особый для священнослужителей катихизисъ, который по напечатаніи былъ разосланъ по церквамъ епархіи для чтенія въ нихъ. Направляя ко благу жизнь клира и паствы, Симонъ очень тщательно разсматривалъ прошенія и разнообразныя дѣла консисторскія, на коихъ налагалъ резолюціи пространныя, отличавшіяся характернымъ резоннымъ тономъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ никакой возможности обрисовать этого епископа по резолюціямъ за время управленія Костромской епархіей, такъ какъ архивъ духовной консисторіи истребленъ огнемъ въ пожаръ 18 мая 1887 года. Мы сообщаемъ лишь одну, случайно нами открытую въ выпискахъ профессора Моск. д. академіи П. С. Казанскаго († 1878 г.) изъ конси-

[1]) Въ мірѣ Стефанъ Лаговъ, сынъ крестьянина Вологодской губ. Благодаря вологодскому епископу Амвросію Юшкевичу, замѣтившему блестящія способности въ Стефанѣ, послѣдній помѣщенъ въ 1740-хъ годахъ для полученія образованія въ Новгородской семинаріи, въ которой состоялъ въ 1754 г. учителемъ.

сторскихъ дѣлъ по исторіи Богоявленскаго монастыря, небезынтересную резолюцію, дышащую остроуміемъ, резонностію:

Состоявшій настоятелемъ Богоявленскаго монастыря [1]) въ 1770 годахъ архимандритъ Ѳеодосій II, учившійся до реторики у іезуитовъ въ Каменецъ-Подольскѣ, а философіи и богословію въ Кіевской д. академіи, очень надменный и самообольщенный, написалъ въ прошеніи еп. Симону въ 1774 году слѣдующее. „Указомъ Ея Императорскаго Величества и по опредѣленію Святѣйшаго Синода велѣно мнѣ быть въ монастырѣ Богоявленскомъ настоятелемъ, а присутствовать въ консисторіи не изображено, а какъ я довольно въ томъ званіи потрудился, о чемъ въ вѣдомостяхъ у меня и прописывается, и къ сему же какъ я былъ присутствующимъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода въ Конторѣ, то мнѣ въ консисторіи присутствовать уже небезобидно, лѣта же мои нѣсколько къ трудамъ дѣлаютъ меня небезтягостнаго, того ради прошу Вашего Преосвященства отставить меня отъ консисторіи, яко довольно въ томъ званіи послужившаго, а что надлежитъ до священнослуженія, крестныхъ ходовъ, а въ случаѣ, если угодно, и проповѣданія Слова Божія по опредѣленію настоящаго времени въ разсужденіи лѣтъ моихъ стану трудиться, а что надлежитъ до обители святой, то по старости лѣтъ моихъ и какъ я обители сколько возможно всегда починять готовъ и созидать, то и здѣсь исполняемо быть имѣетъ неотмѣнно“.

На эту просьбу послѣдовало такое рѣшеніе епископа Симона. „Что проситель резолюцію пишетъ здѣсь о опредѣленіи себя Св. Синодомъ въ Богоявленской нашъ монастырь въ архимандрита, и чтобъ присутствовать въ консисторіи, о томъ де не изображено въ указѣ: то какъ сіе намъ извѣстно, такъ и оное, что не изображено же въ ономъ указѣ, чтобъ не опредѣлять его въ консисторію для присутствія или въ какія другія послушанія, а конечно на то опредѣляются архимандриты, чтобы были лучшими намъ помощниками. Что же онъ гдѣ-либо въ томъ званіи трудился, и что былъ присутствующимъ въ Конторѣ Св. Синода, то о семъ предпочитать ли его нѣтъ на то повелѣнія, и коль далеко сія его предпочтенность простираться должна, и трудился ли подлинно въ какихъ другихъ мѣстахъ, и съ какою похвалою, намъ равно не дано знать; а то извѣстно, что онъ въ Богоявленской нашъ монастырь переведенъ

[1]) Основанный около половины XV вѣка преп. Никитой, собесѣдникомъ преп. Сергія Радонежскаго, Богоявл. монастырь былъ мужскимъ до конца 1847 г., когда вслѣдствіе опустошенія пожаромъ 6 сент. того года упраздненъ. Но въ 1863 году этотъ монастырь возстановленъ въ качествѣ женскаго Богоявленскаго Анастасіина третьеклассnаго монастыря.

изъ Миропольскаго монастыря Бѣлградской епархіи, бывъ сперва въ архимандрическомъ Солоченскомъ монастырѣ Рязанской епархіи. Паки: что надлежитъ до лѣтъ его, коими считаетъ себя уже за стараго человѣка, то ихъ по показанію его самого въ вѣдомости не болѣе есть какъ сорокъ четыре года, въ коихъ прилежные люди и послушливые въ должности, паче еще силы оказываютъ въ исполненіи возложеннаго на нихъ званія, поелику лѣта не старости, но самаго мужества суть. Со всѣмъ тѣмъ, понеже онъ проситель опредѣленіемъ нашимъ въ консисторію оказывается недоволенъ да еще съ нѣкоторою прицѣпою, напоминая, что де въ указѣ о томъ не изображено, что ему присутствовать въ консисторіи, и почитаетъ себѣ въ обиду[1]), поелику прежде присутствовалъ въ Конторѣ Св. Синода, и старость лѣтъ себѣ приписывая тягость чувствуетъ быть въ нашей консисторіи присутствующимъ, за сими резонами, да и что кромѣ его обойтись можемъ, онъ проситель увольняется отъ консисторіи, а что надлежитъ до служенія съ нами, то отдается ему на волю, ибо и въ семъ случаѣ обойтись безъ него можемъ. Къ крестнымъ же ходамъ и панихидамъ по табели имѣетъ онъ архимандритъ ѣздить въ градской соборъ неотмѣнно, да и въ тѣ дни праздниковъ, въ кои мы въ ономъ службы отправлять не будемъ, на служеніе литургіи. Проповѣданіе же слова Божія, какъ сіе безъ епископскаго благословенія въ силѣ правилъ не должно быть ни отъ кого, то и онъ архимандритъ не долженъ на себя брать, какъ уже дважды учинилъ не испрося прежде отъ насъ на то дозволенія и не получивъ приказанія, дабы изъ презрѣнія ко власти епископской не произошло какихъ претензій, неудовольствій и безпокойствъ. О чемъ всемъ объявить ему архимандриту по надлежащему. 1774 г. мая 5".

Сообщилъ И. Баженовъ.

Кострома.

---

[1]) Самолюбивый и надменный архим. Ѳеодосій имѣлъ вообще безпокойный характеръ и допускалъ разные безпорядки въ монастырской жизни, какъ видно изъ доноса іеромонаха Макарія отъ 27 мая 1775 г., и нерѣдко обнаруживалъ непослушаніе еп. Симону и дерзости, — о чемъ послѣдній докладывалъ Св. Синоду. Изъ Богоявленскаго монастыря Ѳеодосій выбылъ въ 1780 году.

Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ (1864—1909 г.г.).

Не безъ нѣкотораго смущенія приступаю я къ описанію главнѣйшихъ событій моей жизни и дѣятельности — всего пережитого и видѣннаго, хорошаго и дурного, исторически замѣчательнаго и только для меня лишь лично интереснаго, серьезнаго и забавнаго, грустнаго и пріятнаго... Всѣ при этомъ разнообразныя воспоминанія, здѣсь излагаемыя, опираются на одинъ и тотъ же важнѣйшій источникъ — *память*, поскольку на ней запечатлѣлись событія и факты жизни. Къ сожалѣнію, я никогда не велъ дневниковъ или записокъ и поэтому единственной помощью для памяти является въ данномъ случаѣ переписка, какъ мои уцѣлѣвшія и тщательно собранныя письма, особенно письма моей жены, цѣликомъ сбереженныя заботливой рукой любящей матери,— такъ наконецъ, въ весьма ограниченномъ количествѣ, подходящія чужія письма, большею частью для иллюстрацій и дополненій къ описываемымъ событіямъ и приключеніямъ. Вотъ и весь почти наличный матеріалъ для настоящихъ моихъ записокъ.

Сохраненію въ памяти многихъ даже мелкихъ событій за продолжительный періодъ моей жизни много способствовало, впрочемъ, то обстоятельство, что мнѣ уже приходилось заниматься и писать свою біографію, правда, въ очень сжатомъ и сокращенномъ видѣ, не менѣе четырехъ разъ для разныхъ русскихъ и иностранныхъ словарей, энциклопедій и затѣмъ два раза съ особыми цѣлями и для спеціальныхъ изданій („Воспоминанія о дѣтской и школьной жизни“ въ „Вѣстникѣ Воспитанія“ Москва 1903 г., и изъ „Воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва“. Спб. 1907 г.).

Въ виду всѣхъ объясненныхъ причинъ я начинаю изложеніе моихъ настоящихъ мемуаровъ лишь съ 1864 г., года поступленія моего (юношей 18-ти лѣтъ) въ Московскій университетъ, по окончаніи курса въ Рязанской гимназіи весной того же года. Считаю, впрочемъ, долгомъ сдѣлать еще одну, можетъ быть не безполезную, оговорку: существуетъ довольно распространенное мнѣніе, что за длинный періодъ чьей-либо жизни довольно трудно сохранить должную безпристрастность и объективность при описаніи знакомыхъ и вообще дѣйствующихъ лицъ... всегда-де при описаніи несимпатичныхъ автору мемуаровъ лицъ или событій замѣчается, говорятъ, стремленіе отступить отъ истины и изобразить дѣло или самыхъ лицъ болѣе или менѣе въ ложномъ свѣтѣ. Разсказываютъ, напримѣръ, про извѣстнаго писателя *Ал. Ѳеофилакт. Писемскаго*, что на чей-то вопросъ, почему онъ не пишетъ и не издаетъ своихъ воспоминаній, изъ его разнообразной интересной жизни и при обладаніи большимъ даромъ наблюдательности, Писемскій, будто бы, рѣшительно отвѣчалъ: „не могу, душа моя, непремѣнно навру,... нѣсколько разъ уже пробовалъ изображать письменно собственную жизнь и каждый разъ чувствовалъ, что чѣмъ больше пишу, тѣмъ больше сочиняю и фантазирую“!!!..

Если этотъ анекдотъ не составляетъ выдумки, и если только почтенный авторъ „Тысячи Душъ“, „Горькой Судьбины“ и проч. не преувеличилъ своего, ради краснаго словца, свойства отступать отъ истины, то во всякомъ случаѣ оно составляетъ лишь особенность Писемскаго, можетъ быть даже вызванную самой профессіей романиста и необходимостью прибѣгать часто къ фантазіи въ изображеніи истинныхъ событій своей жизни подъ вымышленными именами Іона-Циника, Тюфяка и проч. Нѣтъ сомнѣнія, каждый добросовѣстный бытописатель, знакомящій читателя серьезнаго органа печати съ фактами своей дѣйствительной жизни, а не сочиняющій обыкновенный романъ, не позволитъ себѣ отступить отъ строгой правды въ изложеніи событій жизни, какъ ихъ сохранила его память... Всякія неточности или неправильности при передачѣ біографіи возможны здѣсь въ той же мѣрѣ и по той же причинѣ, какъ и при устномъ и личномъ разсказѣ и бесѣдѣ; рѣдкія погрѣшности или заблужденія памяти, когда авторъ, какъ было упомянуто раньше, владѣетъ отчасти письменнымъ матеріаломъ и опытомъ въ біографическихъ описаніяхъ, возможны исключительно по маловажнымъ поводамъ, вродѣ какой-нибудь даты, времени какого-либо свиданія или разговора и т. п., а не событія или факта самого по себѣ.

Такимъ образомъ, поставивши себѣ за правило лишь точную передачу въ изложеніи всѣхъ важныхъ событій моей жизни въ той

мѣрѣ, какъ ихъ сберегла моя память, постараюсь съ полною откровенностью относиться въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ одинаково объективно и безпристрастно и къ фактамъ и къ лицамъ, насколько это зависитъ отъ моихъ личныхъ усилій. При этомъ я совершенно опускаю событія моей жизни до поступленія въ университетъ, въ виду того, что они изложены были подробно раньше, какъ я говорилъ въ „Вѣстникѣ Воспитанія“, а равно сокращая по возможности изложеніе всѣхъ событій, связанныхъ съ моею должностью московскаго фабричнаго инспектора (отъ 1882—1887 г.г.). На этомъ же основаніи вся учебная часть и сторона моей жизни въ университетѣ, не имѣющая спеціальнаго интереса для общаго читателя, будетъ сокращена до возможнаго минимума, а равно и изложеніе судьбы нашего рабочаго и фабричнаго законодательства, съ которымъ я нѣсколько разъ въ жизни соприкасался и усердно работалъ.

ГЛАВА I.

Московскій университетъ.

Условное поступленіе въ 1864 г. на историко-филологическій факультетъ.—Несчастія и неудачи перваго года.—Смерть отца.—Продолжительная борьба съ нуждой.—Горькій опытъ жизни.—Оставленіе на первомъ курсѣ.—Исключеніе изъ университета за невзносъ платы. — Урокъ въ отъѣздъ (въ г. Ржевъ) съ окончательнымъ переходомъ на юридическій факультетъ.—Мое житье на урокѣ.—Кеттле и отецъ Дмитрій.—Статистическая разработка Ржевскихъ церковныхъ книгъ.—Увлеченіе закономѣрностью соціальныхъ явленій и мечты.—Успѣхъ экзаменовъ и двойныя неудачи съ проф. И. К. Бабстомъ.—Студенческая жизнь въ Москвѣ (1865—1867 гг.).—Поворотъ къ худшему съ 3-го курса, кутежъ и бездѣлье. — Значеніе товарищества. — Выдающіеся профессора.—Окончаніе университета и зачисленіе въ кандидаты на судебныя должности при прокурорѣ М. Ф. Громницкомъ. — Проф. Э. Б. Мильгаузенъ и мое оставленіе при Московскомъ университетѣ для усовершенствованія въ наукахъ.

Окончивши въ маѣ 1864 г. полный курсъ Рязанской дореформенной 7-ми классной гимназіи съ однимъ латинскимъ языкомъ, въ качествѣ перваго ученика за все время ученія, я едва не получилъ медали и лишился ея только по случайнымъ, описаннымъ въ моихъ „Воспоминаніяхъ Дѣтства“ поводамъ и несчастному для меня стеченію обстоятельствъ. Во всякомъ случаѣ я получилъ право на поступленіе въ университетъ безъ дальнѣйшей провѣрки и экзамена, за исключеніемъ греческаго языка, если вздумаю поступить на историко-филологическій факультетъ. Между тѣмъ именно объ этомъ факультетѣ и занятіи исторіей и древними языками — моими любимыми предметами, я наиболѣе всего мечталъ и въ гимназіи приватнымъ образомъ бралъ уроки греческаго языка и прочиталъ Анабазисъ. Очень можетъ быть, что мои знанія, какъ я послѣ слышалъ,

*

были бы почти достаточны, чтобы выдержать экзаменъ въ началѣ поступленія въ Московскій университетъ и обезпечить себѣ дальнѣйшее спокойствіе въ этомъ отношеніи, но я струсилъ и просилъ отложить, что часто дѣлалось, мой греческій экзаменъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

Когда въ августѣ 1864 г. я подалъ въ университетъ соотвѣтвѣтствующее прошеніе съ приложеніемъ документовъ, то меня направили къ тогдашнему декану историко-филологическаго факультета, къ нашему почтенному историку *Серг. Мих. Соловьеву*, котораго я тутъ увидалъ первый разъ и отнесся, какъ совсѣмъ зеленый юноша, къ такой знаменитости съ особымъ благоговѣніемъ. Серг. Мих. объяснилъ на мою письменную просьбу, сопровождаемую словесными дополненіями, что никакого особаго экзамена изъ греческаго языка позднѣе августа мнѣ не можетъ быть назначено и не будетъ. Обычный способъ, принятый въ университетѣ въ подобныхъ моему случаяхъ, и который мнѣ можетъ быть разрѣшенъ, это путь *условнаго зачисленія*. Я долженъ поступить немедленно на другой какой-нибудь факультетъ, кромѣ историко-филологическаго, напр., хоть на юридическій, ближайшій къ нему, а затѣмъ въ виду моего заявленія я буду допущенъ прямо къ экзаменамъ на филологическій факультетъ на второй курсъ и по выдержаніи ихъ, включая латинскій и греческій, буду переведенъ на вышеозначенный курсъ этого факультета. При этомъ я буду пользоваться одинаково съ филологами немедленно же свободнымъ доступомъ на ихъ лекціи и практическія занятія.

Разумѣется, мнѣ ничего не оставалось иного, какъ согласиться съ рѣшеніемъ маститаго декана. Я записался тотчасъ на юридическій факультетъ, получилъ билетъ и въ то же время право доступа на свободное посѣщеніе всѣхъ лекцій вмѣстѣ съ филологами. Вскорѣ, однако, явились непредвидѣнныя обстоятельства, которыя совершенно измѣнили мои планы и дали другое направленіе и ходъ всей моей будущей жизни. Гимназистомъ я больше всего любилъ исторію и древніе языки; обратно съ моими товарищами, напр., я съ жаромъ занимался латинскимъ языкомъ, въ которомъ я достигъ въ свое время довольно большихъ успѣховъ; по всей вѣроятности изъ меня бы и вышелъ со временемъ спеціалистъ учитель или профессоръ по одному изъ этихъ предметовъ. Но вмѣсто того мнѣ пришлось—увы, отказаться отъ филологіи и остаться навсегда съ юристами, куда я записался лишь временно до перваго экзамена. Здѣсь главной виной явились два обстоятельства, совершенно разнаго характера: во-первыхъ, сильная болѣзнь—возвратный или брюшной тифъ, который случился со мною осенью того же года и на нѣ-

сколько мѣсяцевъ оторвалъ меня отъ возможности всякихъ занятій и едва не унесъ на тотъ свѣтъ. Въ декабрѣ я нѣсколько оправился, началъ посѣщать лекціи филологическаго факультета и, къ своему ужасу, увидѣлъ ту огромную пропасть, которая образовалась для меня въ моихъ занятіяхъ, благодаря продолжительному отсутствію; особенно важны были пропуски для греческаго языка, изъ котораго я былъ слабѣе всего, и экзаменъ являлся для меня особенно серьезнымъ. Предстояло напречь усилія и усердно работать, чтобы нагнать товарищей и съ честью выдержать предстоящій въ маѣ экзаменъ, но тутъ какъ разъ съ начала слѣдующаго 1874 г. случилось событіе, которое разстроило мои планы и разбило въ прахъ мои филологическія мечтанія: въ моемъ настоящемъ возрастѣ и положеніи мнѣ особенно стыдно даже сознаться въ этой задержкѣ къ успѣшному ходу моихъ занятій, опредѣлившихъ все мое будущее: я тогда всего лишь 18-ти лѣтній мальчикъ по возрасту, довольно развитой и начитанный, но совершенно невинный по своимъ чувствамъ и мыслямъ, въ первый разъ сильнѣйшимъ образомъ влюбился. И это перевернуло вверхъ дномъ всю мою дальнѣйшую жизнь и судьбу.

Необходимы, однако, нѣкоторыя предварительныя объясненія о моемъ семейномъ положеніи и обстановкѣ, чтобы лучше понимать послѣдующее изложеніе моей біографіи. Я былъ сыномъ весьма бѣдныхъ родителей изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ. Отецъ мой, капитанъ Иванъ Гавриловичъ Янжулъ, вѣрой и правдой прослужившій въ военной службѣ около 25 лѣтъ, человѣкъ для своего времени довольно замѣчательный и образованный (былъ на двухъ факультетахъ въ Кіевскомъ и Харьковскомъ университетахъ); у насъ было огромное семейство (не менѣе 8 человѣкъ живыхъ дѣтей, не говоря о ранѣе умершихъ); я — одинъ изъ младшихъ; и позднѣе даже къ описанному періоду оставалось не менѣе 6 человѣкъ. Отецъ, и особенно мать, изъ кожи лѣзли дать намъ всѣмъ приличное образованіе. Между тѣмъ матеріальное положеніе семьи было довольно незавидно: отецъ за большую рану во время турецкой войны, въ которой участвовалъ, получалъ пенсію въ 700 р. асс., а мать владѣла небольшимъ, сто съ чѣмъ-то десятинъ, имѣньицемъ въ Коломенскомъ уѣздѣ Московской губ. Когда мы начали подростать и понадобилось намъ подыскивать учителей и учебныя заведенія, и для этого порядочныя средства, то выяснилось, что дальше жить въ деревнѣ невозможно и лишь съ трудомъ, кое-какъ, опредѣлили старшихъ сестеръ въ институтъ и пансіоны. Отцу пришлось оставить мѣсто по дворянскимъ выборамъ старшаго засѣдателя, которое онъ занималъ въ г. Коломнѣ и, продавши

имѣньице матери, переселиться въ Москву въ поискахъ лучшаго будущаго для дѣтей и себя.

Переселеніе нашего семейства въ Москву, что̀ совершилось въ моемъ отсутствіи въ Рязани, гдѣ я обучался, не принесло, однако, ничего хорошаго. Года два или около года отецъ не могъ найти себѣ рѣшительно никакого занятія и несмотря на свое, повторяю, сравнительное образованіе и способности, получалъ отовсюду отказы и издерживалъ свои небольшія средства, привезенныя изъ деревни. Нѣкоторой какъ бы передышкой явилась случайная должность смотрителя казенной дачи Студенецъ въ Обществѣ садоводства, которую онъ занималъ нѣсколько лѣтъ; но эта должность почему-то сама по себѣ исчезла или была закрыта или соединена съ какой-то новою обязанностью, доставшейся новому лицу, и наша семья стала опять бѣдствовать, пока отецъ не нашелъ совсѣмъ скудно вознаграждаемую должность и непріятное занятіе надзирателя извѣстнаго въ Москвѣ Юсупова Дома или надзирателя „Работнаго Дома для лицъ просящихъ милостыню“. Должность эта давала совсѣмъ ничтожное жалованье, что-то около 20 р. въ мѣсяцъ и небольшую казенную квартиру. Тифъ свилъ себѣ постоянное гнѣздо въ этомъ неблагоустроенномъ тогда общественномъ учрежденіи, благодаря чему я и всѣ члены семейства переболѣли тамъ жесточайшимъ образомъ, и затѣмъ въ апрѣлѣ 1864 г., какъ разъ наканунѣ моего окончанія въ гимназіи, умерла отъ этой же болѣзни моя мать, а ровно черезъ годъ и мой отецъ, до болѣзни котораго я выздоровѣлъ всего лишь за 3—4 мѣсяца. Но домъ былъ полонъ больныхъ почти постоянно въ лицѣ моихъ сестеръ.

Само собой разумѣется, что при такой обстановкѣ и крайней нуждѣ часто въ простомъ обѣдѣ, я не могъ успѣшно заниматься греческимъ языкомъ, столь для меня важнымъ; но тутъ подоспѣло другое вышеупомянутое мною событіе, которое еще болѣе разстроило правильный ходъ моихъ занятій; въ предшествовавшее лѣто сестра моя, нынѣ уже давно умершая, Евгенія, мною особенно любимая, какъ сверстница моихъ дѣтскихъ игръ, получила приглашеніе погостить въ деревнѣ у одной тетки Авдуловой, въ Коломенскомъ уѣздѣ Московской губ., гдѣ была для нея подруга въ лицѣ двоюродной или троюродной сестры. Я захотѣлъ ее проводить и по приглашенію доброй тетушки также остался временно на ея хлѣбахъ, утѣшаясь деревенскими удовольствіями. Въ это именно время я имѣлъ несчастіе въ деревнѣ встрѣтить одну молодую дѣвицу, соотвѣтствующаго юнаго возраста, нѣкую В. В., знакомство съ которою составило самую несчастную страницу моей жизни: я страстно и

слѣпо, какъ можетъ только, вѣроятно, юноша, влюбился въ нее и забылъ обо всемъ на свѣтѣ.

Въ качествѣ человѣка далекаго отъ желанія преувеличивать и стоя только на почвѣ правды, я не могу рѣшительно отвѣтить, были ли мои чувства къ ней обычны въ этомъ возрастѣ или нѣтъ, могу лишь сказать, что теперь даже черезъ 50 лѣтъ я не могу безъ душевнаго страданія вспомнить, что я тогда испытывалъ; всѣ занятія и науки у меня, чрезвычайно прилежнаго юноши, съ блескомъ шедшаго въ гимназіи, вылетѣли изъ головы, и я не въ состояніи былъ владѣть собой. Даже смерть матери меня не отрезвила, и на ея похоронахъ я почти не плакалъ, весь поглощенный мыслью о своей несчастной любви. Какъ разъ зимой 64—65 г.г., вскорѣ послѣ моей продолжительной и жестокой болѣзни, появилась въ Москвѣ эта фатальная для меня личность В. В. Греческій языкъ пошелъ на смарку, и я пересталъ надъ чѣмъ-либо работать и ничего не могъ сдѣлать надъ собой, несмотря на сильную волю, которой славился между товарищами и дѣйствительно, повидимому, обладалъ; напр., еще въ гимназіи я захотѣлъ и выучился въ 3 мѣсяца англійскому языку 13-лѣтнимъ мальчикомъ. Пользуясь знакомствомъ и близостью къ моимъ сестрамъ, В. В. бывала у насъ довольно часто, когда только бывало возможно и, кокетничая со мной, съ несчастнымъ мальчикомъ, она въ то же время устроила обширную и весьма выгодную атаку на сердце одного купеческаго дурня и большого милліонера Т. Увѣряя меня постоянно въ любви, она въ то же время такъ успѣшно, съ помощью и указаніемъ своей старшей сестры, вела свою марьяжную игру съ этимъ купцомъ, что черезъ какихъ-нибудь 3—4 мѣсяца она исчезла временно изъ Москвы и, какъ мы узнали стороной, чуть ли не изъ газетъ, сдѣлалась женой этого крупнаго капиталиста, несчастье котораго также составила: черезъ нѣсколько лѣтъ ея замужество кончилось огромнымъ скандаломъ, о которомъ оповѣстили всѣ газеты: она съ громомъ и шумомъ сначала развелась съ мужемъ, а затѣмъ затѣяла при помощи знакомыхъ адвокатовъ процессъ и едва не засадила своего бывшаго мужа и его матушку за лжесвидѣтельство и пр. въ тюрьму, но за то, конечно, и лишилась всего состоянія, пріобрѣтеннаго замужествомъ и новымъ положеніемъ, и сдѣлалась прямо авантюристкой.

Весной 1865 г. отъ того же ужаснаго тифа, господствовавшаго въ Юсуповомъ Домѣ невозбранно, скончался мой отецъ послѣ продолжительной и тщетной борьбы съ жизнью, оставивши меня съ двумя малолѣтними сестрами на рукахъ и лишеннымъ всякихъ матеріальныхъ средствъ и умѣнія зарабатывать себѣ хлѣбъ. Въ теченіе всего перваго года студенчества я не могъ добыть себѣ ни одного

урока и лишь какой-то несчастный переводъ, крайне неудачный. Сначала болѣзни, а затѣмъ описанное амурное дѣло и разбитое сердце мѣшали мнѣ думать и заниматься своимъ настоящимъ дѣломъ, между тѣмъ быстро приближалось время экзамена, а мнѣ въ буквальномъ смыслѣ нечего было ѣсть, и я распродавалъ по частямъ то жалкое имущество, которое осталось послѣ отца, чтобы прокормить себя и своихъ сестренокъ.

Такимъ образомъ явилась настоятельная необходимость, на этотъ разъ вызванная тяжелыми условіями, отложить всѣ экзамены. Надо было устроить сначала такъ или иначе судьбу сестеръ и пріискать себѣ занятія. По правилу я явился къ ректору университета, тогда къ извѣстному Сергѣю Ив. Баршеву, холодному и безчувственному формалисту. Когда я ему разсказалъ о моемъ тяжеломъ положеніи и о невозможности готовиться къ экзамену, который долженъ былъ начаться черезъ двѣ недѣли, профессоръ Баршевъ отнесся къ моему разсказу болѣе чѣмъ хладнокровно и спросилъ только: „А отца Вы похоронили?“ и на мой утвердительный отвѣтъ замѣтилъ: „ну чего вы въ такомъ случаѣ ко мнѣ лѣзете. Никакого основанія нѣтъ вамъ откладывать экзамены. Вотъ если бы вы обратились во время болѣзни и по болѣзни, тогда, можетъ быть, дѣло другое. Садитесь-ка лучше, заключилъ онъ, и пишите прошеніе объ оставленіи въ университетѣ на второй годъ...“ Опѣшенный, сконфуженный и смущенный я сѣлъ и написалъ, что требовалъ отъ меня г. ректоръ, и такимъ образомъ остался на второй годъ въ Московскомъ университетѣ, числясь на юридическомъ факультетѣ, вмѣсто желаннаго историко-филологическаго.

Такимъ образомъ съ весны 1865 г., со смерти отца, началась моя самостоятельная жизнь въ худомъ смыслѣ этого слова, а именно я самъ долженъ былъ заботиться о пропитаніи, какъ самого себя, такъ и двухъ сестеръ, что, разумѣется, являлось для меня, при тогдашней моей полной неопытности и незрѣлости, весьма затруднительной задачей. При отсутствіи личной работы или занятій, единственнымъ средствомъ существованія для меня служила распродажа того небольшого, можно сказать, жалкаго имущества, которое осталось послѣ родителей, въ видѣ домашней мебели и утвари. Правда, отецъ получалъ незначительную пенсію въ 700 руб. ассигнаціями въ годъ, за большую рану, какъ военный (еще на русско-турецкой войнѣ 1829—1830 г.). Я началъ хлопотать о продолженіи ея для сестеръ, но мнѣ заранѣе объявили, что хлопоты надо считать многими мѣсяцами. По совѣту кого-то изъ близкихъ знакомыхъ часть оставшихся вещей обѣщали мнѣ устроить и распродать въ формѣ лоттереи, но это вышло еще хуже, чѣмъ прямая

распродажа: въ большинствѣ случаевъ я не получилъ ни денегъ, ни вещей... Для меня съ сестрами начались, тяжко вспомнить до сихъ поръ, истинныя бѣдствія отъ этой временной безработицы и нищеты... Наша нужда была такъ велика, что мы считали себя счастливыми, когда намъ присылали порцію обѣда изъ Работнаго Дома отъ стола заключенныхъ...

Наконецъ, сестеръ удалось устроить: старшую—Евгенію, немного моложе меня, пригласили къ себѣ въ деревню, въ Рузскомъ уѣздѣ Московской губ., дядя съ теткой, у которыхъ она поселилась до поры до времени, занимаясь немного съ своими маленькими кузенами. Съ другой сестрой—Марьей, дѣвочкой 12 лѣтъ, мнѣ было гораздо труднѣе устроиться, и лишь благодаря вмѣшательству какихъ-то знакомыхъ удалось помѣстить, конечно временно, впредь до лучшаго, у одной богатой старой барыни, Бѣлавиной, гдѣ бѣдная дѣвочка присматривала за ея многочисленными и злыми собаченками и слушала воркотню старухи съ утра и до вечера... Позднѣе, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, пріѣхала въ Москву съ мужемъ замужняя моя сестра Снѣсарева и устроила дѣвочку на нѣсколько лѣтъ въ дѣтскій пріютъ, и такимъ образомъ я освободился отъ дальнѣйшихъ заботъ на время и могъ посвятить всѣ мои усилія на заботы о самомъ себѣ...

Въ концѣ мая отъ меня потребовали очистить казенную квартиру въ Юсуповомъ Домѣ, гдѣ я продолжалъ еще жить, а потому, размѣстивши уже сестеръ, перекочевалъ, въ первый разъ одинъ-одинешенекъ, послѣ крушенія моей семьи, на Патріаршіе Пруды, гдѣ тогда (вмѣстѣ съ Живодеркой и Грузинами) большею частію проживала (рядомъ съ цыганами) студенческая бѣднота... Въ это же время, несмотря на всѣ поиски и просьбы товарищей, вообще сочувственно относившихся къ моему трудному положенію, никакихъ ресурсовъ, въ видѣ уроковъ или иной вознаграждаемой работы, я никакъ не могъ найти... Помню, тщетно я послѣдніе гроши употреблялъ на публикаціи въ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ, ища какого угодно заработка и давая взятки газетнымъ разнощикамъ и наборщикамъ, чтобы они извѣщали меня раньше всѣхъ о спросѣ на трудъ... Изъ всѣхъ этихъ мѣръ ничего не выходило хорошаго: я оставался безъ заработка и задаромъ трепалъ свои старые и безъ того дырявые сапоги...

Можно сказать, что этимъ открылся или начался самый жестокій кризисъ и непріятнѣйшій періодъ въ моей жизни, въ буквальномъ смыслѣ слова — періодъ голодовки... Я распродалъ скоро рѣшительно все изъ моего имущества, что только можно было продавать, и заложилъ все, изъ болѣе необходимѣйшаго, что закладчики

принимали подъ залогъ, при чемъ, пользуясь моей неопытностью, меня, конечно, со всѣхъ сторонъ обманывали... Тѣмъ не менѣе, я долго не достигалъ ничего путнаго и не могъ выбиться изъ когтей злой нужды, не находя ни уроковъ, ни другой работы, а между тѣмъ я, какъ человѣкъ сильный физически отъ природы, несомнѣнно взялся бы, кажется, охотно за всякую даже физическую работу, которую стали бы вознаграждать и мнѣ предложили бы...

Цѣлое лѣто такимъ образомъ безъ опредѣленнаго занятія и средствъ для пропитанія я слонялся по опустѣвшей Москвѣ, откуда, какъ извѣстно, лѣтомъ выѣзжаетъ все, что только можетъ выѣхать... Я могъ платить только 5 руб. за квартиру въ мѣсяцъ и то рѣдко... добрые люди ждали отъ меня уплаты цѣлые мѣсяцы, совѣстясь и стѣсняясь очень притѣснить или прогнать студента, тѣмъ болѣе, что на первой моей квартирѣ дочка моей хозяйки вышла незадолго замужъ за моего товарища-студента... Главный вопросъ поэтому заключался для меня не въ помѣщеніи, а продовольствіи, гдѣ и что поѣсть... Въ этотъ періодъ безденежья я обѣдалъ случайно и гдѣ возможно и во всякой формѣ..., очень нерѣдко у товарищей, у того или другого, гдѣ было возможно получить ѣду, если не цѣлый обѣдъ. Нѣсколько недѣль мнѣ оказывалъ кредитъ одинъ мѣстный булочникъ, по рекомендаціи одного изъ друзей, французскими хлѣбами, которыми я и питался почти исключительно одно невеселое время, при чемъ съ товарищемъ, какъ-то раздѣлявшимъ со мной тогда такую строгую діэту воздержанія, утѣшались шуточками и прибаутками на тему извѣстнаго афоризма... „Науки юношей питаютъ, отраду старости даютъ...“ Отвѣтъ: „Питаютъ и даютъ!??“

Послѣдній годъ пребыванія въ Рязанской гимназіи я имѣлъ выгодный урокъ у одного портного и, пользуясь этимъ, какъ бы въ предчувствіи будущихъ бѣдствій, запасся у него въ кредитъ большимъ выборомъ носильнаго платья, которое въ данномъ случаѣ оказалось очень кстати, какъ объектъ залога, и помогало мнѣ частенько выходить изъ затрудненій, въ поискахъ за обѣдомъ... Я познакомился черезъ добрыхъ пріятелей весьма быстро, первый же годъ своего пребыванія въ университетѣ, съ извѣстнѣйшимъ тогда студенческимъ закладчикомъ въ Москвѣ—Харлампіемъ Поліевктовичемъ Чистяковымъ, принимавшимъ въ закладъ рѣшительно все, начиная съ дырявыхъ носковъ и кончая золотыми часами и „материнскимъ благословеніемъ“, у кого изъ студентовъ таковое оказывалось, въ видѣ шейнаго образка или креста... Увы, мнѣ весьма рано и часто пришлось знакомиться съ этими финансовыми операціями, много раньше, чѣмъ я приступилъ въ томъ же университетѣ къ изученію моей будущей ученой спеціальности — финансо-

ваго права... Мнѣ пришлось это время (т. е. 1864 и 65 гг.) особенно часто посѣщать Чистякова, оставляя ту или иную вещь изъ моего туалета, въ обмѣнъ на нѣкоторое количество презрѣннаго металла... Особенно жутко пришлось мнѣ въ глухой сезонъ, въ самую середину лѣта, конецъ примѣрно іюля; всѣ товарищи давно разлетѣлись по своимъ палестинамъ и не къ кому было уже обращаться за помощью. Все имущество, имѣвшее какую-либо цѣнность, уже давно переселилось къ Чистякову... Мнѣ оставался лишь одинъ исходъ (о вредѣ котораго я часто сообщалъ впослѣдствіи, на своихъ профессорскихъ лекціяхъ о косвенныхъ налогахъ) сократить свои издержки, ограничивши свое потребленіе... Около трехъ недѣль именно, я припоминаю, мнѣ пришлось просуществовать на діэтѣ, нисколько не превосходящей продовольствіе завзятыхъ героевъ Максима Горькаго. Очень часто по своему разсчету, котораго, какъ утопающій, хватаясь за соломенку, я старался держаться, я могъ издерживать въ день на пропитаніе не болѣе 3 коп. въ день, при чемъ на двѣ—покупалъ въ городѣ у разнощика 1 фунтъ печенки и на копѣйку чернаго хлѣба... Иногда эта діэта разнообразилась похожденіями въ „Обжорный рядъ“, гдѣ я спрашивалъ, помнится мнѣ, за двѣ копѣйки порцію щей, а за копѣйку или двѣ отдѣльно кусочекъ мяса... Разумѣется, въ такія тяжкія времена правильное регулярное питье чаю прекращалось, если только Богъ не посылалъ добрыхъ людей, которые предлагали по знакомству угостить меня чашкой этого нектара; память сохранила у меня нѣсколько трогательныхъ случаевъ, о которыхъ я умолчу... Какъ правило я всегда предпочиталъ обѣдъ изъ одной печенки и только, когда продажа ея прекращалась по случаю поста, я уже обращался къ „Обжорному ряду“, гдѣ, несмотря на сильный часто голодъ, было мнѣ очень противно ѣсть „купоросные щи“, какъ ихъ называли между собой ихъ потребители.

Въ августѣ мѣсяцѣ этого года пріѣхалъ въ Москву мой дядя И. Я. Колмаковъ, у котораго жила моя сестра Евгенія въ Рузскомъ уѣздѣ, чтобы лѣчиться у Захарьина (бравшаго въ тѣ времена всего 15 руб. за визитъ). Само собою разумѣется, я сталъ у него часто показываться съ цѣлью прикармливаться и усердно началъ просить его взять меня въ учителя къ его дѣтямъ, а моимъ кузенамъ. Но дядя мой, имѣвшій уже учителемъ одного хорошаго студента, нѣкоего Хайновскаго, не желая его обидѣть, не рѣшился на эту мѣру, несмотря на сожалѣніе къ моему бѣдственному положенію. Онъ обратился лишь къ Хайновскому съ просьбой, чтобы тотъ съ своей стороны, какъ старый студентъ, имѣвшій много уроковъ и знакомствъ, уступилъ одинъ мнѣ, или постарался пріискать. Хайновскій, дѣйст-

вительно, чтобы сохранить свое мѣсто у дяди, вѣроятно для него выгодное, употребилъ всѣ усилія и въ короткое время нашелъ мнѣ сначала работу, а именно переводъ съ нѣмецкаго метеорологіи Шмидта, но работа эта оказалась для меня во всѣхъ отношеніяхъ неудачной: во-первыхъ я недостаточно хорошо зналъ нѣмецкій языкъ, особенно спеціальный, не имѣвшій никакого отношенія къ моей подготовкѣ, а затѣмъ работа и вознагражденіе были весьма длительными: нельзя было скоро получить вознагражденіе, мнѣ же естественно требовалось дѣло, которое прежде всего давало бы немедленно средства на удовлетвореніе моего аппетита и пріисканіе пріюта...

Вскорѣ же тотъ же учитель у моего дяди пріискалъ мнѣ и другое болѣе подходящее занятіе, а именно урокъ, но не въ Москвѣ, а въ отъѣздъ—въ г. Ржевъ Тверской губ. Въ тѣ времена были весьма обычнымъ дѣломъ отлучки студентовъ изъ Москвы, чуть ли не на цѣлый годъ, кромѣ времени экзаменовъ, въ отъѣздъ на уроки („на кондиціи"), особенно съ многолюдныхъ факультетовъ, какъ юридическій. Никто за этимъ не слѣдилъ и не сокрушался, тѣмъ болѣе, что лекціи почти безъ исключенія литографировались и юристу легко было готовиться къ экзамену, не посѣщая совсѣмъ университета и проживая гдѣ-нибудь въ дали отъ своей „Alma mater"...

За неимѣніемъ лучшаго, я согласился въ принципѣ принять этотъ урокъ, дававшій 25 рублей въ мѣсяцъ у В. И. Кудрявцева, ржевскаго предводителя дворянства. Мой будущій хозяинъ мнѣ выслалъ вскорѣ задатокъ, спасшій меня во-время отъ дальнѣйшей голодовки; къ этому онъ увѣдомилъ, что я долженъ ждать до ноября пріѣзда въ Москву самой г-жи Кудрявцевой, супруги нанимателя, отъ которой я узнаю-де дальнѣйшія условія нашего договора, и вмѣстѣ съ ней долженъ и пріѣхать во Ржевъ.

Между тѣмъ время шло и приносило съ собой событія для меня весьма непріятныя. Именно мое имя появилось на объявленіи, вывѣшенномъ на стѣнахъ, среди университета, въ спискѣ студентовъ,—исключенныхъ изъ него за невзносъ платы. Далѣе, мнѣ давался льготный срокъ для взноса платы, иначе мнѣ предлагалось явиться и получить свои документы... Въ этомъ случаѣ задатокъ г. Кудрявцева—50 руб.—меня спасъ и оказалъ важную услугу для моего пребыванія въ университетѣ. Я немедленно половину этой суммы, что было въ то время вполнѣ достаточно, внесъ въ университетъ, получилъ опять студенческій билетъ и водворился такимъ образомъ вновь тамъ, на правахъ гражданства. Остальные 25 руб. были мной употреблены на нѣкоторое поновленіе и увели-

ченіе моего гардероба, сильно пострадавшаго во время безработицы. Помню, какъ теперь, смѣшныя и жалкія похожденія свои въ качествѣ неопытнаго мальчика (мнѣ было тогда около 18 лѣтъ) на Московскій Толкучій рынокъ для закупки разныхъ предметовъ одѣянія и обуви, по возможно дешевой цѣнѣ. Помню, какъ, въ виду рано наступившихъ въ томъ году сильныхъ морозовъ, я особенно заботился о пріобрѣтеніи глубокихъ и теплыхъ галошъ и купилъ таковыя по наружности хорошаго качества за 3 съ чѣмъ-то рубля... Но увы, раньше чѣмъ я дождался пріѣзда г-жи Кудрявцевой, черезъ какую-нибудь недѣлю, эти галоши оказались сдѣланными изъ маленькихъ кусочковъ кожи, искусно склеенныхъ и зачерненныхъ; поэтому ко времени своего путешествія во Ржевъ я опять очутился при жестокомъ морозѣ, безъ всякой обуви, кромѣ худыхъ сапогъ и въ бумажныхъ дырявыхъ носкахъ... Почти то же случилось и съ другими покупками для той же цѣли на Толкучкѣ...

Наконецъ г-жа Кудрявцева пріѣхала; важно, но довольно любезно со мной поговорила въ гостиницѣ Челышова, въ номерѣ, который моимъ неопытнымъ глазамъ показался верхомъ роскоши и богатства. Она объявила мнѣ, что поѣдетъ лишь черезъ нѣсколько дней, назначила точно время, и чтобы я явился прямо на Николаевскій вокзалъ къ условленному поѣзду, на который мнѣ будетъ выданъ билетъ 3-го класса до Твери. Отъ Твери на Ржевъ тогда желѣзной дороги еще не существовало, и мы должны были въ Ржевъ ѣхать около 100 верстъ на перекладныхъ. Это первое мое путешествіе въ городъ Ржевъ, которое совершенно неожиданно для меня повторилось въ моей жизни много разъ, памятно мнѣ болѣе всего отъ тѣхъ страданій, которыя я терпѣлъ тогда отъ холода; я не понимаю причины, по которой въ тѣ времена или вагоны совсѣмъ не топились, или топились очень плохо... Разумѣется, бѣдный студентъ въ этотъ студеный морозный день былъ одѣтъ, несмотря на 20 слишкомъ градусовъ, въ тотъ же костюмъ, какъ и лѣтомъ, т. е. въ довольно легкой парѣ и въ „продувномъ“, какъ острили въ Москвѣ нѣкоторые пріятели, пальто... Изъяны моего костюма сначала замѣтила сама г-жа Кудрявцева и дала мнѣ великодушно свою лишнюю ей кофту. Я завернулъ въ нее свои ноги, больше всего страдавшія отъ холода. Но это все-таки мало помогало дѣлу: морозъ былъ такъ великъ, и я такъ озябъ и дрожалъ, что, вѣроятно, было замѣтно и на моемъ лицѣ, что какая-то сострадательная купчиха, видимо старовѣрка, сидѣвшая недалеко отъ меня, сжалилась надъ молодымъ человѣкомъ и пожертвовала ему на дорогу свою лисью кацавейку, которую безцеремонно помогла мнѣ натянуть на себя къ забавѣ окружающей публики: несомнѣнно

добрая душа спасла меня навѣрное, если не отъ замерзанія, то отъ сильной простуды... Въ Твери мы пробыли лишь короткое время, около часу. Напились чаю, немного закусили, отогрѣлись, и затѣмъ въ огромномъ возкѣ двинулись въ путь, при чемъ я заранѣе выпросилъ у кучера побольше наложить сѣна, чтобы было сидѣть теплѣе... Предварительно еще, въ комнатѣ, гдѣ мы пили чай, по совѣту кого-то изъ ѣхавшихъ, я досталъ большое количество газетной бумаги и обернулъ ею все тѣло... Такимъ образомъ я воевалъ съ дѣдушкой морозомъ и благополучно, главнымъ образомъ, вѣроятно, благодаря своей молодости одержалъ надъ нимъ побѣду и незамерзшимъ, въ лѣтнемъ пальто, доѣхалъ до Ржева...

Въ Ржевъ мы пріѣхали поздно вечеромъ, такъ что о никакомъ впечатлѣніи города говорить нельзя было... Могу только сказать, что городъ, по которому мы ѣхали довольно долго, прежде чѣмъ добрались до квартиры Кудрявцевыхъ, показался мнѣ для уѣзднаго очень обширнымъ, что дѣйствительно и было... Какъ извѣстно, Ржевъ расположенъ довольно красиво на двухъ противоположныхъ берегахъ рѣки Волги. Мнѣ пришлось поселиться на нагорной сторонѣ рѣки и внутри города, въ квартирѣ Кудрявцевыхъ, въ отличномъ каменномъ 2-хъ этажномъ домѣ, на городской площади, при чемъ домъ былъ такъ великъ, что Кудрявцевы нѣсколько разъ въ году въ отдаленныя времена, еще невздержавшіе, подобно другимъ помѣщикамъ, свои выкупныя, могли задавать многолюдные балы и приглашать для нихъ оркестры музыки. Помѣщеніе, предназначенное для моего жилья, было чрезвычайно удобно тѣмъ, что расположено было совершенно отдѣльно отъ остальной квартиры и съ особымъ ходомъ подъ воротами около улицы. Это избавляло меня отъ всякаго домашняго шума и отвлеченія отъ дѣла, когда я хотѣлъ заниматься. Ко мнѣ нельзя было никому изъ своихъ пройти или попасть мимоходомъ, а надо было спеціально для этого ко мнѣ идти... Впослѣдствіи обнаружилось однако, благодаря вороватости ржевскихъ жителей, одно неудобство моей комнаты: у меня нѣсколько разъ крали изъ корридора, прилегавшаго къ ней, мои сапоги, выставленные на ночь для чистки, и пришлось совсѣмъ прекратить этотъ обычай.

Семья г-на Кудрявцева состояла изъ самого Василія Ивановича Кудрявцева, изъ его супруги, съ которой я пріѣхалъ изъ Москвы, двухъ довольно милыхъ, но шаловливыхъ мальчиковъ, моихъ будущихъ учениковъ, старшаго сына, уже юноши въ Москвѣ и наконецъ гувернантки (для французскаго языка), бывшей питомицы, кажется, Смольнаго института, къ сожалѣнію крайне несимпатичной, не только потому, что она была очень некрасива, но отличалась рѣз-

костію въ обращеніи и непозволительнымъ ханжествомъ. Не пропуская, кажется, никакой церковной службы, не исключая, въ теченіе всего Великаго Поста — даже заутрени въ ранніе часы, гувернантка эта безпрестанно пилила всегда кого-либо дома, или мальчиковъ (обязательно по-французски), или же прислугу (по-русски), а иногда даже подчасъ и меня (на обоихъ языкахъ) — за отсутствіе набожности и неисполненіе какихъ-либо религіозныхъ обрядовъ или формальностей. Напримѣръ, она стучала сердито ко мнѣ въ окно, когда шла къ заутренѣ рано утромъ и видѣла у меня еще свѣтъ, — я занимался или писалъ, — объясняя на другой день съ жаромъ, совершенно мнѣ непонятнымъ, что разъ я такъ поздно сижу, я обязательно долженъ бы бросить все и идти молиться Богу, а не заниматься дальше своимъ грѣшнымъ дѣломъ... Разумѣется, это вело къ постояннымъ неудобнымъ объясненіямъ и столкновеніямъ.

Собственно своими учениками, какъ и хозяевами, я, впрочемъ, былъ вполнѣ доволенъ: мальчики оказались довольно добрыми, хотя и очень шаловливыми. Я съ ними легко ладилъ, и они постепенно и изрядно подготовлялись къ гимназическому экзамену. Г. г. Кудрявцевы ни во что не вмѣшивались въ обученіи, какъ это у насъ въ русскихъ семействахъ имѣетъ мѣсто въ большинствѣ, и только формально справлялись, доволенъ ли я дѣтьми, или не надо ли мнѣ ихъ наказать, къ чему вообще не приходилось прибѣгать, такъ какъ они учились у меня довольно порядочно...

У меня было впрочемъ другое горе во Ржевѣ, независимо до извѣстной степени отъ свойствъ того дома или семейства, гдѣ я проживалъ... Именно первое время моего пребыванія въ этомъ городѣ мнѣ недоставало общества и занятій, которыя бы меня интересовали и захватывали. Городъ Ржевъ того времени (т. е. безъ малаго около 50 лѣтъ тому назадъ) являлся типомъ довольно богатаго, отчасти торговаго, отчасти промышленнаго, но мало культурнаго, раскольничьяго города, съ весьма малымъ количествомъ образованныхъ жителей; такъ, мнѣ называли изъ университетскихъ лишь тогдашняго исправника, назовемъ его Х, но въ то же время аттестовали его, несмотря на обычную привычку того времени къ чиновничьимъ грѣхамъ, какъ самаго отчаяннаго взяточника и человѣка вообще неинтереснаго, почему знакомства съ нимъ я не искалъ — и больше, въ домѣ Кудрявцева, мнѣ не могли назвать въ то время университетскихъ и часто ссылались для противоположности на сосѣдніе Зубцовскій и Новгородскій уѣзды, гдѣ многіе дворяне посѣщали университеты (Квашнины-Самарины, Ладыженскіе, Бакунины).

Дѣло въ томъ, что въ г. Ржевѣ безвыходно простоялъ тогда, свыше 30 лѣтъ, какой-то кавалерійскій полкъ, и почти всѣ помѣщичьи дѣтки дѣлались кавалеристами, для чего, конечно, университетскаго образованія не требовалось. Вслѣдствіе этой причины, какъ мнѣ объясняли, до университета ржевскіе помѣщики очень рѣдко доводили своихъ дѣтей, ограничиваясь преимущественно или домашнимъ образованіемъ, или нѣсколькими классами гимназіи, или же наконецъ обучали дѣтей въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Позднѣе, когда я познакомился со многими лицами въ городѣ и уѣздѣ, мнѣ между прочимъ бросилась въ глаза огромная разница тогдашняго поколѣнія дворянства отъ предшествовавшаго ему 30-хъ и 40-хъ годовъ. Большая часть тогдашнихъ дворянъ стараго поколѣнія почему-то были часто моряками и служили въ морской службѣ и, вѣроятно, по этой причинѣ были гораздо образованнѣе своихъ дѣтей и внучатъ. Поэтому, посѣщая съ семьей Кудрявцевыхъ разныхъ родственниковъ и сосѣдей, я былъ немало удивленъ, найдя у многихъ отличныя старинныя библіотеки съ литературой 18 и начала 19 вѣковъ, на иностранныхъ отчасти языкахъ, при томъ не только французскомъ, но очень много и на англійскомъ,—языкъ, къ которому я всегда имѣлъ особое пристрастіе еще съ гимназіи. Напротивъ, насколько богаты были библіотеки старыя въ дворянскихъ усадьбахъ, настолько скудны современныя, благодаря новымъ, пониженнымъ, умственнымъ интересамъ и новому уровню образованія г. г. дворянъ... Въ большинствѣ семействъ библіотеки состояли только изъ одного или двухъ журналовъ и нѣсколькихъ романовъ. У г. предводителя дворянства В. И. Кудрявцева, помѣщика въ то время еще сравнительно достаточнаго, даже и такой библіотеки, помнится, не было. Я буквально оставался безъ чтенія и тосковалъ, ко всѣмъ приставая за книгами, нельзя ли что-нибудь получить для чтенія?... Особенно это повальное невѣжество ржевскаго общества, несмотря на богатство дворянъ и купечества и роскошные пиры и балы, ими задаваемые, бросалось мнѣ сильно въ глаза, сравнительно даже съ моей милой Рязанью, гдѣ я провелъ свое дѣтство и отрочество.

Кто-то изъ лицъ, посѣщавшихъ Кудрявцевыхъ, внезапно меня обрадовалъ извѣстіемъ, что въ Ржевѣ существуетъ городская библіотека, о чемъ я еще не слыхалъ отъ своихъ домашнихъ, и помѣщается-де при уѣздномъ училищѣ; я немедленно отправился на поиски и дѣйствительно нашелъ подъ этимъ именемъ библіотеку при квартирѣ смотрителя училища, весьма сухого и флегматичнаго человѣка, отъ котораго я долго не могъ получить никакихъ удовлетворительныхъ свѣдѣній о библіотекѣ. Увы, къ великому моему со-

жалѣнію, Ржевская городская библіотека меня сильно разочаровала и не могла удовлетворить моихъ стремленій къ чтенію. Почти исключительно она состояла изъ книгъ 18 и начала 19 в. в., напримѣръ, страшныхъ романовъ лэди Ратклиффъ, произведеній Сумарокова, Хемницера и пр.; впрочемъ, въ библіотекѣ имѣлось также и нѣсколько любопытныхъ ученыхъ книгъ, одинаково старыхъ и которыя вовсе не удовлетворяли мою пытливость, или не соотвѣтствовали моимъ вкусамъ и желаніямъ, напр., извѣстное сочиненіе академика Палласа „Народы Россіи“ 18-го вѣка и нѣсколько другихъ имъ подобныхъ. Затѣмъ въ библіотекѣ получалось „Собраніе романовъ“ Ахматовой, весьма бойкое, но безталантное изданіе, напичканное всякими, преимущественно французскими романами вродѣ „Похожденій Рокамболя“, романовъ Густава Эмара и пр...: все очень занимательно при чтеніи и ничего не остается въ головѣ послѣ него... Но и изъ этого журнала новости получать было очень трудно, потому что единственный въ городѣ экземпляръ разбирался быстро и возвращался туго.

Совершенно неожиданно для меня самого скоро явилось однако такое развлеченіе, которое поглотило все мое вниманіе и любознательность и гораздо болѣе благороднымъ, при томъ, и полезнымъ образомъ; мало того, это новое занятіе оказало широкое воздѣйствіе даже на всю мою жизнь. Передъ самымъ отъѣздомъ своимъ во Ржевъ на немногія оставшіяся у меня деньжонки, я соблазнился и на той же Толкучкѣ купилъ за дешевую цѣну извѣстную „Соціальную Физику“ знаменитаго бельгійскаго статистика Кеттле. Какъ извѣстно, въ данномъ трудѣ этотъ замѣчательный ученый, на основаніи цифръ по общественной статистикѣ населенія, констатируетъ и доказываетъ на всѣ лады закономѣрность всѣхъ соціальныхъ явленій, хотя бы повидимому самыхъ произвольныхъ по внѣшности, или неизмѣняемыхъ наоборотъ волей человѣка. Такъ, рождаемость, напр. или смертность, раздѣленіе того и другого по полу, степень смертности рождающихся, какъ въ брачныхъ союзахъ, такъ и внѣ ихъ и т. д. Точное время этихъ важныхъ соціальныхъ явленій, оказывается, подчинено какимъ-то намъ неизвѣстнымъ законамъ и совершается вовсе не случайно, а съ поразительной аккуратностію или регулярностью... Человѣкъ какъ бы обязательно платитъ извѣстную дань смерти и точно также производитъ извѣстное количество мальчиковъ и дѣвочекъ, изъ которыхъ опять таки опредѣленное количество съ удивительной устойчивостью или постоянствомъ должно умереть въ теченіе извѣстнаго времени. И всѣ эти явленія повторяются совершенно, повидимому, безъ вліянія свободной воли человѣка и на тѣхъ или иныхъ субъектахъ...

Книга Кеттле оказала на меня болѣе глубокое вліяніе, чѣмъ какая-либо иная, прочитанная мною до тѣхъ поръ. Она поразила мое воображеніе, измѣнивши всѣ представленія о возможности для человѣка свободно распоряжаться своими дѣйствіями, несмотря на соотвѣтствующую въ этомъ случаѣ оговорку самого Кеттле. Я, можно такъ выразиться фигурально, помѣшался тогда на цѣлесообразности и закономѣрности соціальныхъ явленій и вполнѣ былъ поглощенъ этимъ вопросомъ, который лишалъ меня сна и мѣшалъ думать о чемъ-либо другомъ. Одно меня сокрушало въ особенности нѣкоторое время, это то, что мнѣ не съ кѣмъ было подѣлиться своими мыслями и интересами по данному поводу: прежде всего у меня не было слушателя... Умственная жизнь моя между тѣмъ оживилась, несмотря даже на полное одиночество. Занятый пробудившими мою мысль новыми для меня идеями, я уже болѣе не скучалъ въ скучномъ Ржевѣ и ни чуточки не жалѣлъ о товарищахъ и соблазнительныхъ развлеченіяхъ Москвы; я всецѣло это время былъ поглощенъ удивительной перспективой общественныхъ явленій, открывшихся передъ моими умственными очами благодаря великому произведенію Кеттле.

Наконецъ я нашелъ и человѣка, который началъ снисходительно и сочувственно выслушивать всѣ мои толкованія и мечтанія, вызванныя трудомъ бельгійскаго ученаго, открывшаго передо мной такіе широкіе умственные горизонты... Этимъ лицомъ оказался соборный протоіерей въ городѣ Ржевѣ отецъ Димитрій (фамилію его забылъ). Онъ скоро явился повѣреннымъ моихъ интересовъ и даже непосредственнымъ помощникомъ для удовлетворенія моей любознательности и пытливости въ соціальныхъ законахъ. Отецъ протоіерей, насколько мнѣ помнится, состоялъ благочиннымъ для четырехъ церквей въ г. Ржевѣ, существовавшихъ подъ его ферулой; онъ былъ человѣкомъ весьма неглупымъ и добродушнымъ, а по своему развитію настолько выше окружающихъ, что при всякихъ затруднительныхъ для горожанъ случаяхъ, напримѣръ, послать изъ города Ржева какое-либо привѣтствіе властямъ или сказать пріѣзжему сановнику рѣчь, всегда въ этихъ случаяхъ вспоминали и обращались за помощью къ отцу Дмитрію: онъ всѣхъ лучше въ данномъ случаѣ могъ найтись и наилучшимъ образомъ исполнить желаемое... Въ семьѣ его, насколько помню, была молоденькая дѣвушка, дочь, которую онъ, видимо, заботился посильно развлекать, почему у него въ домѣ часто устраивались танцы, собиралась молодежь и веселыя непринужденныя вечеринки тянулись иногда за полночь, при чемъ я ихъ очень любилъ посѣщать, несмотря на опасность для меня изъ-за нихъ знакомиться ночью съ злыми ржевскими собаками, которыя самымъ

энергичнымъ образомъ всегда нападали на пѣшеходовъ и провожали ихъ до воротъ дома, несмотря на всѣ отмахиванія палками...

Я скоро полюбилъ отца Дмитрія и усердно его посѣщалъ, отчасти иногда танцуя съ дочкой, но еще болѣе сидя въ кабинетѣ, за стаканомъ чаю, и трактуя съ почтеннымъ папашей о достойныхъ удивленія соціальныхъ законахъ, открытыхъ Кеттле, при чемъ хозяинъ частенько прикладывался къ рюмочкѣ, а я за него закусывалъ копченой селедкой, какъ непившій еще тогда никакихъ крѣпкихъ напитковъ. Наконецъ эти толки привели насъ съ отцомъ Дмитріемъ къ мысли попытаться самимъ провѣрить выводы Кеттле, по возможности на данныхъ ржевской статистики, насколько они закономѣрны и въ дѣйствительности повторяются... Отецъ Дмитрій немедленно предложилъ мнѣ, вѣроятно въ качествѣ благочиннаго, сдѣлать распоряженіе по церквамъ, чтобы мнѣ доставили, кажется, за 30 лѣтъ всѣ ржевскія церковныя книги для моего пользованія, я на нихъ-де могу испытывать и провѣрять всѣ хитроумныя открытія и выдумки Кеттле. Сказано, сдѣлано...

Черезъ нѣсколько дней въ мою квартирку привезли цѣлый возъ толстыхъ книгъ, писанныхъ всевозможными почерками, о родившихся, умершихъ и брачащихся за длинный періодъ въ 30 лѣтъ въ г. Ржевѣ. Я почти немедленно отрѣшился отъ всѣхъ прочихъ интересовъ и весьма быстро вошелъ во вкусъ цифръ, одухотворенныхъ для меня сущностію великихъ законовъ Кеттле и до такой степени проникся ими и ихъ значеніемъ, что съ истинной досадой отвлекался отъ пыльныхъ книгъ и разныхъ выкладокъ надъ цифрами, чтобы идти на верхъ обѣдать или заниматься другимъ дѣломъ... Весьма скоро я привыкъ быстро считать, особенно когда на помощь призвалъ русскіе счеты и выучился ими пользоваться. За этой странной для молодого человѣка и по его доброй волѣ, работою, я буквально просидѣлъ всю зиму и весну, 6 или 7 мѣсяцевъ этого года (1865 г.), работая большую часть дня, за исключеніемъ 2 или 3 часовъ занятій съ мальчиками, или чрезвычайно рѣдкихъ отсутствій изъ дому, такъ, что отецъ Дмитрій началъ даже меня ревновать къ церковнымъ книгамъ, ибо я замѣтно рѣже сталъ посѣщать его собранія. Не довольствуясь однако днемъ, я занимался часто и ночью этимъ же цифирьемъ, къ особенному негодованію гувернантки, уличавшей меня въ позднемъ сидѣніи за писаніемъ во время заутрени... Я сдѣлался скоро совершенной „притчей во языцѣхъ“ всѣхъ домашнихъ, которые не могли надивиться на мое чудачество и разсказывали о немъ со смѣхомъ всѣмъ посѣтителямъ, что ихъ студентъ проводитъ-де цѣлыя ночи надъ церковными книгами, отыски-

*

вая вѣрно какой-нибудь записанный въ нихъ кладъ или что-нибудь въ этомъ же родѣ...

При сказанныхъ условіяхъ этой находки мною себѣ дѣла по душѣ, зима и частью весна того года промелькнули для меня совершенно незамѣтно. Я собралъ огромный письменный матеріалъ разныхъ цифръ и выкладокъ надъ ними, характеризующихъ со всевозможныхъ сторонъ рождаемость и смертность города Ржева, набилъ имъ половину своего чемодана и въ апрѣлѣ, по условію съ Кудрявцевыми отпущенный на два экзаменаціонныхъ мѣсяца въ Москву, я весело уѣхалъ въ Бѣлокаменную, довольный собой, своей судьбой и даже городомъ Ржевомъ...

Мнѣ нетрудно было изъ массы собранныхъ цифръ состряпать цѣлое обширное изслѣдованіе „Статистика браковъ и рожденій"— первое мое, подъ этимъ нѣсколько пышнымъ названіемъ, твореніе, которому суждено было, какъ мы узнаемъ послѣ, быть напечатаннымъ впослѣдствіи и привязать меня къ профессурѣ и дальнѣйшей научной дѣятельности всю мою жизнь. Могу сказать утвердительно, что безъ вышеописанныхъ условій этой первой моей ученой работы и слѣдовательно безъ отца Дмитрія и ржевскихъ церковныхъ книгъ этого, весьма вѣроятно, не было бы никогда... Я вкусилъ впервые любовь къ наукѣ на этомъ несовершенномъ и во многомъ еще ребяческомъ изслѣдованіи... Ни въ одну, вѣроятно, работу, я не вложилъ столько души и усердія, какъ въ это юное свое созданіе. Я мнилъ провѣрить законы Кеттле, а потому все мое изслѣдованіе состоитъ изъ сопоставленія положеній и условныхъ законовъ Кеттле (т. е. его обобщеній по разнымъ сторонамъ соціальной жизни) съ соотвѣтствующими явленіями на основаніи ржевской статистики, при чемъ я указывалъ по временамъ на удивительное совпаденіе нашихъ выводовъ, или наоборотъ—различіе,—съ попытками объяснить это различіе тѣми или иными чисто мѣстными причинами. Это мое первое, такъ сказать, дѣвственное научное сочиненіе имѣло несомнѣнно много дѣтскаго, наивнаго и незрѣлаго, но, насколько я припоминаю (по тому, что цѣликомъ оно давно не существуетъ), оно въ то же время отличалось такой глубокой вѣрой и любовью въ силу науки, что несомнѣнно мой трудъ заслуживалъ, при юности автора, самой большой похвалы и поощренія его, въ интересахъ его будущихъ занятій и работъ.

Такъ какъ я отличался всегда весьма дурнымъ почеркомъ, то меня озабочивала мысль, какъ въ тогдашнее время, когда не существовала еще нынѣшняя пишущая машина, мнѣ переписать приличнымъ образомъ свое твореніе... Я не имѣлъ, разумѣется, средствъ заплатить хорошему переписчику, но скоро благой случай вывелъ

меня изъ затрудненія. Товарищъ мой по гимназіи Р., отличавшійся превосходнымъ по качеству почеркомъ, полѣнился въ теченіе года написать сочиненіе, тогда обязательное на всѣхъ курсахъ юридическаго факультета ежегодно, и вотъ мы съ нимъ вошли въ обоюдную сдѣлку... я вызвался въ нѣсколько дней написать за него на столько хорошее курсовое сочиненіе, что ему дадутъ за него приличную отмѣтку, а онъ въ свою очередь перебѣлитъ мое огромное статистическое твореніе, что въ недѣли двѣ мы въ дѣйствительности добросовѣстно и исполнили. Я ему представилъ новое сочиненіе о рентѣ по Рикардо, а онъ прекрасно переписалъ мое объемистое произведеніе со всѣми приложеніями...

Увы, однако авторская моя гордость въ концѣ концовъ жестоко пострадала... Я представилъ свое сочиненіе заблаговременно на его квартирѣ профессору статистики Ивану Кондратьевичу Бабсту, который обязанъ былъ его разсматривать и давать оцѣнку. Черезъ мѣсяцъ примѣрно, уже на экзаменѣ по статистикѣ, Бабстъ вынулъ мое сочиненіе изъ своего портфеля и возвратилъ мнѣ, не сказавши мнѣ ни одного слова по поводу его и видимо не прочтя его предварительно... перевернутый вверхъ ногами одинъ листъ такъ и остался назамѣченнымъ и перевернутымъ. Бабстъ не удостоилъ даже чести спросить что-нибудь объ условіяхъ или источникахъ моей работы, что было бы непремѣнно, если бы онъ ее даже немного прочелъ. Онъ только взвѣсилъ ее въ рукахъ и замѣтилъ: „Очевидно, Вы много трудились“ и поставилъ мнѣ почти безъ экзамена 5, но такъ какъ онъ ставилъ почти всѣмъ желающимъ тотъ же баллъ, то, разумѣется, его 5 меня нисколько неудовлетворило. Я огорченный и раздосадованный на это почти полное равнодушіе профессора къ моей, во всякомъ случаѣ рѣдкой у студента, работѣ (около 50 кругомъ писанныхъ листовъ), ушелъ съ экзамена. Товарищи, на глазахъ у которыхъ все это совершалось, также не мало были удивлены такимъ неблаговиднымъ равнодушіемъ профессора къ своимъ обязанностямъ и всячески меня утѣшали.

Въ концѣ мая всѣ мои экзамены покончились и при томъ самымъ наилучшимъ образомъ. Благодаря прилежному изученію литографскихъ тетрадокъ, аккуратно получаемыхъ мною черезъ товарищей во Ржевѣ, я настолько хорошо подготовился къ испытанію, что по всѣмъ, кажется, предметамъ получилъ круглое 5 и спокойно, кромѣ горечи отъ невниманія къ моему статистическому труду со стороны Бабста, возвратился во Ржевъ къ своимъ учительскимъ обязанностямъ у г.г. Кудрявцевыхъ. На этотъ разъ я нашелъ своихъ учениковъ и семью хозяина уже не въ городѣ, а въ ихъ имѣніи, прекрасной усадьбѣ, верстъ 5 отъ г. Ржева. Большой господскій домъ

расположенъ былъ въ саду и недалеко отъ рощи, такъ что мы размѣстились еще удобнѣе городской квартиры; я, напримѣръ, получилъ въ свое владѣніе большую комнату, разгороженную на двѣ, въ нижнемъ этажѣ, въ двухъ шагахъ отъ выхода въ садъ, гдѣ я и проводилъ съ книгою большую часть дня.

Моя жизнь лѣтомъ въ деревнѣ Кудрявцевыхъ текла одинаково по образцу городской съ той впрочемъ существенной разницей, конечно, что я уже не имѣлъ болѣе статистической работы, такъ поглощавшей мое время и интересы зимой. Присылка лекцій изъ Москвы, вмѣстѣ съ самими лекціями на лѣто, конечно также прекратились, и я по временамъ, имѣя массу свободнаго времени, началъ скучать и болѣе и болѣе искать въ городѣ книгъ, которыхъ недоставало для удовлетворенія моей любознательности...

Случайно отъ кого-то изъ домашнихъ я узналъ, что много старыхъ книгъ валяется-де на чердакѣ, немедленно отправился туда и къ великому моему удовольствію открылъ въ пыли сложенные кучами и частію перевязанные веревками старые журналы (между прочимъ „Современникъ“) за нѣсколько лѣтъ, которые въ свое время получались, частію читались, а затѣмъ за ненадобностію сосланы были на верхъ, иногда даже и въ неразрѣзанномъ видѣ... Между нѣсколькими журналами я открылъ настоящее для себя Эльдорадо, въ видѣ интересныхъ книжекъ „Современника“ за цѣлыхъ три года, съ множествомъ любопытнѣйшихъ для того времени статей: такъ, сюда входила большая часть, напримѣръ, „Политической Экономіи“ Д.-С. Милля съ примѣчаніями Чернышевскаго и многими другими интересными экономическими статьями, которыхъ я и зачитывался въ засосъ.

Я помню живо всю мою радость, которая меня охватила при этой находкѣ внезапно, подъ большимъ ворохомъ пыли и всякой бумажной макулатуры въ углу обширнаго чердака. Я немедленно, конечно, перетащилъ цѣлые вороха этихъ книгъ внизъ къ себѣ въ комнату и съ жадностію принялся за чтеніе, одинаково какъ экономическихъ статей, такъ и романовъ. Съ Политической Экономіей въ изложеніи Чернышевскаго я уже былъ немного знакомъ еще въ гимназіи, но въ первый разъ принялся за чтеніе этой прекрасной книги съ надлежащимъ вниманіемъ и прилежаніемъ, стараясь отдавать себѣ отчетъ въ каждомъ прочитанномъ словѣ: она несомнѣнно оказала полезное вліяніе на мои вкусы и развитіе и пріохотила меня къ чтенію такого рода, которое у насъ называется „серьезнымъ чтеніемъ“. Многія мысли въ прочитанномъ тогда меня сильно заинтриговали, возбуждая спеціальный интересъ и желаніе ихъ провѣрить и сопоставить съ нѣкоторыми мнѣ извѣстными болѣе писа-

телями, но, увы! недостатокъ книгъ, наше всеобщее до сихъ поръ зло, дѣлало невозможнымъ подобныя сравненія и приходилось довольствоваться только тѣмъ, что было подъ руками или въ предѣлахъ достиженія.

Деревенская жизнь того времени въ домѣ предводителя дворянства, у котораго я проживалъ, отличалась отъ городской тѣмъ только, что прекратились званые обѣды и вечера и въ деревнѣ, несмотря даже на близость имѣнія отъ городу, замѣтно наѣзжало меньше гостей, а съ ними прекратились почти и развлеченія вродѣ танцевъ, игръ и т. д. Два чрезвычайныхъ событія, впрочемъ, внесли на короткое время нѣкоторое разнообразіе въ нашу лѣтнюю деревенскую жизнь, съ ея монотонностію... Во-первыхъ, въ одно прекрасное утро появился у насъ, сначала у хозяйки дома Е. П. Кудрявцевой—женщины вообще весьма набожной, какой-то заѣзжій изъ далека монахъ (собственно іеромонахъ). Онъ долго о чемъ-то совѣщался въ кабинетѣ хозяйки и, какъ я слышалъ потомъ, получилъ отъ нея, а также отъ благочестивой гувернантки—нѣкоторые вклады для его будто-бы монастыря, гдѣ-то въ Крыму... Затѣмъ монахъ зашелъ также къ хозяину В. И. Кудрявцеву, откуда впрочемъ вышелъ скоро, какъ впослѣдствіи хвастался хозяинъ, что называется „не солоно хлебавши“, т. е. не получилъ ничего и зашелъ по его твердому желанію въ комнату къ студенту, т. е. ко мнѣ. Здѣсь съ глазу на глазъ со мной монахъ оказался очень простымъ, общительнымъ и веселымъ человѣкомъ, сыпалъ каламбуры, анекдоты даже нескромнаго свойства и первымъ дѣломъ попросилъ курить, при чемъ, съ моего дозволенія, заперъ дверь, т. к. не хотѣлъ-де подавать соблазна... Проболтавши у меня съ четверть часа, онъ любезно простился и ушелъ, или уѣхалъ въ городъ...

Вообразите огорченіе и конфузъ нашихъ дамъ, когда на другой день явился къ намъ на традиціонной тройкѣ съ бубенчиками, самъ ржевскій исправникъ, съ разспросами объ этомъ посѣтителѣ, что онъ у насъ дѣлалъ и говорилъ... По его словамъ, онъ только-что получилъ по телеграфу увѣдомленіе изъ Петербурга, что изъ Сибири бѣжалъ какой-то важный преступникъ и въ настоящее время разъѣзжаетъ по Россіи, одѣтый монахомъ, и собираетъ довольно щедрыя даянія на нужды якобы своего фиктивнаго монастыря, и что несомнѣнно по описанію и пр. нашъ монахъ былъ тотъ самый, о которомъ его увѣдомляли, но его слѣдъ уже простылъ... Разумѣется, монахъ исчезъ безслѣдно, мы объ немъ ничего больше не слыхали... Потомъ долго, однако, продолжали подсмѣиваться надъ дамами-благотворительницами и благочестіемъ, съ которымъ онѣ щедро надѣляли этого ловкаго плута своими даяніями на дорогу и съ благоговѣніемъ прикладывались къ ручкѣ... подходя подъ благословеніе...

Другое приключеніе въ это же лѣто, взбудоражившее насъ въ имѣніи Кудрявцева, было болѣе плачевнаго свойства. Воры глубокой ночью забрались въ довольно богатую хозяйскую кладовую въ верхнемъ этажѣ обширнаго дома и очень основательно очистили ее отъ многихъ запасовъ разнообразныхъ снѣдей, тамъ хранившихся... Для меня лично это нашествіе воровъ сдѣлало большую непріятность, именно, ночью о присутствіи воровъ первый услышалъ камердинеръ хозяина Александръ, спавшій въ той части дома, гдѣ лежала кладовая, но, не имѣя храбрости самому поднять тревогу или проникнуть во взломанную кладовую, гдѣ натолкнулся бы на воровъ, онъ отправился предварительно ко мнѣ, разбудилъ меня и упросилъ сдѣлать экспедицію въ поискахъ воровъ сообща... Неодѣтый, въ одномъ бѣльѣ (а ночь была довольно холодная), я отправился съ нимъ вмѣстѣ на другую половину дома, оба вооруженные примитивнымъ образомъ—кочергой и палкой. Въ результатѣ воры успѣли услыхать тревогу и скрылись съ частью награбленнаго, часть же бросили на дорогѣ около дома: въ кладовой воры оставили разнообразные непріятные слѣды своего пребыванія, напр., многочисленныя банки съ вареньемъ были вскрыты и изъ нихъ видимо черпали сладкое содержимое руками, которыя тутъ же и вытирали потомъ объ стѣну, покрытую къ нашему удивленію явными знаками утиранія пальцевъ съ сладкимъ сокомъ... Исчезли разнообразные предметы, которые только имъ попались подъ руки, въ томъ числѣ, къ огорченію моихъ учениковъ, большое количество домашней яблочной пастилы. Всю пропажу хозяйка оцѣнивала, помнится, невысоко, около 100 руб., но для меня лично это приключеніе имѣло весьма непріятное послѣдствіе: я сильно простудился и заболѣлъ чѣмъ-то вродѣ горячки, отъ которой я промаялся, лежа въ постели, недѣли двѣ и сокрушался близостью экзаменовъ для моихъ учениковъ и опасеніемъ за ихъ участь...

Но все прошло, слава Богу, благополучно... Съ маленькимъ опозданіемъ я успѣлъ ихъ подготовить достаточно въ требуемыхъ предметахъ и, торжественно простившись съ хозяевами, самолично отвезъ ребятъ въ Москву, гдѣ они и сдали свой экзаменъ вполнѣ удовлетворительно. Такимъ образомъ произошла ликвидація моего продолжительнаго урока у г.г. Кудрявцевыхъ, который, какъ было объяснено раньше, далъ мнѣ возможность, во-первыхъ, выйдти изъ весьма затруднительнаго экономическаго кризиса, равнаго полной нищетѣ, возвратилъ меня въ университетъ, временно утерянный, и доставилъ мнѣ косвенно возможность въ первый разъ съ роду испытать сладость научныхъ занятій, при томъ занятій въ самой сухой формѣ, надъ массами цифръ, извлеченныхъ изъ обильныхъ церков-

ныхъ книгъ г. Ржева за много лѣтъ. Объ этомъ результатѣ своей жизни во Ржевѣ я до сихъ поръ вспоминаю съ истинной благодарностію, такъ какъ трудъ мой во Ржевѣ послужилъ до нѣкоторой степени основаніемъ всей моей послѣдующей ученой дѣятельности, несмотря даже на непозволительное отношеніе къ своимъ прямымъ обязанностямъ г-на профессора Бабста. Съ окончаніемъ уроковъ у Кудрявцевыхъ, всякія мои отношенія со Ржевомъ, совершенно чуждымъ для меня городомъ, прекратились. Но волѣ судебъ угодно было, чтобы черезъ 6 лѣтъ спустя я вновь вступилъ въ сношенія со Ржевомъ и началъ его посѣщать, но уже не въ роли учителя: далеко собственно ото Ржева, за границей, какъ объ этомъ будетъ сообщаться дальше подробно, я нашелъ себѣ жену, ржевскую уроженку, и такимъ образомъ вновь у меня завязались связи со Ржевомъ, на другой почвѣ, но за то и болѣе прочно...

Первое время моей возобновившейся московской жизни, осенью 1866 года, я устроился опять самостоятельно въ студенческомъ кварталѣ, т. е. на Патріаршихъ Прудахъ, и пользовался маленькими сбереженіями, уцѣлѣвшими отъ ржевской жизни; небольшой частью ихъ приходилось, впрочемъ, дѣлиться съ сестрами. Большій опытъ и знакомства доставили мнѣ однако возможность скоро найти уроки и вообще съ этого времени, можно считать, мой пролетарски-студенческій образъ жизни прекратился на продолжительное время, т. е. другими словами—я уже получалъ далѣе такой изрядный заработокъ (и помимо того маленькую стипендію отъ университета, что-то около 8 руб. въ мѣсяцъ), что не только могъ существовать безъ нужды, но даже дозволять по временамъ нѣкоторую относительную роскошь, какъ, напр., обзавелся одно время золотыми часами, хорошимъ костюмомъ, которые въ трудные минуты жизни отправлялись вновь къ тому же Чистякову впредь до лучшихъ временъ „учиться закладному праву“, какъ мы острили тогда надъ своей нуждой и безалаберностію... Лишь въ одинъ дальнѣйшій періодъ моей студенческой жизни, но гораздо позднѣе, незадолго передъ моей командировкой за границу, мнѣ опять пришлось нѣсколько мѣсяцевъ испытать нужду и бѣдность, но далеко уже не въ такихъ размѣрахъ, какъ въ раннее время университетской жизни...

Иванъ Янжулъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Темное царство.

(Черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка).

III [1]).

Объѣзжіе головы и съѣзжій дворъ.

Наблюденіе за тѣмъ, чтобы на этомъ торжищѣ все было „стройно и бережно“, поручалось назначавшемуся ежегодно Разрядомъ „объѣзжему головѣ“. Вся Москва была раздѣлена на участки, „объѣзды“; изъ нихъ важнѣйшимъ послѣ Кремлевскаго былъ „объѣздъ“ въ Китаѣ-городѣ. Въ объѣзжіе головы сюда назначался обыкновенно человѣкъ, опытный въ полицейской службѣ, большею частью изъ стольниковъ. Были особые спеціалисты полицейскаго дѣла, которые преимущественно передъ другими неоднократно назначались въ Китайскій объѣздъ; таковы были выѣхавшіе въ 1630 году изъ Царя-града съ рекомендаціей отъ Іерусалимскаго патріарха Ѳеофана, Анастасъ и Ѳедоръ Алибеевы (или Ахметъ-Алибеевы) Македонскіе, заявившіе, что они „въ огаренскомъ (агарянскомъ) роду великаго человѣка дѣти, по-турски княжата“; кн. Ѳедоръ былъ въ Китайскомъ объѣздѣ въ 1647, 1654, 1667 и 1670 годахъ и кромѣ того вмѣстѣ съ кн. Анастасомъ въ 1651 и 1669 годахъ. Въ виду важности Китайскаго объѣзда при головѣ большею частью состоялъ дьякъ; одинъ старый подьячій и трое молодыхъ; нѣсколько рѣшеточныхъ приказчиковъ (въ 1669 году пять), дозиравшихъ уличные караулы, и стрѣльцы составляли персоналъ „съѣзжаго двора“, какъ называлась присутственная камера объѣзжаго головы. Кромѣ того при съѣзжемъ дворѣ состояло для письма нѣсколько „площадныхъ подьячихъ“ по назна-

[1]) См. „Русск. Стар.“ іюнь 1909 г.

ченію Земскаго приказа, прикладывавшихъ между прочимъ за неграмотныхъ руки къ челобитнымъ. Рѣшеточные приказчики присылались изъ Земскаго приказа, стрѣльцы—изъ Стрѣлецкаго, подьячіе—изъ разныхъ приказовъ. Всѣ эти люди высылались изъ приказовъ очень туго; высылали одного, двухъ, а потомъ „сказывали, больше того отъ нихъ не будетъ, потому что у нихъ люди въ разсылкѣ“, и объѣзжій голова справедливо жаловался на то, что у него „за тѣмъ дѣло Государево стало“. Объѣзжіе головы находили нужнымъ имѣть до 70 человѣкъ стрѣльцовъ, но въ 1665 году на съѣзжемъ дворѣ было всего 20 стрѣльцовъ,и только послѣ поджога въ Суконномъ Смоленскомъ ряду 16 мая 1665 года было указано „прибавить стрѣльцовъ къ прежнимъ къ 20 человѣкамъ 30 человѣкъ“. Но въ 1670 году на съѣзжій дворъ опять было прислано всего 10 стрѣльцовъ, и только послѣ того, какъ объѣзжій голова заявилъ, что „тѣми малыми людьми дѣлать ему нечего“, было указано „дать въ прибавку стрѣльцовъ десять же“. Иногда вмѣсто стрѣльцовъ присылались одни „черно слободцы“, т. е. Московскіе посадскіе люди. Въ концѣ XVII вѣка дѣло какъ будто нѣсколько упорядочилось; по крайней мѣрѣ, одни и тѣ же подьячіе назначилась въ объѣздъ изъ году въ годъ, и въ 1693 году изъ 4 подьячихъ одинъ бывалъ въ объѣздѣ 11 лѣтъ подрядъ, другой—6 лѣтъ [1]).

Съѣзжій дворъ не имѣлъ особаго помѣщенія. Обыкновенно объѣзжій голова со свитой стоялъ на какомъ-нибудь архіерейскомъ или монастырскомъ подворьѣ, которыхъ много было въ Китаѣ-городѣ, въ 1667 году, напримѣръ, на Вологодскомъ архіерейскомъ подворьѣ въ Воскресенскомъ (теперь Черкасскомъ) переулкѣ. Въ 1670 году для объѣзжихъ былъ купленъ въ Ветошномъ ряду (т. е. выходившій одною стороною въ крайній Ветошный рядъ) „дворъ, что бывалъ суконной сотни Алексѣя Кляпошникова“; этотъ дворъ сильно пострадалъ отъ пожара, „остались лишь палаты каменныя поземныя, только однѣ стѣны, и тѣ ветхи, да двѣ печи, а и тѣ отъ пожару развалились“. Каменный приказъ исправилъ „рухомыя мѣста, безъ чего по самой мѣрѣ быть было не мочно“, но уже въ августѣ 1671 года съѣзжему двору было велѣно очистить это помѣщеніе. Пріютившіеся было на дворѣ Михайлы Татищева на Ильинкѣ объѣзжіе скоро были изгнаны изъ этого убѣжища, такъ какъ на дворѣ „хоромы съ мѣста были проданы“ и ихъ „почали ломать“; объѣзжіе должны были „стоять безъ съѣзжаго двора на Красной Площади у церквей, у Пятницъ (sic), что на Рву, на папертѣхъ“, несмотря на то,

[1]) Пр. 413, 506; 1655, 122; 1710, 184; 1837, 51. О въѣздѣ въ Россію князей Македонскихъ см. Бѣлгор. стола ст. 83, л. 32.

что „пришли осеннія ночи и пора холодная“. Послѣ этого подъ съѣзжій дворъ стали опять отводить изъ „монастырскихъ подворій, гдѣ пригоже“ до 1686 года, когда былъ построенъ деревянный съѣзжій дворъ позади Казанскаго собора. Впрочемъ, этотъ дворъ вскорѣ былъ взятъ „подъ школы“, а хоромы свезены были на Пушечный дворъ [1]), и объѣзжіе по-прежнему стали помѣщаться или на подворьяхъ, или на наемныхъ квартирахъ, какъ это было въ 1692—95 годахъ, когда они стояли на дворѣ Архангельскаго собора попа Власа, платя ему „оброкъ“ по 2 рубля по 16 алтынъ по 4 деньги на годъ [2]).

Въ помощь объѣздчикамъ обыватели должны были нести уличную караульную службу, и дежурные дворники существовали гораздо ранѣе послѣдней четверти XIX вѣка.

Уже въ XVII вѣкѣ съ обывательскихъ дворовъ наряжалось на дневные и ночные караулы „съ меньшихъ чиновъ съ 10 дворовъ по человѣку, а съ большихъ чиновъ по человѣку съ двора“; караульные должны были „стеречь у воротъ своихъ“. На ночь большая часть улицъ запиралась рѣшетками, а „на улицахъ, гдѣ рѣшетокъ не было, и по всѣмъ переулкамъ указано было сдѣлать надолобы и на ночь тѣ надолобы заметывать, чтобъ воровскимъ людемъ проходу и проѣзду не было“; у рѣшетокъ и надолобовъ стояли караульные „съ рогатины и съ топоры и съ бердыши“. Ночью не такъ легко было пробраться черезъ сѣть рѣшетокъ и надолобовъ; караульщикамъ было приказано, „кто въ ночи поѣдетъ или пѣшъ пойдетъ, и тѣхъ людей распрашивать, а, распрося, провожать до тѣхъ мѣстъ, куды ѣдетъ или идетъ, и... буде не въ томъ объѣздѣ, провожать отъ караула до караула и отдавать и приказывать про нихъ имянно, кто куда ѣдетъ или идетъ“. Для надзора за тѣмъ, чтобы сами караульщики на караулахъ „не спали и не бражничали и ни за какимъ воровствомъ не ходили“, у рѣшетокъ находились рѣшеточные приказчики; кромѣ того выбирались въ десятскіе надежные люди, „кого съ такое дѣло стало“; объѣзжіе головы „росписывали десятни“, т. е. разверстывали караульную службу и составляли списки сторожей.

Въ Китаѣ-городѣ организація караульной службы была сложнѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ Москвы. Въ рядахъ караульщики были двухъ родовъ, кровельные и замочные. Кровельные караульщики дежурили лѣтомъ на кровляхъ лавокъ, наблюдая за тѣмъ, чтобы гдѣ-

---

[1]) Пушечный дворъ занималъ уголъ Неглинnаго и Театральнаго проѣздовъ.

[2]) Пр. 413, 325, 535, 538, 677, 326; 1710, 10.

нибудь не вспыхнулъ пожаръ; ихъ „спускивали съ рядовъ“ обыкновенно на праздникъ Покрова Богородицы. Замочные караульщики ночью „ходили безпрестанно“ въ запертыхъ рѣшетками рядахъ, имѣя при себѣ ключи отъ замковъ, запиравшихъ рѣшетки. Надежными сторожами рядовъ были и „злые псы, ворчуны зубастые“; для нихъ въ ряды привозили дохлыхъ коровъ и „стравливали“ имъ даже съ „кожею“. Торговымъ людямъ ежегодно приказывалось „учинить сторожей съ 10 лавокъ по человѣку и выбрать десятскихъ, кого пригожо“. Караульщики служили „по выбору мірскихъ лавочныхъ людей“, „съ поручною записью“. Въ однихъ рядахъ караульщики были „по найму“, въ другихъ рядахъ, какъ въ Сырейномъ, Масляномъ и Сельдяномъ, торговые люди „караулили въ лѣто на кровляхъ сами поочередно, а наемщиковъ у нихъ не было“. Вообще въ „наличныхъ“ рядахъ, т. е. выходившихъ на площадь или крестцы, караульная повинность была тяжелѣе, чѣмъ въ рядахъ, находившихся въ серединѣ. Въ этихъ послѣднихъ, какъ напримѣръ, въ Зелейномъ, были замочные караульщики, но у нихъ „на кровляхъ караулу не бывало, а караулили ихъ наличныхъ рядовъ караульщики“ [1]).

Тѣ ряды, гдѣ „лавокъ было малое число, а иныя лавки пусты“, какъ, напримѣръ, Ветошный, Сапожный, оставались вовсе безъ карауловъ. Торговые люди тяготились караульной повинностью. Въ 1674 году торговые люди Нижняго Соляного ряда прислали на съѣзжій дворъ двухъ десятскихъ, но одинъ изъ нихъ оказался хромымъ, а другой уже выбраннымъ въ уличные караульщики; послѣ этого съ 8 апрѣля по 1 августа оттуда на съѣзжій дворъ „десятскихъ не приваживали“; 1 августа объѣзжему удалось сбить на съѣзжій дворъ изъ Нижняго Соляного ряда „молодчихъ людей“, но они объявили, что „безъ лучшихъ людей въ десятскіе выбирать не смѣютъ“, и, „не дождався лучшихъ людей“, за которыми былъ посланъ подьячій, „съ съѣзжаго двора пошли“. Караульщики всячески старались сократить срокъ своей службы: едва наступало 1-е октября, какъ кровельные караульщики начинали жаловаться на то, что они „на рядахъ зябнутъ и помираютъ голодною смертью“, и просили ихъ „съ карауловъ отпустить для нынѣшняго студенаго времени, чтобы имъ голодомъ и холодомъ не помереть“. Объѣзжій голова долженъ былъ „безпрестанно“ досматривать „уличныхъ сторожей и лавочныхъ карауловъ“. Объѣздчики старались застать караульщиковъ врасплохъ, помѣшать не спавшимъ разбудить спавшихъ. Въ 1674 году, напримѣръ, замочный сторожъ Холщеваго ряда,

[1]) Б. 1360, 161; М. 1000, ст. 2, 31, 33, 35; Пр. 1061, 83; 1512, 220; 2513, 71.

не имѣвшій права отходить отъ рѣшетки, былъ наказанъ батогами за то, что въ ночь на 21 іюля „не откликнулся“ объѣздчикамъ и „рѣшетки имъ съ часъ не отперъ“; „знатно, догадывался объѣзжій голова, что онъ ходилъ по рядамъ караульщиковъ будить, которые въ то время спали на кровляхъ“. Досмотру главнымъ образомъ подлежали опять-таки „наличные“ ряды, и объѣзжіе головы сознавались, что, „которые ряды въ серединѣ межъ рядами, и тѣ ряды ночью запираются запорами, и тѣми рядами не токмо что ночью проѣхать, и въ день проѣзду нѣтъ“. Досматривать караулы объѣзжій голова долженъ былъ лично, и объѣзжему кн. Ѳ. Юр. Борятинскому въ 1674 году было поставлено въ вину, что онъ, будучи „боленъ зубною болѣзнью съ недѣлю или дней съ десять“, послалъ вмѣсто себя ночью для досмотра дьяка Симона Калинина; Калинину же было объявлено, что „буде онъ, Симонъ, впредь безъ князя Ѳедора Борятинскаго въ объѣздъ поѣдетъ... и ему, Симону, отъ Великаго Государя быть въ жестокомъ наказаньѣ“. Иногда для контроля надъ самими объѣзжими головами, какъ это было 13 іюля 1676 года, назначалось нѣсколько дьяковъ „досмотрѣть“ ночью въ извѣстныхъ частяхъ столицы, „есть ли въ тѣхъ мѣстѣхъ сторожи, и по скольку человѣкъ гдѣ стоятъ, и гдѣ нѣтъ“ [1]).

Сообщ. В. Шереметевскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

[1]) М. 1000, ст. 2, 26, 29; Б. 1360, 161; Пр. 413, 243; 2513, 71—89, 108—123.

Записки сенатора Есиповича [1].

26 февраля 1888 г.

Сегодня скончался въ Берлинѣ германскій Императоръ Вильгельмъ 91 года.

„Великаго человѣка не стало, Великій Императоръ сошелъ со сцены міра“! Таковъ всеобщій голосъ во всемъ мірѣ.

Великимъ я называю человѣка, который указалъ народамъ новые, болѣе вѣрные пути къ правдѣ, истинѣ, добру и христіанской любви, а слѣдовательно и къ возможному счастію на землѣ, который утвердилъ въ нихъ идеи, наиболѣе согласныя съ человѣческимъ достоинствомъ, который помогъ имъ хоть сколь-нибудь освободиться отъ гнета дикихъ понятій и предразсудковъ, оставленныхъ имъ въ наслѣдство прежними варварскими временами.

Ничего подобнаго не сдѣлалъ Императоръ Вильгельмъ, прожившій почти столѣтіе. Онъ съ своимъ желѣзнымъ канцлеромъ Бисмаркомъ были создателями величайшаго милитаризма сначала у себя въ Германіи и наконецъ во всей Европѣ, которую покойникъ вооружилъ почти всю поголовно; онъ оставилъ всю Европу въ такомъ положеніи, что не сегодня завтра она должна начать небывавшую до сихъ поръ разрушительную войну, которая грозитъ даже слабымъ слѣдамъ цивилизаціи, едва, едва сохранившимся донынѣ вопреки провозглашенному имъ новому безчеловѣчному принципу поклоненія одной грубой физической силѣ.

Да хранитъ благое Провидѣніе родъ людской отъ такихъ великихъ людей.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ сентябрь 1909 г.

„Но онъ объединилъ Германію! Онъ создалъ могущественную Германскую Имперію“!

А для чего и для кого это нужно. Счастливѣе-ли, человѣчнѣе-ли сдѣлалась отъ этого Германія. Вмѣсто маленькихъ, мирныхъ государствъ, соперничавшихъ другъ съ другомъ и съ сосѣдними народами только въ наукахъ и искусствахъ, теперь образовался въ центрѣ Европы сей пошлый солдатскій лагерь, угрожающій всей Европѣ, всему міру дикимъ вторженіемъ, варварскимъ разрушеніемъ и уничтоженіемъ всего того, что еще свято и дорого всему человѣчеству.

Нужна ли такая Германія для человѣчества.

Очевидно, что главною цѣлью ближайшаго будущаго должно быть разрушеніе почти всего того, что создали Императоръ Вильгельмъ и г. Бисмаркъ. Европа можетъ успокоиться только тогда, когда не будетъ созданной ими единой Германіи, когда поднимутся изъ пепла прежнія мирныя патріархальныя небольшія государства нѣмецкія, которыя, никому не угрожая, могли бы служить только предостереженіемъ для кровожадныхъ завоевателей, ибо всегда имѣли бы возможность соединиться съ тою сторонбю, на которую было бы сдѣлано несправедливое нападеніе.

Но когда же человѣчество перестанетъ провозглашать великими людьми тѣхъ, кто надѣлали ему наиболѣе зла?

Жалкое, бѣдное, глупое человѣчество!..

4/16 марта состоялось погребеніе Императора Вильгельма. Погребеніе было облечено величайшею торжественностію. Болѣе милліона людей провожало Императора въ Шарлоттенбургскій мавзолей, множество вѣнценосцевъ, всѣ наслѣдники престоловъ великихъ державъ шли за его гробомъ. Слѣдовательно, всѣ признавали, что хоронятъ великаго монарха, великаго благодѣтеля человѣчества.

Между тѣмъ за нѣсколько дней до этихъ пышныхъ похоронъ появились манифестъ и рескриптъ новаго Императора Фридриха на имя Бисмарка. Особенно послѣдній изъ этихъ актовъ произвелъ не только во всей Германіи, но и во всей Европѣ (за исключеніемъ, можетъ быть, одной Австріи) самое отрадное впечатлѣніе именно тѣмъ, что въ этомъ актѣ выразились совсѣмъ иной духъ, совсѣмъ другое направленіе, нежели тѣ, которыми были проникнуты акты предъидущаго царствованія. Какъ будто въ душную атмосферу злобы, ненависти, наглой лжи, угрозъ и хвастовства прорвалась свѣжая струя мира и спокойной увѣренности, что для человѣчества нѣтъ необходимости проливать человѣческую кровь, истреблять плоды цивилизаціи и разрушать села, города и государства для

возвеличенія какого-нибудь Бисмарка. Вся Европа какъ-будто проснулась отъ тяжелаго сна, душившаго ее много лѣтъ кошмара.

Не высоко, значитъ, цѣнятся тѣ благодѣянія, которыя завѣщалъ міру Императоръ Вильгельмъ, если даже слабая надежда на возможность избавиться отъ нихъ привела всю Европу въ такой восторгъ, что она дрожитъ теперь за жизнь Императора Фридриха, который своими первыми актами подалъ ей эту надежду.

Почему же она хоронитъ Императора Вильгельма, какъ великаго человѣка, какъ своего благодѣтеля?

Надо надѣяться, что безпристрастная исторія взглянетъ на него совсѣмъ иначе.

1888 года 3-го іюня въ 11 утра час. скончался въ Потсдамѣ германскій Императоръ Фридрихъ. Сошла со сцены міра свѣтлая и благородная личность, которая появилась на ней на мгновеніе какъ будто для того, чтобъ оттѣнить собою темную личность умершаго 3 мѣсяца назадъ Императора Вильгельма, этого лицемѣрнаго ханжи-солдата, истомившаго всѣхъ своею долгою и по меньшей мѣрѣ безполезною, если не зловредною жизнію, а въ особенности оттѣнить отталкивающую звѣрскую личность императорскаго канцлера Бисмарка. Всѣ взгляды, всѣ предначертанія только-что скончавшагося Императора Фридриха были радикально противоположны грубой, тупоумно-эгоистичной и безчеловѣчной бисмарковской политикѣ. Европа начинала надѣяться, что этой политикѣ насталъ конецъ, что начинается новое, лучшее время, и вдругъ всѣ ея надежды разлетѣлись, какъ дымъ...

Опять начинаются для нея тяжелые, безотрадные дни, которымъ и конца не предвидится. Опять наступаетъ бисмарковскій кошмаръ: опять безчестныя и фальшивыя интриги и тревоги, опять искусственно возбуждаемыя смуты въ государствахъ и между государствами, опять безконечная бисмарковская фальшь и ложь, опять кровавый призракъ грядущей европейской бойни.

На какомъ однакожъ низкомъ уровнѣ стоитъ человѣчество, если всѣ его блага, самыя дорогія, самыя неприкосновенныя, миръ, спокойствіе и благоденствіе народовъ зависятъ отъ одной какой-либо личности, какая бы личность это ни была—благородная ли личность Фридриха, или звѣрообразная личность Бисмарка. Все зависитъ отъ того, кто кого переживетъ. Пережилъ Бисмаркъ—готовься Европа, и, разумѣется, Германія ко всѣмъ бѣдствіямъ, какія только въ состояніи измыслить его человѣконенавистный умъ. А умъ этотъ можетъ измыслить много зла, много фальши, много путаницы, много лжи. На это онъ неистощимъ; безсиленъ онъ только на добро. Въ этомъ

его особенность. Такое ужь клеймо наложила на него природа, и съ этимъ клеймомъ пройдетъ онъ въ исторію, какъ мѣченный раскаленными штемпелями каторжникъ. Итакъ, торжествуй общеевропейское международное пугало—твоя пора наступила...

Но будетъ же конецъ и ей, и тебѣ.

6-го іюня, т. е. на третій день послѣ смерти, совершилось погребеніе Императора Фридриха. Императоръ выразилъ желаніе, чтобъ погребеніе его тѣла было совершено скромно и безъ пышности. Такія желанія покойниковъ не всегда исполняются; но желаніе Фридриха было исполнено въ точности его наслѣдникомъ. Исполнено оно было и австрійскимъ Императоромъ, который не прислалъ даже никого присутствовать при погребеніи того, за кѣмъ онъ при жизни усердно ухаживалъ. Не исполнили этого желанія только русская Императорская и англійская Королевская фамиліи, отъ которыхъ представителями прибыли въ Потсдамъ: отъ первой Великій Князь Владиміръ Александровичъ, братъ Императора, а отъ второй принцъ Уэльскій.

И вотъ похоронили этого страдальца и мученика скоро и скромно, какъ только скоро и скромно можно было это сдѣлать. Совсѣмъ не такъ, какъ Императора Вильгельма. Впрочемъ между ними всегда существовалъ полный контрастъ. Вѣроятно, останется полный контрастъ и въ исторіи, по крайней мѣрѣ въ исторіи цивилизаціи, потому, что не можетъ же послѣдняя сказать о милитаризмѣ Вильгельма и руководителя его Бисмарка того, что она скажетъ о гуманности, миролюбіи и широтѣ взглядовъ на жизнь народовъ Императора Фридриха III.

Кратко было его царствованіе, но долго не забудется. Миръ праху этого несчастнаго, но благороднаго государя!..

Князь Бисмаркъ, прославленный такимъ жестокимъ, угрюмымъ и суровымъ, что его прозвали даже желѣзнымъ канцлеромъ, оказывается человѣкомъ съ самыми нѣжными привычками: онъ до страсти любитъ цѣловать руки, разумѣется, не у всѣхъ и каждаго, а только у своихъ императоровъ. Это обнаружилось очень недавно. Цѣловалъ ли онъ руки у Вильгельма I, что-то не помню, но послѣ восшествія на престолъ Императора Фридриха III, котораго этотъ нѣжный канцлеръ ненавидѣлъ всею душею, нѣсколько разъ случалось мнѣ читать въ газетахъ, что Бисмаркъ цѣловалъ ему руки. То же самое продѣлываетъ онъ и съ новымъ Императоромъ Вильгельмомъ II, который его обожаетъ. То и дѣло приходится читать, что князь Бисмаркъ поцѣловалъ руку у своего обожателя: Вильгельмъ II прочелъ рѣчь въ Германскомъ Рейхстагѣ—князь Бисмаркъ

поцѣловалъ ему руку; Вильгельмъ II прочелъ рѣчь Прусскому Сейму, Бисмаркъ опять припадаетъ къ его рукѣ.

Это сдѣлалось извѣстнымъ потому, что цѣлованіе руки въ послѣднихъ случаяхъ происходило публично, при всѣхъ. Цѣлуетъ ли онъ руки у молодого императора наединѣ, — не извѣстно. Но почему же и не цѣловать, когда это, по его разсчетамъ, ему выгодно.

Очень мирный царедворецъ, этотъ добродушный, искренній и задушевный старецъ, который однако зажегъ бы съ легкимъ сердцемъ Европу со всѣхъ концовъ, если бы не боялся самъ сгорѣть во всеобщемъ пожарѣ.

Люди, которыхъ современники признаютъ великими, могутъ служить мѣриломъ достоинства того вѣка, который провозглашаетъ ихъ великими. Не богаты нравственными и умственными достоинствами вѣка, считавшіе великими Аттилу, Чингисъ-Хана, Тамерлана и имъ подобныхъ; не богатъ этими достоинствами и 19 вѣкъ, провозгласившій великими Наполеоновъ и князя Бисмарка.

Скудны были умственныя и нравственныя силы современниковъ, этихъ кумировъ, давшія имъ возможность подняться выше всѣхъ своихъ современниковъ и направить ихъ такъ, какъ угодно было этимъ проходимцамъ. Не добромъ помянетъ ихъ всѣкъ безпристрастная исторія, — съ презрѣніемъ отзовутся о нихъ потомки:

„И прахъ ихъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ“...

Ничего другого, конечно, и не заслуживаютъ ни злые геніи человѣчества, прославленные великими, ни современники, прославившіе ихъ таковыми. Но не справедливо подводить подъ одинъ общій стихъ и тѣхъ немногихъ современниковъ, которые, не сочувствуя этому позорному прославленію, не могли однакожъ ничего сдѣлать по той простой причинѣ, что одинъ въ полѣ не воинъ.

17 января 1892 года.

Я давно уже не веду своихъ записокъ, потому что все свободное время, котораго у меня впрочемъ очень мало, посвящаю для окончанія своего разсужденія: Memento mori; но одно обстоятельство, случившееся вчера, вынуждаетъ меня внести его въ свои записки.

13-го октября скончался Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Сегодня должно быть (т. е. назначено) перевезеніе его тѣла изъ Павловска въ Петропавловскій Соборъ. Какъ разъ наканунѣ этого дня,

*

т. е. вчера ввечеру, получилъ я по почтѣ изъ Москвы письмо, подписанное такъ: „Его Пр-ву Якову Григорьевичу Есиповичъ. Первоприсутствующему во 2 Департаментѣ Сената". Распечаталъ и что же нахожу? Печатное воззваніе отъ какой-то группы народовольцевъ къ возстанію противъ правительства и къ ниспроверженію существующаго порядка силою, при чемъ воззваніе начинается, какъ будто въ видѣ поощрительнаго примѣра, указаніемъ на устраненіе самодержца 10 лѣтъ тому назадъ!..

Все это меня очень смутило особенно потому, что сегодня Государь будетъ слѣдовать за гробомъ своего дяди черезъ весь Петербургъ. Я счелъ необходимымъ тотчасъ же передать это воззваніе товарищу министра внутр. дѣлъ Н. Н. Шебеко, чтобъ они могли принять надлежащія мѣры для огражденія жизни Государя. Генералъ-лейтенантъ Шебеко успокоилъ меня, сказавъ, что ему это воззваніе уже извѣстно, что вся эта группа вѣроятно состоитъ изъ какихъ-нибудь мальчишекъ, и что Государю не можетъ отъ нея угрожать никакой опасности.

Послѣднее обстоятельство для меня самое главное. Все прочее пустяки, какая же опасность можетъ угрожать государству отъ полоумныхъ людей, которые разсылаютъ свои нелѣпыя воззванія первоприсутствующимъ сенаторамъ? Неужели у нихъ нѣтъ настолько смысла, чтобы понять, что сенаторы сами составляютъ корпорацію, входящую въ составъ высшаго правительства, что сенаторы не только не могутъ сочувствовать ихъ противоправительственнымъ воззваніямъ, но не могутъ и оставлять ихъ безъ передачи тѣмъ органамъ правительства, на которые возложены обязанности охранять въ государствѣ порядокъ и мирное (а не насильственное) развитіе жизни. Неужели же сенаторы заслужили того, чтобъ кто-нибудь считалъ ихъ способными зажмуривши глаза, съ легкимъ сердцемъ, измѣнять самымъ священнымъ своимъ обязанностямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и здравому человѣческому смыслу?

Надо думать, что подобная разсылка революціонныхъ воззваній и прокламацій не болѣе, какъ безпомощная бравада пошлыхъ мальчишекъ, которые ничего не могутъ сдѣлать противъ существующаго государственнаго строя и въ этомъ отношеніи не представляютъ никакой опасности, но которые страшно вредны тѣмъ, что изъ нихъ вырываются по временамъ такіе дѣйствительно шальные висѣльники, sans foi ni loi, которые, не понимая даже сами, что они дѣлаютъ, могутъ совершить единичное покушеніе ужасныхъ размѣровъ. Вотъ почему было бы глупо и преступно оставлять такихъ мальчишекъ безъ надзора, не обращая вниманія на ихъ преступную

галиматью, когда они становятся такъ дерзки, что осмѣливаются разсылать ее печатно по почтѣ, въ родѣ вызова правительственнымъ лицамъ.

15 февраля.

Разсужденіе „Memento mori“, о которомъ упомянуто выше, было прежде озаглавлено: „Человѣку быть или не быть“. Въ цѣломъ оно уже давно готово. Теперь я его исправляю и измѣняю только въ частяхъ безъ всякаго впрочемъ измѣненія существеннаго. Я хотѣлъ напечатать его еще въ 1890 г. Для этого я передавалъ его А. Ѳ. Кони, прося его предложить это разсужденіе, если признаетъ возможнымъ, „Вѣстнику Европы“, но получилъ обратно при письмѣ, въ которомъ Анатолій Ѳедоровичъ писалъ: „Спѣшу препроводить къ Вамъ интереснѣйшій и глубокій трудъ Вашъ вмѣстѣ съ письмомъ редактора „Вѣстника Европы“. Въ этомъ письмѣ Г. Стасюлевичъ написалъ: „Къ сожалѣнію, журналъ не можетъ воспользоваться доставленнымъ Вами трудомъ. По своему содержанію этотъ трудъ выходитъ за предѣлы программы журнала такого, какъ „Вѣстникъ Европы“, и могъ бы, я думаю, найдти себѣ помѣщеніе въ серьезномъ философскомъ изданіи Н. Я. Грота въ Москвѣ“.

Въ 1891 г. я послалъ это разсужденіе Н. Я. Гроту, прося, если признаетъ возможнымъ, напечатать его въ журналѣ: „Вопросы философіи и психологіи“. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ помощникъ Грота, Г. Колубовскій прислалъ мнѣ въ Петербургъ письмо, редакціонный комитетъ нашелъ мою статью неудобной для помѣщенія въ журналѣ „Вопросы филос. и психологіи“. Письмо это не застало меня въ Петербургѣ, а потому статья моя еще нѣсколько мѣсяцевъ пролежала въ конторѣ журнала „Вопросы фил. и псих.“ и только въ октябрѣ 1891 г., возвращаясь изъ Крыма въ Петербургъ черезъ Москву, я получилъ отъ Колубовскаго мою статью, при чемъ онъ любезно отозвался, что это очень симпатичная статья, но слишкомъ велика для ихъ журнала.

Какъ бы интересенъ и глубокъ ни былъ мой трудъ, по отзыву сенатора Кони, какъ бы симпатична ни была моя статья, по отзыву Г. Колубовскаго, меня эти отзывы нисколько не вводятъ въ иллюзію. Я очень хорошо сознаю, что и редакція „Вѣст. Европы“ и редакція „Вопросовъ Ф. и П.“ признали мое разсужденіе для нихъ не годнымъ и не нужнымъ. Спорить съ ними объ этомъ, опровергать ихъ мнѣніе было бы съ моей стороны нелѣпо. Редакція каждаго журнала лучше меня понимаетъ, что ей нужно, полезно и выгодно и какія статьи болѣе по вкусу читателямъ ея изданій. При томъ же никто въ своемъ дѣлѣ не судья, тѣмъ болѣе я не могу

быть судьею въ такомъ дѣлѣ, которое я болѣе 30 лѣтъ считалъ для себя нужнымъ и необходимымъ и которое для другихъ оказывается лишнимъ, чтобъ не употребить другого слова, менѣе снисходительнаго къ авторскому самолюбію.

Впрочемъ, я писалъ это разсужденіе не изъ авторскаго самолюбія. Это было совсѣмъ другое. Въ этомъ заключалось для меня удовлетвореніе такой духовной потребности, оставленіе которой безъ удовлетворенія могло бы довести меня до отчаянія, до презрѣнія къ самому себѣ и ненависти ко всему міру.

Въ 1855 году была осада Севастополя, та легендарная осада, которая весь цивилизованный міръ привела въ изумленіе геройствомъ осажденныхъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ мой братъ. Едва кончивъ курсъ въ военномъ инженерномъ училищѣ, онъ, по вызову Тотлебена, поѣхалъ въ Севастополь двадцатилѣтнимъ юношею полнымъ жизни, силы и надеждъ. Ему поручено было строить самый передовой Камчатскій люнетъ. На этомъ передовомъ боевомъ пунктѣ онъ распоряжался 6 недѣль, и вдругъ англійская пуля поразила его и черезъ нѣсколько часовъ онъ умеръ.

Я былъ тогда самъ молодъ, я вовсе не думалъ о смерти — и вдругъ такая смерть! Неужели же человѣкъ все равно, что воробей, бодръ, веселъ и мгновенно маленькимъ кусочкомъ свинца убитъ, спрашивалъ я себя. Убитъ,—мертвъ,—а что такое смерть? Что такое жизнь? Неужели смерть уничтожаетъ всего человѣка и ничего, ничего не остается?

Этотъ вопросъ мучилъ меня тридцать лѣтъ.

Наконецъ, я разрѣшилъ его для себя—я не сомнѣваюсь въ безсмертіи человѣческой души.

Затѣмъ въ жизни меня постоянно возмущало, что пошлые, ничтожные проходимцы, нахалы и наглецы изъ ничтожества доходили до богатства, знатности и почета, а скромные, умные и благородные труженники едва добывали себѣ честный кусокъ хлѣба и были чуть не въ пренебреженіи у всѣхъ. Я спрашивалъ себя: гдѣ же справедливость? За что же однимъ такое счастье, а другимъ такая жалкая жизнь?

При моихъ изслѣдованіяхъ о безсмертіи души, мнѣ необходимо было рѣшить вопросы: что такое человѣкъ? въ чемъ должна заключаться его нормальная жизнь? Какія конечныя цѣли ея и идеалы?

Я наконецъ и это разрѣшилъ для себя, и весь мишурный блескъ жизни пошляковъ, подлецовъ и наглецовъ для меня померкъ и исчезъ.

И въ исторіи и дѣйствительной, современной жизни люди, въ большинствѣ, въ массахъ, представлялись мнѣ забитыми, загнанными, запуганными. Я спрашивалъ себя: Кѣмъ, за что и почему? Я разрѣшилъ для себя и эти вопросы, убѣдившись, что люди преимущественно сами себя загнали и запугали до стихійнаго ужаса, что это должно прекратиться только тогда, когда они поймутъ, что въ ихъ рукахъ и собственное ихъ счастіе и собственное ихъ достоинство, что ни для кого нѣтъ никакого другого достоинства, кромѣ тѣхъ, которыя человѣчны, и что самимъ намъ надо сдѣлаться человѣчными—прежде всего.

Вотъ главные результаты, которыхъ я достигъ для себя своимъ разсужденіемъ, и если оно никому не нужно, то я все-таки думаю, что для меня оно было необходимо, и что безъ него мнѣ нельзя было кончить своей жизни. Смѣло могу сказать, что я, внѣ всякаго личнаго эгоизма, искренно желалъ бы всѣмъ людямъ достигнуть такихъ же результатовъ, ибо не раскаиваюсь я, что потратилъ столько силъ и лѣтъ для этого труда, хотя бы онъ никому, кромѣ меня, не былъ нуженъ.

Этотъ трудъ напечатанъ мною подъ названіемъ: „Итогъ жизни“.

Декабрь, 1893 г.

Декабрь 1893 года останется для меня навсегда памятнымъ мѣсяцемъ. Въ зимніе мѣсяцы я имѣю обычай гулять по улицамъ, когда наступаютъ сумерки для того, чтобъ не пропускать возможности пользоваться короткимъ, дневнымъ свѣтомъ для чтенія сенатскихъ дѣлъ. Поэтому 9 декабря я вышелъ на прогулку въ 4-мъ часу. Мнѣ надобно было съ Литейной перейти чрезъ Невскій проспектъ на Владимірскую. По конно-желѣзной дорогѣ отъ Николаевскаго вокзала къ Аничкову мосту проходили вагоны. У самыхъ рельсовъ стоялъ полицейскій офицеръ. Я сталъ возлѣ него. Когда прошелъ послѣдній изъ вагоновъ, и когда не было въ виду ни одного экипажа, который ѣхалъ бы по тому направленію, я пошелъ черезъ рельсы, но только-что я перешелъ ихъ, какъ меня что-то толкнуло въ плечо съ той стороны, откуда никакого экипажа ожидать было нельзя. Я упалъ и мгновенно очутился подъ дышломъ между двумя лошадьми. Крикъ ужаса раздался вокругъ меня. Но я сохранилъ полное присутствіе духа и разсудилъ, что мнѣ надо лежать молча и совершенно неподвижно, такъ какъ въ такомъ случаѣ, если на меня наѣхала карета, то я могу остаться живъ, ибо она вѣроятно пройдетъ надо мною. Но это были сани. Тогда я подумалъ, что теперь мнѣ конецъ. Но я все молчалъ. Лошадей

остановили, лишь только сани толкнули меня въ ногу. Я увидѣлъ восемь кованныхъ лошадиныхъ ногъ, которыя нетерпѣливо переступали мимо моей головы и мимо моихъ ногъ. Это былъ моментъ самый тяжелый. Вокругъ меня было глубокое молчаніе. Я слышалъ только произнесенное въ полголоса: „тише, тише, не пугайте лошадей“. Я выбрался изъ подъ лошадей, подхваченный десяткомъ рукъ. Съ удивленіемъ всталъ я на ноги и почувствовалъ, что я живъ. Передо мною стояла пара великолѣпныхъ лошадей, удерживаемыхъ сильнымъ и рослымъ кучеромъ; въ саняхъ двѣ или три дамы. Вокругъ полицейскіе офицеры, солдаты, толпа народа. Одинъ изъ офицеровъ говоритъ: „ведите лошадей въ участокъ“. — „Зачѣмъ же, возражаю я — я не заявляю никакой претензіи и дѣла начинать не буду“. — „Но это все равно, говоритъ офицеръ, онѣ должны быть отведены въ участокъ“. — Другой офицеръ замѣчаетъ, что онъ знаетъ этотъ экипажъ, что это лошади Варгунина. „А, тогда можно отпустить ихъ, если извѣстно, чей это экипажъ“, говоритъ первый офицеръ и разрѣшаетъ кучеру ѣхать далѣе.

Обращается полиція ко мнѣ и проситъ меня перейти на тротуаръ. Перехожу и замѣчаю, что я уронилъ свою палку, когда упалъ подъ лошадей. Мнѣ отвѣчаютъ, что палка будетъ найдена, а меня просятъ объявить, кто я такой? Я говорю, что считаю это едва-ли нужнымъ, такъ какъ не желаю вести никакого дѣла. Въ это время подходитъ ко мнѣ какой-то человѣкъ, съ моею палкою и говоритъ: „ваше превосходительство, Яковъ Григорьевичъ, вѣдь вы свою палочку уронили“. — „Да вы-то кто-же сами и почему меня знаете?“ спрашиваю я. — „Да я же у васъ столько лѣтъ лакеемъ служилъ и въ деревню съ вами ѣздилъ“. Такимъ образомъ мое инкогнито было разоблачено. Я, разумѣется, назвалъ себя и указалъ свое мѣстожительство.

Затѣмъ я пошелъ домой нарочно пѣшкомъ, чтобъ убѣдиться, что я могу ходить по-прежнему. Болѣла у меня лѣвая рука въ плечѣ и правая нога около пятки. Я зашелъ въ аптеку и купилъ арники.

Возвратившись домой, я нашелъ у себя замужнюю дочь свою Карпову, которая, по случаю беременности, нарочно пріѣхала изъ Орла въ Петербургъ, чтобъ имѣть возможность обратиться къ помощи извѣстныхъ петербургскихъ акушеровъ. Опасаясь испугать ее въ такомъ критическомъ положеніи, я ничего не сказалъ о своемъ приключеніи, а только удалился на нѣсколько минутъ въ свою спальню и потеръ свою руку арникою.

Сѣли мы обѣдать.

Во время обѣда прислуга вызываетъ мою младшую дочь. Оказывается, что это явился кучеръ Варгуниныхъ. „Зачѣмъ же ты пришелъ, спрашиваю я? Вѣдь я тебя простилъ и отпустилъ?“

„Да полиція требуетъ отъ меня, чтобъ я принесъ отъ Васъ записку, что вы простили“.

Я написалъ на своей визитной карточкѣ, что не желаю вести никакого дѣла и прошу оставить всякое производство безъ послѣдствія, а кучеру сказалъ въ отвѣтъ на его слезную благодарность, чтобъ онъ въ память обо мнѣ давалъ своимъ прекраснымъ лошадямъ по лишнему гарнцу овса.

Черезъ нѣсколько часовъ ввечеру градоначальникъ фонъ Валь прислалъ узнать о моемъ здоровьѣ, а на другой день самъ пріѣзжалъ съ визитомъ.

На другой день, т. е. 10 декабря въ „Гражданинѣ“ появилась очень горячая, сочувственная статья о моей 50-лѣтней службѣ и предстоящемъ моемъ юбилеѣ 14 декабря. Послѣ того во всѣхъ большихъ газетахъ („Новости“, „Новое Время“) и другихъ появились такія же статьи въ высшей степени для меня лестныя. И все это могло совпасть съ другимъ концомъ происшествія 9 декабря, если бы это происшествіе кончилось не такимъ необыкновеннымъ образомъ, какъ оно кончилось.

А кончилось оно истинно чудеснымъ образомъ. Нѣсколько секундъ восемь лошадиныхъ кованныхъ ногъ нетерпѣливо поднимались и опускались на волосокъ отъ моей головы и отъ всего меня, и ни одна нога не только не раздробила моей головы, но не коснулась даже моей шапки и вообще моей одежды. Я всталъ изъ-подъ лошадей, незнакомыя руки отряхнули снѣгъ съ моей шубы, и я какъ будто и не былъ подъ лошадями — никакого слѣда, кромѣ боли въ рукѣ... Когда я встрѣчаю теперь экипажъ, запряженный парою въ дышло, то мнѣ кажется совершенно невозможнымъ остаться невредимымъ подъ дышломъ на такомъ ничтожномъ разстояніи, которое отдѣляетъ одну лошадь отъ другой. А между тѣмъ я остался невредимымъ!...

„Тако нѣсть воля предъ Отцемъ вашимъ Небеснымъ, да погибнетъ единъ отъ малыхъ сихъ“ (Еван. отъ Матѳея, гл. 18, ст. 14). „Вамъ же и власи главніи вси изочтены суть“. (Еван. отъ Матѳея, гл. 10, ст. 30).

Проживъ болѣе 70 лѣтъ, никогда не сознавалъ я своего ничтожества и своей безпомощности такъ ясно и сильно, какъ въ ту роковую минуту 9-го декабря. Только всемогущее и всеблагое Провидѣніе могло спасти меня—и спасло!..

А съ 10-го декабря начался рядъ такихъ статей о моей пятидесятилѣтней дѣятельности и такихъ привѣтовъ мнѣ, о какихъ я и мечтать не смѣлъ, такъ что можно сказать, что съ 10-го уже начался мой юбилей.

Я вовсе не думалъ праздновать своего юбилея, но за недѣлю до него оберъ-прокуроръ 2 департамента Сената кн. Оболенскій сказалъ мнѣ, что сенаторы, оберъ-прокуратура и канцелярія 2-го департамента просятъ позволенія пріѣхать ко мнѣ 14-го декабря. Я отвѣтилъ, что для меня очень лестно, но что 14-го назначено засѣданіе 2-го департамента въ присутствіи министра внутр. дѣлъ. „Это засѣданіе, отвѣтилъ мнѣ князь Александръ Дмитріевичъ, уже перенесено на 13 декабря".

Такимъ образомъ празднованіе моего юбилея было рѣшено помимо меня.

Описаніе этого юбилея можно найти во многихъ петербургскихъ газетахъ (напр. „Новости" 15-го декабря № 345, „Правительственный Вѣстникъ", „Journal de S.-Pétersbourg", „Петербургскій Листокъ", „Сынъ Отечества" и многія др.); то, что я слышалъ о себѣ 14-го декабря у себя на квартирѣ и 15-го декабря на обѣдѣ, который давали мнѣ сенаторы у Донона, могло бы вскружить мнѣ голову, если бы я могъ позабыть предостереженіе, данное мнѣ 9 декабря. Но я надѣюсь, съ помощію Божіею, никогда не забыть его...

1894 г., февраля 5.

Отголосокъ моего юбилея, бывшаго 14-го декабря 1893 г.

Сегодня во „Всемірной Иллюстраціи" помѣщенъ мой портретъ съ подписью: „Я. Г. Есиповичъ сенаторъ, писатель. По поводу пятидесятилѣтія служебной дѣятельности". При этомъ въ томъ же № этого журнала напечатана и статья обо мнѣ. Статья эта дорога мнѣ не только по лестному для меня сочувствію ко мнѣ, но и потому, что въ ней указаны нѣкоторыя изъ моихъ статей, напечатанныхъ болѣе 30 лѣтъ тому назадъ въ „Отечественныхъ Запискахъ", „Журналѣ М. Ю." и друг. Очень хотѣлось бы мнѣ перепечатать ихъ вновь, но не знаю, удастся ли мнѣ исполнить это.

Я долженъ сознаться, что считаю себя счастливымъ, не имѣя причины краснѣть за тѣ статьи, которыя написаны и напечатаны мною уже такъ давно, въ годы моей давно минувшей молодости. Если онѣ будутъ напечатаны вновь, то онѣ будутъ только перепечатаны, а не передѣланы.

16-го февраля.

Убѣжденіе въ существованіи Бога и вѣра въ Него такъ врождены человѣчеству, что не было, нѣтъ и безъ сомнѣнія не будетъ на землѣ народа, который жилъ бы безъ нихъ. Но идея Бога такъ велика и необъятна, что она никогда и никому не была и не будетъ доступна во всей своей полнотѣ. Эта недоступная никому, по своей необъятности, идея понимается каждымъ лишь настолько, насколько это возможно для него по его развитію. А потому это пониманіе и въ человѣчествѣ развивается прогрессивно и послѣдовательно, по степени развитія человѣчества. Начавшись съ чистодѣтскаго представленія божества въ видѣ куска дерева, грубой фигуры звѣря и т. п., пониманіе божества дошло до представленія его въ видѣ отвлеченныхъ началъ добра и зла, затѣмъ въ видѣ іудейскаго мстительнаго Іеговы и, наконецъ, въ видѣ всемогущаго, но милосерднаго христіанскаго Бога. Но тѣмъ не менѣе даже для людей, просвѣтленныхъ христіанскою религіею, возвѣстившею, что Богъ есть духъ, Богъ представляется обыкновенно въ образѣ человѣческомъ, безъ сомнѣнія потому, что люди не могутъ представить себѣ ничего совершеннѣе своего собственнаго образа въ его идеальномъ совершенствѣ.

Само собою разумѣется, что для людей вполнѣ естественно представлять себѣ Бога въ томъ видѣ, какой имъ кажется самымъ совершеннымъ. Но кто же можетъ поручиться, что человѣческій образъ дѣйствительно самый совершенный не только на землѣ, но и во всей вселенной, въ безчисленныхъ видимыхъ и невидимыхъ ея мірахъ? А если это не можетъ быть признано фактомъ безспорнымъ, то нельзя быть убѣжденнымъ и въ безошибочности представленія Бога въ человѣческомъ образѣ; тѣмъ болѣе, что божественный основатель христіанской религіи возвѣстилъ, что „Богъ есть духъ“ (Ев. отъ Іоанна, гл. 4 ст. 24). Богъ можетъ быть только одинъ для всей вселенной. Если людямъ необходимо представлять Его себѣ въ извѣстномъ имъ видѣ и образѣ, то это представленіе можетъ соотвѣтствовать только самому совершенному образу во всей вселенной. А, т. к. намъ этотъ во всей вселенной совершенный образъ не извѣстенъ, то мы не можемъ составить себѣ даже приблизительнаго представленія о дѣйствительномъ образѣ Бога. Мы можемъ думать только, что онъ всесовершенный.

Если меня спросятъ, почему я говорю, что во всей вселенной можетъ быть только одинъ Богъ, то я отвѣчу, что это говорю не я,

а вся вселенная, насколько она сдѣлалась въ настоящее время доступна знанію и разумѣнію человѣческому.

Вселенная, со всѣми ея безчисленными мірами, представляется управляемою такими твердыми, вѣрными и точными законами, что и созданіе всѣхъ этихъ міровъ, и управленіе ими могутъ принадлежать только одному всеобъемлющему уму, только одной всѣмъ управляющей волѣ и только одной все создающей, все охраняющей и все покоряющей силѣ. Только при единеніи такого всеобъемлющаго ума, такой всеуправляющей воли и такой все держащей и все покоряющей силы и возможно существованіе такого сложнаго и необъяснимаго аггломерата, какимъ представляется вселенная, и такой простоты и единства въ жизни, какія мы видимъ во вселенной, насколько видѣть это намъ доступно. При отсутствіи единенія такого ума, такой воли и такой силы—существованіе вселенной въ настоящемъ ея видѣ было бы невозможно, ибо во всей ея жизни наступилъ бы такой хаосъ, который сдѣлалъ бы продолженіе этой жизни немыслимымъ.

Слѣдовательно, мы должны признать, что для всей вселенной существуетъ только одинъ Богъ, обладающій всеобъемлющимъ умомъ, всеуправляющею волею и все покоряющею силою. Образа Его мы себѣ представить не можемъ, но тѣмъ не менѣе мы имѣемъ полное основаніе предчувствовать Его въ единеніи тѣхъ аттрибутовъ, которые мы сейчасъ назвали. Аттрибуты эти однако же въ Богѣ такъ необъяснимы, а образъ Его столь совершенъ, что они недоступны для человѣческаго разумѣнія. А потому мы не колеблясь осмѣливаемся приписать Ему еще аттрибутъ таинственнаго, хотя для насъ несомнѣннаго и всесовершеннаго.

И такъ для всей вселенной, со всѣми ея безчисленными мірами, видимыми и невидимыми, есть одинъ только Богъ, для насъ, по нашей ограниченности, таинственный, но, по нашему искреннему убѣжденію, несомнѣнный и всесовершенный, обладающій всеобъемлющимъ умомъ, всеуправляющею волею и вседержащею и покоряющею силою. Онъ былъ всегда одинъ и тотъ же, неизмѣнный и всесовершенный, но представленія о Немъ слагались у людей сообразно степени ихъ собственнаго развитія. Самая высокая степень совершенства въ пониманіи Бога достигнута человѣчествомъ въ христіанскомъ ученіи. Выше этого человѣчество подняться не могло. А потому мы считаемъ себя обязанными держаться (и счастливыми, что можемъ держаться) именно этого ученія, тѣмъ болѣе, что этимъ ученіемъ, въ его чистомъ, ничѣмъ не искаженномъ видѣ, указанъ намъ единственно вѣрный, согласный съ нашею природою, и слѣдовательно, надежный путь достигнуть возможнаго счастья на землѣ

и несомнѣннаго блаженства въ будущей, неземной жизни, какъ мы старались разъяснить это въ нашемъ разсужденіи: „Человѣку быть или не быть“. Впослѣдствіи я рѣшился замѣнить это заглавіе другимъ, назвавъ это разсужденіе или вѣрнѣе изслѣдованіе: „Итогъ жизни“.

Смѣемъ думать, что мы не вводимъ никого этимъ разсужденіемъ въ какую-нибудь непоправимую ошибку.

Октябрь 1894.

Когда пронеслась по всему міру горестная вѣсть о тяжкой болѣзни Государя Александра Александровича, то почти вездѣ были высказаны о Немъ и о Россіи тѣ же самыя сужденія, какія были выражены мною въ этихъ запискахъ 17 января 1888 г., т. е. почти за 7 лѣтъ я писалъ то же самое, что теперь говорятъ и пишутъ друзья и враги Россіи. Такое совпаденіе моихъ мыслей, высказанныхъ за много лѣтъ до настоящаго времени, со всемірнымъ нынѣшнимъ приговоромъ по тому же предмету, конечно, не можетъ утѣшить меня въ великой скорби по случаю кончины Миролюбца Императора, послѣдовавшей 20 октября, но это совпаденіе утверждаетъ меня въ справедливости моихъ мыслей о значеніи этого почившаго Миролюбца для вселенной и о необходимости для нея именно такихъ великихъ людей. Да послужитъ онъ примѣромъ и образцомъ для всѣхъ государей и нашихъ и чужихъ и для всѣхъ тѣхъ государственныхъ людей, которые словомъ или дѣломъ могутъ имѣть вліяніе на утвержденіе въ мірѣ тѣхъ же благотворныхъ идей, которымъ онъ служилъ въ продолженіе всего своего царствованія. Эти идеи: всеобщій миръ, непоколебимая правда и любовь къ человѣчеству.

23 октября.

Изъ числа безчисленныхъ телеграммъ по случаю кончины Императора Александра III, отмѣчу (изъ „Новаго Врем.“ № 6700) одну, касающуюся русской литературы; „Daily News“ свидѣтельствуетъ, что „въ царствованіе Императора Александра III Россія обратилась въ опорный столбъ всеобщаго мира. Въ русской литературѣ можно почерпнуть новыя силы для воспитанія человѣчества“. До какого престижа поднялъ Россію покойный Императоръ, оберегая только миръ для всего міра, когда такъ выражается о Россіи и русской литературѣ одинъ изъ главнѣйшихъ органовъ англійской прессы, вообще мало склонной признавать чье-либо первенство или превосходство передъ Англіей въ вопросахъ цивилизаціи.

Вначалѣ 1895 г. умеръ писатель Лѣсковъ. Въ воспоминаніяхъ о немъ разсказываютъ, что онъ состоялъ на службѣ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, но ему было предложено выйти въ отставку „по несовмѣстимости литературныхъ занятій со службою".

Онъ пожелалъ, чтобъ его уволили безъ прошенія.

„Зачѣмъ же это Вамъ нужно, чтобъ безъ прошенія".

„Нужно для некролога моего и—Вашего".

Такой отвѣтъ переживетъ многіе разсказы Лѣскова, и имя его не умретъ.

Дѣйствительно: прелестно.

Прелестно также и отношеніе министерства народ. просвѣщенія къ литературнымъ занятіямъ. Чего же ждать отъ другихъ министерствъ?

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ документовъ архива Виленскаго генералъ-губернаторства.

Среди русскихъ правительственныхъ архивовъ архивъ Виленскаго, Ковенскаго и Гродненскаго генералъ-губернаторства по всей справедливости долженъ занять далеко не послѣднее мѣсто по научному интересу и важности хранящихся въ немъ документовъ.

Архивъ этотъ начинается собственно съ назначенія 1-мъ литовскимъ генералъ-губернаторомъ генералъ-аншефа (впослѣдствіи генералъ-фельдмаршала) князя Н. В. Репнина, т. е. съ 30 октября 1794 года, но этотъ первый главный начальникъ края, раздѣленнаго тогда на двѣ губерніи—Виленскую и Слонимскую, оставилъ въ немъ свои полныя глубокаго интереса личныя бумаги по прежней его военной и административной дѣятельности, и вслѣдствіе этого дѣла архива начинаются съ 1783 года. Достаточно бѣгло просмотрѣть первыя описи дѣлъ этого хранилища, имѣющія, конечно, исключительно канцелярски-практическое значеніе, чтобы въ сухихъ и не всегда исчерпывающихъ содержанія дѣла заглавіяхъ дѣлъ увидѣть матеріалы захватывающаго интереса: объ усмиреніи Репнинымъ въ 1794 году литовскаго мятежа, находившагося въ тѣсной связи съ возстаніемъ Косцюшки, о раздѣленіи Литвы на губерніи и введеніи въ ней русскаго управленія, о поѣздкахъ и переѣздахъ польскаго короля, о его перепискѣ, объ отреченіи его отъ короны, дѣла о бомбардированіи и штурмѣ г. Вильны 31 іюля 1794 года. Нельзя также пройти молчаніемъ дѣлъ, относящихся къ занятію Вильны Наполеономъ и введенію въ этомъ городѣ французскаго управленія, къ кампаніямъ 1812—14 г.г., о Виленскомъ университетѣ, обществѣ Филаретовъ (дѣло, въ которомъ былъ замѣшанъ Адамъ Мицкевичъ), о возстаніи 1831 года, заговорѣ Конарскаго и т. д., и т. д.

Въ 1867 году къ дѣлу научнаго описанія архива приступили А. Энгель и К. Гомолицкій и успѣли издать на средства генералъ-губернаторскаго управленіе три выпуска своего труда[1]), доведя его до 21 іюня 1794 года, но затѣмъ дѣло это, о которомъ съ большой похвалой отозвался извѣстный въ свое время, трудолюбивый археографъ П. А. Мухановъ[2]), прекратилось за недостаткомъ денежныхъ средствъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что напечатанный матеріалъ, въ самой значительной своей части относящійся къ нашимъ военнымъ дѣйствіямъ въ Турціи и на Черноморскомъ побережьѣ, не былъ извѣстенъ ни Соловьеву, ни Костомарову въ его монографіи: „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“, ни позднѣйшимъ изслѣдователямъ судебъ Польши и Сѣверо-Западнаго края. Въ этомъ крайне рѣдкомъ нынѣ изданіи обращаетъ на себя вниманіе переписка кн. Репнина съ Потемкинымъ по военнымъ дѣламъ.

Всѣ крупныя событія русской государственной жизни, обнимающія эпоху съ послѣдней четверти XVIII столѣтія до конца первой половины XIX вѣка, равно касаясь судебъ какъ имперіи вообще, такъ и Сѣверо-Западнаго края въ частности, оставили свои слѣды въ разсматриваемомъ архивѣ; хранящіяся въ немъ и еще невѣдомыя исторической наукѣ данныя не только проливаютъ на эти событія новый и яркій свѣтъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершенно измѣняютъ сложившіяся уже о нихъ представленія. Для иллюстраціи этого положенія достаточно указать хотя бы на слегка только затронутый въ нашей исторической литературѣ, но полный глубокаго интереса фактъ командированія императоромъ Павломъ кн. Репнина въ губерніи центральной Россіи для усмиренія мятежа помѣщичьихъ крестьянъ, возникшаго вскорѣ послѣ кончины императрицы Екатерины по поводу слуховъ, неизвѣстно откуда разнесшихся, о дарованіи имъ новымъ императоромъ воли. До сихъ поръ объ этомъ движеніи было извѣстно лишь, какъ о спорадическихъ вспышкахъ крестьянскаго недовольства крѣпостнымъ правомъ, легко поддававшихся правительственной репресіи, между тѣмъ изъ хранящихся въ архивѣ бумагъ Репнина видно, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ бунтъ принималъ настолько грозные размѣры, что приходилось усмирять отдѣльныя

---

[1]) Описаніе дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Виленскаго генералъ-губернаторства. Составилъ Андрей Энгель при содѣйствіи К. Н. Гомолицкаго. Т. I, ч.1. 1783—1791. Вильна 1869 г. Ч. 2. 1791—1794. Вильна. 1870 г. VI+984+XXXIII въ 4-ку. Третій выпускъ вышелъ подъ измѣненнымъ заглавіемъ: Архивъ Виленскаго генералъ-губернаторства, издаваемый Андреемъ Энгелемъ при содѣйствіи К. Н. Гомолицкаго. Т. II., ч. 1. Вильна 1870 г., 404 въ 4-ку. Всѣ три выпуска нынѣ большая библіографическая рѣдкость.

[2]) П. Мухановъ. Что желательно для русской исторіи, стр. 113, 114.

возставшія селенія и волости при помощи цѣлыхъ полковъ и даже артиллеріи.

Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить, что въ числѣ виленскихъ генералъ-губернаторовъ, кромѣ кн. Н. В. Репнина, управлявшаго краемъ съ 30 октября 1794 года по 26 ноября 1798 года, были также: М. И. Голенищевъ-Кутузовъ св. кн. Смоленскій—съ 19 декабря 1799 г. по 11 іюля 1801 г. и вторично съ 3 іюля 1809 года по 17 апрѣля 1812 года и участникъ трагедіи 11 марта 1801 года генер.-лейтенантъ Леонтій Леонтіевичъ Беннигсенъ—съ 11 іюля этого года по 20 сентября 1806 года.

Легко замѣтить, что предлагаемые матеріалы изъ дѣлъ обширнаго генералъ-губернаторскаго архива несистематичны и носятъ случайный характеръ. Пишущій эти строки хотѣлъ бы найти свое оправданіе въ томъ, что помимо новаго освѣщенія нѣкоторыхъ историческихъ фактовъ и лицъ, онъ желалъ обратить вниманіе ученаго міра на это драгоцѣнное для русской исторіографической науки хранилище.

I.

Бѣгство и поимка В. К. Кюхельбекера.

12 января 1826 г. литовскій военный губернаторъ генералъ-отъ-инфантеріи А. М. Римскій-Корсаковъ получилъ отъ военнаго министра А. И. Татищева слѣдующее увѣдомленіе, датированное 4 января того же года, за № 78.

„Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ сдѣлать повсемѣстное объявленіе, чтобы взяты были всѣ мѣры къ отысканію коллежскаго ассессора Кюхельбекера, и если гдѣ окажется кто-либо его скрывающій, съ тѣмъ поступлено будетъ по всей строгости законовъ противъ скрывающихъ государственныхъ преступниковъ. О сей высочайшей волѣ имѣю честь увѣдомить ваше высокопревосходительство для принятія строжайшихъ мѣръ къ отысканію коллежскаго ассессора Кюхельбекера по ввѣреннымъ управленію вашему губерніямъ. Примѣтами онъ: росту высокаго, сухощавъ, глаза на выкатѣ, волосы коричневые, ротъ при разговорахъ кривится, бакенбарды не растутъ, борода мало заростаетъ, сутуловатъ и ходитъ немного искривившись, говоритъ протяжно, ему около 30 лѣтъ“.

Въ тотъ же самый день Римскій-Корсаковъ послалъ виленскому и гродненскому гражданскимъ губернаторамъ предложенія „предписать полицеймейстерамъ, городничимъ и земскимъ исправникамъ

сдѣлать строжайшее разысканіе по городамъ и уѣздамъ, а для общаго извѣстія опубликовать изъ амбоновъ, не окажется ли на жительствѣ или временномъ пребываніи упомянутый к. а. Кюхельбекеръ по описаннымъ его примѣтамъ". Кромѣ того тогда же пошло къ виленскому полицеймейстеру предписаніе слѣдующаго содержанія: „тотчасъ съ полученія сего сдѣлать по городу Вильнѣ строжайшее разысканіе и для общаго извѣстія опубликовать жителямъ, не окажется ли здѣсь на жительствѣ или временномъ пребываніи упомянутый к. а. Кюхельбекеръ по описаннымъ его примѣтамъ, и ежели здѣсь найдется, мнѣ донести, а между тѣмъ содержать его подъ строгимъ карауломъ".

Виленскій полицеймейстеръ оказался на высотѣ призванія и блеснулъ распорядительностью: въ тотъ же день стѣны виленскихъ домовъ украсились нижеприводимымъ объявленіемъ съ параллельными русскимъ и польскимъ текстами.

Объявленіе.

„Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ сдѣлать повсемѣстное объявленіе, дабы взяты были всѣ мѣры къ отысканію коллежскаго ассессора Кюхельбекера; а ежели гдѣ окажется кто-либо его скрывающій, съ тѣмъ поступлено будетъ по всей строгости законовъ противъ скрывающихъ государственныхъ преступниковъ.— Примѣтами же онъ: росту высокаго, сухощавъ, глаза на выкатѣ, волосы корышневыя (sic), ротъ при разговорахъ кривится, бакенбарды не растутъ, борода мало заростаетъ, сутуловатъ, ходитъ немного искривившись, говоритъ протяжно, ему около 30 лѣтъ.

„Во исполненіе таковой Высочайшей воли, и въ слѣдствіе предписанія начальства, объявляется всѣмъ хозяевамъ домовъ и особо живущимъ въ оныхъ, дабы вышесказаннаго коллежскаго ассессора Кюхельбекера не принимать, не удерживать, и ни укривать (sic), ни подъ какимъ предлогомъ; а коль скоро таковой Кюхельбекеръ гдѣ-либо покажется, ту минуту дать знать полиціи или же схватить его и доставить въ оную; а кто сего не учинитъ, съ тѣмъ поступлено будетъ по всей строгости законовъ, какъ съ скрывающимъ государственныхъ преступниковъ; сверхъ того каждый обязывается стараться узнавать и развѣдывать, гдѣ бы таковой преступникъ Кюхельбекеръ могъ укрываться, и при малѣйшемъ о томъ свѣдѣніи дать знать мѣстной полиціи; а дабы невѣдѣніемъ сего никто не отговарывался (sic), то сіе объявленіе чинится чрезъ печатныя

публикаціи; а хозяевамъ домовъ и живущимъ въ оныхъ объявляется съ подписками. Вильно 12 генваря 1826 года, Виленскій полицмѣйстеръ статскій совѣтникъ Шлыковъ".

Любопытно сравнить это объявленіе съ подобнымъ же Петербургской полиціи, приводимымъ Н. К. Шильдеромъ [1])—послѣдняя все же не рискнула привлечь къ участію въ розыскахъ ни много, ни мало—все городское населеніе.

Но Кюхельбекера не было въ Вильнѣ: 16 января нарочный привезъ военному губернатору донесеніе минскаго гражданскаго губернатора Гечевича о томъ, что мимо Минска недавно проѣхали по Виленскому тракту два человѣка, одинъ изъ которыхъ близко подходилъ по примѣтамъ къ разыскиваемому Кюхельбекеру. Лицо это было одѣто въ простую крестьянскую короткую шубу и сверхъ нея въ тулупъ, покрытый рипсомъ желтозеленаго цвѣта, шапка была на немъ крестьянская же—черная овчинная съ чернымъ верхомъ, повязанная большимъ желтымъ платкомъ. Спутникъ его былъ человѣкъ средняго роста, наряженный въ худую шубенку, съ накинутою на нее синяго сукна шинелью, на головѣ имѣлъ свѣтлосѣрую шапку съ козырькомъ. Путешественники ѣхали въ возкѣ „обшитомъ лубомъ съ однимъ отбоемъ, а съ другой стороны безъ онаго" и запряженномъ парою крестьянскихъ лошадей, рыжечалою съ лысиною на лбу и сѣрой. За проѣхавшими кинулся по горячимъ слѣдамъ минскій частный приставъ Бобровичъ.

Въ то же время секретно собранными свѣдѣніями было установлено, что управляющій Полангенской пограничной таможней коллежскій секретарь Сергѣй Петровичъ Глинка приходится Кюхельбекеру свойственникомъ черезъ смоленскаго помѣщика Григорія Андреевича Глинку, женатаго на родной сестрѣ разыскиваемаго Юстинѣ Карловнѣ. Открылось также и то обстоятельство, что прежде чѣмъ появиться въ Сѣверо-Западномъ краѣ, Кюхельбекеръ побывалъ въ имѣніи сестры и выѣхалъ оттуда по дорогѣ къ Минску, взявъ съ собою ея человѣка и пару лошадей. Возникло предположеніе, что разыскиваемый намѣревается пробраться къ Полангену и тамъ съ помощью родственника своего покойнаго шурина перейти границу.

Приведенныя данныя помогли однако очень мало, и полицейскій чиновникъ, командированный въ Полангенъ, никого тамъ не обнаружилъ. Погнавшійся, какъ выше было сказано, за Кюхельбекеромъ изъ Минска по Виленскому тракту Бобровичъ прослѣдилъ лицо,

---

[1]) Имп. Николай I, т. I, стр. 457.

подходящее къ нему по примѣтамъ, вплоть до Молодечны (мѣстечко Вилейскаго уѣзда въ 110 верстахъ отъ Вильны), но далѣе слѣдъ его былъ потерянъ; не большій успѣхъ выпалъ на долю чиновника, направившагося въ погоню на угадъ по Брестъ-Литовскому тракту.

Виленскія власти съ генералъ-губернаторомъ во главѣ по всей вѣроятности долго продолжали бы пребывать въ недоумѣніи на счетъ истиннаго мѣстопребыванія Кюхельбекера, если бы 26 января Римскій-Корсаковъ не получилъ представленія гродненскаго гражданскаго губернатора съ сообщеніемъ, что 19 января въ 6 часовъ по полудни доставленъ къ нему засѣдателемъ Слонимскаго нижняго земскаго суда задержанный въ Слонимѣ 18 января на возвратномъ пути изъ Бѣлостокской области крѣпостной человѣкъ Кюхельбекера Семенъ Балашевъ, при чемъ у него были найдены паспортъ на имя рядового Кексгольмскаго мушкатерскаго полка Матвѣя Закревскаго и записка статской совѣтницы Глинки на проѣздъ въ Минскую и Могилевскую губерніи на имя ея крѣпостного человѣка.

Будучи арестованъ и допрошенъ, Балашевъ далъ слѣдующее показаніе, которое, въ виду выдающагося интереса его, приводимъ здѣсь полностью.

„1826 года генваря 19 дня допрашиванъ въ канцеляріи гродненскаго гражданскаго губернатора крѣпостной человѣкъ помѣщика Вильгельма Карлова сына Кюхельбекера Семенъ Титовъ сынъ Балашевъ 22-хъ лѣтъ, греко-россійскаго исповѣданія, безграмотный, показалъ: господинъ его Кюхельбекеръ проживалъ въ С.-Петербургѣ съ маія мѣсяца прошлаго 1825 года, квартировалъ сперва въ казармахъ морского экипажа у брата своего ротнаго командира Михаила Карловича Кюхельбекера, а послѣ перешелъ на Почтамтскую улицу въ домъ Булатова къ квартировавшему тамъ князю Одоевскому, служащему въ Конной гвардіи; будучи въ Петербургѣ, господинъ его занимался сочиненіемъ книгъ, знакомство имѣлъ съ господами Рылѣевымъ, Алберхомъ, съ княземъ Эристовымъ, офицеромъ Бестужевымъ, Дмитріемъ Балкашинымъ и другими господами, которыхъ онъ не знаетъ по именамъ и прозваніямъ.

14 декабря 1825 года часу въ 9-мъ утра Рылѣевъ прислалъ къ господину его черезъ человѣка своего записку, которую онъ прочитавъ, тотчасъ одѣлся, вышелъ изъ квартиры и цѣлый день домой не возвращался, а въ вечеру часу въ 6-мъ, когда началась пальба на Исаакіевской площади, Кюхельбекеръ, придя домой, приказалъ ему тотчасъ одѣваться и идти за собою, а когда спросилъ онъ, кому прикажетъ поручить квартиру и вещи, то онъ отвѣчалъ: „бросай все, голова дороже имѣнія“. Итакъ, взявъ только по двѣ ру-

башки, отправились изъ дома и, нанявъ у Синяго моста извозчика, поѣхали на Обуховскій мостъ, а тутъ, бросивъ извозчика, пошли пѣшкомъ переулками и, пройдя мимо заставы, вышли изъ Петербурга на большую дорогу, идущую на Царское Село. Подъ Нѣмецкою деревнею наняли извозчика одною лошадью и цѣлую ночь ѣхали, нигдѣ не останавливаясь. За Царскимъ Селомъ остановились у крестьянина, отдохнули и, покормивши лошадь, пустились къ деревнѣ Рождественску. Здѣсь пообѣдавъ и нанявъ другую лошадь, отправились къ Валуевскому кабаку. Въ Рождественскѣ Кюхельбекеръ промѣнялъ свою шляпу на крестьянскую шапку, въ которой и ѣхалъ послѣ всю дорогу. Съ Валуевскаго кабака шли пѣшкомъ верстъ съ пять проселочною дорогою до села Горекъ, находящагося въ Великолуцкомъ уѣздѣ; здѣсь въ господскомъ дворѣ прожили дней съ пять или шесть и на другой день Рождества, т. е. 26 декабря съ Горекъ отправились далѣе въ путь. Въ Горкахъ Кюхельбекеръ читалъ газеты, привезенныя изъ Великихъ Лукъ, и начитавъ, что братъ его Государемъ Императоромъ за происшествіе 14 декабря прощенъ, успокоился. Помѣщикъ села Горекъ Петръ Степановичъ Лавровъ далъ тройку лошадей, на которыхъ поѣхали черезъ Великія Луки въ деревню Алберха, проживающаго въ Петербургѣ, противъ Вознесенія, родственника Кюхельбекера, но какъ имя деревни, неизвѣстенъ. Здѣсь лошадей, взятыхъ въ Горкахъ, послали впередъ въ городъ Велижъ и велѣли тамъ кормить и дожидаться, а сами, отобѣдавъ и отдохнувъ часовъ съ восемь, взяли другихъ лошадей отъ управителя Алберха Тимофея Калиновича и пустились въ путь. Въ Велижѣ, перемѣнивъ лошадей, отправились до села Закупа, принадлежащаго сестрѣ Кюхельбекера статской совѣтницѣ Глинка. Здѣсь остановились въ домѣ старосты Ѳомы Лукьянова, который объявилъ Кюхельбекеру, что съ Петербурга гнался за нимъ курьеръ и дожидался на проѣздъ его въ городѣ Духовщинѣ, почему Кюхельбекеръ и не пошелъ во дворъ къ сестрѣ, а тотчасъ, сбросивъ съ себя одѣяніе и взявши отъ старосты крестьянскіе тулупъ, лапти, шапку, рубаху и надѣвъ на себя, отправились въ Варшаву. Староста далъ пару лошадей и извозчика Григорія Денисова, который, опасаясь погони, везъ ихъ проселочными дорогами на мѣстечко Дубровну. Съ Дубровны поѣхали на Борисовъ, но, не доѣзжая Борисова, Кюхельбекеръ Денисова отправилъ домой. Съ Борисова поѣхали двое большимъ почтовымъ трактомъ на Минскъ. Минскъ проѣхали по-утру 6 генваря и пустились почтовою дорогою къ Бресту на Несвижъ, Слонимъ, каковой городъ переѣхали 9 генваря по утру, также Пружану, Каменецъ-Литовскій и Высокое, но съ Высокаго поворотили на мѣстечко Цѣхановцы, находящееся въ Бѣло-

стокской области, но не доѣзжая Цѣхановцевъ, въ деревнѣ, которой названія не вѣдаетъ, остановились у крестьянина и переночевали. На другой день Кюхельбекеръ далъ ему на свободный проходъ пашпортъ на имя отставного Кексгольмскаго полка солдата Закржевскаго, но какъ въ семъ пашпортѣ Закржевскому поставлено 42 года, а ему показателю не болѣе 22 лѣтъ, то Кюхельбекеръ приказалъ сей пашпортъ истребить, а слѣдовать на лошадяхъ домой къ сестрѣ госпожѣ Глинкиной съ увольнительнымъ письмомъ, даннымъ въ проѣздъ въ Закупѣ отъ помянутой сестры вмѣстѣ съ показаннымъ выше пашпортомъ; самъ же Кюхельбекеръ намѣревался пробраться въ Пруссію къ родственникамъ своимъ и для сего пріискалъ было евреевъ цѣхановецкихъ для препровожденія его черезъ границу, но евреи требовали за труды тысячу пятьсотъ рублей, а какъ Кюхельбекеръ не имѣлъ съ собою болѣе, какъ 200 рублей ассигнаціями, то онъ рѣшился ѣхать въ Варшаву, и съ тѣми же самыми цѣхановецкими евреями отправился пѣшкомъ въ Цѣхановцы 14 числа настоящаго генваря, поелику сіе мѣстечко было весьма близко, онъ же, показатель, чрезъ Высокое, Пружану слѣдовалъ назадъ, но въ Слонимѣ взятъ подъ стражу съ двумя лошадьми и повозкою, которыя остались въ Слонимѣ въ вѣдѣніи нижняго земскаго суда, и какъ сіи лошади и повозка подарены ему господиномъ его при самомъ отпускѣ отъ себя, то проситъ о продажѣ всего того на законномъ основаніи и о доставленіи ему вырученныхъ денегъ, какъ за его собственность. Въ преступленіяхъ и подъ штрафами не былъ. Сверхъ того показалъ, что Кюхельбекеръ для проѣзда своего имѣлъ какой-то письменный печатный видъ".

22 января Балашевъ подъ конвоемъ казачьяго офицера и двухъ жандармовъ былъ отправленъ въ Варшаву къ Великому Князю Константину Павловичу, а 25 января Римскій-Корсаковъ получилъ отъ Цесаревича слѣдующее, завершившее всѣ хлопоты краевой администраціи, повелѣніе.

„20 генваря 1826 года № 221. Изъ предписанія моего отъ 11 сего генваря Вашему Высокопревосходительству извѣстна Высочайшая Его Императорскаго Величества воля о принятіи всѣхъ мѣръ къ отысканію коллежскаго ассессора Кюхельбекера, и что я самъ сдѣлалъ распоряженія по Высочайше ввѣреннымъ мнѣ войскамъ и губерніямъ.

Вчерашняго числа по полудни въ часъ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка унтеръ-офицеръ Никита Григорьевъ, будучи посланъ по ротнымъ дѣламъ съ однимъ рядовымъ на предмѣстье Прагу и идя тамъ по площади, встрѣтилъ человѣка, одѣтаго въ тулупѣ, крытомъ китайкою, а подъ нимъ въ простомъ нагольномъ тулупѣ

же, подпоясаннаго кушакомъ и въ русской шапкѣ, шедшаго въ городъ отъ Гроховскаго въѣзда. Сей человѣкъ, остановя его, спросилъ по-русски, тутъ ли квартируетъ гвардейская конная артиллерія. Унтеръ-офицеръ Григорьевъ отвѣчалъ ему, что нѣтъ, и спросилъ его, что онъ за человѣкъ и зачѣмъ онъ хочетъ знать о конной артиллеріи. На сіе онъ сказалъ, что крѣпостной слуга барона Моренгейма и желаетъ знать, гдѣ офицеръ оной артиллеріи Есаковъ, знакомый съ его господиномъ. Унтеръ-офицеръ Григорьевъ, вгляды-ваясь въ него и помня примѣты Кюхельбекера, о которыхъ назадъ тому нѣсколько дней въ полку было объявлено въ приказѣ и внушено объ оныхъ нижнимъ чинамъ, и находя, что оныя весьма сходствуютъ съ симъ человѣкомъ, а при томъ видя, что онъ мѣшается въ рѣчахъ, спрашивая объ конной артиллеріи тогда, когда самъ объявилъ, что находится уже съ годъ въ Варшавѣ, и потому предложилъ ему проводить его лейбъ-гвардіи въ Волынскій полкъ, говоря, что тамъ есть братъ г. Есакова, командиръ полка, который ему дастъ вѣрныя свѣдѣнія о служащемъ въ конной артиллеріи. Но человѣкъ въ тулупѣ, благодаря его нѣсколько разъ за труды, неоднократно просилъ его учтивымъ образомъ не безпокоиться и вернуться. Унтеръ-офицеръ Григорьевъ, изъ сего болѣе еще удостовѣрясь, что онъ долженъ быть сомнительный человѣкъ, повелъ его на гауптвахту, что на Прагской площади, и представилъ караульному офицеру лейбъ-гвардіи Литовскаго полка прапорщику Суровцову 2-му, который спрашивалъ его, что онъ за человѣкъ, но и ему отвѣчалъ, что барона Моренгейма. Офицеръ же его отправилъ подъ арестомъ къ коменданту, предъ которымъ уже онъ признался, что есть тотъ самый Кюхельбекеръ, котораго отыскиваютъ, вслѣдствіе чего онъ былъ тотчасъ же представленъ мнѣ и, по снятіи съ него по приказанію моему допроса, отправленъ въ С.-Петербургъ подъ строжайшимъ арестомъ, о чемъ имѣю честь увѣдомить Ваше Высокопревосходительство на тотъ конецъ, что уже не нужно болѣе продолжать мѣръ къ поимкѣ его“.

Дальнѣйшая судьба В. К. Кюхельбекера извѣстна.

Сообщ. Ю. В. Татищевъ.

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой).

Глава VIII [1]).

Старо-католики и профессоръ Тиндаль.

Интересъ англичанъ къ движенію старо-католиковъ почти исчезъ эти послѣдніе годы. Въ соединенномъ королевствѣ никто о немъ больше не говоритъ, но въ соединенныхъ штатахъ онъ процвѣтаетъ. Наши англикане стали больше островитянами. Культа Восточной церкви почти не существуетъ. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ было иначе. Въ это время епископъ Вордзвортъ, каноникъ Лиддонъ, каноникъ Макъ-Колъ, каноникъ Мейрикъ и многіе другіе члены церкви слѣдили за движеніемъ съ величайшимъ сочувствіемъ. Д-ръ Овербекъ, бывшій въ юности своей католикомъ, въ зрѣломъ возрастѣ сдѣлался православнымъ греческой церкви и издавалъ обозрѣніе, посвященное дѣлу восточной церкви. Въ теперешнее время быть можетъ лордъ Галифаксъ имѣетъ набожное стремленіе къ воссоединенію, но „между двумястами епископами, присваивающими себѣ званіе католиковъ, такъ какъ они думаютъ, что обладаютъ апостольскимъ наслѣдіемъ“, по жестокому выраженію епископа Рейнкенса, — нѣтъ ни одного представляющаго собой то, что одно время было цвѣтущей пропагандой.

Когда г-жа Новикова посѣщала Англію въ началѣ 70-хъ годовъ, главный интересъ ея заключался въ духовныхъ дѣлахъ. Признаніе непогрѣшимости Ватиканскимъ соборомъ вызвало въ русскихъ православныхъ кругахъ сильное возбужденіе. Многіе русскіе богословы, свѣтскіе и духовные, думали, что это окончательное развитіе

[1]) См. „Русскую Старину“, августъ 1909 г.

римскаго догмата заставитъ меньшинство, придерживающееся стараго порядка, отдѣлиться отъ схизматической церкви. Меньшинство, протестовавшее противъ провозглашенія непогрѣшимости, незначительное по числу было сильно по уму. Отказъ большинства сбавить свои притязанія привелъ нѣкоторыхъ членовъ этого меньшинства въ активную оппозицію. Профессоръ Мюнхенскаго университета Фрошаммеръ, занимавшій каѳедру богословія, былъ принужденъ выйти въ отставку, но былъ вновь назначенъ профессоромъ по каѳедрѣ нравственной философіи. Онъ одинъ изъ первыхъ сталъ активнымъ противникомъ новой догмы. На его сторонѣ были проф. Мишо, Веберъ, Рейнкенсъ и друг. Позднѣе въ движеніе вошелъ д-ръ Деллингеръ, хотя и въ началѣ онъ вполнѣ симпатизировалъ противникамъ декрета о непогрѣшимости. Г-жа Новикова встрѣтилась съ профессоромъ Фрошаммеромъ въ Маріенбадѣ, на нее произвели сильное впечатлѣніе его искренность, его сильная нравственная настойчивость и его пылкое чувство оскорбленія, нанесеннаго христіанскому единству Ватиканскимъ соборомъ. Братъ ея, генералъ Кирѣевъ, отдался всей душей движенію, и въ 1871 г. состоялись первыя совѣщанія между представителями православной греческой церкви, старо-католиками и нѣкоторыми англиканами съ цѣлью убѣдиться въ возможности обезпечить общность дѣйствій противъ римскихъ притязаній.

Послѣ присутствія на старо-католической конференціи генералъ Кирѣевъ написалъ брошюру по этому предмету, въ которой онъ излагалъ съ ясностью и силой взгляды русской православной церкви.

Сестра его раздѣляла его энтузіазмъ и перевела его брошюру на англійскій языкъ. Мы уже знаемъ, что раньше она издала для частнаго распространенія брошюру, редактированную гр. Кайзерлингомъ, о вѣрованіяхъ евреевъ въ безсмертіе души. Переводъ брошюры ея брата былъ вторымъ ея шагомъ на поприщѣ публицистики. Это было поводомъ къ ея сближенію съ англиканскимъ духовенствомъ и дружбѣ ея съ Гладстономъ, которой вскорѣ суждено было принять болѣе политическій характеръ, чѣмъ духовный.

Г-жа Новикова, воспитанная въ нѣсколько узкихъ и строгихъ правилахъ греческой церкви, была, какъ можно себѣ легко представить, смущена тѣмъ, что ей казалось необыкновеннымъ анархизмомъ мнѣній, господствующихъ даже въ высокихъ англиканскихъ кругахъ, о предметахъ, которые для чисто-русскаго человѣка являются предметами величайшей важности. На одномъ изъ старо-католическихъ совѣщаній присутствовали англійскіе епи-

скопы. Разсматривался вопросъ о томъ, сколько соборовъ слѣдуетъ признать вселенскими, т. е. такими, рѣшенія которыхъ были обязательными для всей церкви. Русскіе признавали семь, ни больше ни меньше, одинъ англійскій епископъ говорилъ, что готовъ признать четыре, другой епископъ заявилъ, что ничто не убѣдитъ его признать болѣе двухъ. Разногласіе между двумя англиканскими духовными лицами казалось очень удивительнымъ ихъ православнымъ братьямъ.

Въ мемуарахъ о жизни въ Оксфордѣ и въ иныхъ мѣстахъ Пребендарія Мейрика есть введеніе, указывающее на горячій интересъ г-жи Новиковой къ этому вопросу. Пребендарій Мейрикъ говоритъ: „г-жа Новикова ѣздила въ Оксфордъ, чтобъ слышать мою проповѣдь о расколѣ между восточной и западной церквями, но она осталась недовольна моимъ изображеніемъ второго Никейскаго собора и восточнаго почитанія иконъ".

Г-жа Новикова, много лѣтъ спустя, въ статьѣ, помѣщенной ею въ „New Review" оффиціально излагаетъ свои взгляды на старо-католическое движеніе съ присущей ей ясностью и энергіей. Ничто не можетъ быть точнѣе ея точки зрѣнія. Статья ея была внушена превратнымъ утвержденіемъ Высокопреосвящ. Ванутелли, тайнаго агента Рима, который приписалъ прокурору Св. Синода Побѣдоносцеву слѣдующее замѣчаніе:

„Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что русская православная церковь соединилась бы съ римскимъ престоломъ, безъ малѣйшаго затрудненія, если бы этотъ союзъ былъ установленъ правительствомъ".

„Ни одинъ русскій, не говоря уже о Побѣдоносцевѣ, не могъ бы сдѣлать такого страннаго удостовѣренія", заявляла г-жа Новикова не то саркастически, не то съ горькой ироніей.

„Православіе Греко-Россійское это душа нашего правительства, и великое звено между правительствомъ и народомъ. Преданность къ нашему вѣроисповѣданію неизмѣримо выше всякихъ свѣтскихъ соображеній. Россія—болѣе церковь, чѣмъ государство, болѣе религія, чѣмъ національность. Мы прежде православные, а потомъ славяне или русскіе.

„Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ принято говорить о деспотизмѣ въ Россіи только потому, что у насъ самодержавное правленіе.

„Россія выступаетъ въ защиту свободы отъ произвольныхъ притязаній Римской куріи, это не парадоксъ", продолжаетъ г-жа Новикова. „Россія поборникъ самой священной изъ свободъ противъ произвола папы, постоянно стремящагося поработить разумъ и совѣсть человѣчества. Нашъ самодержавный царь, управляя съ дѣйствительной рѣшительностью единой воли соединенными силами ста

милліоновъ православныхъ вѣрующихъ, покровительствуетъ именно этой свободѣ".

Далѣе г-жа Новикова указываетъ на то, какъ полезно могло бы быть вліяніе православной русской церкви на христіанскій западъ тѣмъ сочувствіемъ, которое она оказала старо-католическому движенію. Въ ея глазахъ это было честью—участвовать въ великомъ походѣ противъ власти тьмы, обнаружившейся теперь въ декретѣ о папской непогрѣшимости въ Римѣ и въ турецкихъ жестокостяхъ въ Болгаріи.

Прошло двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ старо-католическое движеніе породило надежды на возвратъ къ первобытному христіанству у разумной части западныхъ католиковъ. До 1876 г. годъ за годомъ собирались совѣщанія въ Боннѣ и въ другихъ мѣстахъ, съ цѣлью подвинуть возсоединеніе христіанства. Въ 1877 году вопросъ освобожденія православной Болгаріи перенесъ нашу энергію на другое поле дѣятельности, и богословскія совѣщанія прекратились.

Изъ этого видно, насколько тѣсно связывались въ понятіи г-жи Новиковой два вопроса, которыми она такъ воодушевлялась—старокатолицизмъ и славянское возмущеніе противъ турецкой тиранніи.

Г-нъ Кинглекъ юмористически описываетъ эту до-политическую эпоху ея жизни, онъ указываетъ на то, что ея старо-католическая пропаганда повела естественно къ ея послѣдующему панславянскому крестовому походу въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Послѣ своего долгаго пребыванія въ Русскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ, г-жа Новикова привыкла пріѣзжать ежегодно въ Англію на нѣкоторое время, и хотя она почти всегда избирала время, когда невѣжды увѣряли, что не было живой души въ городѣ, пріѣздъ ея ознаменовывался одновременнымъ собраніемъ ея друзей, соединенныхъ точно по волшебству въ этомъ самомъ Лондонѣ, который считался пустымъ, и посѣтители ея, старѣйшіе въ особенности, находили въ блескѣ ея лучезарнаго настроенія то сіяніе солнца, по которому они вздыхали.

Въ скоромъ времени ея блестящая дѣятельность нашла себѣ примѣненіе въ интересномъ церковномъ предпріятіи. Дѣйствуя, казалось бы, скорѣе ради политической цѣли, чѣмъ какой бы то ни было религіозной заботы, она принялась возносить и распространять точку зрѣнія тѣхъ, которые въ Германіи объявили себя противниками Рима и называли себя старо-католиками. Ея послѣдующее намѣреніе, повидимому, было соединить этихъ старо-католиковъ съ своею Во-

сточной церковью и кончить тѣмъ, чтобы бросить въ тотъ же котелъ богатый ломоть хрістіанства, именуемый англиканами.

Она имѣла большой и продолжительный успѣхъ у англійскаго духовенства, нѣкоторые изъ нихъ подъ ея вліяніемъ отказались отъ догмата „immaculata conceptionis“, другіе же проявляли желаніе удержать его въ видѣ открытаго вопроса.

Когда братъ ея Николай былъ увлеченъ на театръ сербо-турецкой войны, она обратила всю свою могучую энергію въ сторону сочувствія его выбору, когда же она узнала, какъ онъ погибъ во главѣ своей бригады, она отдалась причинѣ этого несчастья всѣмъ сердцемъ и душой.

Какъ намъ теперь извѣстно, она трудилась не безъ успѣха. Случилось такъ, что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ центръ положенія находился именно въ томъ, что Англія соединенная отвратила бы несомнѣнно войну, поэтому надежда, единственная надежда воинствующихъ русскихъ была въ томъ, чтобы держать нашъ народъ въ разъединеніи. Этому много способствовала г-жа Новикова, потому что она не только воодушевляла и придавала силы разрозненной политической партіи, плохо освѣдомленной въ иностранныхъ дѣлахъ, но, имѣя точное понятіе о фактахъ и близко знакомая съ русской стороной шахматной доски, она была въ состояніи дать необходимое руководство государственнымъ дѣятелямъ и спасти ихъ отъ неудобныхъ ошибокъ.

Она сдѣлала больше. Прекрасныя качества, благодаря которымъ ея общество такъ очаровывало всѣхъ, дали ей возможность сохранить въ цѣлости сильную привязанность друзей, съ которыми она нѣкогда дѣйствовала и принужденная новыми обязанностями пренебречь церковными вопросами, она не только удержала за собой уваженіе къ себѣ даровитыхъ духовныхъ лицъ, но и побудила ихъ своимъ краснорѣчіемъ подкрѣплять оппонентовъ затрудненнаго и растеряннаго правительства. Русская душой и сердцемъ и стремящаяся не только къ войнѣ и побѣдѣ, она была также въ существѣ дѣла членомъ, способнымъ и воинственнымъ членомъ той англійской оппозиціи, которая отчасти благодаря ея помощи одержала побѣду на выборахъ и теперь въ то время, какъ я пишу, собирается принять на себя желанное бремя и отвѣтственность общественнаго служенія.

Съ ея точки зрѣнія все, что она дѣлала, было вполнѣ честно, открыто, жестоко-прямолинейно, такъ какъ она не только не старалась обмануть и не покушалась завлечь, но, наоборотъ, наносила удары вправо и влѣво всѣмъ, которые дерзали сопротивляться священному панславянскому походу, кромѣ того въ пылу своемъ

она имѣла смѣлость передавать намъ нѣкоторыя истины, которыя Петербургъ желалъ бы скрыть [1]).

Не спроситъ ли читатель, въ чемъ старо-католицизмъ отличается отъ римскаго раскола? Вотъ отвѣтъ г-жи Новиковой:

„Римъ продолжаетъ налагать бремена неудобоносимыя на плечи своихъ рабовъ. Православная церковь, вѣрная своимъ великимъ преданіямъ, утверждаетъ, что истинная вѣра та, которой учитъ насъ Священное писаніе, объясняемое семью вселенскими соборами. Старо-католики, противясь нововведеніямъ Ватикана, приходятъ неминуемо въ сочувственное соприкосновеніе съ православной церковью. Что раздѣляетъ христіанство? Какія преграды стоятъ между Восточной и Западной церковью? Ихъ всего четыре:

„1. Происхожденіе Св. Духа отъ Бога Отца, какъ утверждаетъ православная церковь; по мнѣнію Западной церкви, Св. Духъ происходитъ и отъ Бога Сына. Это выражается вставкою въ Символъ вѣры слова Filioque.

„2. Безгрѣховное зачатіе Пресвятой Дѣвы.

„3. Догматъ папской непогрѣшимости.

„4. Доктрина индульгенцій (отпущеніе грѣховъ).

„Во всѣхъ этихъ четырехъ пунктахъ старо-католики въ совершенномъ согласіи съ православной церковью. Старо-католики сознаютъ, что Filioque ошибочная приписка, слѣдовательно, не существуетъ непреодолимыхъ преградъ между ними и нами.

Швейцарскіе старо-католики вычеркнули Filioque изъ своего Символа вѣры, и всѣ остальные старо-католики смотрятъ на рѣшенія семи вселенскихъ соборовъ, какъ на обязательныя для всѣхъ вѣрующихъ“.

„Не менѣе тысячи лѣтъ“, говорилъ генералъ Кирѣевъ, „мы ревниво хранили и берегли святую истину, врученную нашему попеченію. Неужели мы похоронимъ ее теперь, когда обстоятельства понуждаютъ насъ открыть ее во всемъ ея блескѣ и сообщить ее другимъ христіанамъ?

Г-жа Новикова приводила въ исполненіе то, что проповѣдывала. Во время своего пребыванія въ Англіи и въ Ирландіи между 1868 и 1874 г.г. она вела оживленную переписку съ однимъ епископомъ и многими духовными лицами. Я мало коснусь этого матеріала, хотя для теологовъ и духовныхъ лицъ онъ представляетъ интересъ.

Епископъ Эдинбургскій былъ очень вѣрный корреспондентъ. Бѣдному человѣку должно быть было тоскливо въ его шотландской епархіи, и г-жу Новикову и ея письма онъ привѣтствовалъ какъ

---

[1]) Quarterly Review, апрѣль 1886.

свѣтъ во тьмѣ. 16 октября 1872 г. епископъ присылаетъ ей длинный отчетъ объ епископскомъ совѣщаніи въ Гленальмондѣ, на которомъ шли пренія между четырьмя епископами о томъ, принять имъ или не принять меморіалъ духовенства одной епархіи съ жалобой на то, что аргайльскій епископъ отрицаетъ преемственность епископовъ. Состязаніе длилось нѣсколько часовъ.

Письмо г-жи Новиковой съ описаніемъ, какъ она привела въ замѣшательство одного важнаго пресбитеріанскаго пастора, дошло къ епископу во время засѣданія въ совѣтѣ съ его собратіями. Оно должно было быть для него пріятнымъ развлеченіемъ. Онъ пишетъ:

18-е октября 1872 г.

Вы дикарка! что мнѣ дѣлать, чтобъ васъ нѣсколько приручить? Мнѣ кажется, хотя Вы меня поражаете, такъ какъ я думаю, что знаю Васъ лучше, чѣмъ нѣкоторые другіе, что Вы должны часто встрѣчаться съ такими людьми, какъ пасторъ и лэди Рутвенъ, которымъ необходимы были бы многія хирургическія операціи, прежде, чѣмъ бы они Васъ разгадали. Я получилъ Ваше очень мнѣ пріятное письмо во время засѣданія въ Гленальмондѣ, черезъ нѣсколько часовъ послѣ отправки моего къ Вамъ. Я не могъ не разсмѣяться внутренно при мысли, какое удивленіе выразилось бы на лицахъ ученыхъ и почтенныхъ господъ, тамъ присутствующихъ, если бы (простите за такое предположеніе) я прочиталъ имъ четыре первыя фразы Вашего письма“.

Онъ очень нуждался въ успокоеніи. Г-жа Новикова дала ему прочитать романъ Тургенева „Дворянское Гнѣздо“, который напомнилъ ему многое, о чемъ она ему говорила. Онъ встрѣчаетъ королеву Голландіи Софію, которая говоритъ ему, что плѣнилась г-жей Новиковой. Онъ стонетъ надъ желѣзнымъ христіанствомъ такого умнаго человѣка, какъ д-ръ Овербекъ, христіанствомъ по его мнѣнію весьма низкаго типа. Но г-жа Новикова утверждаетъ, что епископъ имѣетъ ошибочное мнѣніе о докторѣ, котораго глубокой богословской учености онъ не оцѣнилъ. Епископъ заявлялъ, что д-ръ Овербекъ внесъ въ православную церковь нетерпимость католичества, которому онъ когда-то принадлежалъ и былъ bête noire большинства англиканъ. Его ничто не удовлетворяло, всѣ христіане, не признающіе восточнаго вѣроученія и сліянія церквей, были еретики и раскольники. Епископъ не могъ его терпѣть.

Съ другой стороны, епископъ въ восхищеніи отъ совершенно другого духа въ статьѣ полковника Кирѣева, брата г-жи Новиковой. Онъ пишетъ:

Эдинбургъ, 9 февраля 1873 г.

„Я прочиталъ статью полковника Кирѣева съ величайшимъ удовольствіемъ. Свободный христіанскій духъ, которымъ она всецѣло пропитана, умѣніе и хорошій здравый смыслъ, съ которымъ онъ касается тонкихъ и трудныхъ вопросовъ, даютъ болѣе надежды, чѣмъ все, что я до сихъ поръ видѣлъ, на такое соединеніе Востока съ Западомъ, какое возможно въ настоящее время, соединеніе, въ которомъ различная точка зрѣнія каждаго признана и оцѣнена по достоинству. Будьте такъ добры передать ему, при случаѣ, сердечную благодарность, отъ меня какъ отъ епископа агликанскаго исповѣданія, за этотъ цѣнный вкладъ въ великое дѣло христіанскаго единенія. Надѣюсь, что когда-нибудь я буду имѣть особенную честь познакомиться съ нимъ въ Россіи, но это не можетъ быть ранѣе одного-двухъ лѣтъ“.

Еще одно извлеченіе, и я покончу съ письмами епископа.

Въ письмѣ къ г-жѣ Новиковой онъ сѣтуетъ на свою неспособность соперничать съ ея живостью въ перепискѣ. Онъ говоритъ:

Понедѣльникъ.

„Какъ написать непрозаическое письмо, когда окруженъ прозаическими людьми и вообще этой прозаичной Шотландіей. Я не понимаю, почему Шотландію называютъ подходящей няней для поэтическаго ребенка; какими бы ни были ея дѣти, ея взрослые люди, а въ особенности женщины до крайней степени прозаичны. Поэтому, если мои письма къ вамъ особенно торжественны, припишите это воздуху Шотландіи и здѣшнему обществу вообще.

Вы знаете мои чувства относительно вопроса между Восточной и Западной церковью: единеніе ихъ совершенно невозможно въ настоящее время, думать о немъ нечего, пока не произойдутъ очень значительныя перемѣны во всемъ мірѣ, какъ Восточномъ, тамъ и Западномъ. Но я думаю, что можетъ существовать гораздо болѣе дружескаго общенія между нами, и что мы можемъ не смотрѣть другъ на друга, какъ на еретиковъ, подобно Овербеку, который такъ смотритъ на всѣхъ, кто не раздѣляетъ его взглядовъ, а какъ на собратій христіанъ, не сходящихся на нѣкоторыхъ, малозначительныхъ пунктахъ“.

Епископъ теперь въ странѣ тѣней, куда не достигнетъ гнѣвъ оскорбленной Каледоніи, иначе этотъ гнѣвъ грозилъ бы его сану, если не его жизни, за обнародованіе такой клеветы на жителей Сѣверной Англіи.

Единственная выдержка изъ переписки богослововъ, которую я приведу, принадлежитъ перу д-ра Литтльдель. Оно даетъ интересное описаніе знаменитой сцены въ Сіонъ-Колледжъ, когда деканъ Стэнлей вступилъ въ бой съ дикими жрецами, пытавшимися парадоксально заявить претензію на родство съ старо-католиками. На просьбу г-жи Новиковой дать ей свѣдѣнія объ этомъ д-ръ Литтльдель отвѣчаетъ:

4-го апрѣля 1874 г.

„Вы просите разсказать Вамъ забавную попытку декана Стэнлей отожествить принципы и методы старо-католиковъ съ раціональной школой Франціи и Англіи.

Вы знаете, что сила его не въ фактахъ или доказательствахъ, а въ воздушныхъ аналогіяхъ, облеченныхъ въ блестящее облако риторики, и въ приведеніи множества иллюстрацій касательно главнаго предмета.

Этотъ же путь онъ избралъ, по обыкновенію, для своей лекціи въ Сіонскомъ колледжѣ о старо-католикахъ. Но ему не суждено было добиться своего. За нимъ слѣдовалъ пасторъ его же школы, который былъ такъ нескроменъ, что привелъ имя профессора Фрошаммера, какъ доказательство того, что старо-католики именно то, что деканъ удостовѣрялъ. Это возмутило здѣсь присутствовавшаго старо-католика, который разбилъ декана сильной рѣчью, поддерживая историческія и анти-раціоналистическія основанія старо-католической программы. Были другія рѣчи по тому же поводу, и я въ нихъ принялъ участіе, особенное вниманіе обратилъ я на тѣ мѣста, гдѣ деканъ осмѣивалъ мнимое согласіе между англійскимъ высокимъ духовенствомъ и старо-католиками, какъ наружное и минутное, не означающее никакого единства догматовъ по чувству. Онъ говорилъ, что это какъ бы двѣ партіи путешественниковъ, проходящихъ по горѣ и встрѣтившихся въ то время, какъ одна изъ нихъ всходила на верхъ отъ подошвы горы, а другая спускалась съ вершины. Они дѣйствительно встрѣчаются, но спускающаяся партія вся въ поту и изнурена жаромъ, тогда какъ другая мерзнетъ отъ холода на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ они встрѣтились и разошлись, чтобы никогда больше не встрѣчаться. Эта притча имѣла большой успѣхъ, поэтому я рѣшилъ отвѣтить на нее и сказалъ, что въ ней есть доля правды: потому что одна школа спускалась съ мрачныхъ безплодныхъ высотъ чисто научнаго мнѣнія, гдѣ ни одно растеніе вѣры не могло произростать, и гдѣ воздухъ былъ слишкомъ рѣдокъ для того, чтобъ человѣкъ дышалъ полной грудью, тогда какъ другая подымалась изъ тѣсной и нездоровой долины предразсудковъ,

съ ея болотомъ стоячихъ злоупотребленій и богатой растительностью духовныхъ плевелъ. Но взбирающіеся не расположены умирать съ голоду на вершинѣ, какъ спускающіеся не желали получить лихорадку или горячку внизу, — лучше было бы имъ соединиться на какой-нибудь плоскости на полъ-дорогѣ, достаточно высокой, чтобъ ее касался здоровый легкій вѣтерокъ, и достаточно низкой, чтобы она была тепла и плодоносна, и тамъ они бы отдохнули, ни на короткомъ привалѣ съ разлукой впереди, а такъ, чтобы съ той поры устроить совмѣстно хуторокъ и жить какъ братья въ единеніи. Вотъ главная суть моей рѣчи, и она, кажется, ослабила эффектъ умной иллюстраціи декана Стэнлей.

Въ маѣ царь пріѣзжаетъ въ Лондонъ, какъ Вы знаете. Лорду Эліотъ предсѣдателю Общества Христіанскаго Союза (статью о которомъ прилагаю) намекнули, что было бы хорошо, чтобы Общество поднесло адресъ Его Величеству съ цѣлью заинтересовать Его своими задачами.

Принимая во вниманіе недавнее письмо и даръ Ея Величества г-ну Hatherley, я не знаю, насколько такой адресъ былъ бы пріемлемъ государемъ, и я былъ бы глубоко признателенъ Вамъ, если бы Вы могли меня удостовѣрить, черезъ Вашего брата или другими путями, принялъ ли бы Его Величество подобный адресъ благосклонно, и была ли бы отъ этого польза, чтобъ подвинуть дѣло Союза? Королевская семья знаетъ, но нисколько этимъ не интересуется, а наша королева пресвитеріанка и не состоитъ уже членомъ Англійской церкви. Если Вы посовѣтуете не дать хода этому плану, мы поступимъ такъ и не иначе. Я радъ былъ бы имѣть отвѣтъ вскорѣ, чтобъ адресъ былъ составленъ и подписанъ во-время. Христосъ Воскресе. Вамъ преданный

Р. Ф. Литтльдель.

Этимъ характернымъ письмомъ мы можемъ спустить занавѣсъ надъ занятыми и увлекающимися людьми, какъ Мейрикъ, Палмеръ и многіе другіе, съ которыми въ это время вела знакомство г-жа Новикова, посѣщая церковныя конференціи и проповѣди, потерявшія интересъ теперь даже для самой г-жи Новиковой.

Не надо забывать точку зрѣнія г-жи Новиковой на римско-католическую церковь и ея къ ней несочувствіе, чтобы понять, почему она такъ легко пришлась по сердцу многимъ англійскимъ либераламъ. Если бы Гладстонъ не принадлежалъ къ высокой англійской церкви, ея миссія была бы гораздо труднѣе. Но, пріѣхавъ въ Англію, она была горячо привѣтствуема очень вліятельнымъ кругомъ, какъ духовныхъ, такъ и государственныхъ людей, которые нашли въ ней симпатію къ ихъ недовѣрію къ Риму. Послѣ вступле-

нія ея въ Общество англиканъ, она сблизилась съ свободомыслящими. О знакомствѣ ея съ Клинглекомъ и продолжительной ея дружбѣ съ этимъ историкомъ Крымской войны я буду говорить въ слѣдующей главѣ. Но искреннее ея сочувствіе, съ независимостью мысли и смѣлой вѣрностью въ убѣжденіи, которыя заставили ее поддерживать старо-католиковъ противъ Рима, были причиной ея тѣсной дружбы съ однимъ выдающимся человѣкомъ, который былъ чуждъ догматамъ церквей. Въ 1873 г. профессоръ Тиндаль произвелъ огромную сенсацію своей блестящей предсѣдательской рѣчью на собраніи Британскаго Общества въ Бельфастѣ.

Шумъ, который произвела эта рѣчь вслѣдъ за его призывомъ въ Nineteenth Century къ установленію размѣра молитвъ, былъ громадный. Въ настоящее время трудно себѣ представить такой переполохъ. Ни одинъ ученый, знакомый съ феноменомъ само-внушенія, не рискнулъ бы принять вызовъ Тиндаля. Послѣ его рѣчи возникла совершенно новая религія, религія христіанской науки, которая существуетъ и процвѣтаетъ на постоянно повторяющемся опытѣ именно этого фактора исцѣленія болѣзней.

Г-жа Эдди тогда была неизвѣстна, и набожный міръ, не смѣя вѣрить въ то, что эта способность излѣченія можетъ быть доказана, поднялъ такой крикъ противъ профессора Тиндаля, что возбудилъ довольно естественно симпатію г-жи Новиковой къ поруганному ученому, хотя она не раздѣляла его мнѣній наравнѣ съ нападающими на него. Въ ея Souvenirs, изданныхъ въ Nouvelle Revue, она разсказываетъ исторію своей первой встрѣчи съ Тиндалемъ.

„Былъ чудный декабрьскій день, ни вѣтра, ни дыма, ни тумана, почти русскій зимній день съ его великолѣпными брилліантами, шлифованными природой, называемыми снѣгомъ. Солнце, не краснѣя застѣнчиво и не скрывая своихъ лучей, сіяло щедро и открыто надъ всѣмъ Лондономъ. Не могло быть лучшаго дня для длинной, здоровой прогулки въ одномъ изъ прекрасныхъ парковъ, которыми можетъ гордиться каждый лондонскій житель. Очень была я рада, когда мнѣ доложили о пріѣздѣ Кинглека. Безъ всякихъ разсужденій съ присущимъ мнѣ эгоизмомъ я сразу позвала его пойти со мной къ берегамъ живописной Серпетины“.

„Вы, повидимому, очень торопитесь, замѣтилъ онъ добродушно, но пожара нѣтъ, впрочемъ я всегда повинуюсь приказаніямъ дамъ“. „Audiamo“, и мы пошли.

„Недостаточно было только упиваться свѣжимъ воздухомъ, любоваться деревьями, или разсуждать о погодѣ. Я особенно хотѣла узнать взглядъ Кинглека на великолѣпную Бельфастскую рѣчь Тиндаля, которой я была очарована, хотя она выражала далеко не мои рели-

гіозныя убѣжденія, тѣмъ не менѣе я должна сознаться, что была поражена ея смѣлой откровенностью и артистическимъ блескомъ. Эта рѣчь казалась мнѣ болѣе твореніемъ поэта, чѣмъ философа или богослова. Казалось, что какъ ни ошибочно его богословіе, натура его возвышенна и великодушна, что я всегда связываю съ чистѣйшимъ христіанствомъ".

„Я можетъ быть говорила съ слишкомъ большимъ увлеченіемъ, но тутъ Кинглекъ меня остановилъ. „Прошу Васъ помнить, что я язычникъ, я не люблю церкви и, если бъ отъ меня зависѣло", прибавилъ онъ, прищуривъ глаза, „я бы написалъ на каждой церкви, часовнѣ и соборѣ только одну строчку: важно, если истинно. Что касается философіи со всѣми ея объективными и субъективными теоріями, со всѣми ея категорическими императивами, я еще меньше ей покровительствую. Я допускаю категорическій императивъ со стороны женщины, которую я люблю. Но, вотъ тотъ самый человѣкъ, котораго, я увѣренъ, Вамъ будетъ пріятно узнать, вотъ самъ Тиндаль, онъ Вамъ объяснитъ все, что Вы хотите услышать". Съ этими словами онъ взялъ пришедшаго за руку, и знакомство произошло, знакомство, о которомъ никогда забыть нельзя".

„Въ это время я всегда принимала (was at home) послѣ обѣда, отъ 9-ти до 12, по нашему русскому обычаю, т. е. не назначая особеннаго дня, знакомые могли зайти, когда имъ вздумается. Впрочемъ я приглашала только избранныхъ, и Тиндаль, конечно, принадлежалъ къ ихъ числу. Всякое его посѣщеніе было новымъ удовольствіемъ для меня, въ особенности, когда онъ былъ въ поэтическомъ настроеніи и декламировалъ, что съ своимъ поразительно мелодическимъ голосомъ и замѣчательной памятью онъ исполнялъ въ совершенствѣ".

„Однажды онъ засталъ меня одну или лучше сказать въ компаніи нѣсколькихъ книгъ, только-что полученныхъ отъ одного большого моего друга изъ Мюнхена, профессора Фрошаммера.

„Къ моему удивленію Тиндаль ничего не зналъ ни о книгахъ, ни о жизни этого замѣчательнаго ученаго: онъ просилъ меня дать ему понятіе о немъ въ общихъ чертахъ, что было не легкой задачей. Но я ему отмѣтила нѣсколько мѣстъ въ сочиненіи о правѣ самостоятельнаго убѣжденія (Das Recht der eigenen Ueberzeugung), Das Christentum Christi und das Christentum des Papstes, и другія, которыя признавались авторомъ за основаніе старо-католическаго движенія".

Иниціатива этого блестящаго протеста противъ Рима принадлежитъ болѣе Дёллингеру, но Фрошаммеръ несомнѣнно былъ однимъ изъ его первыхъ защитниковъ. Позднѣе, увлеченный разгаромъ ра-

*

ціонализма, онъ бросилъ всякое опредѣленное вѣрованіе, въ то время какъ старо-католики, однимъ изъ представителей которыхъ теперь D-r Мишо (издатель Revue internationale de Théologie), и другіе все болѣе и болѣе склоняются къ первобытной ортодоксальной вѣрѣ, какой она была до введенія доктрины Filioque и другихъ догматовъ, противорѣчащихъ семи вселенскимъ соборамъ.

„Тиндаль терпѣливо выслушалъ всѣ эти подробности и, откладывая одну книгу за другой, обѣщалъ прочитать ихъ внимательно". „Разскажите мнѣ его біографію, сказалъ онъ. Какъ онъ дошелъ до такихъ взглядовъ? Не сказали ли Вы, что онъ принялъ духовное званіе"?—Да, отвѣчала я. Жизнь его была суровая, полная борьбы и лишеній. Сирота, зависящій всецѣло отъ дальняго родственника, стараго фанатика священника, онъ не имѣлъ выбора. Онъ жаждалъ книгъ и ученія и умолялъ послать его въ школу. Это ему было предоставлено при условіи, чтобъ онъ посвятилъ свою жизнь Римской церкви. Ребенокъ, конечно, согласился и изучилъ богословіе съ такимъ блестящимъ успѣхомъ, что вскорѣ получилъ назначеніе университетскаго проповѣдника и профессора философіи".

„Но чѣмъ больше онъ созрѣвалъ для науки и размышленій, тѣмъ больше онъ чувствовалъ, что истина не согласуется съ религіей Папскаго престола. Молчать при такихъ обстоятельствахъ стало невыносимо, и онъ началъ печатать статьи, которыя не только произвели волненіе въ Римѣ, но были строго раскритикованы и отнесены въ каталогъ запрещенныхъ книгъ".

„Фрошаммеръ былъ такимъ образомъ принужденъ отказаться отъ своего прихода. Это лишило его средствъ и помощи со стороны дяди, но не лишило его жажды къ истинѣ. Онъ продолжалъ писать, но разъ въ ту минуту, какъ онъ кончалъ одно изъ своихъ прямыхъ порицаній Риму, съ нимъ сдѣлалось что-то въ родѣ паралича, почти лишившаго его зрѣнія".

„Папскій престолъ между тѣмъ запретилъ католическимъ студентамъ слушать его лекціи философіи, а такъ какъ въ Мюнхенскомъ университетѣ почти не было студентовъ другихъ религій, то это означало потерю профессорской карьеры для Фрошаммера. Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ работать для очищенія совѣсти, какъ бы не признавая всѣхъ ужасныхъ условій жизни одинокаго слѣпца. Иногда ему читала его прислуга, но легко себѣ представить, какъ она должна была разбирать нѣкоторые термины въ его ученыхъ книгахъ. Это заставляло моего бѣднаго друга улыбаться и къ коллекціи его забавныхъ анекдотовъ прибавлялся анекдотъ о его литературной помощницѣ".

„Тиндаля, повидимому, заинтересовалъ мой краткій и отрывочный разсказъ, онъ нѣсколько поспѣшно простился со мной, унося съ собой всѣ книги Фрошаммера и вновь обѣщая изучить ихъ внимательно".

„На другой день мнѣ принесли съ почты письмо отъ Тиндаля и чекъ на сто фунт. стерлинговъ съ нѣсколькими строчками:

„То, что я слышалъ отъ Васъ вчера о Вашемъ несчастномъ Мюнхенскомъ другѣ, и все, что я нашелъ въ его книгахъ, произвело такое глубокое впечатлѣніе на меня, что я прошу Васъ переслать ему этотъ чекъ, какъ маленькую помощь и какъ знакъ моего сочувствія".

„Я, конечно, была тронута такой щедростью, но, зная независимый характеръ Фрошаммера, я возвратила чекъ и просила Тиндаля оказать помощь чѣмъ-нибудь болѣе по вкусу Фрошаммера. Познакомьте Вашихъ англійскихъ читателей съ нимъ и его книгами, сказала я. Теперь, когда всѣ читаютъ Вашу Бельфастскую рѣчь и печатается шестое ея изданіе, не могли ли бы Вы прибавить нѣсколько словъ о немъ?

„Добрѣйшій Тиндаль обѣщалъ и тотчасъ исполнилъ это умно, деликатно, прекрасно.

„Случилось это не за долго до моего отъѣзда въ Россію.

„Прямой мой путь былъ на Берлинъ, но, чувствуя нѣкоторыя сомнѣнія на счетъ моей роли въ этомъ дѣлѣ, я рѣшила возвращаться домой на Мюнхенъ, чтобъ повидаться съ Фрошаммеромъ, что я и исполнила.

„Я ему сказала о чекѣ въ 100 ф. и о смѣлости моей лишить его такой большой суммы.—Это совершенно невозможно, прерываетъ онъ, — у меня никогда въ жизни такой большой суммы не было.

„Когда я окончила разсказъ, онъ воскликнулъ отъ всего сердца: „Вамъ благодаренъ за то, что Вы угадали мои чувства. Да, Тиндаль оказалъ мнѣ величайшее добро, какое я могъ желать, и о которомъ я всегда буду помнить. Вы меня прекрасно поняли".

„Жестокая смерть лишила міръ этихъ двухъ замѣчательныхъ людей почти одновременно. Фрошаммеръ умеръ нѣсколько мѣсяцевъ раньше своего великодушнаго друга".

Г-жа Новикова, никогда не дѣлающая ничего на половину, принялась усердно распространять брошюру Фрошаммера между всѣми своими друзьями. Она послала брошюру Гладстону съ вопросомъ, не думаетъ ли онъ, что хорошо было бы перевести ее на англійскій языкъ. Гладстонъ отвѣчалъ:

23 іюля 1875.

„Дорогая M-me Novikoff. Благодарю Васъ за письмо и за копіи трактата профессора Фрошаммера. Я его прочиталъ и соглашаюсь съ Вами въ его оцѣнкѣ. Но я сомнѣваюсь, чтобы переводъ его на англійскій языкъ имѣлъ широкое распространеніе, развѣ въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ предпринятъ какимъ-нибудь обществомъ— отчасти, потому что переводы вообще съ трудомъ расходятся, отчасти потому, что положеніе автора возбудило бы сомнѣніе. Я слѣжу съ большимъ интересомъ за религіознымъ вопросомъ на континентѣ и думаю, что въ Вашихъ рукахъ возможность сдѣлать много хорошаго на Востокѣ или много повредить. Волнуются даже въ Италіи, и есть недавніе весьма интересные инциденты. Я еще не дѣлаю плановъ на лѣто. Жена шлетъ Вамъ привѣтъ. Всегда Вашъ.

В. Гладстонъ“.

Было естественно, что Гладстонъ чувствовалъ живой интересъ къ г-жѣ Новиковой, какъ защитницѣ старо-католическаго движенія для возсоединенія христіанства. Онъ пишетъ ей много лѣтъ спустя въ 1894 г:

„Интересъ мой къ старо-католикамъ искрененъ. Одна изъ моихъ сестеръ умерла въ тайномъ единеніи съ ними послѣ того, какъ болѣе 30 лѣтъ исповѣдывала римско-католическую вѣру.

„Я помню, говорилъ д-ру Дёллингеру, что ихъ будущность въ зависимости отъ того, сумѣютъ ли они найти средство для прочнаго союза съ Восточною церковью, и я сильно надѣюсь на это. Д-ръ Дёллингеръ согласился со мной. Они могутъ оказать много добра и нравственной силой предотвратить Латинскую церковь отъ дальнѣйшихъ нелѣпостей“.

Интересъ къ движенію у Гладстона былъ церковный и богословскій. Для профессора Тиндаля ни то, ни другое не существовало, но увлекалъ его Фрошаммеръ своимъ протестомъ въ пользу свободы мысли.

Г-нъ Бернардъ Мюнцъ говоритъ, что „г-жа Новикова вела оживленную переписку съ Фрошаммеромъ, и послѣ того какъ она прочитала съ удовольствіемъ мое изученіе Якова Фрошаммера, философа съ величайшимъ воображеніемъ (Бреславъ 1894 г.) и письма отъ Фрошаммера и о немъ, изданныя мною (въ Лейпцигѣ 1897 г.), она была такъ добра, что передала его письма къ ней въ мое распоряженіе. Она писала мнѣ: „Я съ большимъ наслажденіемъ читаю Ваше сочиненіе о моемъ другѣ, котораго свѣтъ недостаточно оцѣнилъ. Вы его воскрешаете... Я Вамъ даю право публиковать

письма полностью". Когда найду возможность, я съ радостью воспользуюсь этимъ разрѣшеніемъ. Письма къ г-жѣ Новиковой цѣнны, какъ дополненіе и украшеніе къ тѣмъ, что уже изданы". Это объясняетъ отсутствіе писемъ Фрошаммера въ этой книгѣ.

Просматривая письма профессора Тиндаля къ г-жѣ Новиковой, я нахожу весьма мало, въ которыхъ бы онъ не соблюдалъ всегдашнюю сдержанность. Вотъ почти единственный проблескъ личнаго чувства въ его перепискѣ. Числа нѣтъ, и нѣтъ письма, на которое это служило отвѣтомъ. Оно просто, но краснорѣчиво.

„Я не забуду Васъ такъ же, какъ и Вы меня, потому, что Васъ забыть не легко. Живость, развитіе, естественность, честность, эти качества захватываютъ такого простодушнаго, прямого человѣка, какъ я, и на долго остаются въ его памяти. Я бы могъ сказать больше, но не скажу.

Вашъ всегда Д. Тиндаль".

Г-нъ Кинглекъ, всегда приходившій въ восторгъ, когда цѣнили г-жу Новикову столько же, сколько онъ самъ, такъ какъ ревности не было въ его природѣ; дружбу, которой онъ пользовался, онъ любилъ дѣлить съ своими друзьями, написалъ ей забавное письмо, услышавъ, что профессоръ Тиндаль женится (на дѣвицѣ Луизѣ Гамильтонъ). Вотъ выдержка изъ него:

„Я услышалъ о женитьбѣ Тиндаля въ тотъ день, когда писалъ послѣднее письмо къ Вамъ, и, конечно, я понялъ сейчасъ, что онъ женится съ тѣмъ, чтобы имѣть пожизненную сидѣлку; я не сомнѣваюсь, что этотъ надзоръ будетъ лучше, чѣмъ моя кроткая опека. Я помню, что какъ-то разъ я такъ небрежно отнесся къ своей обязанности опекуна, что оставилъ его наединѣ съ дамой, но этого больше никогда не случится, пока жива г-жа Тиндаль.

„Оказывается, что въ Королевскомъ институтѣ, или не знаю, какъ назвать это мѣсто, молодыя дѣвушки спѣшатъ къ лекторамъ, какъ къ жрецамъ науки, отправляются къ нимъ послѣ лекціи какъ бы къ священнику въ приходѣ и выражаютъ свои сомнѣнія относительно электричества или милое безпокойство на счетъ солнечной системы, профессора даютъ имъ разъясненія, а недѣли черезъ двѣ какимъ-то образомъ случается, что у профессора оказалась пожизненная сидѣлка.

„Но, дорогой другъ, я долженъ кончить, какъ началъ, и умоляю Васъ дать мнѣ отрадныя вѣсти о Вашемъ здоровьѣ.

Преданный Вамъ А. В. К".

Г-жа Новикова была незамѣнимой корреспонденткой для такого человѣка, какъ профессоръ Тиндаль. Знакомая съ многими выдаю-

щимися учеными континента, она съ наслажденіемъ знакомила съ ними своего англійскаго друга. Вотъ образецъ одного изъ писемъ:

Королевскій Институтъ 20 октября 1878 г.

„Несказанно благодаренъ Вамъ за благопріятный случай, который, Вы были такъ добры, доставить мнѣ, прочитать письмо профессора Риль. Это одно изъ тѣхъ сильныхъ, искреннихъ выраженій мысли, доставляющее мнѣ несравненно большее удовольствіе, чѣмъ похвалы газетъ, какъ бы ни были рѣдки послѣднія. Мнѣ было очень пріятно узнать, что онъ нашелъ „Отрывки Науки“ достойными чтенія. Много требуется времени, чтобы написать даже отрывки, и я бы не позволилъ себѣ и слегка отвлечься отъ моихъ первоначальныхъ вопросовъ, если бы я не думалъ, что широкое распространеніе науки вещь особой важности въ настоящее время. Я добросовѣстно искалъ уяснить себѣ тѣ предметы, о которыхъ писалъ и насколько въ моихъ силахъ передать ту же ясность другимъ. Но никто себѣ не судья, вотъ почему чувствуется особенное удовлетвореніе, когда человѣкъ высокой компетенціи относительно разсматриваемаго предмета говоритъ благопріятно, но съ такой добротой обо мнѣ и о моемъ сочиненіи, какъ это дѣлаетъ профессоръ Риль въ своемъ письмѣ.

„Я не былъ блестящъ вчера вечеромъ,—но всѣ другіе были. Сержантъ Пари въ особенности, и я любовался ихъ блескомъ, который былъ пораженіемъ моей тупости.

„Я сегодня ѣду на бараньи котлеты къ г-жѣ Фарадей, но надѣюсь быть въ состояніи навѣстить Васъ завтра“.

Еще одно приводимое мною письмо профессора Тиндаля звучитъ больше личнымъ интересомъ, чѣмъ политическимъ или научнымъ. Единственный сынъ г-жи Новиковой не пользовался крѣпкимъ здоровьемъ, и потому она безпрестанно тревожилась извѣстіями о его нездоровьѣ. Какъ-то она, повидимому, сообщила о своемъ страхѣ профессору Тиндалю, который отвѣчалъ слѣдующее:

14 января (годъ неизвѣстенъ, вѣроятно 1874 г.).

„Дорогой другъ. Я готовлюсь къ лекціи, но урываю минуту, чтобы Вамъ написать. Письмо Ваше получилъ вчера вечеромъ. Искренно сочувствую Вамъ, но Вы слишкомъ падаете духомъ по поводу здоровья Вашего мальчика, у меня въ юности было два раза воспаленіе легкихъ. Я могъ ясно видѣть, что два доктора, лѣчившіе меня, имѣли мало надежды на мою жизнь. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, когда уже я выздоравливалъ: Джонъ, Вамъ никогда не уберечься

отъ новыхъ воспаленій легкихъ. Между тѣмъ съ тѣхъ поръ и до сегодня я ничего подобнаго не испыталъ, и едва-ли найдется въ Англіи человѣкъ, который бы обращался такъ сурово съ своими легкими и со всѣми своими внутренними органами, какъ я. Они подвергались ледяному воздуху и сильнѣйшей работѣ на Альпахъ. Это должно, кажется, Васъ успокоить.

„Фрошаммеръ мнѣ только-что прислалъ свое дружеское обозрѣніе. Я напишу ему въ субботу или воскресенье. Мое предисловіе заставило ихъ, кажется, замолчать. Имъ какъ будто стыдно самихъ себя. Одно замѣчательно: во многихъ случаяхъ религія возвышаетъ естественное благородство и укрѣпляетъ духъ самопожертвованія, тогда какъ въ другихъ она имѣетъ чисто злобное вліяніе, дѣлая низкихъ вдесятеро болѣе низкими. Нѣкоторые изъ нихъ безсовѣстно лгутъ, чтобъ добиться успѣха противъ врага.

„Оберонъ Гербертъ, братъ лорда Карнавонъ, очень честный, добрый, благонамѣренный радикалъ, но не очень сильный молодой человѣкъ.

„Вы иногда пишете, что я какъ будто бы неблагодаренъ за Вашу доброту,—это несправедливо, кажущаяся моя небрежность и промедленіе всецѣло происходятъ отъ тяжелой работы и, хотя Вы этому не повѣрите, отъ моего плохого мозга. Дай мнѣ природа способность давать отдыхъ этому мозгу во снѣ, я бы могъ приблизиться къ тому, что Вы во мнѣ предполагаете — я могъ бы стать замѣтнымъ въ мірѣ. Но такъ, какъ есть, я похожъ на человѣка, подымающагося на гору со сломанной ногой. Въ рѣдкіе промежутки я чувствую, чѣмъ бы я могъ быть, если бъ власть, управляющая человѣческими судьбами, была благосклонна ко мнѣ, но я не хочу жаловаться. Я имѣю много причинъ быть довольнымъ.—Прощайте. Всегда Вамъ вѣрный

Джонъ Тиндаль“.

Сообщено Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Военно-бытовые наброски.

Въ началѣ 80-хъ годовъ N—скимъ армейскимъ корпусомъ, состоявшимъ тогда изъ трехъ пѣхотныхъ дивизій, командовалъ ген.-адъютантъ князь Б. Т. В. Несмотря на солидный уже возрастъ, онъ былъ еще вполнѣ бодръ и весьма подвиженъ. Прибывъ какъ-то въ Р—ь для смотра двухъ расположенныхъ тамъ полковъ, онъ настолько быстро обходилъ фронтъ ихъ, что слѣдовавшій за нимъ довольно тучный начальникъ дивизіи не только отсталъ, но и счелъ для себя болѣе удобнымъ ретироваться за фронтъ полковъ, въ установленную тамъ палатку (дѣло было въ іюнѣ), гдѣ, усѣвшись спокойно, принялся утолять жажду водою съ льдомъ и краснымъ виномъ.

Упомянутый князь Б. особенно не любилъ, когда на столахъ въ офицерскихъ полковыхъ собраніяхъ стояло даже дешевое вино, не говоря уже о шампанскомъ, и постоянно напоминалъ, что всѣмъ напиткамъ предпочитаетъ исключительно хлѣбный квасъ. Это конечно подмѣтили, и когда въ офицерскомъ собраніи устраивался обычный послѣ смотра завтракъ, то на всѣхъ сервированныхъ столахъ не видно было ни одной бутылки вина, а лишь графины съ солдатскимъ квасомъ. Князь Б., замѣтивъ это, выражалъ свое удовольствіе, отражавшееся иногда благопріятно и на его заключеніи по произведенному смотру.

Въ упомянутый выше день, князь Б., закончивъ смотръ и распустивъ полки по казармамъ, направился, сопровождаемый начальствующими лицами, для осмотра полковыхъ пріемныхъ покоевъ, всегда вообще опрятно содержавшихся, но на этотъ разъ особенно чисто прибранныхъ, съ настланными свѣжими половиками, ковриками, „смотровыми“ одѣялами на койкахъ больныхъ и пр. Подойдя къ открытымъ настежь дверямъ параднаго входа въ пріемный покой N—скаго полка и принявъ рапортъ отъ почтеннаго старшаго врача В—фа, князь Б. къ удивленію своему замѣтилъ, что всѣ больные нижніе чины лежатъ подъ одѣялами на своихъ койкахъ, одинаково повернувшись лицомъ къ входной двери, и смотрятъ на него. На вопросъ князя: „что это? развѣ тутъ все трудно больные?“, врачъ доложилъ: „никакъ нѣтъ, Ваше Сі—во, это я только сегодня приказалъ имъ „нарочно“ лечь для порядка“.

Сообщ. Л. Драке.

Ссылка М. Е. Салтыкова въ Вятку и его освобожденіе.

(1848—1856 г.г.).

Вятскій край, удаленный отъ центра государственной жизни, давно служилъ мѣстомъ ссылки лицъ политически неблагонадежныхъ или вообще чѣмъ-либо провинившихся. Вятка видѣла Авейде, Витберга, Герцена, князя Долгорукаго, католическаго епископа Красинскаго и многихъ другихъ. 7 мая 1848 года въ сопровожденіи жандармскаго офицера прибылъ въ Вятку въ ссылку и будущій великій русскій сатирикъ Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ.

За послѣднее время въ обществѣ пробудился живой интересъ къ личности и литературной дѣятельности Михаила Евграфовича. Статьи и замѣтки, появляющіяся о немъ, начинаютъ постепенно разсѣивать мракъ неизвѣстности, которымъ была прикрыта для общества личность Салтыкова. Воспоминанія и отзывы лицъ, близко знавшихъ его, постепенно обрисовываютъ качества его души, знакомятъ съ взглядами и убѣжденіями, что̀ даетъ возможность уяснить потомъ и смыслъ его литературной дѣятельности[1]). Но изъ этихъ свѣдѣній необходимо многое исправить на основаніи документальныхъ дан-

[1]) Въ „Памятной книжкѣ“ Вятской губ. на 1908 г. Л. Н. Спасская напечатала свою статью „Мих. Евграф. Салтыковъ“. Опытъ характеристики по воспоминаніямъ своихъ родителей и автобіографическимъ сочиненіямъ Салтыкова. Статьѣ г. Спасской мы придаемъ особенно важное значеніе, такъ какъ съ родителями г. Спасской (урожденной Іониной) былъ очень друженъ Салтыковъ и у г. Іониной (матери) еще теперь живо впечатлѣніе отъ этого ядовитаго и иногда сварливаго постояннаго посѣтителя ихъ дома. См. „Памяти кн.“ Вятской губ. на 1908 г., стр. 77—118.

ныхъ, касающееся еще внѣшней жизни Салтыкова, въ частности обстоятельствъ его жизни и общественной дѣятельности. Поэтому мы попытаемся познакомить читателей на основаніи документовъ съ обстоятельствами ссылки Михаила Евграфовича въ Вятку и его возвращеніемъ. Документы объ обстоятельствахъ ссылки и пребыванія Салтыкова въ Вяткѣ извлечены нами изъ архива губернскаго правленія. Сообщая многія интересныя подробности, эти документы восполняютъ пробѣлъ въ біографіи Салтыкова за вятскій періодъ его жизни и разсѣиваютъ фантастическія подробности, касающіяся его ссылки, сообщаемыя въ матеріалахъ для его біографіи.

Впрочемъ, здѣсь необходимо оговориться, что и въ настоящее время еще не всѣ дѣла о Салтыковѣ найдены. Въ нашемъ распоряженіи не было дѣлъ изъ архива канцеляріи слободского исправника, упомянутыхъ г. Алексѣевымъ, авторомъ статьи, напечатанной въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ за 1907 г. „М. Е. Салтыковъ въ Вяткѣ“. Изъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ губернскаго правленія, нѣкоторыхъ до сихъ поръ не нашлось, напр., „дѣла о составленіи инвентарнаго описанія недвижимыхъ имуществъ городовъ“, а нѣкоторыя по описи значатся уже уничтоженными. Утрата дѣлъ конечно не вознаградима ничѣмъ[1]).

---

28 апрѣля 1848 года изъ канцеляріи Его Императорскаго Величества, по третьему отдѣленію за № 747, послѣдовало сообщеніе на имя вятскаго губернатора Середы о ссылкѣ на службу въ Вятку служащаго въ канцеляріи военнаго министерства титулярнаго совѣтника Салтыкова. Изъ бумаги министра внутреннихъ дѣлъ видно, какова была вина двадцатидвухлѣтняго юноши-изгнанника. Она заключалась именно въ томъ, что „служащій въ канцеляріи

---

[1]) Къ дѣламъ, которыя значатся по описямъ губернскаго правленія уничтоженными, относятся слѣдующія. 1850 года 1 столъ № 641. По предложенію Начальника Губерніи объ изъявленіи благодарности чиновнику особыхъ порученій Салтыкову за управленіе канцеляріей его. (Напечатано было въ Губ. Вѣдом. 1850 г. за іюль мѣсяцъ). 1851 года № 126. По предложенію Начальника Губерніи объ объявленіи Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ признательности г. Салтыкову за оказанное имъ усердіе къ устройству бывшей въ 1850 г. въ г. Вяткѣ выставки сельскихъ произведеній. (Напеч. въ Губ. Вѣдом. за февраль мѣсяцъ). 1851 г. № 615. По постановленію Вятскаго попечительства о тюремномъ комитетѣ о назначеніи совѣтника Салтыкова членомъ въ оный комитетъ. (Напеч. 1851 г. іюль мѣсяцъ). 1854 г. № 98. О награжденіи совѣтника Салтыкова чиномъ коллежскаго совѣтника (?).

Дѣло по указу Сената 1856 г. № 98 по департаменту герольдіи съ патентомъ на чинъ для выдачи надворному совѣтнику Мих. Салтыкову.

военнаго министерства помощникъ секретаря титулярный совѣтникъ Салтыковъ, въ противность существующихъ узаконеній, позволилъ себѣ помѣщать въ періодическихъ изданіяхъ литературныя свои произведенія, безъ дозволенія и вѣдома начальства, въ томъ числѣ и двѣ повѣсти, которыя, какъ по содержанію, такъ и по всему изложенію ихъ, обнаруживаютъ вредный образъ мыслей и пагубное стремленіе къ распространенію идей, потрясшихъ уже всю Западную Европу и ниспровергшихъ власти и общественное спокойствіе".

Статьи, въ которыхъ обнаружился „вредный образъ мыслей и пагубное стремленіе къ распространенію идей"... были первыя произведенія Салтыкова „Противорѣчія" и „Запутанное дѣло", названныя въ отношеніи военнаго министра князя Чернышева, сообщившаго о Салтыковѣ главноуправляющему III отдѣленіемъ графу Орлову[1]).

Цензура того времени, зорко слѣдившая за писателями и ихъ дѣятельностью, уже пропустила въ печать повѣсти Салтыкова. Но іюльскія событія во Франціи, мгновенно ниспровергшія правительство, заставили какъ бы спохватиться русскихъ цензоровъ и наложить молчаніе на уста юнаго писателя. Впрочемъ, Бутурлинскій комитетъ только косвеннымъ образомъ былъ, въ данномъ случаѣ, виновникомъ изгнанія Салтыкова[2]). „Надо было случиться, говоритъ по этому поводу г. Скабичевскій въ матеріалахъ для біографіи Салтыкова, чтобы однимъ изъ первыхъ распоряженій Бутурлинскаго комитета было строгое замѣчаніе, данное военному министру, графу Чернышеву, за цензурныя неисправности въ „Русскомъ Инвалидѣ". Это обстоятельство вооружило графа Чернышева противъ литераторовъ и, какъ нарочно въ то время, какъ графъ Чернышевъ находился еще подъ впечатлѣніемъ полученнаго имъ замѣчанія, явился къ нему Салтыковъ, какъ подчиненный, проситься въ отпускъ. Дѣло было подъ Рождество, и Салтыковъ намѣревался провести праздники на свободѣ, вѣроятно, у родныхъ. Упустивши совершенно изъ виду, что чиновникъ его занимается литературой, графъ Чернышевъ тутъ только вспомнилъ объ этомъ. „Вы, кажется, въ журналахъ пишете?" — спросилъ онъ Салтыкова. На утвердительный отвѣтъ послѣдняго графъ Чернышевъ потребовалъ, чтобы онъ представилъ ему свои сочиненія. „Тогда мы и посмотримъ, можно ли васъ отпустить", — прибавилъ онъ къ этому.

---

[1]) „Русская Мысль" 1906 г. Январь. Лемке.

[2]) „Къ біографіи М. Е. Салтыкова" стр. 31.

Салтыковъ представилъ министру свои два разсказа; министръ поручилъ Н. Кукольнику написать о нихъ докладъ. Заклятый врагъ натуральной школы Н. Кукольникъ представилъ министру такой докладъ, что тотъ ужаснулся, что такой опасный человѣкъ, какъ Салтыковъ, служитъ въ его министерствѣ, и тотчасъ же препроводилъ докладъ Кукольника въ Бутурлинскій комитетъ, а Салтыкова уволилъ изъ министерства. Бутурлинскій комитетъ препроводилъ докладъ Кукольника въ III отдѣленіе министерства внутреннихъ дѣлъ, главноуправляющимъ котораго былъ графъ Орловъ, и участь Михаила Евграфовича была рѣшена [1]).

Графъ Чернышевъ о литературной дѣятельности Салтыкова доложилъ Государю Императору, и Николай Павловичъ, „снисходя къ молодости Салтыкова, Высочайше повелѣть соизволилъ: уволить его отъ службы по канцеляріи военнаго министерства и немедленно отправить на служеніе тѣмъ же чиномъ въ Вятку, передавъ особому надзору вятскаго губернатора съ тѣмъ, чтобы онъ о направленіи образа мыслей и поведеніи Салтыкова постоянно доносилъ Его Величеству“.

„Получивъ увѣдомленіе князя Чернышева, писалъ графъ Орловъ вятскому губернатору, что онъ сдѣлалъ уже распоряженіе объ увольненіи Салтыкова отъ службы по канцеляріи военнаго министерства и объ отправленіи его по назначенію въ г. Вятку,—я сообщаю Вашему Превосходительству изъясненную Высочайшую волю для точнаго со стороны Вашей исполненія [2])“.

Графъ Орловъ не замедлилъ привести въ исполненіе волю Государя, и Михаилъ Евграфовичъ предъ Пасхой, а не передъ святками, какъ указано въ „Матеріалахъ для его біографіи“ покинулъ Петербургъ и въ сопровожденіи жандармскаго офицера Рашкевича отправился на мѣсто своего изгнанія. Такимъ образомъ двѣ повѣсти „Противорѣчія“ и „Запутанное дѣло“, напечатанныя въ „Отечественныхъ Запискахъ“,—первая въ ноябрьской книжкѣ за 1847 г. и за мартъ 1848 года,—вторая, привели Салтыкова въ Вятку.

Но юный изгнанникъ, очевидно, пользовался особеннымъ вниманіемъ Государя Николая Павловича. Поручая Салтыкова „особому надзору вятскаго губернатора“ и „строгому надзору“ вятскаго по-

---

[1]) Полное собраніе сочиненій М. Е. Салтыкова. Изд. пятое. 1905 г. Матеріалы для біографіи М. Е. Салтыкова, стр., 24—25.

[2]) Дѣло по третьему столу канцеляріи вятскаго гражданскаго губернатора. Секретно. „По предложенію генералъ-адъютанта графа Орлова о назначеніи на жительство въ Вятку титулярнаго совѣтника Салтыкова“—1848 года.

лицеймейстера, Государь пожелалъ самъ наблюдать за направленіемъ образа мыслей и поведеніемъ ссыльнаго, почему губернаторъ долженъ былъ обо всемъ, касающемся Салтыкова, доносить Его Величеству.

Согласно предписанію свыше объ опредѣленіи Салтыкова на службу въ Вяткѣ, губернаторъ сдѣлалъ соотвѣтствующее распоряженіе, и 3 іюня 1848 года Салтыковъ былъ назначенъ чиновникомъ присутствія губернскаго правленія.—Такъ началась служебная дѣятельность его въ Вяткѣ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года по распоряженію губернатора „признавшаго полезнымъ по обстоятельствамъ службы“ перемѣстить Салтыкова въ штатъ своей канцеляріи, онъ переведенъ былъ туда и въ скоромъ времени назначенъ старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ.

Своимъ трудолюбіемъ и честнымъ отношеніемъ къ дѣлу Михаилъ Евграфовичъ скоро снискалъ расположеніе вятскаго губернатора Середы, увидѣвшаго въ немъ недюжиннаго работника. Поэтому въ своемъ, донесеніи министру внутреннихъ дѣлъ отъ 18 сентября 1848 года Середа даетъ о Салтыковѣ слѣдующій отзывъ. „Чиновникъ Салтыковъ ведетъ себя весьма похвально, поручаемыя ему занятія по службѣ исполняетъ съ особеннымъ усердіемъ и оказываетъ при этомъ отличныя способности“.

Дѣятельность Салтыкова въ Вяткѣ была въ высшей степени разнообразна. Формулярный списокъ Михаила Евграфовича отъ 1854 года хранящійся въ архивѣ губернскаго гравленія, знакомитъ насъ съ его дѣятельностью за все время службы съ поступленія въ военное министерство и кончая возвращеніемъ изъ ссылки. Формулярный списокъ служитъ лучшимъ доказательствомъ и того, что Салтыковъ дѣйствительно былъ недюжинный работникъ и, будучи изгнанникомъ въ Вяткѣ, не былъ забытъ какъ дѣловой, аккуратный человѣкъ, не только ближайшимъ начальствомъ, но и министерствами внутреннимъ и земледѣлія, когда нужно было исполнить какія-либо порученія.

Въ этомъ спискѣ мы читаемъ слѣдующее: „коллежскій ассесоръ Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ, совѣтникъ Вятскаго Губернскаго Правленія, двадцати семи лѣтъ, вѣроисповѣданія православнаго, знаковъ отличія не имѣетъ, получаетъ жалованья 560 руб. и столовыхъ 340 руб.—итого 900 руб. серебромъ“.

Происходя изъ дворянъ, Михаилъ Евграфовичъ былъ сынъ состоятельныхъ родителей, которые имѣли болѣе двухъ тысячъ душъ крестьянъ. За отцомъ было 295 душъ въ Тверской и 55 въ Ярославской губерніи и за матерью въ тѣхъ же губерніяхъ,—въ пер-

вой числилось 1.062, а во второй—1.465 душъ крестьянъ [1]). По окончаніи полнаго курса наукъ въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ съ чиномъ десятаго класса, опредѣленъ по желанію, 1844 года августа 23 въ канцелярію военнаго министерства. Въ сентябрѣ 6 числа того же года приказомъ по канцеляріи военнаго министерства Салтыковъ былъ переименованъ въ коллежскіе секретари. Усердіе сіе по службѣ было отмѣчено тогда же. 7 апрѣля 1846 года въ награду отличной службы Салтыковъ получилъ единовременно 120 руб. серебромъ. Отъ 8 августа того же 1846 года онъ назначенъ былъ на открывшуюся во второмъ отдѣленіи канцеляріи министерства вакансію помощника секретаря съ содержаніемъ по штату. Въ слѣдующемъ 1847 году 21 апрѣля за отличіе по службѣ Высочайшимъ приказомъ его произвели уже въ титулярные совѣтники, а черезъ годъ того же числа „въ награду отлично усердной службы“ снова получилъ единовременно полугодовой окладъ жалованья. Въ 1845 году съ 12 мая срокомъ на три мѣсяца Салтыковъ былъ въ отпускѣ и своевременно явился на службу. За все это время онъ аттестовался „способнымъ и достойнымъ“.

Но съ 1848 года начинается изгнанническая жизнь Михаила Евграфовича. „Высочайшимъ приказомъ, читаемъ въ формулярѣ его, отданнымъ по гражданскому вѣдомству 19 мая 1848 года за № 95, переведенъ въ Вятскую губернію для опредѣленія на службу по распоряженію тамошняго губернатора, гдѣ и опредѣленъ въ число канцелярскихъ чиновниковъ Вятскаго Губернскаго Правленія“. Опредѣленіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 12 ноября того же года Салтыковъ назначенъ старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ безъ содержанія.

Будучи чиновникомъ при губернаторѣ, Салтыковъ скоро снискалъ расположеніе его, и губернаторъ Середа выразилъ ему довѣріе тѣмъ, что поручилъ ему въ теченіе времени съ 30 мая по 20 августа 1849 года исполнять должность правителя своей канцеляріи. За усердіе и неутомимую дѣятельность при исполненіи этой должности ему была изъявлена признательность начальника губерніи. Когда въ апрѣлѣ 1850 года по просьбѣ статсъ-секретаря князя Голицына наведены были справки о жизни Салтыкова въ Вяткѣ, то Середа могъ дать о немъ только похвальный отзывъ.—„Ни въ чемъ предосудительномъ, писалъ онъ, Салтыковъ не замѣченъ, ведетъ себя весьма похвально, служебныя обязанности исполняетъ съ особеннымъ

[1]) См. формулярный списокъ Салтыкова 1854 годъ. Количество крестьянъ у Салтыковыхъ увеличилось въ 1853 году, что видно изъ формулярнаго списка его этого же года.

усердіемъ и дѣятельностью, почему, а равно по отличнымъ способностямъ его, постоянно употребляется для занятій по дѣламъ особенной важности".

Въ виду такихъ отзывовъ о Салтыковѣ его ближайшаго начальства, управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ рѣшилъ ходатайствовать о переводѣ изгнанника изъ Вятки въ Оренбургъ. Но, нужно думать, что Государь не вѣрилъ еще въ такое скорое исправленіе провинившагося писателя, и ходатайство о переводѣ его было оставлено безъ послѣдствій. Зато министръ внутреннихъ дѣлъ обращаетъ теперь особенное вниманіе на Салтыкова. Ему поручается, иногда Высочайшимъ приказомъ, выполненіе работъ, имѣющихъ особенно важное значеніе. „Съ разрѣшенія господина министра внутреннихъ дѣлъ, изъясненнаго въ предписаніи вятскому губернатору отъ 23-го декабря 1849 года за № 3645, поручено ему, Салтыкову, составленіе по городамъ Вятской губерніи инвентарей недвижимыхъ имуществъ, статистическихъ описаній и соображеній о мѣрахъ къ лучшему устройству общественныхъ и хозяйственныхъ дѣлъ, съ назначеніемъ содержанія, опредѣленнаго по штату старшему чиновнику особыхъ порученій".

Съ 19 іюня по 1 іюля 1850 года Михаилъ Евграфовичъ опять по порученію начальника губерніи исправляетъ должность правителя канцеляріи „и за отличное усердіе и труды по оной изъявлена (ему) особенная благодарность" губернатора.

Среди многочисленныхъ порученій по службѣ Салтыковъ все же не забывалъ, что онъ изгнанникъ въ Вяткѣ. Провинція была въ его глазахъ царствомъ тьмы, въ которое онъ надѣялся заронить лучи свѣта, возвѣстивъ новыя, высокія откровенія. Конечно, дѣйствительность оказалась несоотвѣтствующей его ожиданіямъ. Самъ Салтыковъ такъ описываетъ этотъ періодъ своей жизни: „по обстоятельствамъ онъ былъ принужденъ оставить среду, которая воспитала его радужныя сновидѣнія, товарищей, которые вмѣстѣ съ нимъ предавались этимъ сновидѣніямъ, и поселиться въ глубь провинціи. Тамъ его встрѣтило совершенное отсутствіе сновидѣній, а затѣмъ въ жизнь вторглась цѣлая масса мелочей, съ которыми волей-неволей приходилось считаться. Юношескій угаръ соскользнулъ съ него быстро [1])". Ядовитое описаніе городскихъ гостиныхъ, сдѣланное Михаиломъ Евграфовичемъ въ „Губернскихъ очеркахъ", было вызвано, вѣроятно, этимъ разочарованіемъ, тоской и недовольствомъ своимъ положеніемъ.

Непріятное настроеніе Салтыкова заставило его просить четы-

[1]) Л. Н. Спасская „Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ". См. Памятная кн. Вят. губ. на 1908 г., стр. 95.

рехмѣсячный отпускъ,—хотѣлось отдохнуть, сбросить съ себя гнетъ провинціи, которая „растлѣваетъ людей, истребляетъ всякую самодѣятельность ума, охлаждаетъ порывы сердца, уничтожаетъ желанья". Къ этому присоединилось, вѣроятно, и болѣзненное состояніе Салтыкова, что̀ видно изъ ходатайства губернатора объ отпускѣ Михаилу Евграфовичу. Салтыковъ желалъ повидаться съ своими родными и ѣхалъ въ губерніи Тверскую и Ярославскую, а часть времени намѣревался провести въ С.-Петербургѣ „для принятія совѣтовъ отъ врачей, касательно болѣзненнаго положенія" своего. Къ ходатайству объ отпускѣ Середа присоединилъ и новую аттестацію Салтыкова. „Къ сему обязанностью поставляю присовокупить, писалъ онъ, что чиновникъ Салтыковъ во все время своего здѣсь пребыванія велъ себя отлично, возлагаемыя на него порученія всегда исполнялъ съ примѣрнымъ усердіемъ и неутомимою дѣятельностью, и по отличнымъ способностямъ своимъ оказывается весьма полезнымъ для службы; каковыя похвальныя качества его я осмѣливаюсь представить на благоуваженіе Вашего Высокопревосходительства въ подкрѣпленіе ходатайства моего о дозволеніи просимаго отпуска" [1]).

Каковы были результаты настоящаго ходатайства губернатора, помѣченнаго отъ 15 марта 1849 года, изъ дѣла не видно. Надо полагать, что отвѣта на него не послѣдовало. Можно думать, что этимъ отказомъ или молчаніемъ было, между прочимъ, вызвано ходатайство матери Салтыкова предъ Государемъ о прощеніи сына, возбужденное въ началѣ же слѣдующаго 1850 года.

По поводу ходатайства матери Салтыкова объ освобожденіи сына былъ сдѣланъ вятскому губернатору новый запросъ о поведеніи и образѣ мыслей ссыльнаго. Начальство и на этотъ разъ могло только одобрить всю дѣятельность и поведеніе Михаила Евграфовича [2]).

Лестные отзывы Середы о дѣятельности Салтыкова, какъ ссыльнаго чиновника, дали послѣднему возможность подать прошеніе въ военное министерство объ освобожденіи его изъ ссылки [3]). Видимо

---

[1]) Дѣло по 3 столу канцеляріи вятскаго гражданскаго губернатора. Секретно. „По предписанію генералъ-губернатора графа Орлова о назнач. на жительство въ Вятку титулярнаго совѣтника Салтыкова" 1848 года.

[2]) При запросѣ вятскому губернатору о Салтыковѣ по поводу ходатайства матери былъ приложенъ къ дѣлу краткій отъ 1848 года и формулярный списокъ его.

[3]) Неизвѣстно почему г. Алексѣевъ въ своей статьѣ „М. Е. Салтыковъ въ Вяткѣ", напечатанной въ ноябрьской книжкѣ „Историческаго Вѣстника" за 1907 годъ, на стр. 606 говоритъ, что Середа ходатайствовалъ о его освобожденіи. Въ бумагѣ министра внутреннихъ дѣлъ прямо говорится,

самъ ссыльный чувствовалъ уже перемѣну въ своихъ взглядахъ и считалъ себя исправившимся. Но предержащія власти смотрѣли на дѣло иначе. — Когда ходатайство Салтыкова было получено министромъ внутреннихъ дѣлъ, то онъ не счелъ возможнымъ ходатайствовать о ссыльномъ предъ Государемъ [1]). „Имѣя въ виду, писалъ въ отвѣтъ на это ходатайство Михаила Евграфовича министръ внутреннихъ дѣлъ, что въ августѣ прошлаго года г. управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, вслѣдствіе прежняго ходатайства Салтыкова, входилъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ о переводѣ лишь его въ Оренбургскую губернію, но и на это Высочайшаго соизволенія не послѣдовало, я нахожу за симъ невозможнымъ утруждать Государя Императора новымъ докладомъ по настоящей просьбѣ Салтыкова, о чемъ и прошу Ваше Высокопревосходительство приказать объявить ему въ отвѣтъ на его просьбу". Эту бумагу читалъ самъ Михаилъ Евграфовичъ и росписался на ней: „предписаніе сіе читалъ М. Салтыковъ" [2]).

Послѣ неудачи настоящаго ходатайства Салтыкова объ освобожденіи, его мать и рѣшила просить Наслѣдника престола походатайствовать предъ Государемъ объ освобожденіи ея сына изъ ссылки. На четвертомъ году прибытія Михаила Евграфовича въ Вяткѣ она обратилась къ Наслѣднику Александру Николаевичу съ слѣдующимъ прошеніемъ: „Ваше Императорское Высочество, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, позвольте бѣдной матери, уже три года оплакивающей сына, пострадавшаго за легкомысліе, умолять Ваше Императорское Высочество повергнуть на всемилостивѣйшее воззрѣніе Государя Императора прилагаемое у сего всеподданнѣйшее прошеніе о прощеніи этого моего сына, титулярнаго совѣтника Михаила Салтыкова съ дозволеніемъ ему продолжать службу въ столицѣ [3])".

что „титулярный совѣтникъ Салтыковъ, высланный въ 1848 году, по Высочайшему повелѣнію, на службу въ г. Вятку подъ особый надзоръ начальника губерніи, обратился въ военное министерство съ просьбою объ исходатайствованіи ему Всемилостивѣйшаго прощенія, во вниманіе къ чистосердечному его раскаянію и къ настоящей безпорочной службѣ въ Вяткѣ". Бумага получена Середой 28 января 1852 года.

[1]) Ходатайство Салтыкова направлено было собственно военному министру.

[2]) Настоящая приписка вмѣстѣ съ выраженіями, „по настоящей просьбѣ Салтыкова" и „въ отвѣтъ на его просьбу" указываетъ на то, что Салтыковъ самъ ходатайствовалъ объ освобожденіи изъ ссылки, а не губернаторъ Середа, какъ писалъ г. Алексѣевъ. См. „Историческій Вѣстникъ" 1907 годъ. Ноябрь, стр. 606.

[3]) „Русская Мысль". 1906 годъ, январь. См. статью Лемке „Къ біографіи М. Е. Салтыкова" стр. 34.

*

Но и ходатайство матери Салтыкова не имѣло желательнаго конца,—изгнанникъ оставался въ Вяткѣ еще два года. Въ эти два года освобожденіе Салтыкова усиленно подготовлялось мѣстнымъ начальствомъ. Теперь за Михаила Евграфовича просилъ и самъ вятскій жандармъ генералъ-маіоръ баронъ Тизенгаузенъ. Вотъ что писалъ онъ Дубельту 15 января 1854 года: „Имѣя случай въ теченіе цѣлаго года лично наблюдать за образомъ мыслей и дѣйствіями г. Салтыкова, я не только не нашелъ въ нихъ ничего противнаго духу правительства, но, напротивъ того, встрѣтилъ въ немъ полное желаніе служить правительству со всѣмъ усердіемъ и готовностью быть полезнымъ... я долгомъ считаю съ своей стороны повергнуть участь его милостивому вниманію господина шефа жандармовъ, почему имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство не отказать въ благосклонномъ ходатайствѣ у Его Сіятельства [1])“.

Всѣ неудавшіяся попытки освободиться изъ ссылки однако не смутили Михаила Евграфовича. Когда въ концѣ 1854 года переведенъ былъ изъ Вятки губернаторъ Середа и на его мѣсто назначенъ Семеновъ, изгнанникъ рѣшилъ воспользоваться удобнымъ временемъ и, нужно полагать, сразу же добрымъ къ нему отношеніемъ губернатора и подалъ ему покаянное прошеніе съ ходатайствомъ объ отпускѣ къ роднымъ слѣдующаго содержанія.

Его Превосходительству, Господину Вятскому Гражданскому Губернатору,

совѣтника Вятскаго Губернскаго Правленія коллежскаго ассесора Михаила Салтыкова.

ПРОШЕНІЕ.

Въ апрѣлѣ 1848 года по Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему на Всеподданнѣйшій докладъ г. Военнаго Министра, переведенъ я на службу въ Вятскую губернію за помѣщеніе въ періодическихъ изданіяхъ сочиненій, обнаруживающихъ вредное направленіе.

Съ тѣхъ поръ протекло уже болѣе пяти лѣтъ, и обстоятельства мои уже во многомъ измѣнились. Смѣю думать, что во все это время, и образомъ моихъ мыслей, и всѣми дѣйствіями по службѣ, я постоянно и достаточно доказывалъ, что вредное направленіе, за которое я такъ много, хотя и заслуженно, пострадалъ, давно отброшено мною въ числѣ тѣхъ заблужденій молодости, къ которымъ уже не возвращаются.

Достигнувъ этого результата путемъ нравственнаго убѣжденія и

[1]) Тамъ же, стр. 36.

имѣя твердую рѣшимость въ теченіе всей моей жизни остаться истиннымъ и вѣрнымъ слугою Престола, я въ самой этой рѣшимости почерпаю смѣлость надѣяться, что Высшее Правительство приметъ во вниманіе понесенное мною наказаніе и безусловную мою покорность и снизойдетъ къ кратковременному моему заблужденію, которое, конечно, никогда не возобновится.

Льщу себя надеждою, что и Ваше Превосходительство не оставите меня своей защитой и покровительствомъ, и въ этомъ убѣжденіи рѣшаюсь утруждать Васъ всепокорнѣйшею моей просьбой объ исходатайствованіи мнѣ четырехмѣсячнаго отпуска въ Ярославскую, Тверскую и Московскую губерніи.

Къ сему считаю долгомъ присовокупить, что къ ходатайству сему я вынуждаюсь еще и тѣмъ, что въ прошломъ году я имѣлъ несчастіе лишиться отца, вслѣдствіе чего личное мое присутствіе въ семействѣ оказывается необходимымъ для устройства домашнихъ дѣлъ.

Вятка. 1852 года 20 декабря.

Совѣтникъ Вятскаго Губернскаго Правленія коллежскій ассесоръ Михаилъ Салтыковъ".

Это вторичное ходатайство Салтыкова объ отпускѣ было, наконецъ, уважено. При благопріятномъ отзывѣ губернатора Семенова, ему позволено было ѣхать „въ отпускъ на четыре мѣсяца во внутреннія губерніи, кромѣ столичныхъ".

Высочайшее соизволеніе на отпускъ Салтыкова было получено въ Вяткѣ 16 апрѣля 1853 года. Но, получивши отпускъ, Михаилъ Евграфовичъ почему-то не спѣшилъ выѣхать изъ Вятки. Только 16-го іюня 1853 года, какъ значится въ сообщеніяхъ тверскому и ярославскому губернаторамъ, онъ выѣхалъ въ г. Калязинъ, Тверской губерніи.—23-го октября того же года Салтыковъ возвратился на свое мѣсто служенія и приступилъ опять къ исполненіе обязанностей.

Чѣмъ дольше жилъ Салтыковъ въ Вяткѣ, тѣмъ все болѣе и болѣе расширялась его служебная дѣятельность. Послѣ того, какъ отъ 5 августа 1850 года по Высочайшему приказу по гражданскому вѣдомству за № 153 онъ назначенъ былъ совѣтникомъ Вятскаго губернскаго правленія, ему все чаще даются порученія предписаніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и по Высочайшему приказу. Каковы были эти порученія, можно видѣть изъ формулярнаго списка Салтыкова.

1) Въ 1850 году Салтыковъ былъ „производителемъ дѣлъ комитетовъ: о рабочемъ и смирительномъ домахъ, о новомъ порядкѣ от-

дачи въ содержаніе почтовыхъ станцій; 2, о выставкѣ сельскихъ произведеній въ С.-Петербургѣ; 3, распорядителемъ Вятской очередной выставки сельскихъ произведеній и членомъ комитета оной".—За оказанное содѣйствіе по устройству послѣдней выставки Салтыкову изъявлена была въ 1851 году 31 января признательность г. министра государственныхъ имуществъ. По предписанію г. министра внутреннихъ дѣлъ отъ 11 декабря [1]) за № 5515 отъ возложеннаго на него порученія относительно инвентарнаго описанія городовъ Вятской губерніи Михаилъ Евграфовичъ былъ освобожденъ, но ему оставлено было составленіе инвентарнаго описанія г. Вятки „съ порученіемъ надзора за топографическими работами по прочимъ городамъ". Въ 1852 году 21 апрѣля Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству за № 74 Салтыковъ произведенъ за выслугу лѣтъ въ коллежскіе ассесоры со старшинствомъ. Предписаніемъ г. министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 20 мая 1852 года за № 1465, ему „вновь поручено составленіе по городамъ Вятской губерніи инвентарей недвижимыхъ имуществъ, статистическихъ описаній и соображеній о мѣрахъ къ лучшему устройству общественныхъ и хозяйственныхъ дѣлъ, съ назначеніемъ въ пособіе изъ городскихъ доходовъ Вятской губерніи по пятисотъ рублей серебромъ въ годъ". Согласно отзыву г. начальника губерніи, губернскимъ правленіемъ 19 января 1853 года командированъ былъ для обревизованія дѣлопроизводства Нолинскаго земскаго суда, каковое порученіе имъ и исполнено".

„Управлялъ двумя отдѣленіями въ 1854 году съ 8-го по 16 января". „Высочайшимъ приказомъ, по гражданскому вѣдомству, отданнымъ въ 31 день декабря 1854 года за № 263, произведенъ за выслугу лѣтъ въ надворные совѣтники со старшинствомъ" [2]).

Послѣ того какъ Салтыкову былъ разрѣшенъ первый отпускъ съ Высочайшаго соизволенія, онъ потомъ чаще выѣзжаетъ изъ Вятки. Въ его формулярномъ спискѣ отъ 1854 года имѣются указанія на эти поѣздки, изъ которыхъ одна и окончилась тѣмъ, что, отправившись въ Петербургъ, Михаилъ Евграфовичъ уже не возвратился на службу въ Вятку.

Вотъ что именно читаемъ мы въ формулярѣ Салтыкова 1854 года:

---

[1]) Годъ освобожденія отъ этого порученія въ формулярномъ спискѣ Салтыкова не означенъ.

[2]) См. формулярные списки о службѣ чиновъ губернскаго правленія, канцелярскихъ чиновниковъ и служителей за 1855 годъ.

Въ архивѣ Вятскаго губернскаго правленія хранятся два формулярные списка Салтыкова: одинъ—1848 года, а другой—1854 года. Первый списокъ находится въ дѣлѣ „по 3 столу канцеляріи губернатора", онъ оканчивается 1848 годомъ; другой—полный оканчивается 21 апрѣля 1854 года.

Салтыковъ былъ въ отпускѣ „въ 1855 году съ 19 іюля на 28 дней и къ должности явился на срокъ“. Въ томъ же 1855 году съ 24 декабря на 28 дней,—„по истеченіи каковаго отпуска начальникомъ губерніи, какъ видно изъ предложенія его губернскому правленію отъ 23 января 1856 года, Салтыковъ отправленъ въ С.-Петербургъ по дѣламъ службы и потомъ Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству, отданнымъ 12 февраля за № 31, отъ должности совѣтника уволенъ съ причисленіемъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, почему изъ отпуска въ г. Вятку и не возвратился“.

Не богата была въ матеріальномъ отношеніи жизнь Михаила Евграфовича въ Вяткѣ. Хотя Салтыковы-родители имѣли болѣе трехъ тысячъ крестьянъ, но они не слишкомъ щедро помогали своему сыну-изгнаннику. „Единственная цѣль и смыслъ жизни семьи Салтыковыхъ, пишетъ г. Спасская,—была нажива, скряжничество и скопидомство“. „Грошъ прикладывался къ грошу, говоритъ Салтыковъ,—и когда образовывался гривенникъ, то помыслы устремлялись къ цѣлковому“. „Ты думаешь, какъ состоянія-то наживаются?“—часто восклицала мать Салтыкова. „Эта фраза раздавалась съ утра до вечера, оживляла всѣ сердца, давала тонъ и содержаніе всему обиходу. Это было своего рода исповѣданіе вѣры, которому всѣ безусловно подчинялись“. Ради выгоды и наживы мать Салтыковыхъ рѣшалась охотно выносить какія угодно мученія. Часто она повторяла дѣтямъ, какъ тяжело досталось ей состояніе: „все шеей, да грудью, да хребтомъ! И чего я не попробовала! и слякоть-то, и распутицу-то, и гололедицу-то—всего отвѣдала—хвалилась она“ [1]). И деньги умѣла беречь, а Михаилъ Евграфовичъ нуждался въ нихъ, о чемъ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя его ходатайства на этотъ счетъ. Въ дѣлѣ канцеляріи губернатора имѣется ходатайство Салтыкова отъ 16 апрѣля 1851 года о выдачѣ ему пособія въ размѣрѣ „для опредѣляющихся на службу“ въ другую губернію, котораго онъ своевременно не получилъ. Просьба его была удовлетворена, и онъ получилъ полугодовой окладъ жалованья по должности помощника секретаря военнаго министерства въ размѣрѣ 151 руб. 20¾ коп. серебромъ изъ Вятскаго уѣзднаго казначейства [2]).

Какова ни была изгнанническая жизнь Михаила Евграфовича,

---

[1]) Л. Н. Спасская „Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ“. См. памятная книжка Вятской губ. на 1908 годъ, стр. 81.

[2]) Годовой окладъ жалованья Салтыкова былъ 336 руб. 24 коп. серебромъ; за вычетомъ изъ половины его 168 руб. 12 коп. 10% въ пользу инвалидовъ, т. е. 16 руб. 81¼ коп., и получится сумма 151 руб. 20¾ коп.

она приближалась къ концу, и 13-го ноября 1855 года Салтыковъ былъ освобожденъ изъ ссылки.

При какихъ обстоятельствахъ и чьемъ содѣйствіи произошло освобожденіе Салтыкова изъ ссылки, до сихъ поръ еще не было рѣшено окончательно. Въ матеріалахъ для біографіи Салтыкова со словъ г. Михайлова говорится, что „снятіемъ съ него полицейскаго надзора онъ былъ обязанъ новому вятскому губернатору Ланскому“ [1]). Но впослѣдствіи выяснилось, что губернатора Ланского въ Вяткѣ никогда и не было. Вотъ что пишетъ объ обстоятельствахъ освобожденія изъ ссылки Салтыкова г. Спасская въ своей статьѣ „Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ“. — „Много разъ за время своей ссылки М. Е. пытался добиться освобожденія, но, несмотря на содѣйствіе губернатора Семенова, эти попытки не увѣнчались успѣхомъ. Такъ время прошло до 1855 года, когда въ Вятку пріѣхалъ генералъ-адъютантъ Петръ Петровичъ Ланской, чтобы лично наблюдать за сформированіемъ вятскаго ополченія, начальникомъ котораго онъ былъ назначенъ. Съ Ланскимъ пріѣхала и жена его Наталья Николаевна, бывшая въ первомъ бракѣ за знаменитымъ нашимъ поэтомъ А. С. Пушкинымъ. Ланскіе пробыли въ Вяткѣ съ конца сентября по январь и сыграли крупную роль въ жизни М. Е.

Среди вятскаго общества Ланскіе особенно сошлись съ управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ Пащенко, состоявшимъ членомъ губернскаго комитета по созыву ополченія и его женою, и часто бывали у нихъ въ домѣ... М. Е. былъ коротко знакомъ съ семействомъ Пащенко и былъ у нихъ принятъ какъ родной. Госпожа Пащенко, женщина замѣчательно добрая, сожалѣвшая, что М. Е. не можетъ освободиться изъ ссылки, придумала воспользоваться дружескимъ расположеніемъ къ ней Натальи Николаевны и просить послѣднюю посодѣйствовать исходатайствованію свободы Салтыкову, что при связяхъ Ланскихъ при дворѣ и въ обществѣ было не трудно. Та охотно согласилась, и съ помощью своего мужа достигла скораго успѣха: 13 ноября 1855 года М. Е. было разрѣшено жить и служить, гдѣ онъ самъ пожелаетъ...

Вѣроятно Михайловъ, слыша, что М. Е. связываетъ свое освобожденіе съ пріѣздомъ въ Вятку Ланского и его жены, не поинтересовался точнѣе узнать и разспросить его о личности Ланского и цѣли пріѣзда въ Вятку, а рѣшилъ, руководствуясь вѣроятностью и догадкой, что это, конечно, долженъ быть новый губернаторъ, болѣе счастливый въ своихъ хлопотахъ о Салтыковѣ, чѣмъ старый губер-

---

[1]) Полное собр. соч. М. Е. Салтыкова. Изд. Маркса 1905 г., стр. 38.

наторъ Семеновъ, который при всѣхъ стараніяхъ не достигъ успѣха“ [1]).

Такимъ образомъ Михаилъ Евграфовичъ освободился изъ ссылки, по мнѣнію г. Спасской, не безъ содѣйствія П. П. Ланского, двоюроднаго брата министра внутреннихъ дѣлъ. Но принимали ли дѣйствительно участіе Ланскіе въ дѣлѣ освобожденія Салтыкова, на этотъ вопросъ должно отвѣтить отрицательно.

Лестные отзывы о Салтыковѣ губернатора Семенова и его предшественника сдѣлали свое дѣло въ смыслѣ подготовки къ освобожденію изгнанника изъ Вятки, познакомивши власти съ полною перемѣной въ настроеніи ссыльнаго. Но правительство Николая Павловича строго относилось къ политическимъ ссыльнымъ, и потому Салтыкову не удалось выбраться изъ Вятки.

Когда на престолъ вступилъ благостный преемникъ Николая I—Александръ Николаевичъ, губернаторъ Семеновъ рѣшилъ воспользоваться благопріятствующими обстоятельствами и, освобождая Салтыкова отъ полицейскаго надзора, возбудилъ ходатайство о полномъ его помилованіи. Ходатайство губернатора, наконецъ, увѣнчалось успѣхомъ,—изгнанникъ былъ прощенъ. Вотъ что писалъ между прочимъ Семеновъ въ своемъ ходатайствѣ о Салтыковѣ. „При двойномъ надзорѣ, какъ со стороны начальника губерніи, такъ и полицейскомъ, за г. Салтыковымъ ничего болѣе не замѣчено кромѣ того, что онъ во все время своего здѣсь пребыванія велъ себя во всѣхъ отношеніяхъ весьма хорошо, а служебныя обязанности всегда исполнялъ съ примѣрнымъ усердіемъ, неутомимою дѣятельностью и, при отличномъ знаніи дѣла, съ большою пользою для службы, что было поводомъ моему предшественнику къ ходатайству объ опредѣленіи его совѣтникомъ губернскаго правленія, въ каковой должности онъ состоитъ понынѣ.

Съ своей стороны строго слѣдя уже въ продолженіе $2^1/_2$ лѣтъ за поведеніемъ и образомъ мыслей чиновника Салтыкова, я положительно убѣдился, что если онъ, по увлеченію молодости, имѣлъ несчастіе впасть въ заблужденіе, то въ настоящее время, наученный опытомъ, онъ никогда не станетъ ни явно, ни тайно обнаруживать идей противныхъ видамъ правительства, въ чемъ служитъ несомнѣннымъ ручательствомъ отлично усердная, совершенно честная и вполнѣ добросовѣстная его служба.

Во вниманіе къ сему я нахожу нынѣ совершенно возможнымъ освободить его отъ полицейскаго за нимъ надзора и дозволить ему

---

[1]) Л. Н. Спасская. „Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ“. См. памятн. кн Вятской губ. на 1908 г. стр. 103—104.

продолжать службу гдѣ пожелаетъ; а потому имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Высокопревосходительство объ исходатайствованіи ему такой Монаршей милости, которой онъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ, что истинно сознаетъ свое заблужденіе и остается въ неизмѣнной рѣшимости въ теченіе всей своей жизни пребыть истиннымъ и вѣрнымъ слугою Престола".

На такое ходатайство губернатора по Всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ Ланского, Государь Императоръ *„дозволилъ Салтыкову проживать и служить гдѣ пожелаетъ"*.— Это Высочайшее повелѣніе было получено въ Вяткѣ 23 ноября 1855 года, и тогда кончился срокъ ссылки Салтыкова.

Итакъ, едва-ли помогла Наталія Николаевна Ланская по просьбѣ госпожи Пащенко освободиться Салтыкову изъ ссылки[1]). Мы болѣе склонны утверждать, что, освободившись изъ Вятки, благодаря усиленнымъ ходатайствамъ и лестнымъ отзывамъ мѣстнаго начальства, Михаилъ Евграфовичъ въ Петербургѣ устроился дѣйствительно благодаря могущественному заступничеству Ланской.

Получивши Высочайшее помилованіе, Салтыковъ не сразу покинулъ Вятку. Пользуясь отпусками, онъ бывалъ въ это время у своей матери въ с. Спасскомъ, Калязинскаго уѣзда, Тверской губерніи, а затѣмъ, вѣроятно, и въ Петербургѣ и пытался тамъ, надо полагать, устроиться на службу.

Желаніе Салтыкова устроиться въ столицѣ осуществляется скоро. Его поѣздка въ Петербургъ 23 января 1856 года „по дѣламъ службы" вѣроятно принесла ему въ этомъ отношеніи большую пользу. Петербургскіе друзья Салтыкова и въ частности Н. Н. Ланская позаботились о томъ, чтобы пристроить бывшаго изгнанника гдѣ-нибудь около себя въ столицѣ. Сдѣлать это было уже очень легко въ виду родственныхъ отношеній Ланскихъ съ Сергѣемъ Степановичемъ Ланскимъ, тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Министръ Ланской уже зналъ Салтыкова по отзывамъ начальства; по его докладу Государю Михаилъ Евграфовичъ былъ освобожденъ изъ ссылки. Къ одобрительнымъ отзывамъ губернаторовъ Н. Н. Ланская прибавила еще свой отзывъ о Салтыковѣ, и такъ все было подготовлено къ тому, чтобы Ланской принялъ Салтыкова къ себѣ на службу. Оказавшись въ это время въ Петербургѣ, Салтыковъ встрѣтилъ благосклонное отношеніе министра, и въ февралѣ 1856 года былъ приглашенъ уже къ ми-

---

[1]) Неизвѣстный авторъ помѣстилъ въ „Трудахъ Вят. Уч. Арх. комиссіи" замѣтку „По вопросу объ освобожденіи М. Е. Салтыкова изъ ссылки въ Вятку".

нистру внутреннихъ дѣлъ, а въ іюлѣ того же года назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ.

Такъ произошло возвращеніе Салтыкова изъ ссылки въ Петербургъ. Въ 1856 году онъ покинулъ Вятку совершенно, прослуживши въ ней три мѣсяца еще послѣ своего освобожденія.

Покинувши мѣсто своего изгнанія, Салтыковъ не разъ вспоминалъ его, описавши даже въ „Губернскихъ очеркахъ“. „Я оставляю Крутогорскъ окончательно, писалъ онъ въ своей „Дорогѣ“, когда въ ноябрѣ 1855 года покидалъ Вятку, уѣзжая „по дѣламъ службы въ Петербургъ, передо мной растворяются двери новой жизни, той полной жизни, о которой я мечталъ, къ которой устремлялся всѣми силами души своей... И между тѣмъ внутри меня совершается странное явленіе. Я слышу, я чувствую, что какое-то неизъяснимое тайное горе сосетъ мое сердце... Ужели я въ Крутогорскѣ оставилъ часть самого себя?“

„За чиновнымъ, оффиціальнымъ Крутогорскомъ разстилался цѣлый крутогорскій край, „далекій и никѣмъ не тронутый, просторный и простодушный“. Этотъ край былъ милъ Салтыкову; о немъ онъ жалѣлъ, даже вырываясь на волю“.

„Да, я люблю тебя, далекій, никѣмъ не тронутый край! Мнѣ милъ твой просторъ и простодушіе обитателей!.. Мнѣ отрадно весело шататься по городскимъ улицамъ, особенно въ базарный день, когда всѣ площади завалены разнымъ хламомъ: сундуками, бураками, ведерками и проч.... Взгляните на эти загорѣлыя лица: они дышатъ умомъ и сметкою и вмѣстѣ съ тѣмъ какимъ то неподдѣльнымъ простодушіемъ, которое, къ сожалѣнію, исчезаетъ все больше и больше. Столица этого простодушія—Крутогорскъ“.

Съ такими чувствами покинулъ Салтыковъ мѣсто своего изгнанія „Крутогорскъ“—Вятку.

Вл. Емельяновъ.

Изъ жизни русскихъ въ Финляндіи.

(Практика русскихъ врачей).

Въ 1885 году у одной дачницы въ Райвола заболѣлъ ребенокъ, и лѣкарство прописалъ докторъ З., состоявшій на государственной службѣ и практиковавшій третье десятилѣтіе. Этотъ рецептъ вернули изъ финляндской аптеки, при чемъ было сказано: „лѣкарства не дадутъ", такъ какъ это запретилъ мѣстный врачъ. Въ этомъ же году были предъявлены рецепты Боткина и Бертенсона въ финляндскихъ аптекахъ Терріокъ и Райвола.

Лѣкарствъ по этимъ рецептамъ свѣтилъ русской медицины въ финляндскихъ аптекахъ не отпустили, при чемъ было заявлено: „мы не имѣемъ права выдавать лѣкарствъ по рецептамъ не финляндскихъ докторовъ".

На эти факты было обращено вниманіе тогдашней русской печати, и тогда по этому поводу послѣдовало заявленіе въ № 215 Helsingfors„ Dagblad" доктора Эмиля Бромса, запретившаго отпускать лѣкарства по рецептамъ русскихъ докторовъ.

По объясненію этого почтеннаго эскулапа запрещеніе происходило по слѣдующимъ причинамъ: „Аптекарь отпускалъ лѣкарства, не зная, или чаще не будучи въ состояніи узнать, кто ихъ выписываетъ. Этотъ послѣдній можетъ оказаться коноваломъ, совершенно несвѣдущимъ по медицинѣ, вслѣдствіе чего могутъ возникать многочисленныя несчастія".

„Другая причина моего циркуляра тоже не можетъ быть обойдена молчаніемъ. Населеніе здѣсь, повидимому, имѣетъ особое пристрастіе обращаться къ нѣсколькимъ врачамъ заразъ, можетъ быть потому, что послѣднихъ здѣсь такъ много. Какъ легко могутъ приключиться серьезныя послѣдствія оттого, что паціентъ одновременно получаетъ то же самое лѣкарство отъ всѣхъ".

Казалось, что черезъ 24 года послѣ этого событія, можно было бы сказать: свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ; а между тѣмъ въ іюлѣ 1908 г., въ городской аптекѣ Нейшлота былъ предъявленъ рецептъ, привезенный изъ Россіи и подписанный русскимъ врачемъ. Русскому, представившему этотъ рецептъ, аптекарь предложилъ обратиться къ мѣстному финляндскому или нѣмецкому врачу, для удостовѣренія, иначе же рецептъ этотъ признавался недѣйствительнымъ.

Все это происходило въ то самое время, когда врачи финляндскіе, т. е. выходящіе изъ Гельсингфорскаго университета, пользовались и пользуются правомъ совершенно свободной практики въ Россіи [1]).

Сообщено ....и.

[1]) По словамъ вышеизложеннаго заявленія Эмиля Бромса: „въ большинствѣ цивилизованныхъ странъ существуетъ законъ, по которому врачъ другой страны не имѣетъ права практиковать въ нихъ безусловно".

Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера[1]).

Въ Петербургѣ я засталъ замѣчательный подъемъ общественной жизни и умственнаго движенія. Все это какъ бы разомъ измѣнилось; начиналась новая эпоха, полная надеждъ и иллюзій, молодая свѣжая жизнь стала бить ключемъ. Съ ослабленіемъ цензурнаго режима, обсужденіе разныхъ государственныхъ и общественныхъ вопросовъ сдѣлалось доступнымъ журналамъ; ими зачитывались, число ихъ росло изо дня въ день. Русское общество, такъ долго лежавшее неподвижно подъ спудомъ тяжелаго сна, какъ бы внезапно проснулось и воспрянуло къ жизни; общественные интересы стали поглощать всеобщее вниманіе, передъ ними эстетическая литература, поэзія и искусства отступили на второй планъ; казалось, только то имѣло цѣну въ глазахъ общества, что могло служить указаніемъ къ улучшенію общественной жизни и поднятію экономическаго благосостоянія народа. Предчувствіе предстоящихъ реформъ уже какъ бы носилось въ воздухѣ, зарождалась мысль объ отмѣнѣ крѣпостного состоянія крестьянъ,—„Записки охотника“ Тургенева обращали на себя всеобщее вниманіе, настроеніе умовъ было самое идеальное, но, какъ таковое, въ своихъ тенденціяхъ мало практическое. Въ этомъ молодомъ возбужденіи было несомнѣнно много зеленаго, незрѣлаго, еще мало выработаннаго, мечта не отдѣлялась отъ практическихъ условій жизни, и вотъ почему идеальныя стремленія часто не сходились съ практическими требованіями жизни; вмѣстѣ съ тѣмъ начала уже проявляться та прямолинейность, то стремленіе доводить логическую аргументацію односторонне до послѣднихъ предѣловъ, которое вскорѣ

[1]) См. „Русская Старина“, сентябрь 1909 г.

получило краснорѣчивое выраженіе въ статьяхъ цѣлой группы молодыхъ литераторовъ, Чернышевскаго, Добролюбова и др., и которое, развиваясь все болѣе и болѣе, должно было привести впослѣдствіи къ столь печальнымъ явленіямъ, когда наступилъ моментъ разочарованія и когда выяснилось, что практическія требованія и явленія жизни не соотвѣтствуютъ тѣмъ высокимъ, но отвлеченнымъ идеальнымъ стремленіямъ, которыми общество носилось въ первое время послѣ своего возрожденія. Несмотря на это, для тѣхъ, которые прожили это замѣчательное время, оно имѣло много увлекательнаго, возносившаго стремленія людей въ высшую сферу, поднимавшаго ихъ надъ матеріальными интересами,—эта иллюзія юности тогдашней общественной жизни, хотя и разбившаяся о послѣдующіе горькіе опыты—все же сохранитъ навсегда цѣну въ судьбахъ народа.

Незрѣлость, проявлявшаяся въ первое время въ сужденіяхъ и стремленіяхъ общества, получила типическое выраженіе въ словахъ, сказанныхъ Е. И. Ламанскимъ,—словахъ, сдѣлавшихся какъ бы классическими.

Въ залахъ Пассажа былъ устроенъ публичный диспутъ для разрѣшенія одного экономическаго вопроса (кажется, о денежномъ обращеніи), уже тогда волновавшаго общественное мнѣніе и страстно обсуждавшагося въ журналистикѣ. Е. И. Ламанскаго пригласили предсѣдательствовать въ этомъ собраніи. Дебаты съ самаго начала получили такую страстность, что серьезное обсужденіе вопроса становилось невозможнымъ: всѣ говорили и кричали разомъ, не обращая вниманія на звонокъ предсѣдателя; послѣ продолжительныхъ стараній возстановить нѣкоторый порядокъ, Е. И., потерявъ всякую надежду на толковое обсужденіе вопроса, закрылъ засѣданіе, громко сказавъ: „нѣтъ, мы еще не дозрѣли“.

Легко себѣ представить, какіе послѣ того посыпались укоры на Евгенія Ивановича во всѣхъ журналахъ, а все же его слова сдѣлались какъ бы типомъ, и долго еще послѣ того, когда выражалось неудовольствіе по поводу хода того или другого дѣла, приводились слова Ламанскаго: „нѣтъ, мы еще не дозрѣли“.

Съ возвращеніемъ въ Петербургъ, я узналъ о прекращеніи моихъ занятій по редакціи „Journal de St. Pétersbourg“; произошло это по слѣдующему обстоятельству.

Уѣзжая за границу, я просилъ моего товарища по университету В. принять на себя, на время моего отсутствія, исполненіе моихъ обычныхъ работъ по журналу. Онъ согласился, но сталъ исполнять принятую на себя обязанность такъ неаккуратно и такъ вяло, что собственникъ журнала (г. Гларнеръ, который наслѣдовалъ журналъ

послѣ графа Сансе) принужденъ былъ совершенно отказать ему, замѣстивъ его другимъ редакторомъ. В. посовѣстился сообщить мнѣ лично о столь непріятномъ для меня эпизодѣ и тѣмъ поставилъ меня, кромѣ того, въ довольно глупое положеніе. Ничего не подозрѣвая, я поѣхалъ къ Гларнеру, чтобы заявить ему, что, съ возвращеніемъ, я вновь намѣренъ приступить къ обычнымъ моимъ работамъ по журналу вмѣсто временнаго редактора В. Каково же было мое удивленіе, когда Гларнеру пришлось объяснить мнѣ, что, вслѣдствіе неудовлетворительности работы моего замѣстителя, онъ принужденъ былъ взять другого редактора, и что потому прежнее мое мѣсто уже занято.

При моемъ скромномъ тогдашнемъ бюджетѣ потеря вѣрнаго мѣсячнаго заработка по журналу была для меня очень чувствительна; потеря, впрочемъ, вскорѣ вознаградилась съ избыткомъ—по прошествіи короткаго времени мнѣ пришлось сдѣлаться корреспондентомъ журнала „Le Nord“; затѣмъ я получилъ приглашеніе отъ Печаткина составлять для „Библіотеки для чтенія“ статьи по крестьянскому вопросу, и наконецъ, въ довершеніе всего, я сдѣлался секретаремъ Географическаго Общества.

Все это вмѣстѣ взятое привело мой бюджетъ въ очень удовлетворительное положеніе.

Газета „Le Nord“ была основана незадолго передъ симъ по мысли Н. Поггенполя, который и сдѣлался главнымъ его редакторомъ. Она должна была выходить въ Парижѣ и служить русскимъ интересамъ за границей. Я получилъ приглашеніе участвовать въ этомъ журналѣ чрезъ посредство М. Ѳ. Бурмейстера, съ которымъ мы были товарищами по службѣ во французскомъ отдѣленіи М. И. Д. Михаилъ Ѳедоровичъ былъ человѣкъ крайне симпатичный и замѣчательно способный; онъ считался у насъ лучшимъ редакторомъ. Страстный библіофилъ, онъ обладалъ обширною и интересною библіотекою, которую постоянно пополнялъ; его начитанность и знакомство какъ съ русской, такъ и съ иностранной литературой были замѣчательны. Женатый на молодой и милой женщинѣ, отъ велъ хотя и скромную, но пріятную семейную жизнь—однимъ словомъ, онъ дѣлалъ впечатлѣніе человѣка, вполнѣ счастливаго и довольнаго своей судьбой. Къ сожалѣнію, его молодая жена страдала чахоткой и умерла послѣ немногихъ лѣтъ супружества. Если бы она осталась въ живыхъ, то судьба этого симпатичнаго человѣка сложилась бы въ послѣдствіи совершенно иначе.

На расходы по устройству журнала „Le Nord“ довольно значительная сумма была пожертвована Кокоревымъ, который въ то время стоялъ на высотѣ своего финансоваго величія, пользовался большою

популярностью и, повидимому, живо интересовался общественными вопросами и литературой. Поггенполь, какъ ловкій человѣкъ, сумѣлъ воспользоваться этимъ настроеніемъ Кокорева и заинтересовалъ его въ своемъ предпріятіи, убѣдивъ его, что, помогая основанію за границей журнала, который предназначенъ поддерживать тамъ интересы Россіи, онъ дѣлаетъ патріотическій актъ. Завѣдываніе всѣми дѣлами журнала въ С.-Петербургѣ г. Поггенполь поручилъ М. Ѳ. Бурмейстеру. На этой почвѣ Бурмейстеръ сошелся съ Кокоревымъ и вскорѣ сталъ съ нимъ въ близкія отношенія. Какъ умный и проницательный человѣкъ, Кокоревъ оцѣнилъ выдающіяся способности Михаила Ѳедоровича и рѣшилъ воспользоваться ими для своихъ дѣлъ. Какъ извѣстно, Кокореву въ то время, по особому довѣрію правительства, была предоставлена откупная операція, внѣ всякой конкуренціи, на особыхъ основаніяхъ имъ разработанныхъ и которыя считались особенно выгодными для казны. Занятый устройствомъ новой откупной операціи, Кокоревъ предложилъ Бурмейстеру принять на себя управленіе однимъ изъ округовъ, на очень выгодныхъ условіяхъ. Бурмейстеръ принялъ его предложеніе, оставилъ М. И. Д. и перешелъ на службу къ Кокореву (вмѣстѣ съ тѣмъ ему пришлось оставить и веденіе дѣла „Le Nord“'а, которое онъ всецѣло поручилъ мнѣ). Дѣло пошло удачно, и по окончаніи операціи Бурмейстеръ сталъ богатымъ человѣкомъ. При отсутствіи семейнаго очага, котораго онъ лишился со смертію жены,—деньги и кружокъ финансовыхъ дѣльцовъ, въ который онъ попалъ, не остались безъ вліянія на настроеніе Михаила Ѳедоровича. Этотъ человѣкъ, до тѣхъ поръ чрезвычайно сдержанный и корректный, вполнѣ посвящавшійся интересу разныхъ умственныхъ вопросовъ, втянулся въ деми-мондное общество французскихъ кокотокъ и предался довольно легкомысленному образу жизни. Но Михаилъ Ѳедоровичъ не могъ оставаться долго безъ серьезныхъ занятій, его выдающіяся способности обратили на себя вниманіе В. А. Татаринова, который, по окончаніи дѣла Бурмейстера съ Коковцевымъ, предложилъ ему мѣсто директора канцеляріи государственнаго контроля. Въ этомъ положеніи Михаилъ Ѳедоровичъ принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ В. А. Татаринова, по устройству у насъ контрольныхъ порядковъ.

Нѣсколько времени спустя Михаилъ Ѳедоровичъ вступилъ во второй бракъ съ племянницею Чевкина, фамиліи которой не помню. Бракъ этотъ состоялся, кажется, не столько по любви, сколько по разнымъ разсчетамъ. Родственниками невѣсты, которые, кажется, и устроили главнымъ образомъ этотъ бракъ, руководило, вѣроятно, желаніе хорошо пристроить находившуюся на ихъ попеченіи дѣвицу, выдавъ ее за человѣка богатаго и занимавшаго видное положеніе въ

служебной іерархіи. Михаилъ же Ѳедоровичъ, соглашаясь на этотъ бракъ, дѣлалъ это вѣроятно въ надеждѣ возстановить для себя вновь мирный домашній очагъ и высвободиться этимъ путемъ изъ того деми-монднаго кружка, который его увлекалъ и пустоту котораго онъ не могъ не сознавать. Къ сожалѣнію, его надеждѣ на мирный семейный очагъ не суждено было осуществиться. Его жена оказалась характера невозможнаго. Вѣроятно подъ вліяніемъ ревности она дѣлала ему постоянныя сцены; совмѣстная жизнь становилась невозможна, Михаилъ Ѳедоровичъ рѣшился разъѣхаться съ ней,—но она не могла успокоиться, она пріѣхала къ нему на его новую квартиру и выстрѣлила въ себя изъ револьвера, какъ бы желая лишить себя жизни, разъ мужъ не соглашался взять ее опять къ себѣ. Рана оказалась не опасною, но г-жа Бурмейстеръ достигла цѣли; подъ вліяніемъ какъ чувства сожалѣнія къ несчастной женщинѣ, такъ и уговоровъ родственниковъ, Михаилъ Ѳедоровичъ согласился вновь съѣхаться съ женою. Но миръ въ семействѣ тѣмъ не былъ возстановленъ, прежній разладъ продолжался, и эта непрестанная домашняя борьба такъ изнурила бѣднаго Михаила Ѳедоровича, что, послѣ одной сильной сцены съ женою, онъ мертвый упалъ къ ея ногамъ; съ нимъ сдѣлался параличъ сердца.

Такъ печально окончилъ свою жизнь бѣдный Михаилъ Ѳедоровичъ. Человѣкъ добрый, хорошій, необыкновенно способный и дѣльный—казалось, все ему везло: и богатство и служба,—но онъ имѣлъ несчастье лишиться со смертію первой жены, которую онъ искренно любилъ, главнаго, т. е. домашняго семейнаго пристанища; не имѣя ни жены, ни дѣтей, онъ сталъ искать развлеченія и утѣхи въ обществѣ легкихъ и красивыхъ женщинъ, а затѣмъ, чтобы вырваться изъ этого круга, вступилъ въ бракъ,—въ которомъ онъ, вмѣсто семейнаго мира и покоя, нашелъ только постоянную борьбу и постоянное огорченіе,—которыя и отравили окончательно послѣдніе годы его жизни.

Не безъ нѣкотораго опасенія согласился я принять предложеніе М. Ѳ. Бурмейстера о корреспондированіи въ „Le Nord“. Въ „Journal de S.-Pétersbourg“ мое сотрудничество ограничивалось составленіемъ выдержекъ и переводовъ изъ разныхъ иностранныхъ журналовъ. Кромѣ того, какъ я уже замѣтилъ, я помѣстилъ въ немъ двѣ-три оригинальныя экономическія статьи. Въ журналѣ же „Le Nord“ мнѣ предстояло давать не чаще четырехъ разъ въ недѣлю самостоятельные очерки,—двѣ корреспонденціи въ недѣлю посвящались финансово-экономическимъ вопросамъ, а двѣ корреспонденціи сообщенію политическихъ и салонныхъ новостей—и потому мнѣ естественно было опасаться, окажусь ли я въ состояніи

удовлетворительно исполнить принимаемыя на себя обязанности. Дѣло обошлось однако довольно благополучно, я состоялъ корреспондентомъ „Le Nord“'а около трехъ лѣтъ, и оказалось, что мои корреспонденціи читались съ интересомъ и нѣкоторыя изъ нихъ даже, какъ говорили, faisaient sensation. Это дало мнѣ нѣкоторое положеніе въ обществѣ, я сталъ получать приглашенія на разные аристократическіе вечера, такъ какъ хозяевамъ такихъ собраній было очень пріятно прочесть въ парижскомъ журналѣ хотя краткую замѣтку о бывшемъ у нихъ вечерѣ. При этихъ условіяхъ я могъ бы сдѣлаться вполнѣ свѣтскимъ человѣкомъ, но не имѣлъ для того необходимой развязности и апломба; мои тогдашнія обращенія въ большомъ свѣтѣ ограничивались появленіемъ изрѣдка на нѣкоторыхъ большихъ собраніяхъ и балахъ, вполнѣ же слиться съ свѣтскимъ кругомъ высшаго общества мнѣ, разумѣется, не пришлось.

Какимъ образомъ начались мои сношенія съ „Библіотекой для Чтенія“, теперьуже не могу припомнить. Кажется, предложеніе писать для этого журнала статьи по крестьянскому вопросу послѣдовало со стороны Печаткина, который былъ тогда редакторомъ „Библіотеки“. Такъ какъ во всѣхъ журналахъ въ то время постоянно появлялись статьи по означенному вопросу, то одинъ разборъ того, что говорилось и писалось, уже представлялъ обильный матеріалъ. „Библіотека для Чтенія“ выходила ежемѣсячно, и почти въ каждомъ номерѣ появлялась статья, въ видѣ хроники по насущному вопросу дня. Уже тогда вопросъ объ общинномъ владѣніи возбуждалъ всеобщіе дебаты, и, разумѣется, мнѣ приходилось трактовать о немъ очень подробно. Какъ истый экономистъ, я жарко препирался въ моихъ статьяхъ съ защитниками общиннаго владѣнія и отстаивалъ безусловно начало частной собственности въ крестьянскомъ землевладѣніи. Кто бы могъ мнѣ тогда предсказать, что сорокъ лѣтъ спустя въ моемъ послѣднемъ сочиненіи по крестьянскому вопросу („Государство и Землевладѣніе“) я явлюсь защитникомъ общиннаго владѣнія. Въ моихъ сужденіяхъ, помѣщавшихся въ „Библіотекѣ для Чтенія“, я смотрѣлъ на этотъ важный вопросъ съ общей отвлеченной точки зрѣнія,—а что на этой почвѣ частное землевладѣніе заслуживаетъ вообще предпочтеніе, не подлежало сомнѣнію. Но впослѣдствіи, когда, послѣ оставленія поста товарища министра финансовъ, я сталъ проводить лѣтнее время въ деревнѣ и изучать на практикѣ крестьянскій бытъ, я не могъ не убѣдиться, что то, что съ отвлеченной точки зрѣнія, само по себѣ представляетъ совершенно правильное положеніе, къ практической жизни, подъ вліяніемъ разныхъ побочныхъ обстоятельствъ, можетъ при данныхъ условіяхъ оказаться непримѣнимымъ; я пришелъ къ убѣжденію, что еще дол-

тое время во многихъ мѣстностяхъ Россіи о раздѣлѣ общинныхъ земель на частные участки, съ переходомъ ихъ въ полную собственность отдѣльныхъ крестьянъ—не можетъ быть и рѣчи, по чисто практическимъ причинамъ,—трудности, почти невозможности выдѣла отдѣльныхъ участковъ, не говоря даже о привычкѣ народа къ общинному устройству, близко связанному съ его бытомъ.

Около этого же времени я поступилъ въ члены Географическаго Общества, секретаремъ котораго мнѣ пришлось сдѣлаться года два спустя. Географическое Общество съ самаго своего учрежденія занимало весьма выдающееся положеніе, благодаря высокому научному значенію образовавшихъ его людей [1]) и хорошаго состава его членовъ. Кромѣ того, при отсутствіи у насъ въ то время общественной жизни вообще, существованіе такого центра, въ которомъ могли собираться люди, интересующіеся наукой, для общей бесѣды, получило особую цѣну въ глазахъ общества. Правда, существовало еще другое Общество, которое по своей программѣ и особенно по богатству денежныхъ средствъ, которыми оно было надѣлено, могло бы соперничать съ Географическимъ Обществомъ—это Императорское Вольное Экономическое Общество, которое имѣло задачею—преимущественно занятіе сельско-хозяйственными вопросами. Но между тѣмъ, какъ Географическое Общество заслужило съ самаго начала особенно почетную репутацію, того же нельзя было сказать о В. Эк. Обществѣ. Причину такой разницы слѣдовало искать именно въ богатствѣ средствъ, которыми обладало это послѣднее Общество и къ которому потомъ стремились пристроиться не только люди, интересующіеся вопросами сельскаго хозяйства, но и разныя личности, желавшія такъ или иначе воспользоваться денежными благами, которыми располагало это Общество. Для характеристики веденія его дѣлъ въ то время, можно привести такой фактъ, что оно обмѣняло большой каменный домъ, который ему принадлежалъ въ центрѣ города, на Невскомъ проспектѣ, на другой домъ гораздо меньшей величины, лежащій на окраинахъ города, подъ тѣмъ предлогомъ, что при этомъ домѣ находился участокъ земли, на которомъ будто бы можно было производить сельско-хозяйственные опыты.

Ничего подобнаго въ Географическомъ Обществѣ не могло проявиться; самая относительная скромность его средствъ удаляла отъ него людей, искавшихъ наживы, и привлекала въ его члены только людей, дѣйствительно интересовавшихся научными вопросами,—а это и придало ему съ самаго начала тотъ почтенный характеръ, кото-

[1]) Литке, Гельмерсонъ, Гагемейстеръ, Семеновъ, Веселовскій, Заблоцкій, Бэръ, Брандтъ и др.

рый это Общество постоянно сохраняло за собою. При такихъ условіяхъ, положеніе секретаря Общества считалось особенно почетнымъ—къ тому же почти всѣ секретари Общества выходили современемъ въ государственные люди—Н. А. Милютинъ, А. К. Гирсъ, Е. Н. Ламанскій, В. П. Безобразовъ—всѣ достигли въ служебной іерархіи болѣе или менѣе выдающагося положенія и оставили послѣ себя память выдѣляющихся изъ общей чиновной среды государственныхъ дѣятелей. Вотъ почему, когда, два года спустя, по случаю выхода изъ секретарства В. П. Безобразова, принявшаго мѣсто управляющаго дѣлами коммиссіи земскихъ банковъ, мнѣ было предложено принять на себя это званіе, я съ радостью согласился. Нѣсколько времени передъ тѣмъ Географическое Общество почтило меня малою золотою медалью за мою первую книгу—„Объ отпускной торговлѣ Россіи“. Книга эта представляла сборникъ разныхъ статей по этому вопросу, которыя печатались въ „Земледѣльческомъ журналѣ“ Заблоцкаго,—и которыя были составлены мною по образцу извѣстнаго въ то время сочиненія Г. П. Небольсина „О внѣшней торговлѣ Россіи“.

О моемъ назначеніи секретаремъ Географическаго Общества я счелъ долгомъ доложить по начальству графу Борху. Графъ Александръ Михайловичъ былъ типъ аристократа, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ добрый и благожелательный. У меня съ нимъ мало по малу установились очень хорошія, почти интимныя отношенія. Нѣсколько разъ въ недѣлю я приходилъ къ нему утромъ для доклада по дѣламъ церемоніальной экспедиціи, а потомъ мы обыкновенно разговаривали съ нимъ о разныхъ вопросахъ внутренней политики, которыми тогда всѣ интересовались, а по моимъ сношеніямъ съ разными административными и общественными дѣятелями и между прочимъ съ М. Хр. Рейтерномъ, я былъ въ курсѣ главнѣйшихъ внутреннихъ вопросовъ, волновавшихъ общественное мнѣніе. Когда я доложилъ графу Борху о моемъ выборѣ въ секретари Географическаго О-ва, то естественно возникъ вопросъ, не слѣдуетъ ли испросить разрѣшеніе министра двора, графа Адлерберга, на соединеніе этого званія съ моимъ положеніемъ служащаго въ церемоніальной экспедиціи. Обдумавъ вопросъ, я высказалъ графу Александру Михайловичу по этому предмету слѣдующее мнѣніе: такъ какъ званіе секретаря Географическаго О-ва званіе не оффиціальное и не служебное, то въ сущности не приходится и испрашивать на принятіе его разрѣшенія у начальства. Ему самому я лично считаю долгомъ доложить объ этомъ частнымъ образомъ, какъ моему непосредственному и доброжелательному начальнику, но я оффиціально не испрашивалъ его разрѣшенія—

чтобы не ставить его въ неловкое положеніе—разрѣшить или не разрѣшить мнѣ принятіе этого званія, безъ предварительнаго сношенія съ графомъ Адлербергомъ. Я полагалъ, что и графу Адлербергу будетъ удобнѣе, чтобы его не спрашивали, ибо одно дѣло формально давать разрѣшеніе и другое дѣло не обращать вниманія на извѣстный вопросъ и такимъ образомъ какъ бы молчаливо давать свое согласіе. Я прибавилъ къ этому, что въ случаѣ, если бы впослѣдствіи возникли какія-либо неудобства отъ такого совмѣщенія двухъ различныхъ обязанностей, я всегда могъ бы отказаться отъ новаго званія. Графъ Борхъ вполнѣ согласился съ моей аргументаціей—и никакихъ дальнѣйшихъ вопросовъ по этому предмету не возникало.

Вскорѣ послѣ того къ этимъ двумъ званіямъ присоединилось у меня еще третье: я былъ причисленъ къ канцеляріи Кавказскаго и Сибирскаго Комитета, во главѣ котораго стоялъ столь извѣстный тогда и способный дѣятель, государственный секретарь Бутковъ. Случилось это по слѣдующему обстоятельству.

Нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, по порученію Сибирскаго Комитета Гагемейстеромъ было составлено обширное описаніе Сибири и издано въ нѣсколькихъ томахъ. Полагая, что настало время приступить къ новому изданію этого описанія, дополнивъ его болѣе современными свѣдѣніями, Гагемейстеръ предложилъ Буткову поручить мнѣ работу этого новаго изданія. Я принялъ предложеніе и по этому случаю и былъ причисленъ къ Сибирскому Комитету. Единственными, однако, матеріалами, которые были предоставлены въ мое распоряженіе по этому случаю, были разные сибирскіе журналы, „Иркутскія Вѣдомости“ и другіе; но въ нихъ кромѣ разныхъ отрывочныхъ свѣдѣній не имѣлось никакихъ полныхъ статистическихъ свѣдѣній, такъ что дополненіе описанія Сибири представляло значительныя трудности. Какъ разъ къ тому времени границы Сибири значительно расширились пріобрѣтеніемъ всего Амурскаго края. Такъ какъ объ Амурѣ тогда очень много писали, то въ виду пока еще недостаточныхъ данныхъ для разработки описанія коренныхъ Сибирскихъ губерній, я рѣшился начать свой трудъ составленіемъ въ видѣ дополнительной части—описанія Амура. Окончивъ работу, я представилъ ее Буткову, полагая начать съ нея печатаніе сибирскаго изданія. Бутковъ выдалъ мнѣ за это денежную награду 600 руб., такъ какъ я жалованья въ Сибирскомъ Комитетѣ не получалъ,—но къ печатанію моего труда приступлено не было. Хотя причины тому мнѣ никогда не объяснили, и дѣло какъ будто такъ просто затянулось,—но я полагаю, что это объясняется тѣмъ, что и Гагемейстеръ и Сибирскій Комитетъ смотрѣли на пріобрѣтеніе Амур-

ской области неблагопріятно, полагая, что присоединеніе этого обширнаго пустыннаго края потребуетъ отъ Россіи столь значительныхъ жертвъ, что онѣ не окупятся той сомнительной пользой, которую мы будемъ въ состояніи извлечь изъ обладанія этими дикими пространствами. А такъ какъ моя статья была составлена въ сочувственномъ духѣ новому пріобрѣтенію и указывала, сколько помню, на пользу, которую можетъ принести колонизація этого края,—то мой трудъ и былъ оставленъ въ картонахъ комитета и не появился въ свѣтъ.

Весною 1859 года я опасно заболѣлъ, сильно простудившись на похоронахъ старшей дочери графа Борха, красивой и симпатичной дѣвушки, скончавшейся 19-ти лѣтъ. Въ день похоронъ было очень холодно и при томъ дулъ ужасный сѣверный вѣтеръ. Отъ простуды у меня сдѣлался, такъ называемый, летучій ревматизмъ, продержавшій меня въ постели около шести недѣль; всѣ суставы на рукахъ и ногахъ поперемѣнно пухли, причиняя сильную боль и дѣлая невозможнымъ всякій изгибъ то рукъ, то ногъ, до того, что я не могъ даже перевернуться въ постели безъ посторонней помощи. Летучій ревматизмъ особенно опасенъ потому, что онъ часто бросается на сердце, причиняя уже ничѣмъ не поправимое разстройство организма; къ счастію, со мною этого не случилось, все обошлось благополучно, хотя я въ теченіе всего года еще ощущалъ ревматическія боли въ плечахъ. Графъ Борхъ выказалъ мнѣ по этому случаю теплое участіе, посѣтивъ меня во время болѣзни и затѣмъ для поправленія здоровья выхлопоталъ мнѣ командировку за границу.

Заграничною поѣздкою надо было вмѣстѣ съ тѣмъ воспользоваться, чтобы условиться съ Поггенполемъ по разнымъ денежнымъ вопросамъ, касавшимся редакціи „Le Nord“'а. Переговоривъ предварительно по этому предмету съ Вестманомъ, директоромъ канцеляріи М. И. Д., отъ котораго я отъ времени до времени получалъ разныя указанія относительно политической части моей корреспонденціи, я отправился въ Парижъ для переговоровъ съ Поггенполемъ относительно бюджета журнала.

На дорогѣ я остановился нѣсколько дней въ Берлинѣ, гдѣ я встрѣтился съ моимъ двоюроднымъ братомъ докторомъ И. А. Эрихсеномъ и очень пріятно провелъ вмѣстѣ съ нимъ дня два, три. Докторъ Эрихсенъ занимался въ клиникѣ профессора Вирхова, это былъ чрезвычайно способный молодой человѣкъ и очень хорошій докторъ. Впослѣдствіи онъ сдѣлалъ довольно быстро хорошую карьеру—но къ сожалѣнію умеръ относительно молодымъ человѣкомъ, бывши тогда уже старшимъ ординаторомъ Обуховской больницы и д. ст. сов.—объ немъ сожалѣли всѣ его паціенты, у которыхъ онъ поль-

зовался большою популярностью, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ уже успѣлъ составить себѣ нѣкоторое имя въ наукѣ—его медицинскія статьи появлялись въ заграничныхъ журналахъ.

Въ то время общественное мнѣніе въ Берлинѣ было поглощено оживленною борьбою, происходившею между либеральною и консервативною партіями—это было въ первое время политической дѣятельности Бисмарка. Съ обѣихъ сторонъ наводняли Берлинъ политическими брошюрами; одну изъ такихъ брошюръ, крайне либеральнаго направленія, я немедленно купилъ, по указанію д-ра Эрихсена, который, какъ молодой человѣкъ, увлекался тогдашнимъ либеральнымъ настроеніемъ. По дорогѣ мы зашли въ кондитерскую Кранцлера, на Unter den Linden, гдѣ я поставилъ свою шляпу на столъ, вложивъ въ нее брошюру, такъ что названіе ея было на виду. Недалеко отъ насъ сидѣлъ какой-то пожилой господинъ, очень благообразной наружности, принадлежавшій, очевидно къ консервативно аристократической партіи. Проходя мимо насъ и увидѣвъ мою брошюру, онъ подошелъ къ намъ и очень благосклонно сказалъ мнѣ: „молодой человѣкъ, не увлекайтесь этимъ направленіемъ...“ Привожу этотъ эпизодъ для характеристики того, до какой степени въ то время общественное мнѣніе было взволновано и заинтересовано борьбою означенныхъ двухъ партій.

Н. Поггенполь, съ которымъ я видѣлся немедленно по прибытіи въ Парижъ, былъ очень способный и ловкій человѣкъ, превосходный редакторъ, но въ дѣловыхъ отношеніяхъ далеко не солидный—такъ какъ, благодаря своей склонности тратить деньги безъ разсчета, онъ постоянно былъ въ долгахъ — представляя настоящій типъ—papier percé. Въ дѣловомъ отношеніи Поггенполя можно было сравнить съ Новосельскимъ. Устроить дѣло, обставить его какъ слѣдуетъ, выхлопотать даже на первыхъ порахъ для устраиваемаго предпріятія и казенныя и частныя деньги—онъ умѣлъ превосходно; но поддержать дѣло и вести его порядочно онъ положительно не былъ въ состояніи, хотя не по тѣмъ причинамъ, которыя дѣлали Новосельскаго неспособнымъ вести всякое устраиваемое имъ дѣло. У Новосельскаго это происходило отъ того, что онъ слишкомъ разбрасывался, не сообразуясь съ данными средствами, и вообще не держался строгаго экономическаго порядка, а Поггенполь былъ неспособенъ солидно вести всякое дѣло вслѣдствіе расточительной и безпорядочной частной жизни, связавшей его значительною цифрою частныхъ долговъ. Онъ былъ бы превосходнымъ главнымъ редакторомъ на жалованіи у директора журнала, но стоять самому во главѣ такого предпріятія и быть главнымъ распорядителемъ дѣла—онъ былъ не въ состояніи по вышеприведеннымъ причинамъ.

Пока въ Петербургѣ еще оставались деньги изъ суммы, пожертвованной Кокоревымъ, для уплаты корреспондентамъ, дѣло шло само по себѣ. Но теперь, когда эти суммы приходили къ концу, надо было условиться съ нимъ о назначеніи соотвѣтственныхъ суммъ изъ редакціи. Долго не удавалось мнѣ возбудить съ нимъ этотъ вопросъ, такъ какъ онъ постоянно подъ разными предлогами откладывалъ разговоръ по этому поводу. Наконецъ мы объяснились, и онъ мнѣ признался, что никакихъ денегъ онъ изъ Парижа посылать не можетъ, такъ какъ онъ едва сводитъ концы съ концами по расходамъ, вызываемымъ редакціею журнала.

Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи мои переговоры съ нимъ остались безъ результата. Но за то другое дѣло, которое у меня было въ Парижѣ, было приведено къ окончанію къ моему пріѣзду, это изданіе моего сочиненія „Etudes sur la question des paysans“, которое печаталось по распоряженію редакціи „Nord“'а. Еще при самомъ первомъ возбужденіи крестьянскаго вопроса, и даже до начатія моихъ работъ въ „Библіотекѣ для Чтенія“, у меня родилась мысль написать по этому вопросу солидное сочиненіе по-французски и издать его за границей, чтобы имѣть возможность совершенно свободно обсуждать предметъ, такъ какъ я естественно отнесся крайне воспріимчиво къ тому оживленному политическому движенію, которое въ то время развилось у насъ. Первые зачатки этого дѣла находились тогда въ рукахъ Буткова, который былъ, какъ уже выше сказано, государственнымъ секретаремъ. Имъ была составлена подробная программа работы по этому вопросу для предполагавшейся коммиссіи, и этою программою я воспользовался, положивъ ее въ основаніе моего труда. Эпиграфомъ я выставилъ на первой страницѣ извѣстныя слова Государя Александра II-го: „Il faut que les réformes viennent d'en haut, pour que la révolution ne vienne pas d'en bas“. Это сочиненіе и вышло въ свѣтъ къ моему пріѣзду въ Парижъ.

По этому случаю мнѣ пришлось ознакомиться съ странными обычаями, господствовавшими въ то время въ парижскихъ издательскихъ и журнальныхъ кругахъ. Каждая издательская фирма сама заботилась о публикаціи въ журналахъ статей объ издаваемыхъ ею сочиненіяхъ, и эти статьи появлялись только въ журналахъ, съ которыми такая фирма была такъ или иначе въ сношеніяхъ. А потому книга, изданіе которой не принадлежало какой-либо изъ парижскихъ издательскихъ фирмъ (моя книга была напечатана въ типографіи редакціи „Nord“'а), оставалась безъ всякаго вниманія и просто замалчивалась. Хотя я познакомился почти со всѣми французскими экономистами и былъ приглашаемъ на ихъ обѣды, dinners des

économistes, и потому поднесъ мое сочиненіе многимъ изъ нихъ—ни одинъ журналъ не сказалъ о немъ ни слова. Я обратился даже прямо къ Воловскому, который тогда имѣлъ преобладающее вліяніе въ редакціи „Journal des Débats“,—съ просьбой помѣстить въ послѣднемъ статью о моей книгѣ, но онъ отвѣтилъ мнѣ, что не можетъ писать о моей книгѣ, потому, что не раздѣляетъ моего мнѣнія о пользѣ освобожденія крестьянъ съ землею, что̀, съ его польской точки зрѣнія, казалось ошибкой. Но очевидно это было болѣе предлогомъ, потому, что, не раздѣляя моего мнѣнія, онъ могъ полемизировать со мною; онъ вообще не хотѣлъ обращать вниманія общества и на этотъ вопросъ и на мою книгу.

Вслѣдствіе истощенія средствъ журнала „Le Nord“ въ Петербургѣ, прекратились и мои дальнѣйшія корреспонденціи въ этомъ журналѣ, а нѣкоторое время спустя Поггенполь самъ долженъ былъ оставить редакцію, которая перешла въ другія руки (кажется, г. Франчески), одного изъ сотрудниковъ Поггенполя, такъ какъ правительство наше, рѣшившись поддержать банкрутившійся журналъ, потребовало однако, предварительно, чтобы главное управленіе дѣлами перешло въ руки другого болѣе солиднаго редактора.

Нѣсколько лѣтъ спустя, Поггенполю, благодаря его оффиціальнымъ связямъ, удалось образовать, съ значительными казенными субсидіями, новое предпріятіе „Agence télegraphique“, имѣвшее цѣлью поставить насъ въ нѣкоторую независимость отъ Рейтерскаго телеграфическаго агентства,—за тѣмъ онъ, кажется, сталъ еще издавать „Correspondance litographiée“. Но всѣ эти предпріятія, просуществовавъ нѣкоторое время, приходили въ его рукахъ въ полное разстройство. Въ послѣднее время Поггенполь жилъ въ Петербургѣ въ крайне стѣсненныхъ обстоятельствахъ и умеръ, оставивъ своихъ дочерей безъ всякихъ средствъ существованія, такъ что имъ пришлось поддерживать себя собственными заработками.

Изъ Парижа я рѣшился предпринять поѣздку въ Швейцарію. На пути мы съѣхались съ тремя моими двоюродными братьями Фольбортъ. Старшій изъ нихъ былъ въ то время вице-консуломъ въ Амстердамѣ, а два младшихъ пріѣхали изъ Петербурга его навѣстить. Такимъ образомъ эта поѣздка совершалась въ очень весёломъ обществѣ, что̀ придаетъ особенную пріятность путешествію. Мы отправились черезъ Баденъ-Баденъ, гдѣ провели дня два, гуляя въ красивыхъ окрестностяхъ этой очаровательной мѣстности, восходили на развалины древняго замка, которыми славится Баденъ и съ высоты котораго зрителю представляется чудный видъ. Вечеромъ мы отправились въ Casino посмотрѣть на происходившую въ салонѣ азартную игру,—которая въ то время еще не была воспрещена. Я

самъ принялъ нѣкоторое участіе въ игрѣ rouge et noir и въ окончательномъ результатѣ выигралъ нѣсколько талеровъ. Никакого страстнаго увлеченія игрой я, однако, не испыталъ. Интересно было наблюдать за другими игроками, хотя особенныхъ сценъ при насъ и не происходило. Изъ Бадена мы отправились черезъ Цюрихъ въ Интерлакенъ. Погода была чудная, и мы вполнѣ наслаждались этой поѣздкой. До сихъ поръ вспоминаю о восхожденіи въ Цюрихѣ и о вечерахъ, проведенныхъ на террасѣ Hotel Utliberg Bauer au Lac на берегу живописнаго Цюрихскаго озера, наблюдая за погруженіемъ вечерняго солнца въ воды озера.—Необыкновенно красиво также положеніе Интерлакена, лежащаго между двумя большими озерами, откуда и названіе этого города, и окруженнаго высокими горами. Мы катались по озеру въ лодкѣ и купались, выскакивая изъ лодки и плавая по озеру.

На пути я получилъ письмо отъ Поггенполя, который меня просилъ вернуться въ Цюрихъ на нѣсколько дней, по случаю имѣвшаго состояться тамъ мирнаго конгресса, которымъ заканчивалась война Наполеона съ Италіей, для сообщенія журналу свѣдѣній о ходѣ работъ конгресса. Какъ ни жалко было оставить пріятное общество моихъ спутниковъ въ Интерлакенѣ, но я не считалъ возможнымъ отказаться, какъ корреспондентъ „Nord“'а, отъ дѣлаемаго мнѣ порученія. Поггенполь прислалъ мнѣ рекомендательное письмо къ секретарю Итальянскаго посольства, участвовавшаго въ конгрессѣ; я съ нимъ познакомился, мы пріятно проводили вмѣстѣ время, но, разумѣется, ничего точнаго о ходѣ дѣлъ на конгрессѣ я отъ него узнать не успѣлъ, такъ какъ по всей вѣроятности члены конгресса обязались не разглашать о происходившемъ на немъ, до окончательнаго заключенія мира. Пришлось ограничиваться тѣмъ, что вообще говорилось въ городѣ о работахъ конгресса, т. е. данными, не имѣвшими дѣйствительнаго интереса, такъ что редакція „Nord“'а не могла воспользоваться моими корреспонденціями изъ Цюриха, которыя совсѣмъ и не появлялись въ журналѣ.

Окончивъ поѣздку по Швейцаріи, я опять вернулся въ Парижъ, гдѣ очень пріятно провелъ еще цѣлый мѣсяцъ. Посѣщалъ театры, публичныя лекціи, часто проводилъ время въ средѣ семейства Гесслеръ, о которомъ выше была рѣчь, красавицами дѣвицами Гесслера я въ то время очень интересовался—такъ, что вообще не безъ сожалѣнія покинулъ этотъ веселый городъ. Изъ Парижа я отправился домой черезъ Амстердамъ, гдѣ я намѣревался посѣтить моего двоюроднаго брата и провести нѣсколько дней. Я поѣхалъ черезъ Брюссель, остановился тамъ на день, осматривалъ этотъ красивый городъ, считавшійся какъ бы предмѣстьемъ Парижа, присутствовалъ

на одномъ засѣданіи въ Палатѣ, что̀ меня очень интересовало, и потомъ отправился дальше въ Амстердамъ. Голландія представляла собою почти сплошные богатые луга, на которыхъ, изъ оконъ вагона, постоянно виднѣлись пасущіяся большія стада знаменитой породы голландскаго скота. Высокія качества породы голландскаго скота, какъ извѣстно, уже поразили Петра Великаго, который скрещеніемъ съ этой породой развилъ у насъ такъ называемую холмогорскую породу скота. Амстердамъ—сѣверная Венеція. Городъ, прорѣзанный по всѣмъ направленіямъ каналами, которые называются Грахтами (Grakht); по сторонамъ каналовъ проходятъ мѣстами узкія улицы, а мѣстами они, какъ въ Венеціи, вплотную подступаютъ къ домамъ, подъ крышею которыхъ обыкновенно устроены блоки съ цѣпями, для подъема товаровъ непосредственно изъ барокъ. Дома большею частью изъ краснаго кирпича, съ неширокимъ фасадомъ, такъ какъ въ Амстердамѣ каждое состоятельное семейство обыкновенно занимало цѣлый домъ. Въ одномъ этажѣ помѣщаются пріемныя, въ другомъ спальныя, въ третьемъ столовыя комнаты. Въ городѣ соблюдалась такая удивительная чистота, что я видѣлъ даже, какъ служанки мыли стѣны домовъ снаружи длинными щетками. Но самое замѣчательное, что я видѣлъ въ Амстердамѣ, это знаменитая картина Рембрандта „Ronde de nuit“. Картина, величиною въ стѣну обыкновенной комнаты, представляетъ ночную стражу, человѣкъ десять, кажется, идущую въ полномъ вооруженіи и освѣщенную факелами, несомыми по ея бокамъ. Эффектъ свѣта факела на темномъ фонѣ и отраженіе этого свѣта на латахъ и оружіи стражниковъ поразительны. Лица стражниковъ представляютъ портреты бургомистра и главныхъ сановниковъ города во время писанія картины. Сохранился даже документъ, по которому каждая изъ личностей, помѣщенныхъ на картинѣ, обязывалась уплатить Рембрандту отъ двухъ до трехъ дукатовъ, за помѣщеніе его портрета на картинѣ.

Изъ Амстердама я поѣхалъ домой въ обществѣ двухъ младшихъ двоюродныхъ братьевъ, черезъ Штетинъ, а оттуда на пароходѣ въ Петербургъ. Несмотря на нѣкоторую качку, отъ которой мы, впрочемъ, мало страдали, морской переѣздъ очень пріятно завершилъ наше странствованіе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Семь лѣтъ неурожайныхъ [1].

На его скорбный призывъ откликнулись: Государыня Цесаревна (нынѣ вдовствующая Императрица) Марія Ѳеодоровна, прислав шая (18 сентября вмѣстѣ съ Цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ 1.000 руб. „изъ суммъ сбора, Высочайше разрѣшеннаго въ 1868 г. въ пользу жителей Россіи, пострадавшихъ отъ неурожая“, потомъ общество „Народнаго Продовольствія“, отъ имени котораго докторъ А. Я. Данилевскій доставилъ 1.000 порцій консервовъ собственнаго приготовленія; извѣстный общественный дѣятель Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ, пожертвовавшій на голодающихъ 3 т. р., и редакція „Московскихъ Вѣдомостей“ (Каткова), собравшая въ нѣсколько дней отъ разныхъ лицъ 2.300 р. За ними открыли сборъ пожертвованій газеты „Голосъ“, „С.-Петерб. Вѣдомости,“ „Петерб. Листокъ“ [2], другія столичныя и провинціальныя изданія и, наконецъ, вся Россія. Пожертвованія потекли даже изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ Имперіи; особенно когда, вслѣдствіе ходатайствъ Бузулукской и Николаевской уѣздныхъ земскихъ управъ, 26 октября послѣдовало Высочайшее соизволеніе на открытіе повсемѣстной подписки въ пользу самарцевъ. Сочувствіе къ народному горю охватило всѣ слои общества. Жертвовали на

[1]) См. „Рус. Стар.“ августъ 1909 г.

[2]) „Самарс. Губер. Вѣдом.“ 1873 г. № 74.—За время сбора пожертвованій на голодающихъ, переслали въ Самару редакціи газетъ: „Голосъ“ 15 т. р., „Петер. Вѣдом.“ 7 т. р., „Москов. Вѣдом.“ съ университетской типографіей—10 т. р., „Петерб. Листокъ“ 4 т. р.

голодающихъ не только состоятельные классы—купцы, помѣщики, чиновники, но и менѣе имущіе люди: крестьяне, казаки, калмыки, киргизы и даже горскіе жители только-что замиреннаго Кавказа. Много пожертвованій было прислано изъ-за границы.

Такъ, напримѣръ, министерство государственныхъ имуществъ ассигновало мѣстному управленію 38 т. р. на покупку и раздачу сѣмянъ арендующимъ казенныя земли сельскимъ обществамъ. Для той же цѣли отпустило 43 т. руб. въ распоряженіе Самарской конторы удѣльное вѣдомство.

25 ноября, по докладу ген.-адъютанта Тимашева, послѣдовало высочайшее соизволеніе на отчисленіе въ пользу голодающихъ самарцевъ отъ Московской Думы изъ городскихъ запасныхъ средствъ 50 т. р. и отъ губернскихъ земствъ—Курскаго изъ процентовъ съ губернскаго продовольственнаго капитала 50 т. р.; Тульскаго изъ суммъ, отпущенныхъ въ 1868 г. для Тульской губерніи Высочайше утвержденной комиссіей по доставленію пособій пострадавшимъ отъ неурожая,—25 т. р., Псковскаго—изъ губернскаго продовольственнаго капитала 10 т. р. и Новгородскаго—изъ экономическаго капитала 5 т. р.

Его Величество уполномочилъ министра внутреннихъ дѣлъ утверждать такія же ходатайства и изъ другихъ мѣстъ. На этомъ основаніи разрѣшено было отпустить въ пособіе жителямъ Самарскимъ, по постановленіямъ губернскихъ земскихъ собраній, изъ процентовъ Ярославскаго продовольственнаго капитала 6.108 руб., изъ дополнительнаго продовольственнаго сбора по Воронежской губерніи—25 т. р., изъ суммъ, отпущенныхъ въ 1868 г. пострадавшимъ отъ неурожая жителямъ Рязанской губерніи,—10.225 р., изъ запасныхъ земскихъ сборовъ Московской губ.—25 т. р., изъ процентовъ Петербургскаго продовольственнаго капитала 3.200 руб., изъ продовольственнаго капитала Владимірской губ. съ дополненіемъ изъ губернскаго земскаго сбора 10 т. р., изъ запасныхъ суммъ Тверской губ. 2 т. р. безвозвратно и 20 т. р. изъ продовольственнаго капитала срокомъ на 5 лѣтъ.

Извѣстіе о постигшемъ Самарскую губернію бѣдствіи возбудило живѣйшее участіе и въ Финляндіи, „жители которой хранили еще въ свѣжей памяти тяжелое время, перенесенное страною въ неурожайные годы съ 1862 по 1868-й г. Подъ вліяніемъ чувствъ соболѣзнованія къ страждущимъ и при воспоминаніи значительныхъ вспомоществованій, которыми жители всѣхъ губерній спѣшили облегчить тогдашнія бѣдствія Финляндіи, частныя лица почти во всѣхъ городахъ и сельскихъ общинахъ края открыли сборы приношеній въ пользу нуждающихся самарцевъ“. Въ короткій срокъ было собрано 13 т. р., которые въ концѣ октября и. д. финляндскаго ген.-губерна-

тора ген.-лейтенантъ баронъ Индреніусъ представилъ министру внутр. дѣлъ [1]).

Въ пользу голодающихъ самарцевъ устраивались выставки, танцовальные вечера, спектакли любителями и присяжными артистами. Подписка на бѣдствующихъ шла и среди взрослыхъ и среди дѣтей. Въ Самарѣ самыми энергичными сборщиками были П. В. Алабинъ, небезызвѣстный мѣстный исторіографъ, которому за время голодовки было доставлено отъ Казанскаго дамскаго комитета общества Краснаго Креста 15.820 п. ржи, 4.680 п. ржаной муки, 15 п. сухарей и 363 р. 60 к. деньгами; да прислано отъ редакціи „Москов. Вѣдомостей“ 14 т. р. и другими лицами 474 р. 61 к. Бывшій самарскій губернаторъ Г. С. Аксаковъ собралъ 58.786 р. 91 к., преимущественно доставленныхъ ему изъ Петербурга и Москвы черезъ брата Ивана Сергѣевича и его друзей. Именитый бронницкій купецъ А. Ѳ. Духиновъ (жившій въ Самарѣ) издержалъ на пособіе голодающихъ 15.105 р., доставленныхъ ему московскимъ купечествомъ. Ст. сов. Ознобишинъ далъ 1.000 пуд. ржи; над. сов. П. А. Васильчиковъ пожертвовалъ крестьянамъ с. Пилюгина и дер. Куроѣдовки и Александровки 150 р. деньгами и 100 дес. земли подъ посѣвъ.

Въ торговомъ селѣ Екатериненштадтѣ (Баронскѣ) помогалъ своимъ неимущимъ односельцамъ поселянинъ Асмусъ; бѣднѣйшимъ чувашамъ с. Никольскаго ежемѣсячно (съ 15 января по 15 іюля) раздавалъ по 40 п. ржи живший въ с. Екатериновкѣ купецъ Сорокинъ. Кромѣ того собирали и раздавали пожертвованія николаевскій помѣщикъ, отставной ген.-маіоръ П. А. Семеновъ, врачъ В. О. Португаловъ, Кадьянъ (1.213 р.), жена присяжн. повѣреннаго Тимротъ (2.901 р.), мировой посредникъ К. П. Ивановъ (780 р.), М. М. Теняковъ (7.820 р. 85 к.) и другіе, которыхъ знаютъ только тѣ, кто давалъ и кто принималъ.

Въ концѣ ноября въ Самарѣ образовался кружокъ интеллигентныхъ дамъ, задавшихся мыслью помогать бѣднымъ и неимущимъ. 10 декабря кружокъ этотъ устроилъ лотерею-аллегри, которая дала 1.575 р. за билеты и пожертвованій деньгами 1.440 р. и 200 п. ржи. Уполномоченные кружка О. П. Луковниковъ и Ѳ. И. Никоновъ нарочно сами объѣздили южныя селенія Самарскаго уѣзда, чтобы лично убѣдиться, въ какой степени крестьяне нуждаются въ продовольствіи.

„Въ нѣкоторыхъ домахъ хлѣбъ оказался съ примѣсью просянки, въ другихъ найдены лишь кусочки „милостыни“, были семьи, гдѣ

---

[1]) „Самарс. Губер. Вѣдом.“ 1873 г. № 87.

ѣли разъ въ сутки". Въ Томыловѣ уполномоченные роздали весь привезенный ими печеный хлѣбъ (50 п.), 15 п. соли и на 303 ѣдока ржаную муку по 1 п. и пшена по 5 п. на душу. Послѣ сообщенія, по возвращеніи въ Самару, кружку о видѣнной ими нуждѣ, интеллигентныя дамы согласились удѣлять изъ своихъ средствъ до 15 іюня пособіе, какъ этимъ 303 ѣдокамъ, такъ еще 631 крестьянамъ Студенецкой волости, очень нуждавшимся.

Такъ самарцы дружно помогали своимъ меньшимъ братьямъ и поддерживали ихъ скудное существованіе, пока ходило ходатайство земства о правительственной ссудѣ. Въ то время мѣстныя власти не стѣсняли, частную благотворительность. Никому не возбранялось собирать пожертвованія и отъ себя раздавать крестьянамъ пособія. Напротивъ, администрація выражала благодарность мѣстнымъ дѣятелямъ, принимавшимъ на себя тяжелый трудъ раздачи голодающимъ хлѣба. Частныя лица скорѣе находили крайнюю нужду и ужь дѣйствительно помогали бѣднымъ. Отъ этого дѣло помощи голодающимъ не только не проиграло, но, какъ увидимъ ниже, значительно выиграло, ибо ни земства, ни губернскія власти, ни другія учрежденія не могли бы справиться съ охватившимъ край невиданнымъ до того бѣдствіемъ.

Земство ко времени окончанія (24 октября) занятій очередного губернскаго собранія имѣло въ своемъ распоряженіи только 3 т. р. пожертвованныхъ денегъ и 40 т. р., оставшихся отъ 1872 г. правительственной ссуды. Средствъ такихъ, конечно, далеко было не достаточно, чтобы накормить хоть самыхъ неимущихъ въ болѣе пострадавшихъ уѣздахъ Бузулукскомъ и Николаевскомъ, куда были немедленно по закрытіи собранія направлены эти суммы. А между тѣмъ въ губернскую управу каждый день поступали мольбы о помощи изъ другихъ уѣздовъ.

Не мало крестьянъ, чтобы сберечь для весеннихъ полевыхъ работъ свою „худобу", ушли въ сосѣднюю Уральскую область, населенную казаками, которая издавна считалась благодатнымъ краемъ. Но ихъ скопилось тамъ столько, что и сердобольные казаки не въ силахъ были прокормить нагрянувшія къ нимъ толпы голодающихъ, вслѣдствіе чего, по ходатайству оренбургскаго ген.-губернатора, ген.-адъютанта Н. А. Крыжановскаго, 30 ноября Высочайше было разрѣшено отпустить въ распоряженіе губернатора Уральской области для вспомоществованія наиболѣе нуждающимся самарцамъ 2 т. р. изъ капитала, пожертвованнаго въ 1868 г. Государемъ Императоромъ „на пособія нуждающимся отъ послѣдствій неурожая".

Въ чаяніи заработковъ, въ концѣ октября стали прибывать и въ Самару толпы голодающихъ, которыя, наводняя улицы, вопили

о „милостынѣ“, обращаясь съ просьбами о пособіи то въ земскія (губернскую и уѣздную), то въ городскую управы.

Чтобы „не допустить неимущихъ до преступленій на почвѣ голода“, 23 октября городская управа открыла въ пользу ихъ подписку, которая въ десять дней дала 1.140 руб. Дума въ засѣданіи 6 ноября рѣшила устроить три ночлежныхъ пріюта на 200 человѣкъ каждый и нѣсколько столовыхъ, гдѣ голодающіе могли бы получать хлѣбъ и варево, постановивъ отпускать на нихъ до 1 мая 1874 г. по 500 р. ежемѣсячно. Расходованіе денегъ и распоряженіе пособіями было возложено на особый комитетъ изъ 15 извѣстныхъ и состоятельныхъ горожанъ.

Пособія выдавались только тѣмъ неимущимъ, которые имѣли свидѣтельство полиціи о бѣдности или удостовѣреніе, что они прибыли изъ неурожайныхъ мѣстностей.

Первое время городомъ отпускалось въ день 200 обѣдовъ. Но вслѣдствіе громаднаго наплыва нуждающихся уже черезъ недѣлю пришлось утроить эту норму. Соображаясь съ собранными средствами, комитетъ съ 5 декабря увеличилъ раздачу даровыхъ порцій на 1000 человѣкъ. Голодающихъ было однако значительно больше. Тогда былъ установленъ такой порядокъ продовольствія.

Прежде всего удовлетворялись дѣти и несовершеннолѣтніе (1-й разрядъ), потомъ старухи и вообще женщины (2-й разрядъ), далѣе старики и немощные и, наконецъ, взрослые мужчины, могущіе работать. Первымъ разрядамъ давалась горячая пища съ хлѣбомъ, на долю послѣднихъ чаще всего приходился лишь одинъ ржаной хлѣбъ, а иногда они не получали и этого, если было много алчущихъ пищи.

До 1 мая городъ издержалъ на столовыя изъ своихъ средствъ 710 р. 82 к. и пожертвованныхъ деньгами, мукой и проч. 6.185 р. 13 коп. На эту сумму было прокормлено 216.831 человѣкъ.

Не менѣе крестьянъ страдало отъ неурожая и сельское духовенство, особенно уѣздовъ Бузулукскаго, Бугурусланскаго и Николаевскаго. Неурожаи двухъ предшествовавшихъ лѣтъ и этого памятнаго 1873 года окончательно подорвали благосостояніе сельскихъ причтовъ: доходы сократились до крайности, такъ какъ прихожане не могли ничего удѣлить на содержаніе своихъ духовныхъ пастырей. Многіе приходы уменьшились, вслѣдствіе отхода жителей въ другія губерніи на заработки и за подаяніемъ.

При обозрѣніи въ сентябрѣ этого года селеній Новоузенскаго и Николаевскаго уѣздовъ, преосвященный самарскій Герасимъ вынесъ самое тяжелое впечатлѣніе о положеніи сельскихъ батюшекъ и, по возвращеніи въ Самару, немедленно распорядился открыть при кон-

систоріи сборъ пожертвованій на пособіе бѣдствующему духовенству, напечатавъ съ этой цѣлью въ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ воззваніе.

На призывъ владыки отозвались многіе епископы другихъ епархій и разсылали обращенія къ своимъ паствамъ о помощи самарцамъ. Въ судьбѣ духовенства самарскаго приняли особенное участіе „Московскія Вѣдомости“, „Современ. Извѣстія“, „Голосъ“, „Современникъ“, „Гражданинъ“, „С.-Петербургскія Вѣдомости“, „Петербургскій Листокъ“, „Церковно-Общественный Вѣстникъ“, „Православное Обозрѣніе“, „Грамотей“, „Одесскій Вѣстникъ“, „Губернскія и Епархіальныя Вѣдомости“ другихъ городовъ, не только открывшія у себя подписку на сборъ пособій, но нѣкоторыя изъ нихъ помѣстили въ своихъ изданіяхъ передовыя статьи о самарской голодовкѣ.

Благотворители, присылавшіе пожертвованія, согласно этихъ воззваній, мотивировали свои жертвы „на голодныхъ“ „по случаю семейныхъ радостей“, „семейныхъ несчастій“, „помолиться о здравіи“, „за упокой“ и проч. „Нѣкоторыя письма, говорится въ журналѣ съѣзда духовенства Самарской губерніи за 1874 г., нельзя было читать безъ слезъ,— такъ онѣ были прочувствованы“.

По 15 іюня 1874 г. въ Самарскую консисторію поступило свыше 17 т. денежныхъ писемъ на 155.147 руб. 15 коп.

Пособія изъ этихъ денегъ выдавались только дѣйствительно неимущимъ пастырямъ по спискамъ, составленнымъ на благочинническихъ съѣздахъ и провѣреннымъ по клировымъ вѣдомостямъ. Владыко самъ зорко наблюдалъ за дѣломъ и контролировалъ раздачу вспомоществованій.

Средній размѣръ пособія былъ опредѣленъ по 2 руб. въ мѣсяцъ на душу. Сиротамъ и низшимъ церковнымъ служителямъ пособія выдавались въ большемъ количествѣ, сообразно съ нуждой. При опредѣленіи размѣра пособія, принималось во вниманіе число ѣдоковъ въ семьѣ, степень неурожая въ данной мѣстности, полученіе причтомъ казеннаго жалованья, обученіе дѣтей въ тѣхъ или иныхъ учебныхъ заведеніяхъ и проч.

Благодаря разумной распорядительности владыки изъ собранныхъ суммъ было обезпечено продовольствіемъ до новаго урожая 4.500 душъ обоего пола духовенства; 300 причтамъ роздано въ мартѣ 1874 г. по 30 р. каждому, на обсѣмененіе полей, да 15 т. р., согласно желанія жертвователей, было выдано крестьянамъ, находившимся въ самомъ безвыходномъ положеніи [1]).

---

[1]) „Самарскія Губернскія Вѣдомости“ 1874 см. № 58.

Но особенно почтенную и благотворную дѣятельность въ борьбѣ съ крестьянской нуждой проявилъ въ этотъ памятный годъ Самарскій дамскій комитетъ Общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ („Красный Крестъ“). Видя, что земство „не въ силахъ своими средствами, хотя временно предотвратить бѣдствія голода, комитетъ этотъ на созванномъ 13 октября совѣтѣ постановилъ выйти изъ указанной ему уставомъ узкой рамки спеціальной дѣятельности и рѣшилъ обратить „нынѣ главную свою дѣятельность на возможное облегченіе страданій бѣдствующаго населенія“, хотя у него не было „на этотъ предметъ особыхъ суммъ“. Всѣ средства комитета состояли изъ 4.529 руб., собранныхъ на образованіе въ Самарѣ общины сестеръ милосердія и устройства при ней дѣтской больницы, и оставшихся неизрасходованными „за непріисканіемъ желающихъ принять на себя крестъ сестеръ милосердія“. Изъ этихъ денегъ 2 т. р. лежали въ Волжско-Камскомъ банкѣ вкладомъ срочнымъ, а остальные, съ накопившимися къ 13 октября процентами, 2.660 р. —безсрочнымъ вкладомъ.

Въ надеждѣ на лучшее будущее, комитетъ позаимствовалъ эти деньги на пособіе голодающимъ. Но какъ средствъ такихъ на первое время было слишкомъ мало, чтобы удовлетворить голодную нужду, то сначала было рѣшено выдавать безвозвратныя ссуды только въ наиболѣе пострадавшихъ мѣстностяхъ и лишь „семьямъ, состоящимъ изъ женщинъ и дѣтей, или изъ престарѣлыхъ мужчинъ и калѣкъ съ женами и дѣтьми, въ мѣсяцъ—по 30 ф. ржаной муки и столько же картофеля на каждаго ѣдока, считая въ томъ числѣ и дѣтей всѣхъ возрастовъ“.

Выборъ семействъ и раздачу провіанта приняли на себя въ Николаевскомъ уѣздѣ мировые посредники А. И. Чембулатовъ (дер. Хомяковка) и князь Н. Л. Кугушевъ (с. Мокша), и въ Бузулукскомъ—К. А. Ивановъ (с. Патровка), въ участкахъ коихъ была самая вопіющая нужда. На 2.499 р. 50 к. изъ позаимствованныхъ денегъ комитетъ купилъ въ Самарѣ 2.740 п. ржи и 3.548 п. картофеля [1]), раздавъ голодающимъ первой на 1 мѣсяцъ, а послѣднюю до урожая на всѣ восемь мѣсяцевъ.

Комитетъ помѣстилъ нѣсколько воззваній въ мѣстныхъ и столичныхъ изданіяхъ, прося о высылкѣ ему пожертвованій, „кто чѣмъ можетъ“ деньгами, хлѣбомъ, сухарями, одеждой, обувью и проч. Редакціи многихъ газетъ охотно открыли у себя, по предложенію комитета, подписку въ пользу голодающихъ. На скорбный призывъ

---

[1]) Рожь обошлась по 65½ к., картофель 19¾ к. пудъ.

самарскихъ дамъ откликнулись корифеи отечественной литературы, издавшіе потомъ особый сборникъ, подъ названіемъ „Складчина“, въ 40 печатныхъ листовъ, выпущенный въ мартѣ 1874 г., который далъ свыше 10 т. р. чистаго дохода. Въ Самарѣ, кромѣ предсѣдательницы комитета, супруги губернскаго предводителя дворянства З. И. Мордвиновой, взяли на себя трудъ собирать пожертвованія почтенныя дамы города: Аннаева, Бартельсонъ, Виноградова, Гринкевичъ, Капачинская, Карпова, Кисловская, Малышева, Муратова, Реутовская, Риманъ, Смирнитская, Шмелева и Языкова.

Въ двѣ недѣли было собрано 1.830 р. и 20 п. ржи.

Мѣры эти были одобрены Императрицей Маріей Александровной, выразившей желаніе, чтобы и другіе комитеты и окружныя управленія общества „устроили такіе же сборы и, не затрачивая прежде собранныхъ капиталовъ, озаботились пріобрѣтеніемъ возможно большихъ средствъ къ облегченію участи нуждающихся жителей Самарской губерніи“, дабы „дѣятельность общества во время мира могла содѣйствовать упроченію связи всего населенія съ обществомъ и увеличить его человѣколюбивыя стремленія“.

Вслѣдствіе этого, съ Высочайшаго 7 декабря соизволенія, открылись временные комитеты Краснаго Креста въ Петербургѣ, Казани, Саратовѣ, Перновскій, Эстляндскій, Лифляндскій, Самарско-Рижскій и другіе. Въ короткій срокъ были собраны громадныя суммы. Одинъ только Петербургскій комитетъ по 6 февраля далъ свыше 160 тыс. руб.[1]), изъ коихъ 131 т. р. въ концѣ января доставилъ въ Самару главноуполномоченный общества Кр. Креста графъ В. П. Орловъ-Давыдовъ.

Въ половинѣ ноября, послѣ совершеннаго членомъ комитета Николаевымъ объѣзда части голодающей мѣстности, комитетъ имѣлъ возможность на собранныя пожертвованія обезпечить продовольствіемъ 198 семей съ 930 ѣдоками въ Лобазинской волости, отправивъ туда 4.882 п. ржи и 1.139 п. пшена, потомъ было послано 526 п. ржи въ Зуевскую волость, 2.605 п. въ с. Патровку, 200 п. въ Сумароковскую и Колокольцовскую и 467 п. ржи и 109 п. пшена въ Дубово-Уметскую волости. Въ то же время управляющій мѣстными государственными имуществами д. с. с. П. В. Алабинъ изъ присланнаго ему Казанскимъ дамскимъ комитетомъ хлѣба на цѣлый мѣсяцъ обезпечилъ Дмитріевскую волость,ославъ для с.

---

[1]) Въ этомъ числѣ 22 т. р. были собраны членомъ Комитета, петерб. градоначальникомъ Треповымъ, который, помимо того, прислалъ отъ себя самарскому губернатору 30 т. р.

Ромашкина 7 т. п., Андревки—3.600 п. и Подъема—851 п. ржи. Наконецъ, снабженіе пособіемъ крестьянъ с. Утевки взялъ на себя купецъ Ѳ. А. Духиновъ на полученныя имъ отъ Московскихъ фабрикантовъ 5 т. р., а Максимовскую и другія сѣверныя волости Бузулукскаго уѣзда вызвался продовольствовать Г. С. Аксаковъ на счетъ свой и присылаемыхъ ему изъ Петербурга и Москвы пожертвованій.

На этотъ разъ комитетъ измѣнилъ первоначальное свое правило распредѣленія пособій и (послѣ полученія свѣдѣній отъ Николаева, Аксакова и г.-м. Семенова объ ужасающемъ положеніи голодающихъ) сталъ выдавать пособія и на взрослыхъ ѣдоковъ, такъ какъ въ большинствѣ семей мужчины, вслѣдствіе безработицы, были безпомощнѣе своихъ дѣтей.

„Смѣло могу увѣрить, писалъ въ это время комитету мировой посредникъ Ивановъ, что помощь дѣйствительно попала въ руки нужды неисходной. Ошибка въ настоящее время, впрочемъ, почти невозможна. Теперь крайне трудною задачею оказывается найти болѣе или менѣе состоятельное семейство. При назначеніи пособій приходится выбирать нищихъ изъ нищихъ и мириться уже съ тѣмъ, что семьѣ съ кучею дѣтей достанется питаться хлѣбомъ, смѣшаннымъ съ какимъ-либо суррогатомъ. Болѣе, нежели тяжело, смотрѣть на то, какъ инымъ приходится голодать по двое сутокъ и въ добавокъ не имѣть надежды перекусить что-либо и въ третій день. А явленіе такое, съ грустью долженъ сказать, не исключительное“ [1]).

„Насколько была тяжела нужда и какъ немного нужно было, чтобы облегчить участь бѣдныхъ неимущихъ, достаточно привести нѣсколько выдержекъ изъ отчета д. с. с. Алабина, представленнаго имъ 31 декабря Дамскому комитету.

„Въ с. Борскомъ семейству вдовы Степаниды Ненашевой, состоящей изъ 4 ѣдоковъ, безъ всякихъ другихъ средствъ, кромѣ одной тощей лошаденки, на которой сынъ Михайла, 15 лѣтъ, заработывалъ въ день 6 коп., нанимаясь перевозить дрова изъ лѣса,—дано по 3 руб. въ мѣсяцъ до 1 іюня, всего 15 руб.“

„Въ с. Тупиковѣ, Бузулукскаго уѣзда, семьѣ вдовы Татьяны Супоневой съ 7 ѣдоками, при одномъ работникѣ, — единовременно выдано 6 руб. и полусумасшедшей вдовѣ Коровиной, не имѣющей никакихъ средствъ—3 р.; дряхлой и неимущей вдовѣ Пашковой—1 р.; Михаилу Грошеву съ больной женой, при крайней бѣдности—1 р.; оставшемуся послѣ іерея Иванова, священствовавшаго болѣе 30 лѣтъ

---

[1]) „Самарск. Губерн. Вѣдом.“ 1873 г., № 96.

въ с. Тупиковѣ,—семейству изъ шести женщинъ и дѣтей безъ всякихъ средствъ къ жизни—17 р.“

„Въ с. Заплавскомъ того же уѣзда семьѣ Ивана Шишкина изъ 5 ѣдоковъ, не имѣющей никакихъ средствъ, кромѣ коровы и лошади, дано на покупку 5 п. муки и соли 4 р. 40 к.; Феоклистѣ Шишкиной (мужъ которой на пяти взятыхъ въ долгъ лошадяхъ мѣсяцъ назадъ уѣхалъ въ извозъ) съ 7 ѣдоками, два дня не ѣвшими ничего—3 р.“ [1]).

Г. С. Аксакова (жившаго въ своемъ имѣніи Бузулукскаго уѣзда) изумляло терпѣніе крестьянъ. По его словамъ: „всѣ серьезны и видна рѣшимость перенести страданіе“. Онъ видѣлъ нѣкоторыя семейства, которыя, имѣя кое-какой запасъ пшеницы, берегли его для посѣва, а сами питались кое-чѣмъ“.

Благодаря съ каждымъ днемъ увеличивавшемуся притоку пожертвованій, дамскій комитетъ все больше и больше расширялъ свою дѣятельность. Къ 1 января 1874 г. у него было уже собрано свыше 115 т. р., на которыя онъ успѣлъ обезпечить до новаго урожая въ уѣздахъ Бузулукскомъ 12.594 душ., Николаевскомъ 9.640 д. и Самарскомъ 2.380 душъ.

Когда въ половинѣ января въ Самару прибылъ графъ Орловъ-Давыдовъ, то у комитета съ привезенными имъ деньгами составилась довольно солидная сумма 272 т. р. Къ этому времени комитетъ имѣлъ на своемъ иждивеніи уже 28 т. голодающихъ, да находилось у него въ запасѣ 42 т. пуд. заготовленнаго хлѣба.

На доставленныя суммы графомъ было закуплено у купца Плотникова еще 113 т. п. ржи съ тѣмъ, чтобы 53 т. п. были доставлены на мѣсто въ теченіе февраля, а остальныя 60 т. п. съ первымъ пароходнымъ рейсомъ. Вслѣдствіе этого комитетъ взялъ на свое попеченіе въ Бузулукскомъ уѣздѣ волости Алексѣевскую, Андреевскую, Ефимовскую и Лѣтниковскую, въ Николаевскомъ—Самовольно-Ивановскую, Моршанскую, Дмитріевскую и Суховязовскую и Салаарскаго уѣзда—Дубово-Уметскую (послѣднія четыре въ полномъ составѣ). Къ 17 февраля число призрѣваемыхъ достигло въ 33 волостяхъ 70.404 чел., вполнѣ обезпеченныхъ продовольствіемъ до новаго урожая. Но и за всѣмъ тѣмъ у комитета оказался значительный денежный остатокъ, на который графъ Орловъ купилъ 30 т. п. ржи съ доставкой ихъ по вскрытіи весны въ волости Дамашкинскую, Утевскую и дер. Новотроицкую (Патровской волости).

Передъ отъѣздомъ въ Самарскую губернію графъ получилъ

---

[1]) Тамъ же, 1874 г., № 2.

лично отъ Императрицы указанія „относительно исполненія возложеннаго на него порученія“. Ея Величество принимала самое сердечное участіе въ постигшемъ Самарскую губернію бѣдствіи. Она просила графа ознакомиться съ дѣятельностью Самарскаго комитета и принять самыя широкія мѣры къ обезпеченію жителей продовольственнымъ и сѣмяннымъ хлѣбомъ.

Поэтому, не удовольствовавшись организаціонной дѣятельностью въ Самарѣ, графъ совершилъ объѣздъ болѣе сильно нуждающихся мѣстностей и, гдѣ нужно, лично раздавалъ пособія хлѣбомъ и деньгами.

Онъ вездѣ встрѣчалъ самую горячую благодарность населенія къ Государынѣ Императрицѣ за ея материнское попеченіе къ голодающимъ самарцамъ. Какъ онъ замѣтилъ, вслѣдствіе отсутствія личнаго участія членовъ дамскаго комитета въ раздачѣ пособій, крестьяне не имѣли точнаго понятія объ оказанномъ имъ благодѣяніи. Выдача комитетскаго хлѣба производилась волостными правленіями, что, по мнѣнію графа, могло поселить среди крестьянъ мысль, что „пособіе это идетъ отъ казны, что у земства и дамскаго комитета находится неоскудѣваемый запасъ, который будетъ открытъ имъ и въ случаѣ будущихъ неурожаевъ“. Вслѣдствіе такого пониманія, дѣло не обходилось безъ инцидентовъ. Такъ въ Утевской волости, при раздачѣ хлѣба произошли безпорядки, а въ дер. Трофимовкѣ крестьяне самовольно разобрали всю рожь, присланную имъ дамскимъ комитетомъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

„Дабы не дать укорениться этой пагубной надеждѣ на безграничное пособіе и вмѣстѣ съ тѣмъ доставить бѣдствующему населенію утѣшеніе и ободреніе, въ которыхъ оно нуждалось, какъ и въ матеріальной помощи“, графъ предлагалъ, по примѣру А. С. Аксаковой [1]), снискавшей въ Зуевской волости самую благодарную память,— отправиться въ голодающія селенія и другимъ дамамъ комитета, чтобы съ одной стороны лично провѣрить выдачу пособій и удостовѣриться въ степени крестьянской нужды, а съ другой—словомъ ободренія поднять нравственное настроеніе крестьянъ и вызвать ихъ къ дѣятельности.

Хотя въ то время наша интеллигенція далеко не была подготовлена къ такой сложной работѣ, однако дамы комитета охотно ухватились за предложенную графомъ мысль. Раіоны голодающихъ мѣстностей для удобства дѣйствій были разбиты на участки. А. С. Аксакова обязалась наблюдать за волостями Зуевской, Лѣтниковской

---

[1]) Сестры писателей А. Ив. и К. С. Аксаковыхъ.

и Самовольно-Ивановской; волости Лобазинскую, Суриковскую и Курмановскую обѣщала объѣхать Л. А. Реутовская, въ Маломалышевскую отправилась Ѳ. И. Карпова; Утевскую, Домашкинскую и Дмитріевскую—З. И. Мордвинова, Дубовоуметскую взяла на свое попеченіе А. А. Бартельсонъ; Каменобродскую, Воздвиженскую и Суховязовскую—Л. Г. Ильина и С. И. Малышева. Секретарь П. А. Рихтеръ обязался объѣхать Алексѣевскую волость и, если позволитъ время, Андреевскую и Ефимовскую. Дамамъ были выданы небольшія суммы (отъ 200 до 600 р. на волость) на случай немедленнаго устраненія крайней нужды въ хлѣбѣ, одеждѣ, рабочемъ и домашнемъ скотѣ, кормѣ для скота и проч.

Мѣра эта имѣла благодѣтельныя послѣдствія. 7 марта С. А. Аксакова писала, что въ Страховской волости земство до сихъ поръ никому не выдало пособія, и просила принять эту волость на иждивеніе комитета, обѣщая составить списки нуждающимся и купить нужное количество хлѣба въ с. Борскомъ. Хотя въ это время въ Самарѣ не было ни предсѣдательницы, ни членовъ комитета, разъѣхавшихся по уѣздамъ для повѣрки нуждающихся, секретарь Рихтеръ быстро, въ одинъ день, удовлетворилъ просьбу Аксаковой, получилъ отъ губернатора согласіе на изъятіе этой волости по продовольствію изъ вѣдѣнія земства и выслалъ ей 7 т. р.

Вслѣдствіе повѣрки на мѣстахъ степени нужды, были взяты на попеченіе комитета въ полномъ объемѣ еще волости Суриковская, Курмановская и Лобазинская (Бузулукскаго уѣзда), вмѣсто назначенія пособія на часть нуждающихся въ нихъ, и с. Спиридоновка, Самарскаго уѣзда.

На мѣстахъ дамы комитета самолично убѣдились въ незавидномъ положеніи сельскаго хозяйства крестьянъ, не имѣвшихъ никакихъ заработковъ, кромѣ хлѣбопашества. Огородничество, которое могло бы дать большое подспорье въ ихъ обиходѣ, было почти совсѣмъ не знакомо самарскимъ жителямъ. Поэтому, кромѣ продовольственнаго хлѣба на 114.705 душъ въ 34 волостяхъ Бузулукскаго, Самарскаго и Николаевскаго уѣздовъ и раздачи на обсѣменіе полей 5 т. пуд. проса для засѣва 4.150 дес. и 124 п. пшеницы, комитетъ ко дню окончанія своей дѣятельности (25 марта 1874 г.) разослалъ 17.736 п. картофеля, 2.231 п. льна и конопли и 1.710 п. кудели и пеньки. Дамы замышляли было на оставшіеся 89.164 р. (изъ собранныхъ 495.016 р.) снабдить нѣкоторыя крестьянскія семьи лошадьми, но, къ сожалѣнію, краткость времени не позволила имъ сдѣлать закупку коней въ киргизскихъ степяхъ, чтобы доставить ихъ ко времени весеннихъ полевыхъ работъ въ Самарскую губернію. Образовавшійся остатокъ въ февралѣ слѣдую-

щаго (1875) года комитетъ передалъ Самарскому губернскому земству для уплаты долга за выданную правительствомъ ссуду на обсѣмененіе полей наиболѣе пострадавшей южной половины Бузулукскаго уѣзда, закончивъ тѣмъ свою благотворную дѣятельность и заслуживъ признательность народа и благодарность августѣйшей покровительницы, осчастливившей комитетъ пожалованіемъ портрета съ собственноручной надписью.

П. Юдинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ переписки А. П. Зонтагъ съ В. А. Жуковскимъ.

Объ отношеніяхъ нашего славнаго поэта къ своимъ племянницамъ, сестрамъ Юшковымъ, къ незабвенной въ литературныхъ преданіяхъ Авдотьѣ Петровнѣ Кирѣевской-Елагиной и къ популярной въ свое время дѣтской писательницѣ Аннѣ Петровнѣ Зонтагъ—достаточно извѣстно изъ біографіи и переписки поэта.

Анна Петровна, вышедшая замужъ въ 1817 г. за моряка-американца русской службы Е. В. Зонтага († 1841 г.) и жившая съ тѣхъ поръ до 40-хъ годовъ на югѣ, главнымъ образомъ въ Одессѣ, находилась, какъ и сестра ея, въ постоянной братски-дружественной перепискѣ съ В. А. Жуковскимъ, который съ истинно-отеческимъ участіемъ относился къ судьбѣ и интересамъ своихъ племянницъ и всячески помогалъ имъ, особенно всегда болѣе нуждавшейся матеріально А. П. Зонтагъ.

По смерти нашего поэта, А. П. Зонтагъ горячо принялась за дѣло собиранія матеріаловъ для біографіи его. Еще за три года до кончины В. А., ровно 60 лѣтъ тому назадъ (въ 1849 г.), она, по вызову М. П. Погодина (по поводу 50-го юбилея поэта), записала свои интересныя воспоминанія о дѣтствѣ Жуковскаго, которыя и были напечатаны тогда въ 1-ый разъ въ „Москвитянинѣ“ [1]).

Когда князь П. А. Вяземскій и П. А. Плетневъ задумали присоединить къ посмертному изданію сочиненій поэта—и избранную

---

[1]) За 1849 г., кн. IX.

его переписку (что впрочемъ не состоялось), и между прочимъ обратились за содѣйствіемъ къ А. П. Зонтагъ, послѣдняя приняла близко къ сердцу это предпріятіе и первая снабдила Плетнева копіями писемъ своего дяди-друга. Это собраніе было напечатано нами почти все [1]) пять лѣтъ тому назадъ въ статьяхъ „В. А. Жуковскій и А. П. Зонтагъ“ въ „Правит. Вѣстн.“ 1904 г. [2]) съ пояснительными примѣчаніями, отчасти сдѣланными самой Зонтагъ, и хотя въ то же время вышелъ изданный М. В. Беэръ, подъ редакціей А. Е. Грузинскаго, „Уткинскій Сборникъ“, въ который вошли и напечатанныя по найденнымъ подлинникамъ письма поэта къ Аннѣ Петровнѣ, наше собраніе не утратило однакожъ своего значенія, какъ значительно болѣе полное (47 п. вмѣсто 28 п. „Сборника“) и подготовленное къ печати самой А. П. Зонтагъ, а потому весьма точное.

Нынѣ мы имѣемъ возможность дополнить эту коллекцію нѣсколькими письмами самой А. П. Зонтагъ къ Жуковскому, относящимися къ 1840 г., т. е. къ году рѣшительному въ жизни поэта, когда онъ сталъ женихомъ Е. А. Рейтернъ (свадьба состоялась въ маѣ 1841 г.).

А. П. сѣтуетъ въ нихъ, что узнаетъ о важной новости лишь со стороны, и что самъ В. А. не извѣстилъ ранѣе ни ее, ни сестру ея о своихъ планахъ. Наконецъ Жуковскій самъ написалъ А. П. о предстоявшемъ бракѣ въ письмѣ отъ 28 августа 1840 г. изъ Дюссельдорфа, дошедшемъ до Одессы лишь къ 20 октября. Послѣднее (4-ое) трогательное поздравительное письмо А. П. (отъ 21 октября) есть отвѣтъ на это извѣщеніе.

Въ этихъ же письмахъ идетъ рѣчь о литературныхъ работахъ и дѣлахъ А. П. Зонтагъ. Она проситъ В. А. дать отзывъ о посланной черезъ П. А. Плетнева первой части ея „Собранія русскихъ сказокъ“, предпринятаго ею по настоянію Жуковскаго, заключившаго условіе объ этомъ изданіи со Смирдинымъ, и сѣтуетъ на послѣдняго, уже будто-бы отлынивающаго отъ этого изданія [3]).

Главнымъ корреспондентомъ и посредникомъ Елагиной и Зонтагъ

---

[1]) За время 1810—28 гг. напечатаны всѣ имѣвшіяся письма (16 №№). Затѣмъ, такъ какъ во время печатанья статьи неожиданно для насъ вышелъ въ свѣтъ „Уткинскій Сборникъ“ (М. 1904) съ письмами Жуковскаго, между прочимъ и къ Зонтагъ, то за 2-ой періодъ 1830—52 гг. мы напечатали лишь письма, недостающія въ „Сборникѣ“, а именно еще 13.

[2]) №№ 96, 100, 105, 119, 133 и 134, и отд. оттискъ.

[3]) Нѣсколько подробнѣе объ этомъ см. въ вышеупомянутой статьѣ нашей.

въ этихъ литературныхъ дѣлахъ и переговорахъ по изданіямъ былъ, по просьбѣ В. А., все тотъ же добрый и участливый П. А. Плетневъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и печатаемое ниже (въ „Дополненіяхъ“) письмо его объ этомъ дѣлѣ для Жуковскаго, къ которому мы тамъ же присоединяемъ самое условіе Жуковскаго съ Смирдинымъ съ его препроводительнымъ письмомъ къ Плетневу, и еще записочку поэта къ нему по тому же дѣлу. При этихъ бумагахъ сохранились и два векселя (заемныхъ письма Смирдина, выданныхъ поэту 31 декабря 1840 г.)[1]), а также рукопись II-ой части „Собранія народныхъ русскихъ сказокъ“ А. П. Зонтагъ, о которой она упоминаетъ въ печатаемыхъ здѣсь письмахъ.

К. Гротъ.

1.

Одесса 8 марта, 1840 г.

Вчера сидѣлъ у меня цѣлое утро графъ Потоцкій [2]) и разсказывалъ мнѣ, милый другъ Василій Андреевичъ, какъ онъ принималъ васъ въ Штокгольмѣ, какъ путешествовалъ вмѣстѣ съ вами по Швеціи, какъ вы ѣли пряники, какъ ему весело было съ вами познакомиться и много было говорено объ васъ!

Между прочимъ онъ спросилъ у меня, пишу ли я къ вамъ?—„Конечно! разъ въ мѣсяцъ непремѣнно, а иногда и чаще!“—„А онъ, какъ часто къ вамъ пишетъ?“—„Разъ въ годъ, а иногда и рѣже! Даже на дѣловыя письма лѣнится отвѣчать!“—Графъ Потоцкій поручилъ мнѣ сказать вамъ много и много хорошаго; графиня Воронцова [3]) также вамъ посылаетъ самые любезные, пріятные поклоны.

Можетъ статься, на все это вы захотите сказать спасибо въ письмѣ ко мнѣ, и тогда я буду очень благодарна графскимъ сіятельствамъ, которые доставятъ мнѣ строчку отъ васъ.

Въ текущемъ 1840 г. вы еще не разрѣшились ни однимъ словечкомъ ко мнѣ, старому вашему другу-товарищу, съ которымъ разстались не простясь; а много ли ихъ у васъ осталось—вашихъ старыхъ товарищей-друзей? Я вѣдь прошу васъ написать ко мнѣ не просто для болтанья; знаю, что вамъ по пустякамъ терять времени некогда; а скажите мнѣ два слова о дѣлѣ: вы писали мнѣ,

---

[1]) Одинъ на 571 р. 43 к. с., другой на 285 р. 72 к.

[2]) Гр. Левъ Севериновичъ Потоцкій, бывшій русскій посланникъ въ Стокгольмѣ (въ 1836—9 гг.). *К. Г.*

[3]) Гр. Елис. Ксавер. Воронцова, жена новороссійск. генер.-губерн. гр. Мих. Сем. Воронцова (рожд. Браницкая). *К. Г.*

что Смирдинъ хочетъ купить второе изданіе моей Священной Исторіи, и что на сей конецъ я-де должна прислать вамъ вѣрющее письмо на заключеніе условія съ онымъ Смирдинымъ [1]).— Ну вотъ, въ прошедшемъ декабрѣ 1839 года, я и послала это вѣрющее письмо. Этому прошло почти три мѣсяца, а я все не знаю, получили ли вы эту бумагу. Теперь посылаю вамъ 15 рублей, прося васъ подписаться за меня на сочиненія Козлова. Бѣдный Козловъ! [2]) Увѣдомьте, получите ли вы деньги и получили ль вѣрющее письмо? Заставьте написать хоть одного изъ вашихъ кантонистовъ. Мы, жители торговаго города, привыкли къ аккуратности. На всякое дѣльное писаніе отвѣчаемъ: par la présente je vous accuse la réception etc.

Мы слава Богу здоровы. Живемъ смирнехонько въ Одессѣ. Егоръ Васильевичъ [3]) много работаетъ; здоровье его, благодаря Бога, стало нѣсколько получше, хотя все еще не совсѣмъ хорошо. Машенька [4]) также работаетъ; она теперь учится рисовать въ одномъ atelier, куда съѣзжаются только дѣвицы, и учительница ихъ также молоденькая, хорошенькая, премиленькая дѣвушка, получившая призъ въ Парижѣ за свою живопись. Прежде Машенька, почти самоучкою, рисовала пейзажи; а теперь рисуетъ съ бюстовъ фигуры. Эти уроки насъ чрезвычайно занимаютъ. Помните ли, Жуковскій, во время оно, я у васъ вымѣняла на шкатулку Grand livre des peintres par Léresse. Потомъ вы этого Лересса у меня опять отняли, чтобъ подарить Машѣ Протасовой. Все это я помню очень, потому что очень любила Лересса, очень любила васъ, очень любила Машу. Лересса мнѣ было жаль, но я не могла отказать ни въ чемъ ни вамъ, ни Машѣ. Теперь мнѣ хотѣлось бы купить Лересса для другой Маши. Можно ли его найти въ Петербургѣ, и что онъ стоитъ, и съ кѣмъ, изъ вашихъ книгопродавцевъ я могу завести переписку для выпи-

---

[1]) Это письмо Жуковскаго къ А. П. Зонтагъ см. „Уткинскій Сборникъ“ ред. А. Е. Грузинскаго, М. 1904 г., стр. 115, т. XXI. *К. Г.*

[2]) Поэтъ-слѣпецъ И. И. Козловъ скончался въ С.-Петербургѣ, 30 января 1840 г. Объ отношеніяхъ Жуковскаго къ Козлову см. между прочимъ нашу замѣтку „В. А. Жуковскій и А. И. Козлова“. Русск. арх. 1904 г., № 2. *К. Г.*

[3]) Мужъ Анны Петровны Е. В. Зонтагъ, бывшій морякъ, до 1830 г. былъ капитаномъ надъ портомъ въ Одессѣ и оставилъ службу въ чинѣ дѣйств. ст. сов. Здоровье его, уже тогда слабое, вскорѣ совсѣмъ разстроилось, и онъ скончался въ началѣ 1841 г. *К. Г.*

[4]) Единственная дочь А. П. Зонтагъ Марья Егоровна вышла вскорѣ послѣ смерти отца замужъ за австрійскаго консула въ Одессѣ Гутмансталя. *К. Г.*

сыванія книгъ? Здѣсь ничего не достанешь, а если что есть, то въ тридорога! Сдѣлайте милость, отвѣчайте мнѣ на все это! Никогда вы не отвѣчаете на мои запросы! Иногда мнѣ кажется, что вы не читаете моихъ писемъ!

Несмотря на это я все-таки скажу вамъ, что Дуничка [1]) здѣсь и кажется пробудетъ лѣто, чтобы Наталья Андреевна [2]) могла брать морскія ванны; она нездорова. Малютка Вельсъ [3]) славный мальчишка, умненькій и хорошенькій.—Стурдза [4]) былъ у меня недавно. Онъ вамъ кланяется. Графиня Эдлингъ въ Парижѣ, а старикъ мужъ ея здѣсь [5]). Вы знаете, что старушка мать Стурдзы скончалась тому уже почти годъ, а у Машеньки Гагариной (дочери Стурдзы) пятимѣсячный сынокъ. Мужъ мой васъ обнимаетъ. Машенька, которая изъ всѣхъ нашихъ дѣтей меньше всѣхъ съ вами фамильярна, потому что мало васъ видала, проситъ позволенія тоже сдѣлать Она васъ сердечно любитъ, такъ какъ я того желаю. И я, милый другъ, васъ обнимаю. Христосъ съ вами, будьте здоровы!

А. Зонтагъ.

Съ тетушкой [6]) и Бунинскими дѣтьми мы часто переписываемся. А съ сестрой [7]) еще чаще. Бѣдная сестра! Ее разбили лошади. Также лошади разбили Над. Ник. Шереметеву [8]) и лошади зашибли. Наташу Кирѣевскую [9]). Армфельдъ говоритъ, что это повѣтріе въ Москвѣ.

2.

29 іюля 1840 г. Утѣха.

Милый другъ Василій Андреевичъ! Можетъ статься вы возвратились въ Петербургъ. Я заключаю это потому, что читала въ газе-

---

[1]) Авдотья Васильевна Вельсъ, рожд. Азбукина, бывшая замужемъ за племянникомъ Зонтага. *К. Г.*

[2]) Н. А. Азбукина, тетка предыдущей, сестра В. А. Азбукина (сына Андр. Ив. Протасова), женатаго на Ек. П. Юшковой. *К. Г.*

[3]) Сынъ Евд. Вас. Вельсъ, дочери В. А. Азбукина и Е. П. Юшковой. Его отецъ Вил. Вельсъ былъ племянникъ Зонтага. *К. Г.*

[4]) Ал. Ск. Стурдза (1791—1854).

[5]) Гр. А. Эдлингъ († 1841) женатъ былъ на Р. С. Стурдза († 1844).

[6]) Ек. Ак. Протасовой, рожд. Буниной.

[7]) Авдотья Петровна Елагина, въ перв. бракѣ Кирѣевская.

[8]) Рожденная Тютчева.

[9]) Вѣроятно, жена И. В. Кирѣевскаго (рожд. Арбенева).

К. Г.

тахъ о возвращеніи Государя Наслѣдника [1]). Съ Петербургскими я ни съ кѣмъ не переписываюсь, кромѣ одного Петра Александровича Плетнева, которому боюсь наскучить моими письмами. Здѣсь графиня Эдлингъ объ васъ распространила извѣстіе, которое я желала бы получить не черезъ письмо ея къ мужу, но отъ васъ самихъ.

Она писала, что вы женитесь, и что это *вѣрно*; однако не называла вашей невѣсты [2]); въ подтвержденіе же словъ своихъ она говорила, что видится съ вами почти всякій день. Если это правда, то для чего же вы не пишете къ намъ, *вашимъ собственнымъ?* Ахъ, Жуковскій! Вы такъ отъ насъ отвыкли, что забыли даже гдѣ, въ какихъ сердцахъ заключается самое живое участіе въ судьбѣ вашей! Напишите поскорѣй, правду ли говоритъ графиня Эдлингъ, чтобы мнѣ удвоить мои молитвы объ васъ.

Вы давно ничего объ насъ не знаете; вотъ, что у насъ дѣлается: мой бѣдный Егоръ Васильевичъ все нездоровъ, съ прошлаго года. Онъ ослабѣлъ примѣтно и сталъ унылъ, чего никогда въ немъ не бывало. Мнѣ такъ горько на него смотрѣть, что я не могу вамъ пересказать. Онъ пилъ воду Маріенбадскую (у насъ заведеніе искусственныхъ водъ), но какъ продолжалъ во время водъ хлопотать по-прежнему, то воды не сдѣлали ему ни малѣйшей пользы. Машенька моя другую недѣлю сидитъ съ больнымъ глазомъ въ темной горницѣ, ничѣмъ заняться не можетъ. Бѣдное Мишенское [3]) голодаетъ. Половина деревни сюда пришла, и мы, благодаря Бога, успѣли размѣстить людей нашихъ по разнымъ работамъ, иныхъ въ Николаевѣ, другихъ здѣсь; вѣдь тамъ народъ почти все мастеровой: плотники или пильщики. Другую половину кормимъ въ Мишенскомъ; но и то плохо, потому что и прошлаго года урожай былъ плохой, а нынче совершенно никакого. Это несчастіе намъ общее со всей губерніей. Такъ какъ дохода не будетъ никакого, а расходъ большой, ибо надо мужиковъ и кормить и обувать, то мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы мои русскія сказки съ рукъ пошли [4]). Я уже больше

---

[1]) В. А. Жуковскій лишь въ мартѣ этого года уѣхалъ опять за границу, сопровождая наслѣдника въ его путешествіи въ Дармштадтъ, и тамъ долженъ былъ пробыть нѣкоторое время для ознакомленія съ русскимъ языкомъ невѣсты наслѣдника. *К. Г.*

[2]) Дѣйствительно, Жуковскій какъ разъ передъ тѣмъ сталъ женихомъ дочери своего друга, художника Рейтерна. *К. Г.*

[3]) Имѣнье Юшковыхъ Тульск. губ.

[4]) По вызову Жуковскаго, А. П. составляла сборникъ русскихъ сказокъ, относительно изданія коихъ (вм. съ другими сказками) В. А. заключилъ условіе съ книгопродавцемъ Смирдинымъ. Послѣдній долго затѣмъ тянулъ дѣло, все обѣщалъ, а въ концѣ концовъ отказался отъ предпріятія. У А. П. и

мѣсяца какъ отослала первый томъ къ Плетневу, съ княземъ Александромъ Ивановичемъ Гагаринымъ [1]) и не имѣю никакого извѣстія, получены ли они и годятся ли?

Увѣдомьте, сдѣлайте милость; до полученія отвѣта сердце не лежитъ трудиться надъ вторымъ томомъ. Того ли надобно? Мнѣ кажется, что народныя сказки надобно сохранить со всею ихъ наивностью, и только немножко почистить ихъ. Я такъ и сдѣлала. Не знаю, довольны ли вы?

Для второго тома у меня будутъ четыре богатырскія сказки: Добрыня Никитичъ, Илья Муромецъ, Чурило Пленковичъ и Алеша Поповичъ, но не изъ глупыхъ сказокъ Левшина, а изъ другихъ источниковъ. Три первыя готовы, и мнѣ онѣ нравятся, и Петерсону [2]) тоже; не знаю, что скажутъ у васъ, особливо, что скажете вы? Дай Богъ, чтобы вы довольны были! Признаться, очень скучно за этими бреднями сидѣть, но скука въ сторону; очень пріятно мнѣ будетъ помочь содержанію домашнему моими трудами. Жалованье мужнино на проценты въ банкъ, а мои трудовыя деньги на прочее. Послѣ этого говорите, что соловья баснями не кормятъ! Если не баснями, то по крайней мѣрѣ сказками я прокормлю не только моего соловья Машеньку (которая въ самомъ дѣлѣ поетъ соловьинымъ голоскомъ), но и отца ея, а тутъ же и себя! И много ль человѣку надобно, говаривалъ Азбукинъ: человѣкъ—это чижичекъ: съѣстъ пирогъ да ситничекъ, да и сытъ! Прощайте, моя душа! Напишите поскорѣй, правда ли, что вы женитесь? Напишите также, что вы говорите о послѣднемъ томѣ „Русскихъ сказокъ“. Годятся ли? и продолжать ли?

Обнимаю васъ за мужа, за дочь и за себя.

А. Зонтагъ.

Петерсонъ съ женою у меня. Онъ во время ваканцій у меня отдыхаетъ. Графиня [3]) съ сыномъ въ Крыму. Они воротятся 3 ав.; и Петерсонъ отъ меня уѣдетъ къ должности, а она здѣсь останется. Они оба свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе. Не зная, что вы ѣдете въ чужіе края, я послала вамъ 15 р., прося подписаться за меня на сочиненія И. И. Козлова. Письмо адресовано было къ Ѳ. И. Прянишникову. Но оно не могло застать васъ въ Петербургѣ. Получили ли вы его?

ея сестры (А. П. Елагиной) была оживленная переписка по этому дѣлу и съ П. А. Плетневымъ. Ниже мы печатаемъ нѣсколько документовъ, его касающихся. *К. Г.*

[1]) Вѣроятно, зятемъ А. С. Стурдза.

[2]) А. П. Петерсонъ, побочный сынъ П. Н. Юшкова.

[3]) Вѣроятно, гр. Е. К. Воронцова. *К. Г.*

3.

6 октября 1840 г.

Пишу къ вамъ опять, милый Жуковскій, полагая, что и это письмо будетъ имѣть равную участь съ прочими, то есть: останется безъ отвѣта и можетъ быть даже и не прочтено! Однако, руководствуясь великимъ двигателемъ души—*авось*, все-таки пишу!

Потому къ *вамъ*, что мнѣ стыдно уже наскучать Петру Александровичу Плетневу дѣломъ, которое затѣяли вы, за которое я вамъ истинно благодарна, ибо вы хотѣли намъ сдѣлать пользу. Что жъ дѣлать, не удалось! Смирдинъ, заклятая душа Полевого, Сенковскаго и Булгарина, отказывается отъ нашихъ сказокъ!

Прошу васъ о послѣднемъ (впредь ужь не стану васъ мучить): возвратите мнѣ мою рукопись съ одиннадцатью сказками, присланными для напечатанія; она у Плетнева. У меня уже готовъ другой томъ [1]), въ которомъ 10 сказокъ и 7 изъ нихъ чудесныя, каждая стоитъ по 1.000 р. Такихъ сказокъ и въ мірѣ нѣтъ! Можетъ статься, при случаѣ удастся мнѣ сдѣлать спекуляцію съ книгопродавцемъ почестнѣе Смирдина [2]). Еще прошу васъ сдѣлать милость напомнить Смирдину, что по напечатаніи моей Священной Исторіи вторымъ, двойнымъ изданіемъ, онъ обязанъ прислать мнѣ 20 экземпляровъ. Это послѣднее мое вамъ надоѣданье, и то отъ того, что вы сами заварили эту кашу, приходится вамъ же ее и расхлебывать. Жаль, что не могу васъ попотчивать лучше кашею въ сальникѣ, которую вы любили во время оно; но все это дѣло прошлое, и чуть ли не держатся теперь пословицы: кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ! Я, живучи въ отдаленномъ краю свѣта, не знала, что вы собирались въ чужіе края, и передъ отъѣздомъ вашимъ послала вамъ деньги, прося васъ подписаться за меня на сочиненія Козлова. Это письмо васъ уже не застало въ Петербургѣ, но его долженъ былъ получить Ѳедоръ Ивановичъ Прянишниковъ, къ которому я его адресовала, вмѣстѣ съ деньгами, для передачи вамъ.

Потомъ я еще писала вамъ два или три раза, передъ возвра-

---

[1]) Этотъ 2-ой томъ, о которомъ см. въ дополненіяхъ, былъ также препровожденъ къ Плетневу, но и ему такъ и суждено было остаться въ рукописи.

[2]) Въ дѣйствительности, какъ видно изъ прилагаемыхъ ниже документовъ и изъ записочки В. А. Жуковскаго къ Плетневу отъ 26 ноября, Смирдинъ въ то время еще не рѣшался совсѣмъ отказаться отъ „Сказокъ“.

К. Г.

щеніемъ вашимъ, полагая, что вы уже возвратились. По возвращеніи вашемъ вы получили всѣ эти письма. Теперь обѣщаю вамъ очень долго не писать къ вамъ! Можетъ быть послѣднее письмо мое будетъ извѣщеніе о полученіи рукописи, если вы ее мнѣ возвратите.

Puis arrès, plus jamais! какъ поетъ моя Машенька. Она и Егоръ Васильевичъ свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе. Я, отрѣзанный ломоть, съ ними обоими думала прилѣпиться опять къ нашему хлѣбу, въ 1839 г.; но это была мечта! Вошла я только на минуту въ святой кругъ семьи! Теперь только одна моя Дуняша, сестра, и ея дочери пишутъ ко мнѣ. Имъ я своя! Да моя добрая тетушка [1]), сколько силы и глаза ей позволяютъ, пишетъ также иногда ко мнѣ. Да на что я все это вамъ разсказываю? Какая вамъ до этого нужда?—А я все-таки васъ люблю!

Буду беречь въ сердцѣ своемъ память о миломъ прошломъ времени; обнимаю васъ и честь имѣю быть

Вашего Превосходительства
покорнѣйшей слугою
Анна Зонтагъ.

P. S. Извините, что такъ глупо начала письмо, не посмотрѣла, какъ лежалъ листъ, а переписывать не хочется.

(Приписка Е. В. Зонтага) [2]).

and permit me, my dear brother, to inform you, that I wrote you a few lines, and begged you to *do something for me*, but have not been informed whether you have received my letter, or not.

I now take the liberty to request that you will scold that scoundrel Smirdin for me, he has been the cause that my poor wife has written her eyes sore to feed us this unhappy year. God bless you [3]).

Sonntag.

---

[1]) Ек. Ав. Протасова.

[2]) Онъ былъ американецъ родомъ.

[3]) *Переводъ*: Позвольте мнѣ, дорогой братъ, извѣстить Васъ, что я писалъ къ Вамъ нѣсколько строкъ и просилъ Васъ *сдѣлать что-нибудь для меня*, но не имѣлъ увѣдомленія, получили ли Вы мое письмо, или нѣтъ.

Теперь я осмѣливаюсь Васъ попросить выбранить за меня этого негодяя Смирдина, который былъ причиною того, что моя бѣдная жена писаньемъ натрудила до боли свои глаза, чтобъ прокормить насъ въ этотъ несчастный годъ. Богъ да благословитъ Васъ.

4.

21 октября, 1840. Одесса.

Милый, безцѣнный братъ! Поздравляю васъ, благословляю васъ и молюсь за васъ отъ всего моего сердца! Пошли вамъ Господи надолго такое счастье, какого вы желаете и какого вы достойны! Я давно уже слышала, что вы женитесь; слышала отъ Корсакова, отъ графа Эдлинга, но не хотѣла вѣрить; не потому, чтобы находила, что вамъ жениться поздно, а потому что о женитьбѣ вашей слышала отъ постороннихъ. Наконецъ третьяго дня сперва получила отъ Дуняши списокъ съ вашего письма, а потомъ и ваше письмо отъ 28-го августа [1]).

Еще разъ поздравляю, поздравляю васъ, милый другъ! Прошедшую ночь я безпрестанно видѣла во снѣ вашу и нашу милую Елизавету; видѣла ее такъ ясно, какъ бы на яву; и если она похожа на отца, то *я видѣла ее.* Этотъ сонъ былъ посланъ Богомъ, для того чтобы показать мнѣ то милое созданье, которому Онъ поручаетъ ваше счастье. Можетъ статься, мнѣ не иначе можно видѣть ее, какъ во снѣ!—Я очень хорошо знала дядю вашей Елизаветы, генерала Рейтерна, который былъ женатъ на Гельфрехтъ [2]); онъ похожъ былъ на брата, и если Елизавета похожа на отца, то я имѣю нѣкоторое понятіе о ея наружности. Невозможно мнѣ, другъ, пріѣхать провести эту зиму съ вами въ Москвѣ. Два неурожайные года сряду, особливо нынѣшній, такъ разстроили наши финансы, что мы не знаемъ, чѣмъ жить и на мѣстѣ; и житье мое самое горькое. Съ самаго путешествія (прошлогодняго) въ Петербургъ здоровье моего Егора Васильевича очень разстроилось; онъ хворалъ цѣлый годъ и еще слишкомъ; а теперь вдругъ такъ занемогъ, что мы совсѣмъ думали, что лишимся его. Въ теперешнюю минуту ему нѣсколько полегче, но вотъ уже 12 дней какъ онъ въ постелѣ. Доктора находятъ, что у него завалъ въ печени и лѣченье должно быть продолжительное [3]). Я не отлучусь ни на минуту отъ него, если бы и имѣла средства ѣхать; вы это понимаете? Намъ жить остается недолго, слѣдственно не надобно разлучаться въ это послѣднее время особливо,

---

[1]) Это письмо было почти цѣликомъ помѣщено П. А. Плетневымъ въ его статьѣ о Жуковскомъ (Соч. и переп. П. А. Плетнева, т. III ст. 114—15). Въ полномъ видѣ оно напечатано нами въ нашей статьѣ „В. А. Жуковскій и Зонтагъ“ въ „Правит. Вѣстникѣ“ 1904 г. № 119, 133 ст.

[2]) Гельфрейхъ.

[3]) Е. В. Зонтагъ скончался уже въ мартѣ слѣдующаго 1841 г.

когда такъ хорошо было вмѣстѣ 24 года; почти четверть вѣка! Дай вамъ Богъ мое счастье!

Ничего не знавши объ васъ, я написала къ вамъ, 2 недѣли тому назадъ, письмо *съ Вашимъ Превосходительствомъ*, въ которомъ обѣщалась больше не писать къ вамъ. Винюсь передъ вами въ этомъ письмѣ: простите меня! Вамъ никогда не было трудно прощать, а теперь и еще легче: вы счастливы!—Сохрани васъ Господи, помилуй и благослови! Какъ усердно я молюсь за васъ, мой другъ! Послѣднее слово матушки было ко мнѣ, для того, чтобы передать вамъ ея благословеніе; именемъ Елизаветы Дементьевны благословляю васъ! Богъ съ вами, другъ мой.

Мужъ мой и дочь васъ обнимаютъ и всѣ наши сердца соединены въ одно желаніе вамъ счастія и въ одну молитву! Но я, Жуковскій...

Въ эту минуту вы мнѣ являетесь и другомъ, и братомъ, и сыномъ! И я благословляю васъ какъ другъ, какъ сестра и мать! Благословляю васъ отъ имени бабушки, которая, зная, какъ мнѣ весело было это слышать, не одинъ разъ говорила мнѣ: *не знаю, котораго изъ васъ больше люблю, тебя или Васю*! Мнѣ кажется, что я побесѣдовала со всѣми нашими милыми мертвыми и отъ всѣхъ ихъ посылаю вамъ благословеніе!

Ваша Анна Зонтагъ.

Дополненіе.

1.

(При этомъ письмѣ Жуковскій доставилъ П. А. Плетневу условіе, заключенное съ Смирдинымъ).

Милостивый Государь
Петръ Александровичъ!

Прилагаю при семъ условіе, сдѣланное мною съ Смирдинымъ о изданіи книги подъ заглавіемъ: „*Библіотека сказокъ*“. По случаю отъѣзда моего за границу, прошу Ваше Превосходительство взять на себя трудъ войти въ сношеніе съ тѣми лицами, кои по назначенію моему будутъ заниматься переводомъ вышесказанной книги, прошу Васъ также при полученіи отъ нихъ оригинала, передавать оный Г-ну Смирдину, принимать отъ него по условію деньги и пересылать ихъ кому будетъ слѣдовать, давая въ полученіи оныхъ расписку Г-ну Смирдину.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть.
Вашего Превосходительства
(собственноручно) *Покорный слуга В. Жуковскій.*

*

Прошу Васъ войдти по всему вышеписанному въ сношеніе съ Авдотьей Петровной Елагиною.

Вотъ ея адресъ: Ея Высокоблагородію А. П. Е. въ Москвѣ у Арбатскихъ воротъ въ приходѣ Тихона въ домѣ Г-жи Савичъ.

29 февраля 1840 г.

Его Пр-ву П. А. Плетневу.

Приписано рукою Плетнева:

Въ первый разъ я писалъ по сему дѣлу
къ А. П. Е. 11 апрѣла 1840 г.
къ А. П. З. 11 апрѣля 1840 г.

2.

(Условіе Жуковскаго съ книгоиздателемъ Смирдинымъ относительно изданія Библіотеки народныхъ сказокъ).

Заключено между нижеподписавшимся Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ и кавалеромъ Василіемъ Андреевымъ сыномъ Жуковскимъ [1]) и книгопродавцемъ Александромъ Филипповымъ сыномъ Смирдинымъ, условіе въ томъ, что:

I. Издавать ему Смирдину Библіотеку народныхъ сказокъ, для которой переводы обязуюсь доставлять Жуковскій въ ниже писанныхъ условіяхъ, такъ что безъ его Жуковскаго согласія онъ Смирдинъ не можетъ прекратить этого изданія; равно и Жуковскій обязуется до окончанія изданія доставлять ему переводы, избирая для нихъ переводчиковъ, но не стѣснять въ доставленіи никакимъ назначеннымъ срокомъ.

II. Библіотека сказокъ должна состоять:

1) Изъ русскихъ сказокъ.

2) Изъ сказокъ европейскихъ народовъ: нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ, италіанскихъ и другихъ. Сюда входятъ и преданія сихъ народовъ.

3) Изъ сказокъ Восточныхъ народовъ: тысяча одной ночи, тысяча одного дня и другихъ.

Выборы назначенія для перевода предоставляются г-ну Жуковскому, который также выбираетъ и переводчиковъ.

III. Г. Жуковскій или тотъ, кому отъ него поручено будетъ, доставляетъ г-ну Смирдину оригиналъ по частямъ, заключающимъ

---

[1]) Экземпляръ условія, подписанный Жуковскимъ, былъ, конечно, у Смирдина. Имѣющійся у насъ подписанъ Смирдинымъ. *К. Г.*

въ себѣ по 10-ти печатныхъ листовъ (опредѣляя печатный листъ по Альманаху Утренняя Заря, изданному г-мъ Владиславлевымъ въ 1840 г.). Г. Смирдинъ, получивъ оригиналъ, платитъ г-ну Жуковскому или тому, кто по его порученію доставитъ ему рукопись, немедленно по одной тысячѣ рублей (считая по сту рублей за печатный листъ) и доплачиваетъ то, что будетъ слѣдовать по разсчету, если рукопись будетъ болѣе 10-ти печатныхъ листовъ.

IV. Г. Смирдинъ имѣетъ право печатать тысячу двѣсти экземпляровъ Библіотеки сказокъ. Если же по распродажѣ изданія найдетъ онъ нужнымъ сдѣлать новое, то обязывается заплатить г-ну Жуковскому или кому отъ него поручено будетъ по пятидесяти рублей за печатный листъ.

V. Г. Смирдинъ обязывается доставить г-ну Жуковскому двадцать пять экземпляровъ всего изданія.

(Слѣдуетъ росписка рукою Смирдина) [1]):

„1840 года, марта 2-го, я нижеподписавшійся далъ сію подписку Его Превосходительству Василію Андреевичу Жуковскому въ томъ, что на вышеизложенномъ условіи обязуюсь принять на себя изданіе библіотеки народныхъ сказокъ и по полученіи оригинала переведеннаго и одобреннаго цензурою платить за каждую часть по тысячи рублей ассигнаціями, а остальныя естли будутъ сверхъ 10 листовъ по отпечатаніи.—Печатать же слѣдуетъ Смирдину не 1.200 экз., какъ сказано въ IV § сего условія, а двѣ тысячи четыреста экземпляровъ.

Спб. книгопродавецъ Александръ Филипповъ Смирдинъ“.

3.

(Записочка В. А. Жуковскаго къ П. А. Плетневу).

Любезный Петръ Александровичъ!

Фишеръ [2]) пропалъ и не даетъ мнѣ никакого отвѣта. А Смирдинъ не отказывается отъ сказокъ, только требуетъ, чтобъ онѣ были отданы въ цензуру. Пришлите мнѣ оригиналъ поскорѣе. Да гдѣ живетъ Никитенко и какъ его именуютъ?

Жуковскій.

---

[1]) Сохраняемъ правописаніе подлинника. *К. Г.*

[2]) Плетневъ, разошедшійся съ Смирдинымъ и на него не надѣявшійся, очевидно, предложилъ въ издателя книгопродавца-издателя и типографщика Е. Ф. Фишера. *К. Г.*

На этой запискѣ сверху написано карандашемъ рукою Плетнева: „По сей запискѣ, 26 ноября 1840 всѣ тетради и свѣдѣнія переданы Жуковскому“.

П. А. Плетневъ дѣйствительно въ тотъ же день (26-го ноября) препроводилъ всѣ бумаги къ Жуковскому при нижеслѣдующемъ письмѣ:

4.

(Письмо П. А. Плетнева къ В. А. Жуковскому).

Я написалъ къ г. Фишеру, чтобы онъ явился къ Вамъ, Василій Андреевичъ, для окончательнаго переговора объ изданіи Сказокъ и собственныхъ сочиненій Вашихъ. Отъ него получите Вы и условія, заключенныя Вами со Смирдинымъ.

Надворнаго Совѣтника Никитенко зовутъ Александръ Васильевичъ, и живетъ онъ въ Итальянской улицѣ въ домѣ Щелкунова.

При семъ, по приказанію Вашему, препровождаются рукописи, полученныя мною отъ А. П. Зонтагъ и А. П. Елагиной: первая прислала тетрадь на одинъ томъ, а другая — двѣ на два тома.

Чтобы сообщить Вамъ нѣкоторыя подробности о ходѣ дѣла и планахъ переводчицъ, обязанностью считаю составить здѣсь записку изъ ихъ писемъ ко мнѣ.

Въ первый разъ, отъ 26 апрѣля Анна Петровна извѣстила меня, что, по условію, сдѣланному ею съ сестрой, она принялась было переводить изъ арабскихъ сказокъ Дни, а Авдотья Петровна —Ночи. Между тѣмъ послѣ, Авдотья Петровна назначила ей заниматься русскими сказками, которыя и рѣшились онѣ печатать въ въ одно время съ Ночами арабскихъ сказокъ.

Во второмъ письмѣ, отъ 3 іюня, Анна Петровна увѣдомила меня, что получила 2.500 р. ас. за 2-е изданіе Св. Исторіи, деньги, вытребованныя мною отъ Смирдина черезъ коммерч. судъ. Она извѣщала также, что скоро пришлетъ мнѣ первый томъ рус. сказокъ, и что уже собираетъ матеріалы для второго. Между тѣмъ она просила меня списать для нея копію съ условія между Вами и Смирдинымъ. Эту послѣднюю коммиссію я тогда же исполнилъ. Она приказывала напомнить Смирдину доставить ей по условію 20 экз. полнаго изданія Св. Исторіи. Это я ему передалъ; но потрудитесь узнать отъ него, *послалъ ли онъ книги*: со мной онъ уже не можетъ вести никакихъ переговоровъ.

Съ третьимъ письмомъ, отъ 10 іюня, полученнымъ мною 22 сентября по пріѣздѣ изъ Гельсингфорса [1]), Анна Петровна прислала первый томъ русскихъ сказокъ и требовала *выслать ей по условію Вашему со Смирдинымъ 1.000 руб.* Какъ меня здѣсь не было, и Смирдинъ же никакихъ дѣлъ со мною имѣть не можетъ, то эта коммиссія остается невыполненною. Она сверхъ того просила, чтобы ей для работы на 2-й томъ *выслана была отсюда книга: Собраніе русскихъ сказокъ Левшина.* И эта коммиссія по вышеприведеннымъ причинамъ остается до сихъ поръ безъ исполненія.

Въ четвертомъ письмѣ, отъ 26 августа, Анна Петровна давала знать, что ей не охотно заниматься вторымъ томомъ, пока она не увидитъ рѣшенія участи перваго; что эта работа скучна—при всемъ томъ у нея уже приготовлено 7 сказокъ. Она съ нетерпѣніемъ желала знать, когда пріѣдетъ въ Спб. Василій Андреевичъ. Наконецъ она жалуется на безденежье по причинѣ неурожая въ Тульской губ., откуда не только нѣтъ доходовъ, но еще надобно кормить крестьянъ.

Авдотья Петровна въ первомъ письмѣ ко мнѣ, отъ 29 іюня, говоритъ, что, посылая первый томъ сказокъ, боится, не запретитъ ли цензура имя *Соломонъ*, и предлагаетъ замѣнить его именемъ *Сулейманъ*.

Если начнется печатанье, прибавляетъ она, то каждый мѣсяцъ я буду присылать по столько же. Она прибавляетъ, что текстъ перевела съ Вейлева перевода, который основанъ на первобытномъ арабскомъ текстѣ, а примѣчанія взяла изъ Габихта, который держался Тунисской рукописи, и ужъ переводъ Габихта кто-то въ Петербургѣ издаетъ по-русски, напечатавъ въ прошломъ году 5 томовъ. Авдотья Петровна прибавляетъ, что Василій Андреевичъ прислалъ ей Левальдова изданія только 1-й томъ и 269 Ночей изъ второго.

Теперь она проситъ *взять у Белизара все, что вышло изъ остального* и переслать ей безъ отлагательства. Объ этой ея коммиссіи вы, Василій Андреевичъ, не позабудьте, пока здѣсь.

Со вторымъ письмомъ, отъ 1 сентября, Авдотья Петровна прислала второй томъ Арабскихъ сказокъ и повторяетъ свою просьбу *выслать ей тетради Левальдова изданія, начиная съ 13-ой тетради второго тома.*

---

[1]) Плетневъ былъ депутатомъ СПбург. университета на 200-лѣтнемъ юбилеѣ Александровскаго универс., откуда вернулся къ нач. августа. См. „Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ“, т. I. (СПб., 1896).

Здѣсь все, что я почелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія Вашего для приведенія этого дѣла въ надлежащій порядокъ.

П. Плетневъ.

26 нояб.
1840.

5.

Мы упоминали выше, что сохранилась рукописная тетрадь со *второю* частью труда А. П. Зонтагъ „Собраніе народныхъ русскихъ сказокъ“. Она представляетъ собой перешлетенную тетрадь въ листъ, заключающую въ себѣ 40 листовъ (или 80 стран.) убористо написаннаго рукой автора текста. Здѣсь имѣется 12 сказокъ. Вотъ ихъ *оглавленіе*:

1. Сказка о славномъ и могучемъ богатырѣ Добрынѣ Никитичѣ.
2. Сказка о славномъ и могучемъ богатырѣ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ разбойникѣ.
3. Сказка о славномъ и могучемъ богатырѣ Чурилѣ Пленковичѣ.
4. Сказка о сильномъ и могучемъ богатырѣ Алешѣ Поповичѣ.
5. Сказка о сильномъ и могучемъ богатырѣ Васильѣ Богуслаевичѣ.
6. Сказка о Новогородскомъ гостѣ богатомъ Садкѣ.
7. Сказка о русскомъ богатырѣ Потокѣ Михайлѣ Ивановичѣ и о женѣ его Авдотьѣ Лиходѣевнѣ.
8. Сказка о Игнатѣ Царевичѣ и о Суворѣ, невидимкѣ-мужичкѣ.
9. Сказка о старушкѣ Ворожейкѣ отгадчицѣ и о сынѣ ея Ѳомѣ.
10. Сказка о Строевой дочери.
11. Сказка о Ивашкѣ, Медвѣжьемъ ушкѣ.
12. Сказка о весьма чудныхъ и прекрасныхъ Гусляхъ Самогудахъ.

Сообщ. К. Гротъ.

Воспоминанія институтки шестидесятыхъ годовъ[1]).

До 8 часовъ воспитанницы приготовляли уроки, а потомъ пошли ужинать. На ужинъ подали „карбонатки“ (котлетки изъ тертаго картофеля и рубленаго вареная мяса, поджаренныя на салѣ)—кушаніе, котораго я не могла ѣсть до самаго выпуска. Послѣ ужина всѣ три класса шли на молитву, каждый классъ отдѣльно. Одна изъ дѣвочекъ читала положенныя молитвы ясно и съ выраженіемъ; нѣкоторыя молились усердно, другія смотрѣли по сторонамъ и перешептывались, не обращая вниманія на замѣчанія тутъ же стоявшей пепиньерки. Опустившись на колѣни, я со слезами просила Бога дать мнѣ силы вынести институтскую жизнь. По окончаніи всѣхъ вечернихъ молитвъ читалась глава изъ Евангелія. „Придите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и Я успокою Васъ“ повторяла я про себя слова Божественнаго Учителя, и на душѣ какъ будто становилось легче.

Въ дортуарѣ опять всѣ шумѣли, бѣгали, ссорились и только часамъ къ десяти стало тихо. Мое молитвенное настроеніе прошло. Уткнувшись въ подушку, я безутѣшно рыдала, вспоминая маму, брата и нашу бѣдную, но мирную жизнь. Мнѣ казалось, что цѣлая вѣчность прошла съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхала изъ дома, что я ни за что не вынесу этого ада и умру.

— Ты плачешь, новенькая, услышала я голосъ съ сосѣдней кровати. Не стоитъ! Я никогда не плачу! Очень нужно! Брани меня,

[1]) См. „Русскую Старину“ сентябрь 1909 г.

наказывай, сколько угодно, мнѣ все равно. Не хочу учиться и не буду, хоть убей. Да и ты скоро ко всему привыкнешь. Не будь только скромницей. Груби имъ, какъ я; а теперь спи. Такъ говорила Лиза, лѣнивая, непослушная, но добрая и отзывчивая дѣвочка.

Я долго плакала и наконецъ заснула крѣпкимъ сномъ. Въ половинѣ седьмого утра раздался звонокъ. Воспитанницы умывались, причесывались, тщательно одѣвались, аккуратно застилали постели и при этомъ кричали и ссорились.

Въ половинѣ восьмого въ дортуаръ явилась дежурная пепиньерка Лисицына, высокая, красивая блондинка, а вслѣдъ за ней и классная дама Наталья Петровна, худенькая, маленькая женщина, съ рыжими волосами и длинными рыжими рѣсницами. Несимпатичная и сердитая, она все-таки была лучше Павлы Ивановны, потому что не имѣла любимицъ и относилась одинаково строго ко всѣмъ безъ исключенія.

Наталья Петровна, воспитанница одного изъ столичныхъ институтовъ, обращала особенное вниманіе на внѣшній видъ дѣтей: требовала, чтобъ всѣ ходили плавно, носками впередъ, держались прямо, кланялись граціозно toutes à la fois. Ее не любили, но не боялись такъ, какъ Павлу Ивановну, а потому въ ея дежурство было легче дышать. Она встрѣтила меня довольно привѣтливо, вѣроятно, оттого, что благоволила къ моей сестрѣ, которая одно время была въ ея классѣ.

Наталья Петровна осмотрѣла, аккуратно ли одѣты воспитанницы, достаточно ли гладко причесаны, у всѣхъ ли вычищены зубы и ногти, и поставивъ классъ въ пары, повела его сначала на молитву, а потомъ въ столовую, гдѣ каждая дѣвочка получила по стакану сладкаго чая съ молокомъ и по кусочку булки.

Къ девяти часамъ мы всѣ сидѣли на мѣстахъ въ ожиданіи учителя, приложивъ концы пальцевъ къ плечамъ, чтобы не горбиться. Послѣ обѣда, какъ только мы вошли въ рекреаціонный залъ, я обратилась къ одной изъ дѣвочекъ съ какимъ-то вопросомъ; прежде чѣмъ та успѣла мнѣ отвѣтить, Лёлечка накинула мнѣ на шею шнурокъ съ картоннымъ квадратикомъ и со словами: „prends la marque“ убѣжала. Въ ту же минуту Лиза, сорвавъ съ меня шнурокъ, догнала Лёлечку и надѣла ей марку на шею, говоря: „comment dire en français; безсовѣстная душечка, какъ тебѣ не стыдно обижать новенькую! Сама все время говоришь по-русски“.

Я ничего не могла понять. Лиза объяснила мнѣ, что марка дается той дѣвочкѣ, которая говоритъ по-русски. Получившая марку старается сбыть ее другимъ и съ этой цѣлью подслушиваетъ, кто говоритъ по-русски. „Главное, говорила Лиза, нужно стараться,

чтобъ марка не была на тебѣ передъ обѣдомъ и ужиномъ. Тѣ, у которыхъ она окажется въ это время, пишутъ за наказанье французскій переводъ или учатъ французскія слова. Ты, вѣдь, не умѣешь говорить по-французски, а потому, прежде чѣмъ что-нибудь сказать, говори: „comment en français“, и тогда тебѣ марку не накинутъ“.

— Но вѣдь никто не умѣетъ говорить по-французски, и всѣ говорятъ по-русски, — замѣтила я.

— Говорятъ, но прежде скажутъ: „comment en français“. Нѣкоторыя уже знаютъ много французскихъ фразъ; я, конечно, ничего не знаю, но переводовъ не пишу и словъ не учу. Получивши марку съ утра, я прячу ее въ карманъ, а передъ обѣдомъ и ужиномъ сбываю ее кому-нибудь изъ тѣхъ, которыхъ ненавижу. Вѣдь Лелька отъ меня ее заполучила.

Въ это время въ дверяхъ залы я увидѣла маму и со слезами бросилась къ ней.

— Что случилось? Отчего плачешь? Сядемъ, разскажи мнѣ,—говорила мать въ тревогѣ.

— Здѣсь скверно, возьми меня,—умоляла я,—буду дѣлать все, что хочешь, только не оставляй меня въ институтѣ.

Подошла сестра, и обѣ старались какъ-нибудь утѣшить меня.

— Привыкнешь, и тебѣ не будетъ такъ тяжело.

— Всѣ привыкаютъ, говорила сестра.

— Ты еще счастливѣе другихъ дѣтей,—убѣждала мать:—казенныя шесть лѣтъ сидятъ въ четырехъ стѣнахъ, а тебя будутъ отпускать домой на всѣ праздники и на каникулы.—Я ничего не хотѣла слышать и только повторяла: „возьми, возьми меня, если не желаешь моей смерти“, и говорила это совершенно искренно.

ГЛАВА III.

Въ первое время мнѣ было особенно тяжело потому, что дома я жила на свободѣ, никогда не слыхала грубаго слова и не знала, что такое страхъ. Въ институтѣ я чувствовала себя, какъ птица въ клѣткѣ, и утратила веселость и живость.

Не ровное, несправедливое отношеніе Павлы Ивановны, строгость Натальи Петровны, постоянное раздраженіе ихъ обѣихъ, крикъ, наказаніе за всякую мелочь, грубость воспитанницъ,—все это угнетающе дѣйствовало на мягкія и нервныя натуры, забивая ихъ, а въ дѣтяхъ съ развитой индивидуальностью развивало дерзость, непослушаніе, желаніе сдѣлать на зло, обмануть и помучить.

На этихъ не дѣйствовали никакія наказанія, самолюбіе ихъ не страдало отъ того, что онѣ считаются послѣдними въ классѣ; онѣ грубили, не учились и ничего не желали знать, хотя отъ природы были не глупѣе и не злѣе другихъ. Такова была Лиза, которую большинство подругъ любило за прямоту и веселый нравъ.

Я не выносила грубости и не могла грубить, но къ счастію не была отъ природы робкой и слишкомъ мягкой, а потому меня не забили, какъ Липу Карскую, о которой теперь кстати упомянуть, чтобъ показать, какъ пагубно вліяла институтская обстановка на нервныхъ и впечатлительныхъ дѣтей.

Липа поступила въ нашъ классъ мѣсяцемъ позже меня, стипендіаткой Государыни, и была серьезная, съ чувствомъ долга, добрая и неглупая дѣвочка. Въ первое время она быстрѣе всѣхъ дѣлала задачи и, если на какой-нибудь вопросъ учителя весь классъ молчалъ, Липа отвѣчала, а уроки приготовляла скоро и толково.

Дѣвочкамъ почему-то не понравилась ея физіономія, хотя въ ней не было ничего отталкивающаго. Къ тому же одна изъ „отчаянныхъ“ подслушала, какъ мать Липы говорила начальницѣ про свою дочку, что она дома хватала звѣзды и навѣрно будетъ первой ученицей. Слова эти были тотчасъ же переданы всему классу, и бѣдную новенькую начали преслѣдовать. Имя ея коверкали на всѣ лады, смѣялись надъ каждымъ ея словомъ и движеніемъ; когда она учила урокъ, у нея вырывали книгу, говоря: „ты хватала звѣзды, слѣдовательно, знаешь все“, если вязала чулокъ, у нея выдергивали спицы; отнимали у нея доску и грифель, толкали и изводили до того, что бѣдняжка, потерявъ терпѣнье, начинала браниться, кричать, бросать и рвать тетради и книги; тогда мучительницы оставляли ее въ покоѣ, а классныя дамы наказывали за крикъ, испорченныя книги и дурной характеръ. Благодаря такой травлѣ нервная и впечатлительная Липа стала апатичной, мрачной, училась все хуже и хуже, тупѣла и вышла съ плохимъ аттестатомъ.

Въ первомъ классѣ скромнымъ и благовоспитаннымъ дѣтямъ положительно не было житья не только отъ классныхъ дамъ, но и отъ воспитанницъ „распорядительницъ“. Послѣднія, не имѣя ровно никакихъ достоинствъ, благодаря только нахальству, подчиняли себѣ мягкихъ и робкихъ подругъ: заставляли ихъ за себя шить, вязать, писать переводы, разсказывать своими словами исторію, требовали пироги и сласти, которые дѣвочкамъ приносили ихъ родственники.

Начальница этого не знала; классныя дамы не обращали вниманія, а пепиньерки возмущались, но, не имѣя въ классѣ никакого значенія, не могли защитить обиженныхъ.

Вліяніе лучшихъ воспитанницъ на подругъ проявилось позже, когда всѣ дѣвочки уже вполнѣ освоились съ институтской жизнью и узнали цѣну себѣ и другимъ.

Мало по малу я привыкла къ институтскому режиму, сошлась со многими подругами, сдѣлалась смѣлѣе, и жить мнѣ стало легче.

Помня совѣтъ сестры, я старалась учиться, какъ можно лучше, чтобъ не доставить Павлѣ Ивановнѣ удовольствія меня наказывать, а воспитанницамъ мною распоряжаться.

Въ первый годъ моего пребыванія въ институтѣ, въ началѣ каждаго мѣсяца инспекторъ приходилъ въ классъ читать, кто первая ученица, кто вторая и т. д. до послѣдней, вѣроятно, съ цѣлью подѣйствовать на самолюбіе дѣтей; на второй годъ обычай этотъ уже вывели.

Перваго декабря я значилась третьей ученицей. Въ тотъ же день Павла Ивановна наградила меня двумя самыми тупыми и лѣнивыми ученицами.

— Довольно быть эгоисткой и думать только о себѣ, сказала она;—пора помогать тѣмъ, которымъ Господь не далъ такихъ способностей, какъ тебѣ.

Къ счастію, ученицы мои были мягкаго нрава; онѣ только отнимали у меня много времени, но не доставляли нравственныхъ мученій, а потому въ общемъ жилось сносно.

Учиться я привыкла и даже полюбила. Воспитанницы меня не обижали, учителя хвалили, къ тому же пріятно было радовать успѣхами мать, которую я очень любила.

Незадолго до Рождества Павла Ивановна заболѣла и не пришла на дежурство. Въ помощь Кожиной прислали пепиньерку изъ старшаго класса.

Катя, Лиза и я на радостяхъ рѣшили въ тотъ же вечеръ доставить себѣ удовольствіе: послушать разсказы Любы Зыковой.

Люба, свѣтлая блондинка съ чудными, голубыми глазами, хорошенькая и стройная дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, была изъ „старенькихъ“. Она никому не грубила, не ссорилась съ подругами, не учила уроковъ, не слушала въ классѣ и постоянно о чемъ-то мечтала.

Когда учитель ее вызывалъ, она подымала на него свои чудные глазки, улыбалась, молчала и, постоявъ немного, садилась на мѣсто. Всѣ наказанія она выносила съ такимъ равнодушіемъ, точно это ея совсѣмъ не касалось: если ей прикалывали на спину листъ бумаги съ крупной надписью „paresse“ и ставили ее въ такомъ видѣ на середину столовой, она, граціозно склонивъ головку, какъ статуя, стояла до конца обѣда и нисколько не конфузилась, что на

нее смотрятъ всѣ классы. Если ее наказывали за „черный столъ“, она только улыбалась, а послѣ обѣда, какъ ни въ чемъ ни бывало, уходила въ дортуаръ ѣсть пироги и сласти, которые ей клали въ ночной столикъ любительницы ея фантастическихъ разсказовъ.

Ухитрившись какимъ-то образомъ достать ключъ отъ библіотеки, Люба вынимала изъ шкаповъ книги и съ увлеченіемъ ихъ читала. Всѣ ея помыслы сосредоточивались на одномъ: какъ и когда утащить книгу, гдѣ ее хранить, когда прочесть и какъ положить на мѣсто. До остального ей не было никакого дѣла. Что она читала, не знаю и не имѣю понятія, какія книги хранились въ библіотекѣ, потому что намъ не давали ихъ читать, а Люба никогда не передавала содержанія прочитаннаго и увѣряла, что разсказы сочиняетъ сама.

При всякомъ удобномъ случаѣ она убѣгала въ какое-нибудь укромное мѣстечко—въ дортуаръ или въ умывальную, и тамъ разсказывала желавшимъ послушать волшебныя сказки своей фантазіи. Захотѣлось послушать и мнѣ.

Въ шесть часовъ, когда воспитанницы шли въ классъ приготовлять уроки, Катя, Лиза, Люба и я проскользнули въ дортуаръ. Лиза откуда-то принесла кусокъ льда, заперла на ключъ дверь и, усѣвшись на кровати, мы принялись ѣсть ледъ. Зачѣмъ мы это дѣлали, не знаю; вѣроятно, потому что въ то время въ институтѣ было принято ѣсть всякую дрянь: глину, грифеля, мѣлъ, карандаши. Когда мы уничтожили льдину, Люба начала таинственнымъ шепотомъ разсказывать о волшебницахъ, богатыряхъ, разбойникахъ и благородныхъ рыцаряхъ, которые совершали невѣроятныя чудеса храбрости, чтобъ добиться расположенія своихъ дамъ сердца. Въ дортуарѣ было темно, Люба говорила съ увлеченіемъ, а мы, слушая ее, дрожали отъ страха за героевъ, радовались ихъ побѣдамъ, то плакали, то смѣялись и не замѣтили, какъ прошло два часа. Какъ только прозвонилъ звонокъ къ ужину, мы побѣжали внизъ и присоединились къ проходившимъ въ столовую парамъ, въ надеждѣ, что никто не замѣтилъ нашего отсутствія; но оказалось, что пепиньерки уже давно искали насъ и рѣшили наказать: всѣхъ насъ поставили къ черному столу. Мы сознавали свою вину и не были въ претензіи. Это первое мое наказаніе не имѣло дурныхъ послѣдствій. Мы всѣ извинились, и пепиньерки не сбавили намъ отмѣтокъ за поведеніе; такимъ образомъ, не было причины лишать меня рождественскихъ каникулъ. Невозможно описать радости, съ какой я уѣзжала домой на цѣлыхъ двѣ недѣли.

Черезъ полтора мѣсяца послѣ Рождества наступилъ Великій постъ. На первой недѣлѣ говѣли два первые класса; уроковъ не было во всемъ институтѣ. Въ 9 часовъ всѣ шли къ обѣднѣ, которая кончалась только въ $11^1/_2$ часовъ. Послѣ рекреаціи собирались въ классъ, гдѣ классныя дамы, а иногда сама начальница читали намъ Евангеліе и житіе святыхъ. Въ 6 часовъ шли ко всенощной и послѣ ужина ложились спать. Дѣвочки не ссорились, не кричали, не грубили, наиболѣе религіозныя записывали грѣхи, чтобъ не забыть покаяться въ пятницу на исповѣди. Въ субботу пріобщались и въ этотъ день всѣ были въ особенно мирномъ, торжественномъ настроеніи и читали священныя книги.

Въ мое время N—ія институтки были очень религіозны: передъ экзаменами заказывали молебны, читали акаѳисты, давали разные обѣты, которые добросовѣстно исполняли.

На послѣдней недѣлѣ говѣлъ старшій классъ. Пѣвчія пѣли почти цѣлый день, то въ церкви, то въ залѣ на репетиціи и такъ уставали, что многія къ празднику совсѣмъ теряли голосъ. Пасху въ институтѣ встрѣчали торжественно: къ заутренѣ пріѣзжалъ генералъ-губернаторъ съ адъютантами, родственники воспитанницъ, знакомые начальницы и бывшія институтки. Послѣ обѣдни maman, поздравивъ всѣ классы съ праздникомъ, уходила съ гостями къ себѣ, а воспитанницы шли въ столовую разговляться: каждая получала по куску кулича, по парѣ яицъ и немного пасхи.

Въ продолженіе четырехъ лѣтъ я проводила всѣ праздники дома и только въ старшемъ классѣ узнала, какъ они скучны въ стѣнахъ института. Читать было нечего, говорить не о чемъ; большинство воспитанницъ, не зная, какъ убить время, ходили изъ угла въ уголъ, смотрѣли въ окна, зѣвали или спали. Музыкантши цѣлый день играли донельзя надоѣвшія всѣмъ пьесы: „Prière d'une vierge“, „les cloches du monastère“ и „Mazourka Bondarjevska“, а пѣвицы напѣвали любимые романсы того времени. „По небу полуночи ангелъ летѣлъ“, „Не слышно шуму городского“

и „Подъ вечеръ осени ненастной
Въ пустынныхъ дѣва шла мѣстахъ
И тайный плодъ любви несчастной
Держала въ трепетныхъ рукахъ“.

Этотъ романсъ намъ строго запрещали пѣть, но почему, мы никакъ не могли понять.

Черезъ мѣсяцъ послѣ Пасхи начались экзамены и окончились въ концѣ мая. На подготовку давалось отъ двухъ до четырехъ дней, смотря по предмету. Изъ сорока воспитанницъ нашего класса поло-

вина были изъ дальнихъ городовъ тысячи за полторы или за двѣ отъ N. Желѣзныхъ дорогъ еще не существовало, а путешествіе на лошадяхъ стоило очень дорого и требовало чуть не мѣсяцъ времени; поэтому многихъ своекоштныхъ оставляли на лѣто въ институтѣ. Уѣзжали домой только нѣкоторыя счастливицы, въ томъ числѣ и я.

Девятаго августа начинались занятія; къ этому дню всѣ, бывшія на каникулахъ, возвратились въ институтъ, и жизнь пошла по заведенному порядку. Павла Ивановна по-прежнему не скрывала своего нерасположенія ко мнѣ, не упускала случая ядовито сдѣлать замѣчаніе, но наказывать меня, при всемъ желаніи, было не за что, и до Рождества я прожила благополучно.

Возвратившись изъ дома шестого января, я узнала важную новость: Кожина выходитъ замужъ и уже уѣхала къ родителямъ, а Павла Ивановна сама будетъ репетировать уроки французскаго языка. При пепиньеркѣ она только спрашивала слова и заставляла читать, а переводить разсказы съ французскаго на русскій и писать переводы съ русскаго на французскій намъ помогала Кожина.

Какъ я уже сказала, начальница преподавала прекрасно; уроки ей готовили старательно, и къ Рождеству мы уже переводили довольно трудныя статейки изъ Марго.

Въ первый же урокъ послѣ отъѣзда пепиньерки намъ задано было перевести главу о вращеніи земли. Павла Ивановна собрала около себя всѣхъ среднихъ ученицъ, часть слабыхъ и начала имъ переводить. Она отыскивала въ своемъ маленькомъ лексиконѣ чуть не каждое слово, переводила не точно и прибавляла много лишнихъ словъ, какъ она говорила—для дополненія смысла. Дѣвочки не могли запомнить всѣхъ ея дополненій, а потому писали переводъ на бумажкахъ и задалбливали.

Меня съ Катей она позвала только прочитать заданное, но переводить не заставляла, говоря: „вы и сами можете“.

Мы добросовѣстно отыскали въ лексиконѣ Марго всѣ незнакомыя слова, перевели все точно слово въ слово и также научили своихъ ученицъ.

На другой день, въ дежурство Натальи Петровны первый урокъ былъ—французскій. Maman вошла веселая, привѣтливо поздоровалась съ классомъ, вызвала пять среднихъ ученицъ и послѣ первыхъ же строкъ перевода „съ дополненіемъ смысла“ сначала пришла въ недоумѣніе, а затѣмъ въ неописанную ярость. Поставивъ всѣмъ единицы, она вызвала еще пятерыхъ,—то же дополненіе смысла. Внѣ себя, maman ставила одну за другой такія толстыя единицы, что прорвала журналъ.

— Кто васъ училъ?—спросила она наконецъ.

— Ангельчикъ,—дрожа, отвѣчали дѣти.

— Лжете, allez-vous en,—сказала maman и вызвала насъ съ Катей.

— Parfaitement bien, mes enfants,—похвалила она,—кто же вамъ переводилъ?

— Мы сами, chère maman.

Maman ничего не сказала и поставила намъ по двѣнадцати. Хорошіе баллы получили наши ученицы и Лиза, которой лѣнь было заучивать переводъ съ дополненіемъ смысла, и она попросила Катю перевести ей покороче.

Какъ только кончился французскій урокъ, куда-то исчезла Леличка, заполучившая знатный колъ съ добавленіемъ „sotte и stupide". На другой день, послѣ утренней молитвы Павла Ивановна заявила намъ съ Катей, что съ сегодняшняго дня мы, какъ лгуньи и хвастуньи, не можемъ сидѣть вмѣстѣ съ другими дѣтьми, ибо, какъ паршивыя овцы, испортимъ все стадо, а потому мы должны стоять за чернымъ столомъ, пока не исправимся.

— Вы смѣли хвастаться передъ maman, что сами выучили переводъ! Хорошо же! я скажу ей, какія вы низкія душенки, какія лгуньи!—кричала Павла Ивановна, дрожа отъ злости. Весь классъ зналъ, что мы правы, но никто не заступился за насъ, только Лиза шепнула мнѣ въ утѣшеніе: „это Лелька, подлая, насплетничала! Скоро ли будетъ конецъ ея всемогуществу?"

Мы геройски простояли за чернымъ столомъ во время обѣда, чая и ужина, и были рады, что начальница въ тотъ день не заходила въ столовую.

Когда я разсказала сестрѣ, за что мы были наказаны, она дотого была возмущена, что хотѣла идти жаловаться начальницѣ, но мы умоляли ее не дѣлать этого.

Въ слѣдующее дежурство Павлы Ивановны, когда дѣти пришли въ столовую къ утреннему чаю, и я хотѣла уже сѣсть на свое мѣсто, Павла Ивановна взяла меня за руку, подвела къ черному столу и сказала:

— Ты забыла! Вѣдь вотъ же твое мѣсто. Подругѣ твоей я прощаю, потому что она солгала по твоему наущенію; тебѣ не прощу.

Опять я цѣлый день простояла за чернымъ столомъ; на этотъ разъ дамы другихъ классовъ обратили вниманіе и, подходя ко мнѣ, спрашивали: „что такое сдѣлала ты, дѣточка?"

Я ничего не отвѣчала, и что могла я сказать?

Вечеромъ я долго стояла у открытой форточки, жадно вдыхая морозный воздухъ, и ѣла ледъ, чтобъ скорѣе заболѣть и умереть.

Слѣдующій день я проходила съ головной болью и лихорадкой, а когда Павла Ивановна въ свое дежурство опять поставила меня за черный столъ во время утренняго чая, то мнѣ было уже все равно: я едва держалась на ногахъ и ничего не могла сообразить отъ страшной головной боли. Какъ только вошли въ классъ, Катя заявила Павлѣ Ивановнѣ, что я больна.

— Вѣроятно, притворяется, или же ее наказалъ самъ Богъ. Уведите ее въ лазаретъ,—обратилась она къ пепиньеркѣ, которая въ тотъ день поступила въ нашъ классъ на мѣсто Кожиной.

— Бѣдняжка!—крикнула вслѣдъ мнѣ Лиза. Что ей было за это, не знаю.

Какъ уже сказано, лазаретъ помѣщался внизу, въ самомъ отдаленномъ углу зданія, недалеко отъ комнатъ начальницы. Несмотря на дурную пищу и отсутствіе заботливости о здоровьи дѣтей, за шесть лѣтъ моего пребыванія въ институтѣ, умерло только три воспитанницы. Это нужно приписать исключительно здоровому климату, неизнѣженности дѣтей того времени и тому, что за всѣми тяжело больными ухаживала сама начальница. Она просиживала цѣлыя ночи у ихъ постелей, приглашала на консиліумъ лучшихъ врачей въ городѣ, исполняла все, что только ими было прописано, кормила со своего стола, словомъ, готова была сдѣлать все возможное, чтобъ только больная не умерла.

Какъ только пепиньерка, оставивъ меня въ лазаретѣ, вышла за дверь, надзирательница, настоящая гоголевская, корявая старушенка, простая, грубая баба, начала бранить меня:

— Ахъ ты, чертова перечница, бездонный туясъ! Пропасти на васъ нѣтъ! Учиться лѣнь, а я тутъ за вами ухаживай, да ночи не спи!

Потомъ я узнала, что Ѳедотья Ивановна встрѣчала всѣхъ съ подобнымъ привѣтствіемъ, но скоро смягчалась и хорошо ухаживала за больными; но въ первую минуту и съ непривычки мнѣ было страшно тяжело выслушивать эту брань.

Какъ только надзирательница меня раздѣла и уложила въ постель, явился докторъ, маленькій, толстенькій, пожилой человѣчекъ, съ хохломъ на головѣ и въ золотыхъ очкахъ.

Тяжело больныхъ не было. Онъ пощупалъ у всѣхъ пульсъ, спросилъ каждую: „какъ себя чувствуете“, пощелкалъ пальцами и ушелъ со словами: серьезнаго ничего, вѣдь вы же знаете, дорогая Ѳедотья Ивановна, что нужно дѣлать.

Какъ только докторъ скрылся за дверью, Ѳедотья Ивановна разразилась по его адресу самой площадной бранью: Ахъ ты, антихристъ, христопродавецъ! Креста на тебѣ нѣтъ, на подлецѣ. Дорогая Ѳедотья Ивановна, знаете, что дѣлать! Коли самъ ничего не знаетъ,

не лѣзъ бы лѣчить! Не мало людей на тотъ свѣтъ спровадилъ! И что это начальница не выгонитъ его до сихъ поръ. Потрясъ хохломъ, пальцами пощелкалъ и ушелъ; а что я теперь буду дѣлать съ тобой?—обратилась она ко мнѣ.

Я конечно ничего не могла ей посовѣтовать и молчала.

— Вотъ что,—сказала она уже мягче: прими-ка ты сперва касторки, да не вздумай у меня фигурять, а потомъ хинины, авось и поправишься.

Ѳедотья Ивановна была права: докторъ зналъ развѣ немного больше ея. Онъ поступилъ въ институтъ еще при прежней начальницѣ, а maman почему-то стѣснялась ему отказать; между тѣмъ всѣ въ городѣ называли его „коноваломъ“. Онъ былъ при мнѣ только два года. Его замѣститель выпивалъ, но считался по тѣмъ временамъ знающимъ врачемъ и былъ добросовѣстный человѣкъ. Иногда онъ утромъ являлся въ лазаретъ навеселѣ и въ такихъ случаяхъ обязательно заходилъ вечеромъ еще разъ посмотрѣть больныхъ.

—Небойсь, испугался,—ворчала ему вслѣдъ Ѳедотья Ивановна. Залилъ съ утра шары-то, а теперь протрезвился да и явился. А все-таки ты лучше хохлатаго.

Чѣмъ я болѣла, не знаю. По діагнозу Ѳедотьи Ивановны у меня была „горячка...“ Помню, что въ первую ночь она часто подходила ко мнѣ мѣнять положенную на голову мокрую тряпку и больше уже не бранилась.

Она очень любила разсказывать про прежнюю начальницу, при которой институтокъ сѣкли, про старые порядки и про Павлу Ивановну, прошлое которой знала хорошо, такъ какъ была лазаретной надзирательницей чуть ли не съ основанія института.

Павла Ивановна ее побаивалась и относилась къ ней очень дружелюбно.

— Знаешь ли,—говорила мнѣ Ѳедотья Ивановна,—что за птица вашъ „ангельчикъ?“ Слышала я, будто она при васъ о своемъ отцѣ вспоминаетъ. Вретъ она. Никакого отца у нея не было. Родилась она на камушкѣ, училась въ пріютѣ, пріѣхала сюда при первой начальницѣ на мѣсто кастеляншы, потомъ стала рукодѣльной дамой, а теперь уже классная.

Я пробыла въ лазаретѣ три недѣли и когда вернулась въ классъ, то отношеніе Павлы Ивановны ко мнѣ измѣнилось: она по-прежнему злобно смотрѣла на меня, но не дѣлала мнѣ замѣчаній, не разговаривала со мной и вообще не обращала на меня никакого вниманія, чему я конечно была очень рада.

---

*

ГЛАВА IV.

Въ іюнѣ 1863 года мы перешли во второй классъ. Въ этомъ году уже вышло разрѣшеніе отпускать на праздники и каникулы казенно-коштныхъ воспитанницъ.

Когда я вернулась съ каникулъ, Натальи Петровны уже не было въ институтѣ; она получила мѣсто начальницы гимназіи въ одной изъ провинцій Сибири и уѣхала, а вмѣсто нея до прибытія изъ Петербурга классной дамы, нѣмки—въ нашемъ классѣ дежурили двѣ пепиньерки. Подруги мои, по выраженію Павлы Ивановны, за лѣто испортились: онѣ уже не выказывали „ангельчику“ прежняго обожанія, зачастую называли ее просто „Павла Ивановна“, громко говорили о ея недостаткахъ, а ея любимицу Лелечку не только не слушались, но бранили, не стѣсняясь присутствіемъ ея покровительницы.

Въ первый же вечеръ, когда нужно было переводить изъ хрестоматіи „Трико“ какое-то письмо M-me de Sevigné, Лиза на потѣху класса начала къ каждой фразѣ прибавлять массу ненужныхъ словъ, объясняя Павлѣ Ивановнѣ, что она это дѣлаетъ „для дополненія смысла“.

Павла Ивановна поняла насмѣшку, но ничего не сказала, а только съ той поры перестала намъ переводить.

Черезъ мѣсяцъ, въ одинъ счастливый вечеръ передъ молитвой она объявила классу, что сегодня было ея послѣднее дежурство; она навсегда уѣзжаетъ въ Петербургъ, потому что не можетъ дольше оставаться съ такими неблагодарными дѣтьми, какъ мы.

— Только мой покойный отецъ могъ бы понять, какъ мнѣ тяжело,—сказала она.

— На камушкѣ родилась!—крикнулъ кто-то изъ послѣднихъ рядовъ.

Нѣкоторыя дѣвочки по привычкѣ къ притворству заплакали, а многія, въ томъ числѣ и я сказали себѣ отъ души „слава Богу“.

И дѣйствительно, слава Богу, что она уѣхала. Мирволя однимъ и притѣсняя другихъ, она развивала въ дѣтяхъ взаимную непріязнь. Съ ея уходомъ въ классѣ прекратилось наушничество, исчезло притворство и начало развиваться чувство товарищества.

Второй классъ считался въ институтѣ во всѣ времена наиболѣе распущеннымъ.

Въ первые два года самыя дерзкія изъ воспитанницъ еще не смѣли много позволять себѣ, а въ старшемъ классѣ всѣ уже пони-

мали, что грубость—не достоинство, и лучшія ученицы, вліяя на классъ, могли сдерживать подругъ.

Нашъ второй классъ, почувствовавъ свободу послѣ гнета, превзошелъ всѣхъ непослушаніемъ и дерзостью.

Вмѣсто Павлы Ивановны къ намъ назначили бывшую пепиньерку старшаго класса, дѣвушку очень не глупую, съ характеромъ и познаніями. Избѣгая по возможности имѣть дѣло съ самыми дерзкими воспитанницами, она ухитрялась держать классъ въ нѣкоторой дисциплинѣ, но пепиньерки, замѣнившія Наталью Петровну, не могли съ нами справиться, и начальница принуждена была сама дежурить съ ними до пріѣзда изъ Петербурга нѣмки.

При maman дѣти вели себя образцово, потому что всѣ ее боялись, а многія любили, несмотря на то, что она была очень вспыльчива.

Иногда она кричала на кого-нибудь изъ насъ совершенно напрасно, но когда успокаивалась и ей объясняли, въ чемъ дѣло, она совершенно искренно говорила: „отчего же ты не сказала мнѣ этого раньше, mon enfant? и точно не понимала, что невозможно говорить въ то время, какъ она кричитъ. Въ общемъ она сердилась не часто. Нѣкоторыя находили ее пристрастной къ богатымъ, но я по совѣсти не могу этого сказать. Она была честолюбива, боялась, чтобъ ея питомицы, выйдя въ свѣтъ, не выказали своего незнанія и не осрамили института, а потому любила больше тѣхъ, которыя хорошо учились и могли со временемъ составить хорошую репутацію заведенія.

Пріѣхавшая изъ Петербурга классная дама, нѣмка, была пожилая, образованная женщина и совершенная противуположность Павлѣ Ивановнѣ. Насколько та была зла и строга, на столько эта—добра и слаба. Безхитростная и безхарактерная Марта Егоровна не сумѣла сразу поставить себя въ классѣ, и ее начали безпощадно изводить. Она преподавала у насъ нѣмецкій языкъ и преподавала хорошо, такъ что желавшія могли пріобрѣсти познанія, но въ общемъ, Боже, что это были за уроки! Въ классѣ стоялъ невѣроятный шумъ; почти никто не слушалъ, что она объясняла; уроковъ не знали. Грубіянки на всѣ вопросы Марты Егоровны отвѣчали безсмысленными фразами вродѣ: „haben sie gevesen“ и съ тѣмъ садились. Несчастная нѣмка умоляла не шумѣть, сердилась, чѣмъ вызывала только смѣхъ и, наконецъ, начинала плакать.

— Да перестаньте же! — крикнетъ кто-нибудь изъ лучшихъ ученицъ,—довольно, ужь довели до слезъ—и въ классѣ немного стихнетъ.

Дежурство для Марты Егоровны было сплошнымъ мученьемъ.

Безсознательныя дѣти придумывали всевозможные способы изводить нѣмку; за что, и сами не знали.

Въ институтѣ всегда было много мышей; воспитанницы ловили ихъ, привязывали на веревочки и во время какого-нибудь урока выпускали штуки двѣ или три на середину класса, чѣмъ, конечно, вызывали крикъ и шумъ, котораго Марта Егоровна боялась пуще всего, потому что начальница или инспекторъ могли взойти и сдѣлать ей замѣчаніе за неумѣніе справляться съ дѣтьми.

Однажды мышь заперли въ столикъ, въ который дежурныя дамы прятали свою работу. Какъ только Марта Егоровна выдвинула ящикъ, мышь прыгнула изъ заточенія къ ней на колѣни. Отъ испуга съ нѣмкой сдѣлалась такая истерика, что устроившія эту шутку перепугались и весь классъ былъ возмущенъ.

Удивительно то, что воспитанницы, не выносившія ни малѣйшаго замѣчанія классныхъ дамъ или пепиньерокъ, добродушно относились къ учителямъ, которые нисколько не щадили самолюбія ученицъ и безъ церемоніи дѣлали имъ замѣчанія часто въ оскорбительной формѣ, въ особенности учитель русскаго языка.

Онъ былъ любимецъ всего класса. За его урокомъ сидѣли тихо, слушали внимательно и особенно оживлялись, когда онъ читалъ и критиковалъ сочиненія воспитанницъ. Обмануть его было невозможно: онъ просматривалъ всѣ до одного сочиненія, зналъ не только познанія каждой изъ насъ, но даже слогъ лучшихъ ученицъ.

— Послушайте,—бывало, обращается онъ къ классу,—что пишетъ госпожа Донская подъ диктовку госпожи Лозовой, ибо сама кромѣ глупости ничего написать не въ состояніи,—затѣмъ читаетъ сочиненіе и ставитъ двойку, хотя оно написано недурно. Донская не въ претензіи, потому что ей, дѣйствительно, писала Лозова.

Подзываетъ онъ къ каѳедрѣ Любу и, показывая въ тетради точку, спрашиваетъ совершенно серьезно:

— Скажите, пожалуйста, кто поставилъ эту точку: муха, или вы?

— Я,—скромно, опустивъ глазки,—отвѣчаетъ Люба

— Я такъ и думалъ, что вы, потому что муха поставила бы умнѣе.

Весь классъ смѣется, Люба не обижается.

— А вотъ еще замѣчательное сочиненіе, говоритъ учитель и съ особеннымъ выраженіемъ читаетъ описаніе нашей рѣки.

— Какъ чудна рѣка наша при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ сквозь лѣса и горы полныя воды свои. Ни заглохнетъ, ни прогремитъ. Глядишь, и не знаешь, идетъ или не идетъ ея величавая ширина; и чудится, будто вся она вылита изъ стекла и будто голубая, зеркальная дорога безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину рѣетъ и вьется по зеленому міру и т. д.

— Не правда ли, какъ прекрасно написано!—говоритъ учитель.

— Да, прекрасно,—соглашается весь классъ и не можетъ понять, какъ это Соня Гаевская могла такъ поэтично описать нашу рѣку.

— Превосходно,—говоритъ учитель и я поставлю за такое сочиненіе двѣнадцать въ квадратѣ тому, кто его написалъ, т. е. Николаю Васильевичу Гоголю, а вамъ, госпожа Гаевская, единицу, ибо больше не стоите.

Читатель, вѣроятно, удивленъ, что въ тринадцать, четырнадцать лѣтъ мы не имѣли понятія о Гоголѣ, но это было такъ.

— Быть можетъ, госпожа Гаевская, вы пожелаете изгладить непріятное впечатлѣніе отъ вашего замѣчательнаго сочиненія и хорошо отвѣтите заданные къ сегодняшнему дню стихи,—говоритъ учитель.

Соня сидѣла на послѣдней скамейкѣ и отличалась громкимъ голосомъ и дальнозоркостью, а ея сосѣдка, Лиза—умѣньемъ подсказывать.

Предложеніе отвѣтить стихи было такъ неожиданно, что подруги, сидѣвшія впереди, не успѣли открыть книгу, чтобъ Соня могла по ней читать.

Поднявшись съ лавки, Соня, красная, какъ ракъ, прокричала: „Ода на смерть Мещерскаго“ и остановилась.

— Глаголъ временъ,—шепчетъ Лиза.

— Глаголъ временъ,—громко говоритъ Соня.

— Металла звонъ,—подсказываетъ Лиза.

— Металла звонъ,—повторяетъ Соня.

— Твой страшный гласъ.

— Твой красный глазъ,—увѣренно выкрикиваетъ Соня.

— Довольно,—останавливаетъ учитель, классъ гомерически хохочетъ.

— У такого просвѣщеннаго отца такая обскурантка дочь!—патетически восклицаетъ учитель и ставитъ Сонѣ единицу.

— Что такое „обскурантка?“...—полюбопытствовала Лиза.

— Знаете слово obscure.

— Темный.

— Ну, такъ вотъ „обскурантка“ значитъ пребывающая во тьмѣ и не желающая свѣта. Это какъ разъ вы и ваша сосѣдка.

— Мегсі,—поблагодарила Лиза.

Соня была дочь, сосланнаго въ нашъ городъ, декабриста, къ которому учитель русскаго языка относился съ чувствомъ глубокаго уваженія, постоянно справлялся у Сони о здоровьѣ ея отца и всегда просилъ передавать ему свое почтеніе.

Соня, повидимому, не представляла большого значенія замѣчательной личности своего отца, а онъ относился совершенно равнодушно къ обскурантизму дочки, очень ее любилъ и баловалъ.

Нашъ классъ не блисталъ успѣхами въ наукахъ; въ немъ было много способныхъ дѣвицъ, но еще больше лѣнивыхъ; были и такія, которыхъ теперь назвали бы феноменами. Это, такъ называемыя, „долбяшки“, далеко превзошедшія всѣхъ современныхъ зубрилъ: онѣ нанизывали слово на слово, не вникая въ смыслъ написаннаго, и ухитрялись такимъ способомъ заучивать цѣлыя страницы, но если учитель просилъ ихъ разсказать то же самое своими словами и спрашивалъ заданное по вопросамъ, онѣ ничего не могли сказать.

Какъ теперь вижу Лелечку, расхаживающую по классу съ книгой въ рукахъ. „Такой могучественный геній, какъ Иннокентій третій, такой могучественный геній, какъ Иннокентій третій“, повторяетъ она разъ десять.

Слушая ее, Катя выходитъ изъ терпѣнья и съ раздраженіемъ кричитъ ей:

— Да скажешь ли ты наконецъ, идіотка, что сдѣлалъ этотъ „могучественный“ геній.

— Оставь меня, злючка,—отвѣчаетъ Лелечка и продолжаетъ долбить.

Тупая и прилежная Саша сидитъ на скамейкѣ и, заткнувъ уши, учитъ урокъ географіи о народахъ, населяющихъ Европейскую Россію: „киргизы, малай, орды, киргизы, малай, орды“...

Тутъ Катя окончательно выходитъ изъ себя, стремительно подбѣгаетъ къ Сашѣ, вырываетъ у нея книгу и кричитъ:

— Что ты учишь, что ты учишь? Какіе киргизы, малай, орды?

— Народы,—сконфуженно отвѣчаетъ Саша.

— Ахъ ты дура, дура! Вѣдь это одинъ народъ: киргизы малой орды.

— А я думала—три.

Катя съ жаромъ объясняетъ, что такое орда и успокаивается.

Классныя дамы, пепиньерки и воспитанницы вродѣ Кати всячески старались вывести изъ класса этотъ ужасный способъ учить уроки, но сдѣлать ничего не могли. Лелечка, Саша и подобныя имъ продолжали долбить до выпуска, хотя нѣкоторыя изъ нихъ были вовсе не глупы и, по выходѣ изъ института, оказались разумными и практичными.

Справедливость требуетъ сказать, что нашъ классъ имѣлъ и положительныя качества: до самаго выпуска мы оставались невинными и чистыми, какъ маленькія дѣти; во всѣ шесть лѣтъ мнѣ ни разу не пришлось слышать отъ подругъ что-нибудь грязное или двусмысленное. Обмануть классныхъ дамъ не считалось порокомъ, но во взаимныхъ отношеніяхъ требовалась искренность.

Съ уходомъ Павлы Ивановны классъ много измѣнился къ луч-

шему въ нравственномъ отношеніи. Благодаря вліянію мягкаго снисходительнаго и справедливаго священника, мы были религіозны безъ лицемѣрія. Онъ сумѣлъ развить въ насъ такую вѣру въ Бога и Его милосердіе, что тѣмъ, которымъ удалось сохранить ее надолго, можно позавидовать. Въ нашемъ институтѣ въ мое время всѣ воспитанницы были православнаго вѣроисповѣданія. Когда единственная лютеранка Адель пошла на исповѣдь и назвала священнику свое имя,то онъ сказалъ ей, что у православныхъ нѣтъ такого имени, а потому онъ именуетъ ее Александрой въ честь мученицы царицы Александры, во имя которой была выстроена наша институтская церковь. Такое крещеніе не показалось страннымъ ни самой Адели и никому во всемъ институтѣ. Съ той поры ее стали называть не Аделью, а Сашей.

Начальница старалась внушить намъ чувство долга, любовь къ труду, къ Россіи, ко всему русскому, а главнымъ образомъ къ царствующему дому. Воспитанницы обожали Государя, Государыню, Наслѣдника и его невѣсту Дагмару (нынѣ вдовствующую Императрицу Марію Ѳеодоровну) и портреты ихъ помѣщали въ альбомахъ прежде портретовъ своихъ родителей и „предметовъ обожанія“, которые, кстати сказать, постоянно мѣнялись.

Обожая Царя, въ нашихъ глазахъ олицетворявшаго всю Россію, мы ненавидѣли евреевъ, нѣмцевъ и особенно поляковъ, которыхъ тогда было очень много въ нашемъ городѣ.

Помню, какъ однажды взволнованная maman почти вбѣжала къ намъ во второй классъ и, объявивъ воспитанницамъ, что l'heritier est mort, залилась слезами. Тотчасъ же весь институтъ отправился въ церковь; старшія съ особеннымъ чувствомъ пѣли панихиду, а остальныя горько плакали объ умершемъ наслѣдникѣ Николаѣ Александровичѣ.

Покушеніе Каракозова на жизнь Государя произвело на насъ потрясающее впечатлѣніе: большаго злодѣянія мы не могли себѣ представить и не понимали, какъ могла подняться человѣческая рука на Помазанника божія, который былъ въ нашихъ глазахъ воплощеніемъ всѣхъ въ мірѣ совершенствъ.

Всякій разъ, какъ генералъ-губернаторъ передъ отъѣздомъ въ Петербургъ прощался съ институтками, первая ученица старшаго класса обращалась къ нему съ одной и той же просьбой: mettre nos hommages aux pieds de Sa Majesté.

Два года второго класса тянулись долго, но окончились благополучно, и я въ послѣдній разъ поѣхала домой на каникулы. Въ старшемъ классѣ отпуски разрѣшались только въ экстренныхъ случаяхъ и ненадолго.

ГЛАВА V.

Въ сентябрѣ 1865 года сестра моя получила мѣсто въ уѣздномъ городѣ. Мать уѣхала съ ней, а братъ остался въ гимназіи казеннымъ пансіонеромъ. Въ теченіе перваго мѣсяца онъ навѣщалъ меня каждый праздникъ, но вдругъ пересталъ ко мнѣ приходить и даже ничего не писалъ. Прошло недѣли двѣ; я начала безпокоиться и хотѣла уже просить начальницу справиться о братѣ у директора гимназіи, но она была нездорова и дня три не выходила изъ своихъ комнатъ. Я все поджидала ее и волновалась. Наконецъ, она пришла къ намъ въ классъ и прежде всего подозвала меня къ себѣ.

— Знаешь ли ты, mon enfant,—сказала она,—что братъ твой очень боленъ.

— Нѣтъ, не знаю,—отвѣчала я.

— Сейчасъ же напиши мамѣ, что у него тифъ тяжелой формы.

— Зачѣмъ же напрасно тревожить маму, chère maman,—возразила я;—пока письмо дойдетъ, онъ уже поправится.

— Все таки напиши,—посовѣтовала maman и поцѣловала меня.

Я ничего не написала матери, такъ какъ была твердо увѣрена, что братъ не умретъ.

— Господь такой милосердый, отецъ всѣхъ сиротъ, не накажетъ мою бѣдную мать,—думала я и съ нетерпѣніемъ ждала двѣнадцати часовъ ночи. Въ этотъ часъ, когда обыкновенно молились апостолы, я стала на колѣни у своей кровати и долго со слезами молила Бога сохранить намъ моего брата, нашу единственную надежду и радость. Помолившись, я совершенно успокоилась и заснула.

Такъ молилась я въ теченіе трехъ ночей съ твердой вѣрой въ милосердіе Божіе, и надежда ни на минуту не покидала меня. Черезъ три дня я спросила дежурную пепиньерку, которая наканунѣ была въ гостяхъ у кого-то изъ начальства мужской гимназіи.

— Какъ здоровье моего брата?

— Очень плохо. Докторъ не подаетъ никакой надежды на выздоровленіе.

— Пустяки,—возразила я спокойно. Что знаетъ докторъ? Онъ не Богъ. Только Ему одному все извѣстно, и Онъ милосердый услышитъ меня, я въ этомъ увѣрена.

— Но братъ твой уже умеръ и сегодня его хоронятъ,—сказала пепиньерка и испугалась: я свалилась, какъ снопъ.

Когда я пришла въ себя, въ лазаретѣ, у моей постели стояли надзирательница и maman.

— Молись Богу, дитя,—сказала она, но я не могла ни молиться,

ни плакать, а ощущала только душевную пустоту. Вмѣстѣ съ братомъ я потеряла вѣру, ту искреннюю, горячую вѣру въ Бога, которая поддерживаетъ несчастныхъ, и которой до тѣхъ поръ была полна моя дѣтская душа.

Черезъ три дня я вышла изъ лазарета, но учиться не могла. Когда учителя вызывали меня, я отвѣчала имъ: „не знаю, не учила“. Они оставляли меня въ покоѣ и даже не ставили отмѣтокъ.

Подруги жалѣли меня.

— Молись,—говорили онѣ,—и тебѣ будетъ легче.

Но когда я объявила имъ, что больше не вѣрю въ милосердіе Божіе, онѣ пришли въ ужасъ и стали меня осуждать.

— Оля потеряла отца, Маша лишилась единственнаго близкаго человѣка — своей маленькой сестры, которую очень любила; и однако обѣ онѣ не перестали вѣрить и молиться,—говорили мнѣ подруги. А ты? Ты великая грѣшница! Молись, чтобъ Господь еще больше не наказалъ тебя.

Сколько времени длилась моя апатія, не помню, знаю только, что мнѣ стало легче, когда пришло отъ сестры письмо, что мать успокоилась и лѣтомъ пріѣдетъ ко мнѣ. Тогда я еще прилежнѣе начала учиться, сознавая, что со смертью брата намъ не на кого разсчитывать, и придется трудиться, чтобъ существовать самимъ и содержать маму.

Постомъ, по привычкѣ ничего не утаивать на исповѣди, я сказала священнику, что въ сердцѣ у меня ничего не осталось кромѣ горя, и вѣра въ милосердіе Божіе пропала навсегда.

Онъ долго и ласково говорилъ со мной, стараясь убѣдить, что пути Божіи неисповѣдимы и не намъ, грѣшнымъ, судить, что̀ для насъ лучше и что̀ хуже. Когда, накрывъ мнѣ голову эпитрахилемъ, онъ читалъ: „прощаются и отпускаются тебѣ грѣхи твои“, я чувствовала себя только растроганной, но той вѣры, что двигаетъ горами, во мнѣ уже не было; это можно приписать какому-то особенному свойству моей натуры, а всѣ прочія мои подруги, несмотря ни на что, вышли изъ института глубоко вѣрующими. Этотъ печальный фактъ моей жизни я привела, какъ доказательство того, до какой степени въ насъ развили религіозное чувство.

Лѣтомъ пріѣхала мама, и меня отпустили домой на нѣсколько дней. Прежде всего мы пошли на кладбище. Склонившись у холодной плиты, мы долго плакали и этими слезами точно смыли часть нашего горя. Я увидѣла, что мать по-прежнему молится и вѣритъ, и была рада; я такъ боялась ея отчаянія.

Мать сказала, что ни за что не оставитъ меня пепиньеркой, какъ предполагала раньше, а увезетъ въ уѣздный городъ, гдѣ, живя у сестры, я буду давать частные уроки.

— Поэтому,—говорила она,—тебѣ нужно какъ можно лучше учиться и больше знать, чтобъ не чувствовать себя неловко передъ будущими ученицами.

Съ переходомъ въ старшій классъ, подруги мои очень измѣнились; надѣвъ сѣрыя платья вмѣсто зеленыхъ, онѣ почувствовали себя взрослыми; стали серьезнѣе и уже почти совсѣмъ не ссорились между собой.

Послѣднее лѣто всѣ старшія провели въ институтѣ; послѣ экзаменовъ мы были такъ блѣдны, что генералъ-губернаторъ обратилъ на это вниманіе начальницы и подарилъ сто рублей на извозчиковъ, чтобъ воспитанницы могли ѣздить купаться въ частныя купальни, владѣльцы которыхъ съ удовольствіемъ уступили институткамъ нѣсколько часовъ.

До купаленъ приходилось ѣхать черезъ весь городъ, и можно себѣ представить, какое наслажденіе это было для бѣдныхъ институтокъ, не говоря уже о томъ, насколько это было полезно для здоровья, на которое у насъ не обращалось ни малѣйшаго вниманія. О гигіенѣ никто никогда не говорилъ и даже не думалъ. Ни гимнастики, ни общихъ игръ у насъ не было. Въ рекреаціонные часы воспитанницы толпились въ единственномъ залѣ или степенно расхаживали по корридору, остальное время дня проводили въ душныхъ классахъ, которые часто забывали провѣтривать; такъ какъ каждый урокъ длился почти полтора часа, то дѣтямъ при четырехъ урокахъ ежедневно приходилось шесть часовъ сидѣть неподвижно; въ дортуарахъ было тѣсно и душно.

Зимой, въ хорошую погоду насъ заставляли гулять по саду въ перемѣну отъ часу до двухъ дня, но многія терпѣть не могли этого гулянья и придумывали всевозможныя отговорки, чтобъ только не ходить. Лѣтомъ, во время каникулъ, воспитанницы почти весь день проводили въ саду, читали по большей части какія-нибудь французскія дѣтскія книги, шили, вышивали и вязали чулки; иногда для развлеченія качались на качеляхъ или скакали на длинной доскѣ, положенной на толстое полѣно, которую называли „скакуля“. Эту вредную забаву въ настоящее время можно увидѣть только въ деревняхъ.

Кормили насъ очень плохо, и это можно поставить въ вину начальницѣ. Окончивъ Смольный институтъ, она всецѣло посвятила себя педагогической дѣятельности, находя это своимъ призваніемъ, и

не вышла замужъ; она совсѣмъ не знала жизни, не имѣла никакого понятія о хозяйствѣ и не сумѣла найти хорошаго эконома. Нашъ экономъ, прослужившій въ институтѣ лѣтъ двадцать, былъ крайне не умѣлый и не энергичный, и если пользовался какими-нибудь грошами, то въ нашъ вѣкъ грандіозныхъ хищеній о нихъ не стоитъ и говорить.

Когда воспитанницы жаловались ему на дурный столъ и умоляли не давать по крайней мѣрѣ карбанатокъ, то онъ увѣрялъ, что не можетъ лучше кормить, потому что казна отпускаетъ слишкомъ мало на содержаніе, а жизнь все дорожаетъ. Насколько это вѣрно, не знаю, но убѣждена, что между нимъ и начальницей не было дѣлежа экономіи, если таковая и получалась отъ дѣтскаго стола. Въ доказательство этого приведу такую сцену: какъ-то на масленицѣ, когда воспитанницы ѣли блины, въ столовую пришла начальница. Одна изъ дѣвицъ старшаго класса показала ей, застывшее на тарелкѣ, сало.

Maman вспылила и приказала сейчасъ же позвать эконома. До сихъ поръ помню его жалкую фигуру: красный, какъ ракъ, онъ стоялъ, опустивъ голову, дрожалъ, какъ листъ, и что-то бормоталъ, а начальница, внѣ себя, кричала на него и топала ногами, потрясая тарелкой передъ его носомъ; мы боялись, что тарелка полетитъ ему въ физіономію. Что говорилъ экономъ въ свое оправданіе, невозможно было разобрать, потому что maman покрывала его слабый голосъ своимъ могучимъ контральто.

Въ первые дни послѣ такого нагоняя насъ кормили нѣсколько лучше, а затѣмъ все пошло по-старому. Бѣдныя воспитанницы, не имѣвшія денегъ на покупку у разносчика булки, бродили полуголодныя, мечтая выпросить что-нибудь у тѣхъ, которымъ родственники присылали съѣстное, и обѣщая за пирогъ написать сочиненіе, переводъ или связать нѣсколько дорожекъ чулка.

Въ послѣдній годъ maman особенно слѣдила за нашей нравственностью и постоянно давала наставленія:

— Помните, что скромность и отсутствіе кокетства—лучшее украшеніе женщины. Soyez bonnes et vous serez toujours jolies—говорила она каждый разъ, когда какая-нибудь воспитанница подвивала себѣ волосы или прикалывала къ пелеринѣ бантики. Учитесь, запасайтесь знаніями; имѣйте въ виду, что ваши поступки будутъ критиковать и осуждать; не ждите себѣ пощады ни отъ кого, а потому обдумывайте каждый свой шагъ.

Послѣ такихъ напутствій намъ казалось, что за стѣнами института мы встрѣтимъ только враговъ, и тѣ, которыя просидѣли въ заведеніи безвыходно шесть лѣтъ, не видѣвъ живой души, кромѣ институтскаго начальства, страшно боялись жизни.

Несмотря на всѣ наставленія maman, въ нашемъ классѣ незадолго до выпуска случилось два происшествія романическаго характера. Нюта Кожева, круглая сирота, не окончивъ курса, вышла замужъ довольно оригинально; ея замужняя сестра привела однажды на пріемъ какого-то среднихъ лѣтъ господина, а послѣ пріема Нюта объявила подругамъ, что она невѣста. Сначала ей не повѣрили, но на другой день Нюта простилась съ классомъ и уѣхала къ сестрѣ, а черезъ недѣлю, въ воскресенье, разряженная, явилась съ мужемъ въ институтскую церковь къ обѣднѣ. Она говорила, что очень счастлива, и желала всѣмъ намъ скорѣе выйти замужъ.

Maman находила ея поступокъ неприличнымъ и была очень огорчена, а воспитанницы завидовали и называли Нюту счастливицей.

Въ послѣдній годъ мои подруги все чаще и чаще говорили о замужествѣ и почти всѣ кого-нибудь да обожали. Обожаніе никогда не выводилось изъ института: въ младшихъ классахъ обожали старшихъ воспитанницъ, пепиньерокъ, учителей, а въ старшемъ объектами обожанія стали адъютанты генералъ-губернатора, чиновники особыхъ порученій и вообще молодые люди, которые пріѣзжали къ начальницѣ или на пріемы къ воспитанницамъ.

Двѣ дѣвицы нашего класса влюбились въ одного адъютанта генералъ-губернатора и отправили ему записку, прося пріѣхать къ начальницѣ въ воскресенье въ 3 часа и обратить вниманіе на брюнетку и блондинку. Кто доставилъ записку, не знаю. Адъютантъ въ назначенное время пріѣхалъ въ институтъ; у швейцарской его встрѣтили блондинка съ брюнеткой и сдѣлали ему реверансъ. Онъ пришелъ къ начальницѣ, посидѣлъ у нея съ полчаса и когда подходилъ къ швейцарской, то брюнетка съ блондинкой снова встрѣтили его и поклонились. На другой день, рано утромъ, когда блондинка и брюнетка еще не рѣшили, которая изъ нихъ больше понравилась адъютанту, въ классъ вошла maman и, таинственно затворивъ двери, спросила:

— Кто изъ васъ осрамилъ институтъ?

Мы молчали, не понимая, что она хочетъ сказать.

— Кто тѣ безстыдныя, блондинка и брюнетка, которыя писали адъютанту генералъ-губернатора? Сознайтесь при всѣхъ. Все равно, я узнаю.

Преступницы покраснѣли и тѣмъ выдали себя.

Тогда посыпались громы и молніи. Всѣ французскія слова, выражающія безстыдство и безнравственность, были сказаны по адресу виновныхъ.

— Вы опозорили институтъ своимъ поведеніемъ и потому должны

быть исключены, о чемъ я сейчасъ же напишу вашимъ родителямъ,— объявила maman.

Провинившіяся плакали, раскаивались и просили прощенія.

Наконецъ maman простила. Весь классъ былъ шокированъ поведеніемъ подругъ, а брюнетка и блондинка считали себя дѣйствительно величайшими преступницами.

Инцидентъ этотъ долго не могли забыть. Вотъ до чего были наивны и невинны воспитанницы нашего института!

Къ выпускнымъ экзаменамъ всѣ приготовлялись усерднѣе обыкновеннаго, но для многихъ это было безполезно: нельзя выучить въ три дня то, что проходилось въ теченіе шести лѣтъ.

У класса было свое самолюбіе; не хотѣлось срамиться при постороннихъ, такъ какъ на выпускные экзамены пріѣзжали: архіерей, директоръ и учителя мужской гимназіи, поэтому лучшія ученицы всячески старались выручать слабыхъ: пересылали записки съ рѣшеніемъ задачъ, писали сочиненія, переводы и подсказывали.

Первая ученица, на которой лежала обязанность писать всѣ билеты и программы, выбирала потоньше бумагу и писала такъ, чтобъ было видно, какого сорта билетъ: изъ катехизиса ли, когда вопросами исписана вся бумажка, или изъ богослуженія и исторіи церкви, когда написано лишь нѣсколько словъ. Писавшая билеты позволяла ставить на нихъ точки, маленькіе знаки, загибать углы и т. п.

Нашъ классъ считался слабымъ, и немногія получили награды.

Послѣ экзаменовъ начались приготовленія къ выпуску. Родственники наводнили дортуары, гдѣ шли безконечныя примѣрки. Даже самымъ бѣднымъ дѣлалось два платья: выпускное и визитное; выпускныя платья были бѣлыя кисейныя съ длинными кушаками изъ лентъ, а визитныя—барежевыя или легкія шерстяныя. Мои подруги находили, что шатенкамъ идетъ розовый цвѣтъ, блондинкамъ—голубой, а брюнеткамъ—красный, а потому только эти цвѣта фигурировали на кушакахъ и визитныхъ платьяхъ.

Въ приготовленіяхъ къ выпуску прошла недѣля, единственная за всѣ шесть лѣтъ, въ теченіе которой мы не получали замѣчаній и могли располагать временемъ. Вечеромъ, когда кончались примѣрки и разговоры о нарядахъ, воспитанницы собирались кружками въ дортуарѣ или въ залѣ и разсуждали о будущемъ: однѣ предполагали веселиться, другія давать уроки, нѣкоторымъ maman уже нашла мѣсто гувернантокъ, а шесть человѣкъ оставались пепиньерками.

Въ послѣдній вечеръ въ дортуарѣ выпускныхъ было большое оживленіе: воспитанницы поминутно бѣгали въ умывальную намачивать волосы и завивали другъ другу локоны на бумажки. Катя,

Лиза и я не хотѣли завиваться, а пошли въ залъ и, сидя на окнахъ, въ послѣдній разъ при лунѣ любовались чудной рѣкой, которую когда-то описывали. Намъ было грустно. Прошедшее уже не казалось такимъ тяжелымъ, какъ въ то время, когда приходилось его переживать, а будущее пугало и занимало; а потому мы говорили только о немъ, обѣщая писать другъ другу обо всемъ откровенно и какъ можно чаще.

— Отецъ пишетъ,—разсказывала Лиза,—что у насъ на заводѣ совсѣмъ нѣтъ учительницъ, и родители разсчитываютъ, что я буду заниматься съ ихъ дѣтьми. Вотъ такъ исторія! Чему я ихъ научу, когда сама ничего не знаю.

— Пустяки,—говорила Катя;—вѣдь что-нибудь да осталось у тебя въ головѣ.

— Осталось по фразѣ изъ каждаго предмета: изъ физики,—что Гальвани рѣзалъ лягушекъ; изъ исторіи—что Марія Терезія не могла забыть о потерѣ Силезіи, а изъ геометріи—пи еръ квадратъ. Вотъ тебѣ и всѣ мои познанія, острила Лиза, на этомъ далеко не уѣдешь! А что еще того хуже:—отецъ надѣется, что мнѣ будетъ весело, на заводѣ много интересныхъ молодыхъ инженеровъ, которымъ будетъ пріятно поговорить съ образованной дѣвицей. Воображаю, какъ весело имъ будетъ со мной! Они вѣроятно серьезные и умные, а я-то! Лиза начинала впадать въ минорный тонъ, но тутъ къ намъ подошла Лелечка и придала разговору другой характеръ. Она была въ красномъ капотѣ необычайной ширины, отчего казалась еще толще и ниже; ея маленькая, круглая голова была вся въ папильоткахъ, при зализанномъ лбѣ выпуклые глаза точно совсѣмъ выходили изъ орбитъ, а носъ казался еще больше.

— Уже поздно; а вы еще не завивались!—воскликнула она.

— И не будемъ.

— Почему?

— Потому что не хотимъ.

— Напрасно, вы будете не интересны. Назначеніе женщины—нравиться, быть женой и матерью, и я постараюсь его исполнить какъ можно скорѣе. Вы, обратилась Лелечка къ намъ съ Катей, никогда не выйдете замужъ и состаритесь за уроками. Вы слишкомъ серьезны и учены; мужчины такихъ не любятъ. Имъ нравятся дѣвушки веселыя и интересныя.

— Точь въ точь такія, какъ ты, особенно въ настоящую минуту,—сказала добродушно Лиза.

— Что день грядущій мнѣ готовитъ?—продекламировала патетически Катя, и мы пошли спать.

На утро всѣ мы встали рано, чтобъ успѣть принарядиться къ

восьми часамъ. Бѣлыя платья и прически къ лицу дотого измѣнили физіономіи моихъ подругъ, что тѣ, которыя считались дурнышками,—оказались миленькими. Въ девять часовъ началась обѣдня. Священникъ сказалъ проповѣдь о томъ, какъ мы должны быть благодарны воспитавшему насъ заведенію, не забывать того, что намъ внушали начальница и наставники, любить трудъ и пріобрѣтенныя познанія передавать другимъ.

Послѣ благодарственнаго молебна, начальство, воспитанницы и ихъ родственники пошли въ залъ. Инспекторъ прочелъ, кто и какую получилъ награду, и роздалъ аттестаты.

Обыкновенно сама начальница прикалывала первой ученицѣ шифръ и раздавала медали и книги, но на этотъ разъ шифръ и медали не были во-время получены изъ Петербурга и ихъ разослали позже. При прощаньи maman была очень взволнована, а всѣ выпускныя горько плакали. На другой день онѣ съ родственниками дѣлали визиты начальницѣ и класснымъ дамамъ. Я почему-то опоздала, а потому не видѣла никого изъ подругъ кромѣ пепиньерокъ, бродившихъ по саду уже въ форменныхъ, сѣрыхъ шерстяныхъ платьяхъ, декольте, съ кисейными пелеринами фасона „Марія Антуанетта“.

Простившись съ ними, я уѣхала изъ института съ такимъ тяжелымъ чувствомъ, какъ будто бы я что-то потеряла. Свобода не радовала меня, а пугала.

Прошло много времени, прежде чѣмъ я перестала бояться людей и начала находить удовольствіе въ обществѣ.

Р. Ф.

Воспоминанія юнкера 2-го военнаго Константиновскаго училища.

Въ началѣ мая 1881 года наше Константиновское училище выступило въ лагерь подъ Красное Село.

Съ какимъ легкимъ чувствомъ покидали мы — выпускные, уже успѣвшія намъ надоѣсть помѣщенія родныхъ ротъ, въ увѣренности, что вновь мы увидимъ ихъ уже не прежними сѣрыми юнкерами. а блестящими офицерами. На душѣ было такъ легко, такъ беззаботно и радостно.

Все трудное, тяжелое уже пережито: экзамены прошли благополучно, остается лишь сдать топографическія съемки и отбыть послѣдній, трехмѣсячный, лагерный сборъ, а затѣмъ... Боже мой! Даже подумать страшно отъ захватывающаго восторга — насъ ожидаетъ великое, радостное событіе въ нашей жизни — производство въ офицеры.

Событіе это, ожидаемое съ такимъ напряженнымъ нетерпѣніемъ, должно скоро, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, совершиться; но какъ-то не вѣрится, какъ-то кажется страннымъ и непонятнымъ: какъ это вдругъ, какъ по волшебству, — по единому слову Царя, и мы изъ юношей, почти дѣтей, превратимся въ полноправныхъ гражданъ, изъ юнкеровъ — нижнихъ чиновъ въ молодыхъ офицеровъ, хоть и „вновь испеченныхъ“, но все же офицеровъ [1]).

Мы никогда про себя не говорили „вновь испеченный офицеръ“—это мы могли говорить про нашихъ старшихъ товарищей,

[1]) Только-что произведенныхъ офицеровъ и въ обществѣ, и свои же училищные товарищи-юнкера называютъ „вновь испеченные“.

въ прошломъ году окончившихъ курсъ, которымъ вмѣстѣ съ тѣмъ мы такъ охотно и съ такимъ стараніемъ козыряли [1]), но про самихъ себя мы говорили не иначе, какъ мы—молодые офицеры.

Съ какимъ нетерпѣніемъ, съ какой торопливостью, еще сидя въ аудиторіяхъ училища, мы подгоняли медленно идущее время и, какъ институтки, ожидающія выпуска, вычеркивали по табличкамъ каждый прожитый день, отдѣлявшій насъ отъ грядущаго блаженства.

Помню, какъ теперь, симпатичнѣйшаго сосѣда моего по койкѣ, портупей-юнкера Мюллера (трамбовку № 1) [2]), который, несмотря на наружное спокойствіе и солидность (у него уже была даже борода, хотя по годамъ онъ былъ еще очень юнъ), — какъ онъ, съ чисто нѣмецкою аккуратностью, неизмѣнно каждый день заштриховывалъ ситуціоннымъ штрихомъ въ своей записной книжкѣ клѣточку календаря, означающую число, а въ концѣ книжки дѣлалъ своеобразныя помѣтки, вродѣ слѣдующей: „Осталось еще 183 дня, а затѣмъ! Ура, ура, ура!!!...—восторгъ и пѣснопѣніе!“

Какъ ни торопили мы время, какъ ни разнообразили его пригонкой офицерскихъ вещей и разсказами, совѣтами и спорами о томъ, гдѣ и какъ заказывать офицерское платье, но намъ было тѣсно въ стѣнахъ училища: мы рвались на просторъ красносельскихъ полей. А между тѣмъ съ какимъ наслажденіемъ мы всѣ примѣряли приносимыя факторами офицерскія вещи: портупеи, шарфы, эполеты и, нацѣпивъ шпоры (мы всѣ стремились выйти въ артиллерію), — важно расхаживали по камерамъ ротъ въ офицерскихъ фуражкахъ, приводя въ завистливое благоговѣніе младшій курсъ, а затѣмъ, сбросивъ съ себя вещи, кувыркались отъ избытка восторга на своихъ койкахъ, какъ малыя ребята, приводя тѣмъ въ смущеніе и справедливое негодованіе нашего милѣйшаго и всѣми уважаемаго фельдфебеля Каледина, который, безъ сомнѣнія, и самъ не прочь бы подурачиться вмѣстѣ съ нами, но престижъ начальника и высокое званіе фельдфебеля мѣшали ему насладиться этимъ общимъ удовольствіемъ, и онъ, чтобы не соблазниться, отворачивался отъ насъ къ стѣнѣ и принимался за зубреніе записокъ предстоящаго экзамена.

Эхъ, хорошее, беззаботное время! Даже теперь, по прошествіи двадцати семи лѣтъ, вспоминая его, какъ-то свѣтлѣе и легче становится на душѣ.

Общему радостному настроенію не помѣшало и то обстоятельство, что вакансіи въ этомъ году были присланы въ училище зна-

---

[1]) Отдавали воинскую честь.

[2]) У насъ почти у всѣхъ были названія.

чительно хуже прошлогоднихъ, когда лишь 8 юнкеровъ, окончившихъ курсъ по второму разряду, должны были выйти въ армейскую пѣхоту, остальные же всѣ вышли въ артиллерію, саперы и 30 юнкеровъ въ гвардію. На нашъ же выпускъ изъ 165 человѣкъ прислано было 17 гвардейскихъ вакансій, 11 саперныхъ и всего лишь 30 артиллерійскихъ, слѣдовательно, болѣе 100 должны были взять вакансіи въ армейскую пѣхоту, что, при нашемъ тогдашнемъ взглядѣ на пѣхоту, было не особенно привлекательно.

Къ стыду нашему нужно сознаться, что тогда мы относились къ арміи съ оттѣнкомъ нѣкоторой ироніи и на выходъ въ армейскую пѣхоту смотрѣли, какъ на несчастье, сопряженное или съ жестокимъ наказаніемъ, или за неуспѣшное окончаніе курса наукъ.

Меня лично этотъ вопросъ о вакансіяхъ не особенно волновалъ, такъ какъ я стоялъ по общему экзаменаціонному списку довольно высоко и разсчитывалъ взять гвардейскую вакансію.

Веселые, оживленные, подъ музыку нашихъ горнистовъ (Левитовъ), напиливавшихъ всю дорогу неизмѣнный маршъ „Машеньку“, мы быстро пришли къ вокзалу Балтійской ж. д. и, размѣщенные по вагонамъ 3-го класса, затянули хоромъ свои училищныя пѣсни.

Хорошо пѣли и любили пѣть юнкера, и обширный репертуаръ пѣсенъ былъ тогда въ нашемъ распоряженіи. Были и традиціонныя, и одна изъ нихъ, кажется, сложенная юнкеромъ Римскимъ-Корсаковымъ, хотя съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ скабрезности, но не лишенная талантливости и веселаго остроумія и при томъ обладающая удивительно мелодичнымъ мотивомъ, намъ очень нравилась, и мы всегда пѣли ее съ большимъ увлеченіемъ, если, конечно, не присутствовали при этомъ училищные офицеры.

Была еще одна излюбленная, но уже спеціально наша ротная пѣсня, и хотя написана она была по весьма печальному для насъ обстоятельству: (мы были лишены отпуска въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ, о причинѣ наказанія скажу ниже), но написана она была съ такимъ добродушіемъ, съ такимъ веселымъ юморомъ, что мы, не стѣсняясь, распѣвали ее не только въ своемъ кругу, но, по просьбѣ офицеровъ, рисуясь и нѣсколько бравируя перенесеннымъ несчастіемъ, съ азартомъ пѣли ее даже и въ ихъ присутствіи.

Незамѣтно пріѣхали мы въ Красное Село. Передъ глазами все знакомыя исхоженныя мѣста: вотъ главный лагерь гвардіи; вотъ на маломъ Дудергофскомъ озерѣ старая полуразрушенная мельница, почему-то всегда своимъ видомъ навѣвающая воспоминанія о мельницѣ на Днѣпрѣ изъ Пушкинской „Русалки“; вотъ, наконецъ, Дудергофъ, а вотъ широкое Дудергофское озеро, примыкающее къ нашему юнкерскому лагерю и тѣсно связанное съ незатѣйливыми

юнкерскими развлеченіями, а иногда и съ довольно крупными проступками вродѣ удиранія послѣ вечерней переклички кататься на полусгнившей лодченкѣ, принадлежащей нашему парикмахеру — стригачу Кривошейкѣ—страстному рыболову.

Тогда еще не было училищныхъ лодокъ, и катаніе по озеру воспрещалось.

Съ пѣснями, лихо прошли мы небольшое пространство, отдѣляющее желѣзнодорожную платформу отъ нашего лагеря, по пути привѣтствуя знакомыя мѣста и удовлетворяя любопытство младшаго курса, жадно прислушивающагося къ нашимъ разсказамъ и сообщеніямъ.

Вотъ, наконецъ, показались изъ-за рощи училищныя постройки, а вонъ на горѣ и наши бараки. Вотъ разводная площадка передъ лагеремъ, и баталіонъ училищъ, потоптавшись „на мѣстѣ“ и выровнявшись „въ затылокъ“, былъ остановленъ. Раздалась команда: „На плечо“, „подъ знамя слушай на кра-улъ!“ и наше старое баталіонное знамя, состоящее уже изъ одного лишь древка, лишеннаго шелковаго полотна, давно истлѣвшаго отъ времени и отъ слишкомъ пылкихъ юнкерскихъ натуръ, желавшихъ сохранить себѣ на память кусочекъ баталіонной святыни,—въ предшествіи баталіоннаго адъютанта, поручика Есаулова, было отнесено временно, до устройства лагернаго пикета, въ баракъ начальника училища, а мы, распущенные по баракамъ, какъ муравьи, расползлись по своимъ старымъ муравейникамъ.

Встрѣченные квартирьерами, которые за нѣсколько дней до выступленія училища были отправлены въ лагерь для наблюденія за устройствомъ и приведеніемъ въ порядокъ бараковъ, — мы бросились къ своимъ койкамъ, зорко слѣдя за тѣмъ — все ли исполнено такъ, какъ мы просили, и тѣ ли сосѣди по койкамъ назначены вывѣшенными билетиками, какъ мы того желали. Я остался доволенъ. Сосѣди мои были тѣ же, что и въ городѣ: съ лѣвой стороны — Мюллеръ —Трамбовка № 1, съ правой — Ингеноль — Трамбовка № 2, а сзади, голова къ головѣ, Тютчевъ—Иванъ Ивановичъ. Онъ дѣйствительно былъ Иванъ Ивановичъ, и его всѣ, даже офицеры, называли почему-то не по фамиліи, а не иначе, какъ Иванъ Ивановичъ.

Всѣ остались довольны и выражали свою благодарность квартирьерамъ, которые съ раскраснѣвшимися, сіяющими отъ удовольствія, лицами размѣщали насъ и указывали приготовленныя каждому мѣста. Какъ теперь помню, квартирьерами отъ нашего курса были Леонтовскій, онъ же ефрейторъ, да не одно онъ имѣлъ названіе за страсть свою къ фронту и строевымъ занятіямъ, а вторымъ

юнкеръ Ивановъ, названный почему-то „Кондакомъ“, вѣроятно потому, что удивительно старательно зажигалъ всегда лампадки передъ ротными образами и никому не уступалъ этихъ обязанностей.

Когда, наконецъ, первый пылъ прошелъ, и мы нѣсколько успокоились и привели въ порядокъ свои вещи, то вспомнили и гурьбой пошли осматривать наши прошлогоднія сооруженія: нашъ палисадникъ, дерновыя скамейки и клумбы, свидѣтели нашихъ прошлогднихъ терзаній и сѣтованій на судьбу, такъ жестоко, такъ безжалостно (какъ намъ казалось) съ нами поступившую.

Дѣло въ томъ, что въ прошломъ 1880-мъ году для прохожденія курса стрѣльбы мы должны были еще ночью вставать, чтобы къ разсвѣту поспѣть къ Кавелахтскимъ высотамъ, гдѣ было отведено училищное стрѣльбище. Для всѣхъ насъ эти занятія стрѣльбой были томительно скучны: во 1-хъ, раннее вставаніе, во 2-хъ, тоскливое ожиданіе на стрѣльбищѣ своей очереди и, въ 3-хъ, что самое главное и самое мучительное,—это то, что, если не попадешь положеннаго числа пуль и тѣмъ не выполнишь условія, изволь, вмѣсто того, чтобы возвратиться домой, оставаться до окончанія всей стрѣльбы, чтобы снова выпустить еще 4 пули. Больше 8 пуль въ одинъ день выпустить было нельзя, такъ какъ наставленіе разрѣшало произвести лишь не болѣе 8 выстрѣловъ.

Усталые, злые возвращались мы въ такихъ случаяхъ домой, кляня и ружье, и пѣхотную службу.

Всѣхъ подготовительныхъ упражненій къ стрѣльбѣ было 4, и на выполненіе ихъ отпускалось 32 патрона, т. е. на каждое упражненіе по 8 пуль; но всѣ упражненія можно было выполнить и 16-ю пулями, если конечно исполнить всѣ требованія условій, но можно было выпустить и всѣ 32 патрона и не выполнить ни одного условія. Первыя два заключались въ томъ, что изъ каждыхъ четырехъ пуль необходимо было попасть на 200 шаговъ не менѣе 3-хъ; 3-е условіе, на 300 шаговъ—не менѣе 2-хъ, и 4-е, самое трудное, попасть изъ 4-хъ пуль не менѣе трехъ на триста же шаговъ.

Выполненіе этихъ условій стрѣльбы было настолько трудно, что даже спеціальныя, стрѣлковыя войска не выполняли всѣхъ 4 условій 16-ю пулями, а тѣмъ болѣе трудно было это выполнить намъ.

Самъ уставъ признавалъ трудность стрѣльбы въ особенности на 200 шаговъ, что видно уже изъ того, что 30% попавшихъ пуль на этомъ разстояніи уже считалось хорошей стрѣльбой. И конечно намъ, неопытнымъ въ стрѣльбѣ, съ не вполнѣ еще развитыми мускулами рукъ, эти упражненія, а въ особенности 4-е, были очень не легки,—и насъ попуталъ лукавый и наше легкомысліе. Пользуясь добродушіемъ и крайней близорукостью нашего курсового офи-

цера капитана фонъ-Моллеръ, мы, не условливаясь между собою, стали безбожно врать. Врали и махальные, показывающіе на мишеняхъ послѣ каждаго выстрѣла красную указку вмѣсто бѣлой, хотя пуля чуть-ли не въ 10 шагахъ отъ стрѣлка зарылась въ болотную кочку; врали и мы, стрѣлявшіе, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда вдругъ вмѣсто краснаго значка махальные показывали бѣлый, а мы все неизмѣнно выкрикивали: такой-то попалъ, а нашъ капитанъ, не слѣдя за показкой, старательно выводилъ въ журналѣ стрѣльбы неизмѣнный крестъ вмѣсто нуля. Слѣдствіемъ этого было то, что наша рота, что называется, переборщила настолько, что результатъ оказался поразительный: на 300 шаговъ мы дали 98% попавшихъ пуль. Но этого мы еще пока не знали, а довольные и счастливые возвращались со стрѣльбища домой, не вѣдая, что бѣда близка и скоро намъ придется поплатиться за свое легкомысленное увлеченіе.

Предвѣстники наступающей грозы уже начали проявляться въ видѣ усмѣшекъ и ироническихъ вопросовъ со стороны юнкеровъ и офицеровъ другихъ ротъ о нашей удивительной стрѣльбѣ, но мы, не чуявшіе еще, какъ близки мы отъ бѣды, хоть и съ нѣкоторымъ уже волненіемъ, но все еще бодро и увѣренно смотрѣли въ грядущее будущее. Какъ вдругъ, какъ-то вечеромъ, вбѣгаютъ всезнающіе и всевѣдующіе юнкера Л...ій (Жила) и Д...ій (Уголъ) и, запыхавшись, объявляютъ, что Моллера изъ-за насъ здорово разносилъ батальонный, и что Моллеръ идетъ сюда.

Дѣйствительно, вслѣдъ за этими словами, нашъ бѣдный, изъ-за насъ пострадавшій офицеръ, входитъ своей неровной, покачивающейся походкой въ баракъ и взволнованнымъ голосомъ объявляетъ, что баталіонный командиръ приказалъ намъ выстроиться и ждать его прихода.

Сильно ёкнуло сердце, но дѣлать было нечего, и мы съ покорностью, но тѣмъ не менѣе стойко, готовились встрѣтить неизбѣжную бѣду, но, не зная еще, въ чемъ она проявится, не подготовились къ отпору.

Мы выстроились и ждемъ. Вдругъ дневальный по бараку юнкеръ звонко скомандовалъ: „Смирно, дежурнаго!“ и мы увидѣли входящаго въ баракъ батальоннаго, къ которому съ рапортомъ подходилъ дежурный по ротѣ. Принявъ рапортъ и поздоровавшись съ дежурнымъ, батальонный командиръ, своею безшумною, мягкою поступью, близко подошелъ къ намъ и, окинувъ быстрымъ взглядомъ, какъ всегда пѣвуче и протяжно поздоровался съ нами; мы, какъ всегда, гаркнули: „здравія желаемъ, господинъ полковникъ“. А въ душѣ каждый изъ насъ посылалъ ему самыя недобрыя пожеланія.

Къ стыду нашему надо сознаться, что мы не любили его. Не любили за удивительную аккуратность, точность, педантичность и, какъ намъ тогда казалось, сухость, проявляющуюся во всѣхъ его словахъ и дѣйствіяхъ. А между тѣмъ какой это былъ добрый, справедливый человѣкъ, какой это былъ честный, добросовѣстный работникъ такого тяжелаго, кропотливаго и отвѣтственнаго труда, какъ воспитаніе. И какою неблагодарностью мы платили ему за его заботы о насъ же. Какъ онъ былъ всегда ровенъ и, не возвышая голоса, такъ умѣлъ обуздать наши горячіе порывы, что его мягкаго слова мы боялись куда сильнѣе громкихъ и рѣзкихъ возгласовъ нашего ротнаго командира капитана Покровскаго, тоже очень добраго человѣка, но слишкомъ горячаго и поспѣшнаго.

Даже теперь, вспоминая минувшее, испытываешь стыдъ за то нехорошее, непріязненное чувство, какимъ мы платили ему за всю его заботу и хлопоты о насъ. Правда, о многомъ мы узнали лишь впослѣдствіи, а тогда, встрѣчая постоянно суровое, спокойное лицо его и непремѣнно какое-либо замѣчаніе, а вслѣдъ за нимъ нерѣдко и наказаніе,—мы не любили его.

—„Ну-съ, господа!“—началъ батальонный: „вы знаете, о чемъ я хочу говорить съ Вами. Ваша необыкновенная стрѣльба не могла не обратить на себя общее вниманіе и не произвести общаго удивленія, а что касается до меня лично, то я долженъ откровенно сказать, что она мнѣ кажется невѣроятной“... и пошелъ, и пошелъ... Говорилъ, какъ примѣръ, и о томъ, что „подобная стрѣльба за всю его долговременную службу была лишь разъ въ одной изъ ротъ, кажется, лейбъ-гвардіи Московскаго полка, и что, когда главнокомандующій, Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, узналъ объ этомъ, то усумнился въ справедливости и назначилъ этой ротѣ смотръ стрѣльбы въ своемъ присутствіи и, что, когда эта рота и на смотру дала еще лучшій результатъ, чуть-ли не 90%, то Великій Князь не только благодарилъ роту, но представилъ къ ордену Св. Владиміра ротнаго командира за отличное обученіе стрѣлковому дѣлу ввѣренныхъ ему людей“.

— „Ну-съ, господа! Теперь сравните“, продолжалъ батальонный: „тамъ люди, спеціально, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ обучаемые стрѣльбѣ, даютъ 90%, а вы, только-что получившіе ружья, даете 98%! Развѣ это вѣроятно?“

— „Конечно невѣроятно, конечно мы наврали и наврали безбожно, и ты это отлично знаешь, зачѣмъ же ты насъ терзаешь, зачѣмъ не наказываешь сразу, а такъ мучительно томишь!“—думалось каждымъ, но всѣ молчали и лишь покашливанье бѣднаго Моллера, стоящаго въ концѣ барака, нѣсколько нарушало полную

тишину. А батальонный продолжалъ все тѣмъ же тихимъ, спокойнымъ голосомъ: „Впрочемъ, можетъ быть“, добавилъ онъ, „вы находите, что ваша стрѣльба вѣроятна, и въ ней нѣтъ ничего необыкновеннаго?“ — Молчаніе. Продолжительное, томительное молчаніе.

— „Вотъ что, господа, кто находитъ, что стрѣльба ваша вполнѣ нормальна, я попрошу того остаться на мѣстѣ, а тѣхъ, кто находитъ, что она невѣроятна и неправдива, прошу выйти впередъ на три шага“. Всѣ стоимъ, не шелохнемся.

— „Ну-съ, вы слышали? Кто находитъ, что стрѣльба неправдоподобна и невѣроятна, прошу выйти впередъ“, повторилъ полковникъ. Дрогнуло нѣсколько человѣкъ, и три юнкера, красные, растерянные несмѣлыми шагами выплыли впередъ. Это были юнкера нашего курса К., Т. и Э., остальные остались на мѣстахъ.

— „Ну-съ, и больше никто?.. Больше никто?“ Мы стоимъ и пыхтимъ.

— „Такъ я долженъ вамъ заявить“, значительно поднявъ тонъ, воскликнулъ полковникъ, „что вашей стрѣльбѣ я не вѣрю и, чтобы доказать справедливость моего убѣжденія, я буду просить Великаго Князя разрѣшить мнѣ произвести вамъ стрѣльбу не въ очередь. Если вы дадите не ваши 98%, а только лишь 70%, потому что 28% я кладу на то волненіе, въ которомъ вы будете находиться, то я возьму свои слова обратно и не найду словъ, какъ извиниться передъ вами. Но если“!.. почти крикнулъ онъ и, оборвавъ на этомъ словѣ свою рѣчь, быстро вышелъ изъ барака.

Какъ загипнотизированные, безмолвно простояли мы нѣсколько мгновеній, а затѣмъ загудѣли, какъ встревоженный рой на разные голоса. Тутъ были и сѣтованія, и протесты, и взведеніе вины на другихъ; и голоса совсѣмъ упавшихъ духомъ и бодрые, надѣющіеся на авось, и... однимъ словомъ, поднялся такой гвалтъ, что ничего нельзя было разобрать. Тутъ были совѣты заняться усиленно прикладкой и прицѣливаніемъ, чтобы набить руку и глазъ; тутъ были и слабыя предложенія идти съ повинной и сознаться въ своей винѣ, но эти послѣднія, какъ признакъ малодушія, не соотвѣтствовавшій духу юнкера,—были съ презрѣніемъ отвергнуты. Восторжествовало упорство, и появилась даже какъ будто какая-то увѣренность въ томъ, что почему же намъ и въ самомъ дѣлѣ не стрѣлять такъ хорошо, чтобы дать необходимые 70%! Вѣдь стрѣляетъ же гвардія, а мы развѣ не можемъ? Эта увѣренность была настолько искренна, что мы совершенно убѣжденно успокаивали и увѣряли нашего бѣднаго Моллера, въ общей сумятицѣ сначала не замѣченнаго нами,—чтобы онъ не волновался и не безпокоился, и что мы

не подведемъ его. Успокоивъ такимъ образомъ и себя, и другихъ, мы гордо, съ высоко поднятыми головами, пошли къ ужину, звонко отбивая лѣвой ногой тактъ, какъ бы заявляя этимъ о своей силѣ и увѣренности въ своей правотѣ. Съ такимъ же чувствомъ стали мы и на вечернюю перекличку и на всѣ ироническія замѣчанія нашихъ сосѣдей—товарищей-юнкеровъ (малины—3-й роты и верблюдовъ—роты Его Высочества), отвѣчали лишь гордымъ презрѣніемъ, а у самихъ все-таки куда какъ не спокойно было на душѣ. Проклятое, загадочное—„но, если“!.. батальоннаго командира не выходило изъ головы. Въ самомъ дѣлѣ, что же съ нами сдѣлаютъ,—если?.. Но нѣтъ, лучше не думать, а то такія страсти представляются, что разбираетъ ужасъ.

Долго не могли мы уснуть въ эту ночь. Тихо было въ баракѣ, лишь кое-гдѣ въ уголку шептались пріятели. Вдругъ, какъ бы выражая нашу общую думу, раздался на весь баракъ громкій возгласъ:—„но, если“!.. весельчака Семенникова, всегда умѣвшаго развеселить насъ. И въ отвѣтъ на это, сначала озадаченные неожиданностью, (ужъ очень удачно Семенниковъ имитировалъ голосъ полковника), мы разразились такимъ неудержимымъ хохотомъ, что отъ грусти не осталось и слѣда, ибо тамъ, гдѣ смѣхъ, да еще такой здоровый, молодой и веселый, тамъ мѣста нѣтъ печали и унынію. И, подбадривая себя и другихъ тѣми предположеніями, что что же можетъ быть особеннаго? вѣдь не исключатъ насъ всѣхъ? вѣдь если и виноваты, то всѣ, а слѣдовательно и наказаніе должно быть для всѣхъ одинаково, а тамъ гдѣ горе общее, тамъ и бѣда въ полъ-бѣды,—мы мало по малу начали успокаиваться и засыпать; лишь одинъ только юнкеръ А. (Аракушка) доѣдалъ еще свою обычную порцію сухарей, систематически каждый вечеръ уплетаемую имъ на сонъ грядущій, передъ тѣмъ, какъ стать въ уголку на ежедневную набожную, вечернюю молитву.

Удивительно, что во всей этой исторіи, юнкера К., Т. и Э., поплывшіе, такъ сказать, противъ общаго теченія и все-таки измѣнившіе, хотя и неразумному, но все же духу товарищества, не получили ни тогда, ни впослѣдствіи за свое отступничество ни отъ кого изъ насъ не только упрека, но имъ не выказали даже и тѣни неудовольствія. Да, въ этомъ отношеніи мы были деликатны и доказали, что уважаемъ и личность, и свободу убѣжденій.

Чего же въ самомъ дѣлѣ желалъ отъ насъ нашъ батальонный командиръ? И какъ это мы сами тогда не подумали? А вѣдь, кажется, не трудно бы догадаться, зная его и зная, что во всѣхъ его дѣйствіяхъ онъ, главнымъ образомъ, стремился развить въ насъ чувство искренности и полное сознаніе своей вины,—не страшась

могущихъ послѣдовать за это взысканій. Думается, что если бы мы на вопросъ его о невѣроятной стрѣльбѣ отвѣтили бы „такъ точно—стрѣльба не вѣроятна. Виноваты, господинъ полковникъ“, то этимъ бы дѣло и кончилось, и онъ ограничился бы небольшимъ взысканіемъ; но насъ попуталъ бѣсъ упрямства и задора.

Какъ теперь помню одну сцену, ярко характеризующую Пороховщикова и глубоко запечатлѣвшуюся въ памяти.

Это было въ лагерѣ, во время обѣда. Мы только-что пришли и, пропѣвъ общимъ хоромъ предобѣденную молитву, сѣли за столъ, какъ вдругъ команда: „встать, смирно!“—и входитъ батальонный. Поздоровавшись съ нами, онъ сказалъ, что сейчасъ къ нему приходилъ солдатъ-служитель жаловаться на юнкера, который ударилъ его, но что по фамиліи онъ этого юнкера не знаетъ.

— „Я, господа, хочу знать, кто этотъ юнкеръ, и прошу того, кто это сдѣлалъ, выйти впередъ“.—Мы молчимъ и съ недоумѣніемъ поглядываемъ другъ на друга, т. к. объ этомъ случаѣ еще ничего не знали.—„Я обращаюсь, продолжалъ полковникъ,—къ совѣсти того, кто это сдѣлалъ, и прошу его подойти ко мнѣ“.

Не успѣлъ онъ досказать послѣднихъ словъ, какъ юнкеръ старшаго курса, нашей роты, баронъ Клейстъ 2-й вышелъ изъ-за стола и подошелъ къ батальонному. — „Это я, господинъ полковникъ“,—громко отчеканилъ Клейстъ.

Никогда не забуду лицо Пороховщикова; оно сразу просіяло.—„Какъ хорошо вы это сдѣлали Клейстъ, т. е. не то хорошо, поправился полковникъ, что вы ударили нижняго чина,—это не хорошо,—это очень не хорошо, потому что юнкеръ, будущій офицеръ, всегда долженъ умѣть сдерживать себя и долженъ помнить, что солдатъ—такой же человѣкъ, у котораго должно развивать чувство человѣческаго достоинства, а не умалять его; и бить солдатъ не достойно офицера, не достойно дворянина. Это очень не хорошо, что вы не сдержали своего порыва и позволили себѣ ударить безотвѣтнаго человѣка“, и послѣ минутнаго перерыва продолжалъ: „ну, а то, что вы имѣли настолько мужества, что не побоялись сознаться въ сдѣланномъ поступкѣ, вы поступили очень, очень хорошо. Позвольте вашу руку“. И, къ общему нашему изумленію, онъ, пожавъ руку взволнованнаго Клейста, притянулъ его къ себѣ и, обнявъ, крѣпко поцѣловалъ.

— Ну-съ, а теперь,—продолжалъ онъ,—ступайте на сутки подъ арестъ, такъ какъ всякій проступокъ непремѣнно требуетъ и взысканія.

На всѣхъ насъ эта сцена произвела сильное впечатлѣніе, и никто, даже изъ любителей поскулить, не пытался иронизировать

и осуждать дѣйствія Пороховщикова, а Клейстъ 2-ой былъ героемъ дня, и ему послѣ обѣда юнкера отнесли въ карцеръ тройную порцію рулетъ и пирожковъ отъ Харлампія [1]).

Но вернусь къ прерванному воспоминанію о злосчастной стрѣльбѣ.

На другой день послѣ посѣщенія полковника капитанъ Моллеръ объявилъ намъ, что намъ назначена во вторникъ, на будущей недѣлѣ, смотровая стрѣльба, а до тѣхъ поръ мы оставлены безъ отпуска. Это, кажется, былъ четвергъ, значитъ, прощайте мечты объ отпускѣ въ субботу и воскресенье, а такъ хотѣлось съѣздить въ Петербургъ.

Въ обычныхъ занятіяхъ прошли эти дни, и наступилъ наконецъ вторникъ — день нашего посрамленія. Вывели насъ на стрѣльбище и объявили, что стрѣлять мы будемъ на 300 шаговъ, въ обрѣзныя мишени смотровымъ порядкомъ (т. е. такъ, что каждый выстрѣлъ не показывается махальными, а уже когда отстрѣляетъ вся рота, тогда мишени приносятся отъ валовъ и уже здѣсь—на линіи огня, т. е., гдѣ стрѣляютъ, сосчитываются попавшія пули, и опредѣляется процентъ стрѣльбы).

Такая стрѣльба для хорошихъ стрѣлковъ, конечно, болѣе трудна, такъ какъ не даетъ возможности знать въ отдѣльности каждому стрѣлку результатъ каждаго выстрѣла и, слѣдовательно, не даетъ и возможности приноровиться и измѣнить точку прицѣливанія въ томъ случаѣ, если первая пуля была выпущена неудачно. Для насъ же—плохихъ стрѣлковъ, такой видъ стрѣльбы—смотровой, былъ безусловно болѣе пріятный, такъ какъ неудача каждаго стрѣлка въ отдѣльности не была очевидна, и уже по окончаніи стрѣльбы всей роты опредѣлялся общій результатъ.

Передъ началомъ полковникъ отправился осмотрѣть мишени, чтобы удостовѣриться, цѣлы ли онѣ и нѣтъ ли въ нихъ заранѣе произведенныхъ отверстій и, убѣдившись, что онѣ цѣлы, вернулся назадъ, и стрѣльба началась.

Предусмотрительность полковника въ осмотрѣ мишеней доказала еще разъ, насколько онъ знаетъ насъ, ибо дѣйствительно, у насъ была постыдная мысль подкупить махальныхъ солдатъ, чтобы они или выбили бы колышки, которыми были заколочены отверстія отъ старыхъ попавшихъ пуль, или же сами бы стрѣляли изъ за закрытій (махалокъ) въ наши мишени изъ револьверовъ, которыми мы хотѣли

---

[1]) Харлампій, — типичный великороссъ, державъ порядочный буфетъ и въ городѣ, и въ лагеряхъ и, благодаря бойкой торговлѣ и ссудѣ денегъ подъ проценты, сколотилъ солидный капиталъ.

ихъ снабдить; но эта мысль не встрѣтила сочувствія юнкеровъ и была отклонена.

По окончаніи стрѣльбы мишени были принесены отъ валовъ, и начался подсчетъ пуль. Процентъ оказался 37 [1]), т. е. на 61% менѣе первой, о чемъ намъ торжественно объявилъ полковникъ, но мы все-таки не сдались и, въ какой-то отчаянной надеждѣ на возможность случая, заявили, что произведенная стрѣльба не правильна, такъ какъ она произведена не при одинаковыхъ съ первой стрѣльбой условіяхъ: тогда было утро, теперь вечеръ, слѣдовательно, освѣщеніе другое; не было вѣтра, теперь вѣтеръ и, главное, тогда были махальные, теперь мы стрѣляемъ наугадъ, — и полковникъ, желая доконать насъ окончательно и, чтобы мы уже не могли ничего возразить, назначилъ черезъ нѣсколько дней новую стрѣльбу, но уже утромъ и съ махальными.

Увы, провалъ нашъ вышелъ окончательный: мы дали лишь 29%!

Уже безъ возраженія, покорно, ждали мы своей участи, и участь была не завидна: насъ оставили безъ отпуска на три мѣсяца.

Теперь, когда пережитое—уже воспоминаніе, кажется, что наложенное взысканіе не только не сурово, но снисходительно, ну, а тогда? О, тогда оно казалось намъ прямо таки безжалостнымъ! Оно лишало еженедѣльныхъ городскихъ отпусковъ, а что̀ самое главное — отнимало надежду на возможность съѣздить послѣ лагернаго сбора на мѣсяцъ въ отпускъ на родину, къ роднымъ, а это было для насъ ужасно, и мы, хоть и бодрились, но сильно пріуныли и, чтобы заполнить хоть чѣмъ-нибудь свободное время праздничныхъ дней, — принялись съ усердіемъ за постройку и разбивку возлѣ своего барака дерновыхъ скамеекъ, цвѣтниковъ и клумбъ, а вечеромъ распѣвали около нихъ свои излюбленныя пѣсни.

Въ минуты общей грусти нашъ милый весельчакъ, добродушный толстякъ, юнкеръ К.—(Курдъ) сложилъ пѣсню, мѣтко выразивъ въ ней общее настроеніе, и мы распѣвали ее съ особеннымъ увлеченіемъ.

Еще и теперь помню нѣсколько куплетовъ:

„Наша рота удалая
Весела всегда была
И, судьбу благословляя,
Припѣваючи жила.

---

[1]) На 300 шаговъ, въ обрѣзныя мишени процентъ 37 считается по оцѣнкѣ стрѣльбы по наставленію, хорошій плюсъ 7, т. е. на 3 процента меньше очень хорошей, а потому, впослѣдствіи, мы очень гордились тѣмъ, что стрѣляемъ почти очень хорошо.

Но судьба ей измѣнила,
Отнявъ счастье и покой:
Себя рота загубила
Своей дивною стрѣльбой!

Всякъ условіе старался
Съ четырехъ исполнить пуль
И въ отмѣткахъ не встрѣчался
Никогда зловѣщій нуль...

Такъ начиналась пѣсня, описывалось затѣмъ удивленіе начальства и его разговоры съ нами:

Насъ въ баракѣ всѣхъ собрали
И къ допросу привели,
Не стѣсняясь всѣ мы врали
И такую рѣчь вели:

Слѣдовалъ затѣмъ нашъ отвѣтъ и наши личныя мысли.

„Результатъ стрѣльбы подобной
Насъ не можетъ удивить.
Дайте случай намъ удобный
Ее снова повторить.

Отчего жъ процентовъ столько
Намъ сказать бы и не лѣнь,
Но вѣдь знаетъ про то только
Лишь сосновая мишень!..“

Въ заключеніе шло описаніе смотровой стрѣльбы, наше посрамленіе и наказаніе, и пѣсня оканчивалась стихомъ:

„Чтобы сердце успокоить,
Чтобъ тоски не породить,
Стали мы скамейки строить,
Палисадникъ разводить!“

Осмотрѣвъ свои прошлогоднія сооруженія и, убѣдившись, что за зиму они не особенно пострадали, мы разбрелись, кто куда хотѣлъ: кто въ баракъ—приводить въ порядокъ свои казенныя вещи, кто пошелъ осматривать лагерное расположеніе, кто къ Харлампію.

Оживленіе въ лагерѣ полное: группы юнкеровъ съ раскраснѣвшимися, веселыми лицами безпрерывно двигаются на пространствѣ между бараками и столовыми, перетаскивая свои, только-что прибывшія съ вокзала, вещи. А въ нашемъ юнкерскомъ клубѣ—у Харлампія, полное оживленіе: всѣ мѣста и на террасѣ, подъ навѣсомъ, и на открытомъ воздухѣ, вокругъ маленькихъ столиковъ въ бере-

зовой рощѣ, — все занято. Здѣсь юнкера и Павловскаго и нашего училищъ; они по группамъ, главнымъ образомъ по корпусамъ, размѣстились за столиками и въ пріятельской бесѣдѣ распиваютъ чай. Говоръ, смѣхъ, шутки и гулъ отъ сотенъ молодыхъ, веселыхъ голосовъ стономъ стоитъ въ воздухѣ, а со стороны передней линейки, изъ-за бараковъ, уже слышатся звуки юнкерскаго хора. Любители пѣнія спѣшатъ окончить чай и бѣгутъ присоединиться къ хору, вокругъ котораго на площадкѣ около валовъ, уже густая толпа юнкеровъ.

„Въ шапкѣ золота литого
Старый Русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другого
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ...“

Запѣваетъ высокій, пріятный теноръ юнкера Павловскаго училища—Метальникова.

„За горами, за долами
Ужъ гремѣлъ о немъ разсказъ,
И помѣряться главами
Захотѣлось имъ хоть разъ“.

Дружно подхватываетъ хоръ, и стройные, гармоническіе звуки его далеко разносятся въ вечернемъ воздухѣ.

Пѣсня смѣняется пѣсней. Запѣваетъ Метальниковъ, чередуясь съ юнкеромъ Приходько. Пѣсни, то лихія, то игриваго содержанія, вызывающія взрывы гомерическаго смѣха,—не умолкаютъ.

Весь авангардный лагерь съ приходомъ училищъ ожилъ. Вся передняя линейка, далеко, до самаго Краснаго Села, пестритъ группами солдатъ 23-й пѣхотной дивизіи, слушающихъ пѣніе юнкерскаго хора. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ авангарднаго лагеря тоже слышатся пѣсни, и имъ изъ главнаго лагеря откликается Старая Гвардія. Но куда же имъ конкуррировать съ хоромъ юнкеровъ военныхъ училищъ.

Но вотъ, гдѣ-то далеко, слышится сигналъ повѣстки, и пѣніе сразу умолкаетъ. Всѣ спѣшатъ одѣться въ шинели и выстраиваются около своихъ бараковъ на передней линейкѣ. Весь лагерный сборъ впереди своихъ палатокъ выстроился и ждетъ. Фельдфебеля производятъ вечернюю перекличку, объявляютъ нарядъ дежурныхъ на слѣдующій день и о назначенныхъ занятіяхъ.

Перекличка окончена, и всѣ съ напряженіемъ ждутъ сигнала „Зори“. Торжественная тишина во всемъ лагерѣ. Вотъ, вдали взвивается сигнальная ракета, а вмѣстѣ съ ея эффектнымъ разрывомъ

гремитъ выстрѣлъ дежурной пушки, и весь лагерь на десятки верстъ оглашается мелодичными звуками горновъ, играющихъ „вечернюю зорю“, съ послѣднимъ звукомъ которой весь лагерный сборъ — всѣ десятки тысячъ людей, обнаживъ головы, хоромъ поютъ общую вечернюю молитву. Какъ очарованный стоишь и вмѣстѣ со всѣми возносишь къ Творцу и свою грѣшную молитву.

„Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ...“, мощно стоитъ въ воздухѣ и волной переливается отъ одного конца лагеря къ другому.

Молитва окончена, лишь вдалекѣ гдѣ-то еще слышится не оконченная молитва „Спаси Господи люди Твоя“. Наконецъ все стихло. Раздается отбой и команда: „На-кройсь!“ „Разойтись!“.

Тысячный муравейникъ людей зашевелился, загудѣлъ и разбрелся по палаткамъ и баракамъ, но прежняго оживленія уже нѣтъ: ему препятствуетъ только-что пережитая торжественная минута общей молитвы, глубоко дѣйствующая на юную, воспріимчивую душу.

День оконченъ. У Харлампія уже мало посѣтителей. Въ бараках на койкахъ еще ведутся товарищескія бесѣды, но онѣ уже не такъ оживлены. Нѣкоторые укладываются спать. Аракушка доѣдаетъ свою горбушку и становится въ уголъ на молитву. Милѣйшій толстякъ Курцъ еще потѣшаетъ своими анекдотами довольно большой кружекъ любителей посмѣяться.

Вдругъ влетаетъ въ баракъ юнкеръ Д-ій (Уголъ) и сообщаетъ, что юнкерамъ будетъ дано 2 дня на отдыхъ и приведенія лагеря въ порядокъ, а затѣмъ полторы недѣли продлятся съемки, и что руководителемъ съемки въ нашу партію назначенъ Генеральнаго Штаба капитанъ Б. — „Затѣмъ, господа, новость: въ баракѣ малины (3-й роты) Павловскаго училища черезъ 2 недѣли будетъ литературный вечеръ и юнкера же будутъ показывать фокусы“. „Затѣмъ, продолжалъ Д., послѣ съемокъ разборка вакансій, и начальникъ училища предполагаетъ ѣхать къ великому князю Михаилу Николаевичу, чтобы просить его и въ этомъ году выпускъ въ артиллерію увеличить сообразно съ прошлогоднимъ и, для этой цѣли просить прислать, кромѣ уже присланныхъ, еще вакансій въ полевыя артиллерійскія бригады.

— Уголъ,—но вѣдь вы врете? [1]).

— Ей Богу не вру, Ей Богу! Мнѣ сейчасъ говорилъ Л—ій, которому все это передалъ капитанъ Покровскій! Спросите Л—аго, если мнѣ не вѣрите,—защищался Д—ій отъ общихъ недовѣрчивыхъ возраженій.

---

[1]) Мы, даже говоря дерзости, всегда были вѣжливы и деликатно обращались на „Вы“.

Удивительно, юнкеръ Д—ій всегда раньше всѣхъ узнавалъ всѣ училищныя новости, съ которыми сейчасъ же дѣлился и съ нами, и хотя эти новости не рѣдко бывали преувеличены, но все-таки, почти всегда, оказывались вѣрными.

Поспорили, поболтали еще, посмѣялись надъ Д. и разошлись по своимъ койкамъ. Къ 10 часамъ большинство уже спало здоровымъ, молодымъ сномъ.

Рано начинается день въ лагеряхъ. Уже въ 5 часовъ утра пробита утренняя зоря, и юнкера, разбуженные и тормошимые дневальными и дежурными, покидаютъ теплыя постели и, дрожа отъ утренней свѣжести, спѣшатъ занять мѣста около умывальниковъ, расположенныхъ въ саду, сзади бараковъ. Нѣкоторые спускаются съ горы, гдѣ въ 50 шагахъ отъ бараковъ пробивается холодный ключъ чистой, прекрасной воды и, размѣстившись вокругъ него и вдоль ручья, вытекающаго изъ него,—совершаютъ свой утренній туалетъ [1]).

Въ 6 часовъ юнкера готовы и выстроены около своихъ бараковъ. Фельдфебеля произвели перекличку, и оба училища, по-ротно, идутъ въ столовыя пить утренній чай съ французскими булками. Послѣ чая утреннія занятія до обѣда. Въ 12 обѣдъ изъ трехъ блюдъ, затѣмъ полтора часа отдыхъ передъ вечерними занятіями. Въ 5 чай и въ 8 ужинъ.

Хорошо кормили въ училищахъ, въ особенности въ лагерное время, когда и физическія занятія и воздухъ возбуждали еще больше молодые аппетиты. Довольствовала цѣлый мѣсяцъ очередная рота баталіона, и соревнованіе ротъ и ротныхъ командировъ было настолько велико въ желаніи улучшить довольствіе, что насъ нерѣдко угощали даже такими деликатесами,—какъ земляника съ сахаромъ и молокомъ на 3-е блюдо.

Удивительно, какъ при сравнительно небольшомъ отпускѣ отъ казны (что-то около 30 коп. въ день на юнкера), могли извернуться ротные командиры, чтобы кормить такъ хорошо и такъ сытно. Повторяю, столъ въ училищѣ, какъ въ лагеряхъ, такъ и въ городѣ,—за все время моего пребыванія въ немъ,—былъ прекрасный и никогда, ни отъ кого не пришлось услыхать жалобъ и неудовольствія на этотъ счетъ.

Два дня отдыха въ вознѣ по устройству и приведенію въ порядокъ лагеря прошли незамѣтно.

---

[1]) Въ настоящее время этотъ источникъ расчищенъ, расширенъ, и его обширный резервуаръ обложенъ гранитомъ, а построенная водокачка снабжаетъ весь авангардный лагерь этой прекрасной водой.

Начались топографическія съемки и рѣшеніе тактическихъ задачъ на мѣстности.

Съ утра, иногда не возвращаясь даже къ обѣду, расходились юнкера по окрестностямъ Краснаго Села и, нагруженные планшетами и бусолью, усердно производили инструментальныя и глазомѣрныя съемки.

Когда съемки были закончены, и баллъ за нихъ выставленъ,—окончательно опредѣлился и общій средній баллъ успѣховъ каждаго юнкера, а слѣдовательно и старшинство. Списки старшинства и списокъ присланныхъ вакансій розданы юнкерамъ, и день разборки назначенъ.

Важная минута, рѣшающая судьбу каждаго оканчивающаго курсъ, наступила...

Все училище въ сборѣ и, размѣстившись подъ навѣсомъ обширной юнкерской столовой, поджидаетъ прихода Начальника училища. Впереди, за особымъ столомъ, покрытымъ синимъ сукномъ, приготовлены мѣста для начальства. Кругомъ толпятся юнкера младшаго курса и Павловскаго училища, которые тоже присутствуютъ, чтобы узнать судьбу своихъ товарищей по кадетскому корпусу.

Все въ волненіи ждетъ. Всѣ взоры обращены на аллею, идущую отъ барака Начальника училища, и съ напряженіемъ ждутъ его выхода. „Идетъ!“—раздался чей-то возгласъ, и всѣ встаютъ.

Въ сопровожденіи дежурнаго и офицеровъ спускается съ полугоры высокая, стройная фигура нашего глубокоуважаемаго всѣми начальника училища, Свиты Его Величества генералъ-маіора Георгія Ивановича Шмидта. Вотъ онъ близко. Мы пожираемъ его глазами и на его привѣтствіе: „Здравствуйте, господа!“—гремитъ раскатисто дружный отвѣтъ: „Здравія желаемъ, Ваше Превосходительство!“.—Это не шаблонный отвѣтъ, и чуткое, опытное ухо пойметъ, какъ искренно и горячо наше пожеланіе здравія этому дивному человѣку и начальнику.

„Садитесь, господа!“—говоритъ генералъ и, когда все смолкло, продолжаетъ: „Прежде чѣмъ приступить къ разборкѣ вакансій, я прошу васъ, господа, внимательно меня выслушать: „Всѣ ли вы съ достаточною серьезностью отнеслись къ вопросу о выборѣ той или другой вакансіи, того или другого рода оружія? Вѣдь теперь вашимъ выборомъ рѣшается вся ваша, только-что начинающаяся жизнь, рѣшается дальнѣйшая ваша служба и дѣятельность. Поэтому я лично не могу допустить, чтобы сегодняшній выборъ вашъ былъ уже окончательный, и съ цѣлью дать возможность тѣмъ изъ васъ, кто почему-либо пожелалъ бы перемѣнить уже взятую вакансію на другую,—я назначаю черезъ двѣ недѣли новую переразборку. За это время

вы успѣете болѣе спокойно обсудить ваше рѣшеніе и посовѣтуетесь съ вашими родными, кромѣ того, я знаю, что большинство изъ васъ стремится въ артиллерію, а вакансій прислано вдвое меньше, чѣмъ въ прошломъ году, поэтому я рѣшилъ ѣхать къ Августѣйшему Шефу училища генералъ-фельдцейхмейстеру Великому Князю Михаилу Николаевичу и хоть на колѣняхъ умолять его выпускъ юнкеровъ въ артиллерію увеличить до нормы прошлаго года". „Покорнѣйше благодаримъ, Ваше Превосходительство!" — восторженно прозвучала въ отвѣтъ наша благодарность за эту новую заботу и попеченіе о насъ.

— Затѣмъ,—продолжалъ генералъ: „предлагаю тѣмъ изъ васъ, кто желаетъ выйти въ артиллерію и имѣетъ на это право по балламъ, теперь же, при разборкѣ, заявить свое желаніе перейти на третій, дополнительный классъ въ Михайловское артиллерійское училище, а въ случаѣ недостатка тамъ вакантныхъ мѣстъ, просить о производствѣ въ офицеры въ такую-то артиллерійскую бригаду [1]).

— Но, господа,—продолжалъ Начальникъ училища: „въ томъ случаѣ, если мое ходатайство уважено Его Высочествомъ не будетъ, я вынужденъ буду назначить вторую разборку и сегодняшнюю счесть не дѣйствительной. Ну, а теперь приступимъ къ разборкѣ. Поручикъ Есауловъ, потрудитесь вызвать юнкеровъ по списку старшинства, а вы, господа, съ мѣста отвѣчайте, какую вакансію вы выбираете,—закончилъ Начальникъ училища [2]).

— Фельдфебель Николаевъ!—вызываетъ поручикъ Есауловъ [3]).

— Лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ,—отвѣчаетъ Николаевъ.

— Фельдфебель Некрасовъ.

— Въ Михайловское артиллерійское училище.—И дальнѣйшая разборка продолжается такимъ же порядкомъ. Я взялъ вакансію въ одинъ изъ полковъ Старой Гвардіи (въ то время была еще Молодая

---

[1]) Обыкновенно желающихъ перейти на третій годъ въ Михайловское училище записывалось 2—3 юнкера, а въ этомъ году записалось 35, изъ нихъ трое: фельдфебель роты Его Высочества Некрасовъ, 4-й роты фельдфебель Калединъ и ст. портупей-юнкеръ Тютчевъ были приняты на дополнительный курсъ Артиллерійскаго училища, остальные же 32 человѣка выпущены были сверхъ вакансій въ тѣ именно артиллерійскія бригады, въ которыя они записались при разборкѣ вакансій.

[2]) Первыми по списку стоятъ 4 фельдфебеля, они же первые и выбираютъ вакансіи; за ними слѣдуютъ 48 портупей-юнкеровъ, а затѣмъ юнкера, окончившіе по первому разряду и, наконецъ, по второму разряду, и таковыхъ изъ выпуска въ 165 человѣкъ было 14 человѣкъ.

[3]) Фельдфебель Николаевъ и портупей-юнкеръ Щавинскій окончили курсъ по балламъ первыми, и ихъ имена и фамиліи занесены на мраморную доску училища за 1881 годъ.

*

Гвардія) и по окончаніи разборки отправился познакомиться съ моими будущими товарищами по полку, въ который насъ выходило трое: два изъ Константиновскаго и одинъ изъ Павловскаго училища.

Черезъ два дня намъ было объявлено, что хлопоты и ходатайство Начальника училища у Великаго Князя увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и что всѣ тѣ юнкера, которые записались въ Артиллерійское училище, если желаютъ, могутъ выйти именно въ тѣ артиллерійскія бригады, въ которыя они изъявили желаніе.

Восторгъ юнкеровъ и благодарность Начальнику училища были безграничны. Съ цѣлью хоть нѣсколько выразить воодушевляющія насъ чувства, мы, выпускные, рѣшили заказать серебряный альбомъ и, заполнивъ его нашими фотографическими карточками, изображающими насъ уже въ офицерской формѣ, преподнести его на другой же день послѣ производства въ офицеры Начальнику училища и просить его принять наши фотографіи и альбомъ на память отъ любящихъ и благодарныхъ бывшихъ его подчиненныхъ.

Выбрали комиссію изъ 4 юнкеровъ, отъ каждой роты по одному, и уполномочили ее заказать по ихъ вкусу и усмотрѣнію альбомъ, но непремѣнно съ выгравированнымъ на крышкѣ видомъ фасада нашего училища; поручили ей хранить у себя фотографическія карточки юнкеровъ и вѣдать поступающими денежными взносами, а сами должны были, не медля, сняться, какъ только будетъ готова офицерская форма. Рѣшено было всѣмъ представить поясныя фотографіи формата визитныхъ карточекъ.

Обычная лагерная жизнь училищъ потекла по точно составленной программѣ: утромъ, до восхода солнца, младшій курсъ и юнкера старшаго, выходящіе въ пѣхоту—отправлялись на стрѣльбу за двѣ версты отъ лагеря, а счастливцы артиллеристы изволили спокойно почивать и, напившись чаю, въ 7 часовъ отправлялись на артиллерійскія занятія. Послѣ обѣда общія ротныя ученія, саперныя работы, глазомѣрное опредѣленіе разстояній, занятія сторожевой службой или всему баталіону церемоніальный маршъ.

Быстро, незамѣтно неслось время. Наступилъ іюль съ его смотрами, парадами и объѣздомъ лагеря начальствующими лицами. Въ концѣ іюля ожидался пріѣздъ Государя Императора, а затѣмъ общій парадъ, большіе маневры и, наконецъ, давно ожидаемое производство.

Какъ-то вечеромъ въ концѣ іюня, во время вечерняго чая, толстякъ К. (Курцъ), какъ всегда, озабоченно объявляетъ намъ, что сегодня въ баракѣ Павловской Малины (3-й роты Павловскаго учи-

лища) будетъ литературный вечеръ: читаютъ Сеславинъ и Надсонъ, а Апрѣлевъ и Егоровъ покажутъ фокусы. Входъ на вечеръ свободный для всѣхъ желающихъ.

— А вы, Курцъ, будете участвовать? Пожалуйста изобразите Павлонамъ индюшку,—они будутъ въ восторгѣ!

Взрывъ хохота сопровождаетъ слова шутника, а нѣсколько смутившійся Курцъ лукаво улыбается. Очевидно, ему самому до страсти хочется побалагурить и посмѣшить новую публику своимъ дѣйствительно рѣдкимъ комическимъ талантомъ. Однако сообщеніе Курца всѣхъ очень заинтересовало, но высказана была мысль, что какъ бы то ни было, а неудобно, неловко, не имѣя приглашенія, идти въ чужую роту, и, вопросъ о томъ, какъ быть, остался открытымъ. Но любезные Павловцы вскорѣ разсѣяли наше сомнѣніе: они послали отъ себя депутацію, которая обошла всѣ 4 барака нашего училища и, объявивъ о вечерѣ, просила желающихъ почтить Малину своимъ посѣщеніемъ,—и мы почти всѣ пошли къ 7 часамъ въ баракъ 3-й роты Павловскаго училища, отстоящій отъ нашего всего въ 200 шагахъ.

Громадныхъ размѣровъ ротные бараки военныхъ училищъ и, чтобы судить о величинѣ ихъ, достаточно сказать, что оба училища, т. е. слѣдовательно около 800 человѣкъ, свободно размѣщались въ одномъ баракѣ.

Когда мы пришли, чтеніе еще не начиналось и, радушно встрѣченные своими бывшими товарищами по кадетскимъ корпусамъ, размѣстились въ перемежку съ Павлонами. Принесенныя изъ столовыхъ скамьи служили партеромъ, а кровати и столики замѣняли ложи; любители же верхнихъ ярусовъ и ловкіе въ гимнастикѣ забрались даже на поперечныя балки, связывающія столбы со стропилами, и, усѣвшись тамъ, болтали ногами надъ головами сидящихъ въ ложахъ. Около входа возвышается эстрада, на ней столъ, два стула. На столѣ графинъ съ водой и стаканъ. Однимъ словомъ, все, какъ слѣдуетъ, все въ порядкѣ, и все предусмотрѣно.

Первымъ вышелъ читать юнкеръ нашего училища Сеславинъ. Репертуаръ его состоитъ исключительно изъ Некрасовскихъ произведеній. Читаетъ онъ хорошо, отчетливо и выразительно. Онъ долженъ былъ нѣсколько разъ выходить читать на bis.—Сеславина смѣняетъ Павловскаго училища юнкеръ Озаровскій. Симпатичное, небольшое личико его чрезвычайно подвижно и оживлено. Онъ прекрасно читаетъ сцену изъ „Мертвыхъ душъ“—Чичиковъ у Коробочки—и Коробочка у него выходитъ—какъ живая. Взрывъ хохота награждаетъ раскраснѣвшагося, довольнаго Озаровскаго.

На эстраду, на смѣну Озаровскаго, выходитъ небольшого роста

юнкеръ младшаго курса 2-ой роты Павловскаго училища Семенъ Надсонъ. Его фигура и смугловатое, худощавое лицо не производятъ эффекта, но каріе, вдумчивые глаза его прекрасны. Нервной походкой приближается онъ къ краю экстрады и, не садясь, начинаетъ читать одно изъ послѣднихъ своихъ произведеній.

Читаетъ онъ тихо, не внятно и, очевидно волнуясь, запинается и останавливается нѣсколько разъ. Чтеніе не производитъ хорошаго впечатлѣнія, но, тѣмъ не менѣе, когда онъ окончилъ, ему раздались аплодисменты,—конечно, его таланту, но не чтенію.

Навстрѣчу, сходящему съ эстрады Надсону, подбѣгаетъ Сеславинъ и о чемъ-то горячо начинаетъ съ нимъ спорить, и Надсонъ въ концѣ концовъ соглашается и передаетъ Сеславину какой-то листокъ. Сеславинъ выходитъ на эстраду и среди наступившей тишины громко, отчетливо, съ необыкновенно сердечною интонаціей декламируетъ то же самое стихотвореніе Надсона.

Но, Боже мой, какой рѣзкій контрастъ, какая страшная разница впечатлѣній! Какъ блѣдно и не замѣтно то, что прочелъ Надсонъ, и какъ ярко, сочно и картинно то же самое въ чтеніи Сеславина.

Взрывъ восторженныхъ криковъ: „Надсона, Надсона!“ не смолкалъ до тѣхъ поръ, пока не выпихнули на эстраду раскраснѣвшагося, взволнованнаго, но улыбающагося Надсона, и ему устроили грандіозную овацію.

Чтеніе затѣмъ прекратилось, и былъ объявленъ антрактъ на десять минутъ.

Послѣ перерыва, когда мы вновь заняли свои мѣста, на эстраду вышли два юнкера Павловскаго училища Апрѣлевъ и толстякъ Егоровъ (Куль) и въ теченіе часа занимали насъ, показывая удивительно ловкіе и разнообразные фокусы, а одинъ изъ нихъ, такъ называемый „Насѣдка“, особенно понравился и разсмѣшилъ. Апрѣлевъ объявилъ, что у него есть замѣчательная курица—насѣдка и при этомъ указалъ на Егорова,—мы, конечно, встрѣтили это заявленіе дружнымъ хохотомъ; но когда Апрѣлевъ началъ вынимать изо рта Егорова одно за другимъ десятки яицъ, мы буквально покатывались отъ смѣха, приговаривая: „ай да куль, да, да, онъ и куль и насѣдка!“

Вообще весь вечеръ удался Павловцамъ вполнѣ.

Веселые и довольные распростились мы съ ними, отъ души благодаря за доставленное удовольствіе; они же, польщенные удачею, провожая насъ, радушно предлагали намъ прійти и на слѣдующій вечеръ, который предполагался черезъ недѣлю, но уже по болѣе разнообразной программѣ.

Дѣйствительно, слѣдующій вечеръ, на которомъ присутствовали

даже нѣкоторые изъ училищныхъ офицеровъ, прошелъ съ неменьшимъ успѣхомъ.

Литературные номера чередовались съ пѣніемъ, игрой на роялн и фокусами.Число юнкеровъ, выступившихъ въ качествѣ лекторовъ и артистовъ было значительно больше. Надсонъ въ этотъ вечеръ не читалъ, но Сеславинъ съ большимъ успѣхомъ прочелъ нѣсколько его стихотвореній; самъ же Надсонъ въ этотъ разъ выступилъ въ качествѣ артиста, исполнивъ подъ аккомпаниментъ рояля нѣсколько пьесъ на скрипкѣ.

Въ числѣ присутствующихъ былъ и капитанъ Агарковъ, страстный любитель пѣнія и музыки. Благодаря его энергіи оркестръ юнкеровъ Павловскаго училища былъ очень хорошъ, а хоръ такъ положительно прекрасенъ.

Къ капитану Агаркову юнкера относились съ большимъ уваженіемъ и любили его за доступность, отзывчивость и доброту.

Къ нему обращались прямо и откровенно высказывали свои нужды, и тамъ, гдѣ онъ могъ помочь,—онъ, не рисуясь, помогалъ.

Капитанъ Агарковъ въ свою очередь очень сердечно относился къ юнкерамъ и любилъ доставлять имъ возможныя развлеченія, всегда являясь ихъ иниціаторомъ и устроителемъ. Такъ и теперь, по окончаніи вечера, онъ обратился къ юнкерамъ съ слѣдующимъ предложеніемъ: „А не устроить ли вамъ, господа, любительскій спектакль? Повидимому, драматическія силы у васъ вполнѣ достаточны и солидны. Вы только выберите и приготовьте пьесу, а ужь о декораціяхъ, сценѣ и прочемъ не безпокойтесь, я постараюсь все это устроить. А нашъ хоръ и оркестръ также могутъ принять въ спектаклѣ дѣятельное участіе. Не правда-ли, господа?“

— Такъ точно, г-нъ капитанъ: мысль прекрасная, и спектакль съ Вашею помощью мы поставимъ,—радостно откликнулись на это предложеніе юнкера.

Вѣсть о затѣваемомъ Павлонами спектаклѣ быстро разнеслась среди юнкеровъ и встрѣчена была съ большимъ интересомъ.

Разговоры и толки сосредоточились главнымъ образомъ на вопросѣ о спектаклѣ. Художники-любители предлагали капитану Агаркову свои услуги въ качествѣ декораторовъ; знатоки дамскихъ туалетовъ, какъ Иванъ Ивановичъ Тютчевъ, напримѣръ, вызвались быть дамскими костюмерами; масса предложеній поступила отъ желающихъ быть суфлерами и гриммерами, но отъ услугъ этихъ послѣднихъ отказались, такъ какъ рѣшено было пригласить настоящаго гриммера и выписать необходимое количество мужскихъ и женскихъ париковъ. Кстати сказать, всѣ роли, какъ мужскія, такъ и женскія,

рѣшили поручить исполненію исключительно только однихъ юнкеровъ.

Очень сочувственно къ устройству спектакля отнеслись и всѣ офицеры и Начальникъ училища, который былъ такъ любезенъ, что предложилъ всю свою лагерную обстановку въ распоряженіе юнкерскаго драматическаго комитета и кромѣ того нашелъ возможнымъ оказать денежную поддержку изъ суммъ, отпускаемыхъ казною для этихъ цѣлей.

Однимъ словомъ, спектакль заинтересовалъ всѣхъ, и каждый чѣмъ могъ стремился способствовать его успѣху. На другой день драматическій комитетъ, состоящій только изъ юнкеровъ, занялся выборомъ пьесъ и распредѣленіемъ ролей. Выбрали двѣ пьесы: одну трехъ-актную комедію-фарсъ—Виктора Крылова—„Отъ преступленія къ преступленію“ и одно-актный водевиль—„Звѣзда падучая“. Желающихъ участвовать, въ особенности на мужскія роли, вызвалось много и, чтобы быть справедливымъ и безпристрастнымъ, комитетъ назначилъ состязаніе, и желающій участвовать долженъ былъ къ слѣдующему дню выучить назначенный монологъ и прочесть его въ присутствіи судей.

Въ 7 часовъ вечера на слѣдующій день въ баракѣ Павловскаго училища, окруженный массой любопытныхъ юнкеровъ, засѣдалъ комитетъ, и состязаніе началось. Не стѣсняясь, каждый высказывалъ свое мнѣніе, и по большинству голосовъ рѣшался вопросъ, за кѣмъ должна остаться та или другая роль. Особенно насмѣшилъ всѣхъ юнкеръ Курцъ, котораго юморъ, мимика и интонація голоса удивительно напоминали Варламова, заслуженнаго артиста Императорскихъ театровъ.

Конкурсъ на женскія роли особенно развеселилъ присутствующихъ, вызвавъ игривыя замѣчанія.

Большинствомъ голосовъ выбраны были Павловскаго училища юнкера: Озаровскій, Надсонъ, Разднѣевскій, Шпиллеръ, Бедряга, Апрѣлевъ, Блохинъ, Косоротовъ, Комаровъ, Плашинскій и Гейне и нашего Константиновскаго—Головачевскій, Синицынъ, Короткій, Сосновскій, Щербаковъ, Фабри, Сеславинъ и Орелъ. Лихонинъ-суфлеромъ, а Иванъ Ивановичъ Тютчевъ, по его убѣдительнѣйшей просьбѣ, былъ назначенъ дамскимъ костюмеромъ.

Составленная такимъ образомъ труппа артистовъ-любителей послужила кадромъ, къ которому присоединялись и новыя силы при постановкѣ слѣдующихъ спектаклей.

Энергично принялись за зубреніе ролей, а репетиціи происходили почти каждый день, но опаздывающихъ не было. Замѣчанія и указанія присутствующихъ и товарищей по искусству принимались

актерами съ большой благодарностью, не вызывая и тѣни неудовольствія.

Нерѣдко посѣщалъ наши репетиціи и капитанъ Агарковъ, отрываясь отъ своихъ плотничныхъ и декоративныхъ работъ, и по нашей просьбѣ не разъ режиссировалъ и давалъ совѣты.

Въ ближайшее воскресенье привезены были изъ Петербурга юнкерами и офицерами цѣлые тюки мужскихъ и женскихъ костюмовъ, и примѣрка ихъ вызвала немало веселыхъ замѣчаній и хохота.

Наконецъ, все готово. Спектакль назначенъ, и поджидаемый съ такимъ нетерпѣніемъ день наступилъ.

Помѣщеніе барака Павловской Малины нельзя узнать: кровати вынесены, и на ихъ мѣстахъ ряды стульевъ и скамеекъ. Стѣны задекорированы и затянуты сукномъ. Съ потолка спускается рядъ лампъ и люстръ, заливая яркимъ свѣтомъ все помѣщеніе. Сцена, отдѣленная отъ зрительнаго зала декораціями и драпировкой,—роскошна и изящна

Занавѣсъ—видъ нашего Дудергофскаго озера, художественно исполненъ юнкерами Павлсвскаго училища. Слегка покатые подмостки обтянуты сукномъ. Небольшая суфлерская будка примыкаетъ къ барьеру, отдѣляющему сцену отъ мѣстъ для оркестра. Уборныя пріютились за сценой, и въ нихъ уже съ 6 часовъ кипитъ работа, хотя начало спектакля назначено въ 9 часовъ—послѣ вечерней зори.

Въ уборныхъ собралась уже вся труппа. Раскраснѣвшійся, усталый Иванъ Ивановичъ вытираетъ мокрый, вспотѣвшій лобъ. Онъ выбился изъ силъ въ желаніи придать формамъ и фигурѣ дамъ должную гармонію и иллюзію. И, дѣйствительно, выказалъ чудеса искусства и вкуса: эффектъ поразительный. Неужели эта стройная, хорошенькая, граціозная барышня, которая держится съ такой кокетливой скромностью—Сосновскій? Не можетъ быть! Къ нему лихо подлетаетъ юнкеръ и, расшаркиваясь, элегантно приглашаетъ на туръ вальса.

— На одинъ лишь туръ!

— Ахъ, оставьте, пожалуйста!—говоритъ жеманно Сосновскій.

— Вы изомнете мнѣ платье и прическу. Ну что это, право?! Иванъ Иванычъ!—онъ меня поцѣловалъ и теперь на щекѣ слѣды его мокрыхъ, противныхъ губъ!

— Пожалуйста, голубчикъ, подпудрите и подрумяньте меня,—ворчитъ при общемъ хохотѣ Сосновскій, самъ едва сдерживаясь отъ смѣха.

А кто эта стройная дама въ свѣтломъ лѣтнемъ платьѣ, такъ поразительно схожая съ Абариновой?—Неужели это Фабри?—Какъ просто и естественно онъ держится!

А Фабри въ это время сидитъ и куритъ папиросу, повторяя по тетрадкѣ свою длинную, отвѣтственную роль. Къ нему подсаживается также съ тетрадкой уже загримированный Короткій и проситъ прорепетировать еще разъ первую сцену.

— Послушай, Курцъ: я здорово трушу!

— Что ты?—по тебѣ не замѣтно.

— Неужели?—Очень радъ. Но колѣнки дрожатъ, и во рту пересохло. Дай-ка, братъ, чаю.

Курцъ приноситъ, и они, прихлебывая изъ кружекъ чай, наизусть повторяютъ общія мѣста. Къ нимъ подходитъ Сеславинъ,—играющій судебнаго слѣдователя, — онъ также типично загримированъ.

—Бросьте, господа, не зубрите больше,—оворитъ онъ:—вы роли знаете и проведете ихъ хорошо, а, продолжая зубрить, только напрасно себя волнуете,—авторитетно говоритъ онъ и предлагаетъ идти на сцену.

Въ общемъ шумѣ голосовъ слышится раздраженный, недовольный возгласъ Надсона. Онъ взволнованъ и сердится на костюмера, который не достаточно умѣло пригналъ для него фракъ. Фракъ дѣйствительно широкъ и нехорошо сидитъ. Надсона успокаиваютъ, увѣряя, что къ его выходу во второй пьесѣ фракъ успѣютъ подколоть, подшить и разгладить, и посылаютъ за училищнымъ портнымъ, котораго и засаживаютъ за работу.

Парикмахеръ-гриммеръ удачно загриммировалъ всѣхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, онъ заканчиваетъ послѣднихъ.

Уже безъ четверти девять, и слышится повѣстка, затѣмъ зоря и молитва, и послѣ минутнаго затишья отдаленный гулъ голосовъ, постепенно увеличиваясь и разростаясь, быстро приближается къ бараку 3-ей роты и, какъ волна, врывается и наполняетъ своимъ веселымъ шумомъ всю зрительную залу. Юнкера обоихъ училищъ вперемежку размѣщаются по мѣстамъ, оставляя передніе ряды креселъ для начальства и приглашенныхъ.

Мы—артисты, столпившись около рампы, слѣдимъ сквозь щелки за всѣми входящими.

— Господа, смотрите, здѣсь всѣ офицеры Лейбъ-Гвардіи 2-го Стрѣлковаго батальона!—А это кто? Не узнаете?—Раздаются вопросы, но на нихъ никто не отвѣчаетъ. Всѣ волнуются и съ трепетомъ ждутъ начала спектакля. Нервы напряжены страшно и хоть жутко на сердцѣ, которое колотится такъ, что слышно его біеніе, но на душѣ какъ-то отрадно и весело.

Раздается команда:—Встать—смирно! и въ дверяхъ, окруженный генералами, показывается Начальникъ училища.—„Садитесь, гос-

пода"—раздается его симпатичный голосъ, и онъ вмѣстѣ со своими гостями проходитъ въ первый рядъ креселъ.

Оркестръ юнкеровъ играетъ увертюру изъ оперы „Цампа", и съ послѣднимъ, финальнымъ аккордомъ звонитъ третій звонокъ, и занавѣсъ подымается...

На сценѣ, изображающей садъ на минеральныхъ водахъ, — на диванѣ сидятъ двѣ почтенныя старушки и молоденькая племянница, около которой увивается ея женихъ,—это Апрѣлевъ, Бедряга, Сосновскій и Орелъ.

Зрители видимо пріятно поражены и обстановкой, и костюмами, и гриммомъ. Одобрительный шепотъ проносится по залѣ. Сосновскій производитъ фуроръ.

— Это Сосновскій?—Нѣтъ, не можетъ быть!

— Сосновскій?!... Ха, ха, ха!... Раздается смѣхъ, и залъ оглашается аплодисментами и хохотомъ.

Это подбадриваетъ артистовъ и находящихся на сценѣ, и съ трепетомъ поджидающихъ своего выхода.

Сразу взятый вѣрный тонъ пьесы съ первыхъ же словъ заинтересовываетъ зрителей.

На сцену выходитъ и присоединяется къ общей группѣ озабоченный, пожилой судебный слѣдователь, во всемъ ищущій преступленій, и въ концѣ концовъ самъ дѣлается комической жертвой своей подозрительности.—Его изображаетъ Сеславинъ. Онъ талантливо, обдуманно и ровно проводитъ до конца свою трудную роль.

На смѣну имъ, порывистой походкой быстро входитъ Батракова. Она только, что пріѣхала на воды слѣдить за своимъ невѣрнымъ другомъ, но ей мѣшаютъ, ее преслѣдуютъ любопытные посторонніе взоры. Въ особенности судебный слѣдователь, ни на шагъ не покидающій ее.

Она разсержена и взволнована. Роль ея исполняетъ Фабри, и первыя слова его монолога: „это чистое наказаніе и проклятіе быть женщиной!—Не смѣй выйти одна—такъ на тебя всѣ и таращатъ глаза!"—сказанныя нервнымъ, звучнымъ голосомъ,—сопровождаются взрывомъ аплодисментовъ, на которые такъ щедры наши снисходительные милые зрители-товарищи.

Артисты стараются во всю. Пьеса бойко, безъ заминки, гладко разыгрывается на зубокъ, и въ подсказкѣ суфлера-Лихонина почти нѣтъ нужды. Онъ, весь мокрый, скорчившись въ своемъ неудобномъ помѣщеніи, напряженно слѣдитъ за пьесой и одобрительно киваетъ головой, шепотомъ подсказывая лишь первыя слова монологовъ.

Первый актъ оканчивается, и занавѣсъ опускается при громкихъ, восторженныхъ крикахъ: всѣхъ, всѣхъ, всѣхъ!... и громъ рукоплесканій, которыми награждаются счастливые, сіяющіе артисты. Въ

избыткѣ радости они вихремъ несутся въ уборныя, и всѣ вмѣстѣ съ дамами, подобравшими свои трэны, откалываютъ невѣроятный танецъ, импровизированный избыткомъ восторга юности и здоровья. Даже солидный Иванъ Ивановичъ и тотъ съ коробками пудры и румянъ въ одной рукѣ и пуховками въ другой отплясываетъ нѣчто среднее между трепакомъ и канканомъ. Но, замѣтивъ нарушенную гармонію у слишкомъ развеселившихся дамъ, онъ обуздываетъ ихъ и возстановляетъ утраченную красоту и обнаруженные дефекты формъ и костюмовъ. Всѣ ликуютъ, всѣ смѣются.—Восторгъ общій.

Насъ посѣщаетъ публика:—офицеры и товарищи, и мы, счастливые отъ похвалъ, жадно прислушиваемся къ мнѣнію и разсказамъ о нашей игрѣ.

Второй и третій акты проходятъ съ возрастающимъ успѣхомъ при раскатистыхъ взрывахъ хохота.

Исполненіе второй пьесы усиливаетъ еще болѣе хорошее впечатлѣніе. Спектакль оконченъ, и въ уборную вмѣстѣ съ офицерами входитъ начальникъ училища, но его веселому, улыбающемуся лицу мы видимъ, что онъ доволенъ.

— „Я ничего подобнаго не ожидалъ, господа!—говоритъ онъ.—Благодарю васъ за громадное удовольствіе. Я рѣдко когда такъ смѣялся и такъ весело проводилъ время. Благодарю Васъ, господа!“

— Рады стараться, Ваше Превосходительство!—гремитъ нашъ радостный отвѣтъ.

— Вы всѣ, господа, играли прекрасно. Не знаешь, кому присудить пальму первенства! Вы всѣ ее одинаково заслужили,—продолжаетъ генералъ.—И я отъ лица всѣхъ присутствующихъ еще разъ благодарю васъ и прошу доставить намъ еще разъ такое же удовольствіе, но, конечно, не въ ущербъ обычнымъ занятіямъ.

— Постараемся, Ваше Превосходительство!

— „Благодарю Васъ, капитанъ“—обращается генералъ къ тутъ же стоящему Агаркову и жметъ ему руку.—„Вашъ трудъ не показной и самый тяжелый, но благодаря исключительно ему вашъ спектакль такъ прекрасно удался“.

— Помилуйте, Ваше Превосходительство,—застѣнчиво говоритъ Агарковъ:— я тутъ ни при чемъ—это все они.

Генералъ улыбается на эту скромность и, еще разъ поблагодаривъ капитана Агаркова и насъ,—уходитъ.

Счастливые, не чувствующіе усталости, идемъ мы домой въ свои роты, гдѣ ожидаютъ насъ шумныя встрѣчи и овація.

Смѣхъ и говоръ не смолкаютъ, несмотря на то, что уже первый часъ ночи.

Слышны оживленные разговоры и у Верблюдовъ (рота Его Вы-

сочества) и въ Малинѣ, тема ихъ—сегодняшній вечеръ, спектакль и артисты.

Спать не хочется—слишкомъ взвинчены нервы.

— Знаешь что, Курцъ?—Пойдемъ бродить. Пойдемъ на переднюю линейку—говоритъ, обращаясь къ Короткому, Фабри.

— Пойдемъ—и я спать не могу,—отвѣчаетъ Короткій, и оба пріятеля, обнявшись, выходятъ, весело болтая и подшучивая другъ надъ другомъ.

— Послушай, Курцъ, будь другомъ, скажи по совѣсти, откровенно: хорошо я провелъ свою роль?

— Отстань, Фабрикація! я вѣдь десять разъ тебѣ говорилъ, что прекрасно! А я?

— Восхитительно!

— Врешь! правда?

— Только знаешь что, Курцъ?

— Что?—спрашиваетъ встревоженный Курцъ.

— Жаль, что ты не изобразилъ имъ индюшки или влюбленнаго поросенка,—смѣется Фабри.

— Ахъ ты, Фабрикація, Акація, Декорація, Ассигнація, Оккупація, Перрртурррбація... летитъ съ трескомъ по адресу Фабри цѣлый потокъ словъ на „ація“ изъ устъ смѣющагося Короткаго.

Пріятели выходятъ на переднюю линейку и, заслышавъ оживленный говоръ въ палаткѣ лагернаго пикета, осторожно подходятъ къ ней и прислушиваются. Дежурный по баталіону—штабсъ-капитанъ Мацкевичъ передаетъ юнкерамъ караула, которые, увы, не могли присутствовать на спектаклѣ,—свои впечатлѣнія:

— ...Но Озаровскій, господа, положительно талантъ! Какъ онъ типично изобразилъ пьяницу, станціоннаго смотрителя.

— А Сеславинъ—прямо просится на Императорскую сцену.

— Да всѣ.—А Короткій! (Фабри толкаетъ въ бокъ насторажившагося и вытянувшаго шею Короткаго)—это точная копія Варламова. Да всѣ, всѣ. А женскія роли? Фабри и Сосновскій! (Короткій тычетъ въ бокъ Фабри)—Одинъ восторгъ! и что хорошо: они провели свою роль не дѣланнымъ, непріятнымъ фальцетомъ, а натуральнымъ голосомъ, и при этомъ ни малѣйшаго шаржа.

Да, спектакль прошелъ блестяще.

— Какъ жаль,—г-нъ капитанъ, что мы не могли быть; зависть брала, когда доносились сюда хохотъ и аплодисменты.

—Ничего, господа: еще будетъ нѣсколько спектаклей. Начальникъ училища просилъ, и юнкера обѣщали,—продолжалъ шт.-капитанъ Мацкевичъ.

Счастливые и гордые отъ только-что выслушанныхъ похвалъ, оба друга отправились домой.

— А знаешь что, Курцъ? Вѣдь ты противъ меня большая свинья.

— Здравствуйте вамъ! это почему?

— Да какъ же: ты всѣмъ и Мюллеру, и Леонтьевскому, и Уварову посвятилъ стихи, а мнѣ хоть бы что, а еще другъ!

— Ну не злись, Фабрикація,—я тебѣ напишу цѣлую оду; и знаешь—начну такъ:

И тебя я безъ сомнѣнья
Какъ Уварова любилъ,
Но за то за подозрѣнья
Часто злился и бранилъ...

экспромптомъ началъ Курцъ свое новое произведеніе поэтическаго таланта.

Долго еще въ эту ночь не могли уснуть юнкера, находясь подъ впечатлѣніемъ только-что пережитыхъ сильныхъ, но радостныхъ ощущеній.

Между военными училищами—и Павловскимъ и Константиновскимъ всегда были хорошія, товарищескія отношенія; со времени же спектаклей эти отношенія стали еще болѣе сердечными и дружественными. Юнкера перезнакомились между собою, и оба училища составили какъ бы одну общую, дружную семью. Что же касается до артистовъ, то они все время были неразлучны и, какъ только освободятся отъ занятій, спѣшили къ Харлампію, у котораго самый большой столъ подъ навѣсомъ всегда оставленъ спеціально для артистовъ. Тамъ, распивая чай, они ведутъ нескончаемыя бесѣды и о предстоящихъ спектакляхъ, и о распредѣленіи ролей. Предположено поставить еще три спектакля, и для нихъ выбраны три главныя пьесы: „Женитьба“, „Счастливый день“ и „Лакомый кусочекъ“.

А лагерная жизнь между тѣмъ идетъ обычнымъ порядкомъ: ротныя ученія смѣнились батальонными и полковыми; односторонніе, съ обозначеннымъ противникомъ, маневры—двухсторонними, отрядными.

Въ среднихъ числахъ іюля изъ Петергофа прибыли въ Красное Село Ихъ Императорскія Величества, и съ ихъ пріѣздомъ лагерная жизнь оживилась еще болѣе.

Послѣ объѣзда лагеря и общей вечерней зори (кстати сказать, очень торжественной и величественной, такъ какъ во время ея играетъ соединенный хоръ всѣхъ музыкантовъ, горнистовъ и бара-

банщиковъ всѣхъ войскъ, расположенныхъ въ лагерѣ), наступаютъ ежедневные смотры и ученія въ Высочайшемъ присутствіи.

Всѣ подтянулись и съ напряженіемъ ждутъ вызова войскъ по тревогѣ.

Сигналъ тревоги удивительно магически дѣйствуетъ безъ исключенія на всѣхъ: и генералъ, и рядовой, заслышавъ его, съ одинаковой нервной поспѣшностью торопится одѣться въ походную, боевую форму и бѣгомъ присоединяется къ батальонной колоннѣ, чтобы спѣшить къ сборному пункту.

Въ минувшее царствованіе Императора Александра II вызовъ войскъ по тревогѣ практиковался довольно часто какъ днемъ, такъ и ночью; поджидали ее съ такимъ же напряженіемъ и въ этотъ первый годъ царствованія незабвеннаго Государя Императора Александра III-го.

У насъ въ училищахъ, на случай тревоги все заблаговременно приготовлено. Вычищенная мундирная одежда и аммуниція сложены на табуретахъ около коекъ, и юнкерамъ остается лишь одѣвшись взять ружья и получить патроны, которые, во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ, хранятся до тревоги у каптенармуса.

Какъ-то подъ вечеръ, со стороны главнаго лагеря, подъѣхала и остановилась на передней линейкѣ обыкновенная извощичья коляска, и изъ нея вышелъ нашъ главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній, генералъ-адъютантъ Исаковъ. Онъ оставлялъ свой постъ и пріѣхалъ проститься съ юнкерами. Подойдя къ лагерному пикету и поздоровавшись съ карауломъ, онъ приказалъ вызвать всѣхъ юнкеровъ на линію.—Звонко прозвучалъ обычный протяжный зовъ дневальныхъ по ротамъ: „юнкера военныхъ училищъ, на ли-нію-ю“!..— Услыхавъ этотъ знакомый, призывный кличъ, юнкера подхватили его на разные голоса и со всѣхъ сторонъ выбѣгали къ передней линейкѣ, на ходу оправляясь и застегивая мундиры.

Генералъ-адъютантъ Исаковъ подозвалъ къ себѣ юнкеровъ, которые тѣснымъ кольцомъ окружили его, и только-что обратился къ намъ съ прощальною рѣчью, какъ гдѣ-то въ сторонѣ прозвучало страшное слово:—тревога!

Его подхватили въ другомъ мѣстѣ, и вскорѣ крикъ: „тревога, тревога“, все усиливаясь, охватилъ весь авангардный лагерь.

На полусловѣ оборвавъ свою рѣчь, генералъ Исаковъ остановилъ юнкеровъ, которые хотѣли было поднять его и донести до экипажа.

„Господа, сказалъ онъ: долгъ прежде всего! Вы слышите:—тревога. Васъ призываетъ Государь—спѣшите!—И, уходя, добавилъ: Прощайте, господа! Служите честно своей родинѣ и Государю!“

На бѣгу, отвѣтивъ въ разбродъ „постараемся, Ваше Высокопревосходительство“, мы бросились по баракамъ, спѣша одѣваться.

Поднялась невообразимая суета. Крикъ, трескотня барабановъ, тревожные сигналы горновъ, выстрѣлы ракетъ, все это слилось въ какой-то хаотическій гулъ.—Тревога принята и въ главномъ лагерѣ гвардіи, и тамъ тотъ же шумъ и бѣготня. Каждая воинская часть напрягаетъ всѣ силы, чтобы поспѣть раньше другихъ къ сборному пункту, и это соревнованіе еще болѣе усиливаетъ и нервность, и поспѣшность. Люди на бѣгу одѣваются, пристегиваютъ аммуницію и получаютъ патроны и, схвативъ ружье, спѣшатъ къ знамени, около котораго уже собирается батальонъ. Сначала это небольшая горсточка, но она растетъ и увеличивается. Не успѣлъ еще весь баталіонъ собраться, какъ ужъ двинулся скорымъ шагомъ по направленію къ Царскому валику, на Военномъ полѣ.

Баталіону военныхъ училищъ идти не далеко. Его лагерь расположенъ сравнительно ближе остальныхъ воинскихъ частей, а потому училища пришли одни изъ первыхъ и, остановившись на сборномъ пунктѣ, имѣли достаточно времени и отдохнуть, и полюбоваться красивой, эффектной картиной общаго движенія войскъ.

Длинными рядами лентъ, по всѣмъ дорогамъ, спѣшатъ они и изъ авангарднаго, и изъ главнаго лагерей, а кавалерія и конная артиллерія, расположенныя въ окрестныхъ селахъ, несутся за 20—30 верстъ.

И. Ф.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 9 іюля по 3 сентября 1909 г.

Бестужевъ-Рюминъ, К. О томъ, какъ росло московское княжество и сдѣлалось русскимъ царствомъ. Спб. 1909. Изд. и тип. Общественная Польза (Б. Подъяческая, 39). 8⁰ (16×23). 106 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 11 л. 3.000 экз.

Витбергъ, Ѳ. А. и Модзалевскій, Б. Л. Каталогъ выставки въ память И. С. Тургенева въ Императорской Академіи Наукъ. Мартъ 1909 г. Спб. 1909. Изд. 2-е, испр., тип. Имп. Акад. Наукъ (Вас. Остр., 9 лин., 12). 16⁰ (10×14). VIII+318 стр. Вѣсъ 14 л. 360 экз.

Ивановъ, Ив., проф. Гоголь человѣкъ и писатель. Рѣчи, произнесенныя въ Нѣжинѣ и въ Москвѣ на гоголевскихъ празднествахъ въ апрѣлѣ 1909 года. Кіевъ. 1909. Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰ (Караваевская, 5). 8⁰ (18×26) 72 стр. Съ портр. Ц. 35 к. Вѣсъ 9 л. 5.000 экз.

Извѣстія Императорской Археологической Комиссіи. Вып. 31. (Вопросы реставрацій. Вып. 3). Спб. 1909. Изд. Археологич. Комиссіи. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8⁰ (20×29). IV+309 стр. Съ портр. Вѣсъ 2 ф. 11 л. 900 экз.

Историко-этнографическій музей Княгини М. К. Тенишевой въ Смоленскѣ. Общій каталогъ. Смоленскъ. 1909. Тип. Я. Н. Подземскаго. 8⁰ (18×23). 344 стр. Вѣсъ 1 ф. 14 л. 300 экз.

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Проспектъ. Спб. 1909. Изд. Бр. Гранатъ (Загородный, 14). Тип. Кушнерева (Фонтанка, 117). 8⁰ (20×27). 32 стр. Съ 3 портр. Вѣсъ 9 л. 15.000 экз.

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Вып. 23. Спб. 1909. Изд. т-ва Гранатъ (Загородный, 14). Тип. Русская скоропечатня (Екатерин. кан., 94). 8⁰ (19×27). 81—160 стр. Съ 5 портр. Ц. 1 р. 35 к. Вѣсъ 22 л. 15.400 экз.

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ. Роскошно-иллюстрированное изданіе, посвященное памяти историка Москвы И. Е. Забѣлина. Часть I. М. 1909. Изд. книгоизд. Образованіе (Долгоруковская, 85). Тип. Русскаго товарищества (Мыльниковъ, св. д.). 4⁰ (25×34). 143 стр. Съ 28 таб. рис. Вѣсъ 3 ф. 12 л. 5.000 экз.

Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX-го вѣка. Подъ редакціей Мартова, Л., Маслова, П. и Потресова, А. Томъ II. Часть первая. a. Международное положеніе Россіи передъ революціей. b. Массовое движеніе. Спб. 1909. Тип. т-ва „Обществ. Польза“ (Б. Подъяческая, 39). 8⁰ (17×26). 341 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 18 л. 5.000 экз.

Покровскій, А. М. Древнія церковныя мелодіи и ихъ гармонизація. Краткій историческій очеркъ. Новгородъ. 1909. Тип. Губернская. 8⁰ (17×25). 10 стр. Складъ: Новгородъ. Книжный складъ братства св. Софіи. Ц. 15 к. Вѣсъ 2 л. 1.000 экз.

Рудаковъ, В. Е. Хронологическій списокъ учено-литературныхъ трудовъ Николая Платоновича Барсукова. Съ указаніемъ матерьяловъ для біографіи Н. П. Барсукова и некрологовъ его. Спб. 1909. Изд. Общ. ревнителей рус. историч. просв. Им. Александра III. Тип. Стасюлевича (В. О., 5 л., д. № 28). 8° (16×23). 31 стр. Вѣсъ 4 л. 500 экз.

Труды Императорскаго русскаго военно-историческаго общества. Томъ 1. Документы Сѣверной войны. Полтавскій періодъ (Іюль—Октябрь 1708 г.) подъ общимъ руков. А. К. Баіова, ред. Н. Л. Юнакова. Спб. 1909. Тип. Т-во „Свѣтъ“ (Невскій пр., 136) 4° (22×30). X+290 стр. Вѣсъ 2 ф. 6 л. 1.000 экз.

Труды Псковскаго Археологическаго Общества за 1907—1908 г.г. Псковъ. 1909. Тип. Губ. Правленія. 8° (15×21). 204 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 17 л. 212 экз.

Юнаковъ, Н. Л. Труды Императорскаго русскаго военно-историческаго Общества. Томъ II. Сѣверная война. Кампанія 1708—1709 гг. Военныя дѣйствія на лѣвомъ берегу Днѣпра (Іюль—Октябрь 1708 г.). Спб. 1909 г. Тип. Т-во „Свѣтъ“ (Невскій, 136). 4° (23×30). 70 стр. и таб. Вѣсъ 2 ф. 10 л. 1.000 экз.

Алавердянцъ. М. Я. Пребываніе Императора Николая I въ Эчміадзинѣ и въ Тифлисѣ, по даннымъ армянскаго археолога. Спб. 1909. Тип. Н. Я. Стойковой (Знаменская, 27). 8° (16×24). 20 стр. Вѣсъ 2 л. 200 экз.

Аплаксинъ, А. Самсоновскій соборъ и его реставрація 1909 г. Спб. Тип. Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 1° (35×49). 12 стр. и 54 фототипіи. Вѣсъ 3 ф. 28 л. 1.000 экз.

Буслаевъ, Ѳеодоръ. Русская Хрестоматія. Памятники древнерусской литературы и народной словесности съ историческими, литературными и грамматическими объясненіями и со словаремъ. Для среднихъ учебныхъ заведеній. М. 1909. Изд. 11-е. Тип. Синодальная. 8° (17×25). IV+480 стр. Ц. 1 р. 75 к. Вѣсъ 1 ф. 9 л. 10.000 экз.

Византійскій временникъ, издаваемый при Императорской Академіи Наукъ подъ ред. В. Э. Регеля. Томъ XIV, вып. 4 (1907). Спб. 1909. Изд. и тип. Имп. Академіи Наукъ (В. О., 9 л., 12). 8° (18×27). XLVI+493—684 стр. Вѣсъ 30 л. 513 экз.

Зачинлевъ, Александръ. Апокрифы. Духовные стихи. Легенды. Пособіе при изученіи словесности. Спб. 1909. Изд. Ив. В. Казначеева (Спб., Офицерская, 23). Тип. акц. общ. типограф. дѣла (7-я рота, 26). 8° (16×23). 71 стр. Ц. 45 к. Вѣсъ 8 л. 1.000 экз.

Зелинскій, В. Критическіе разборы „Дворянскаго гнѣзда“ и „Наканунѣ“ И. С. Тургенева. (Отт. изъ Собр. критич. матер. для изученія произведеній И. С. Тургенева). М. 1909. Изд. автора, 4-е. Тип. Вильде (М. Кисловка, св. д.). 8° (16×23). 230 стр. Складъ: Патріаршіе пруды, д. Михайлова. Ц. 80 к. Вѣсъ 20 л. 2.400 экз.

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Вып. 24-й Спб. 1909. Изд. т-ва Бр. А. И. Гранатъ и К°. Тип. „Русская Скоропечатня“ (Екатерининск. кан., 94). 4° (19×26). 161—240 стр. Съ рис. Вѣсъ 20 л.

„Исторія Русско-Японской войны“. Томъ V. Ред.-издатели М. Е. Бархатовъ и В. В. Функе. Спб. 1909. Тип. Т-во Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (26×35). 1037—1282 стр. Съ рис. Складъ: Спб., Пушкинская, 3. Вѣсъ 2 ф. 23 л. 8.800 экз.

Курбатовъ, В. Павловскъ. Художественно-историческій очеркъ и путеводитель. Спб. 1909. Изд. Общины Св. Евгеніи Краснаго Креста. Тип. Голике (Звенигородская, 11). 8° (19×25). 50 стр. Вѣсъ 9 л. 1.000 экз.

Лѣтопись занятій Императорской Археографической Комиссіи за 1908 годъ. Вып. 21 подъ ред. Правителя дѣлъ В. Г. Дружинина. Спб. 1909. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8⁰ (17×25). IV+426+120 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 2 ф. 400 экз.

Миллеръ, Орестъ. Русскіе писатели послѣ Гоголя. Чтенія, рѣчи и статьи.—Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ проф. И. А. Шляпкина. Томъ II. Спб. 1909. Изд. и тип. т-ва М. О. Вольфъ (Вас. О., 16 лин., собств. д.). 8⁰ (15×23). IV+443 стр. Ц. 1 р. 75 к. Вѣсъ 1 ф. 28 л. 3.000 экз.

Михайловъ, П. Н. Духовные стихи и народныя пѣсни, записанныя въ Псковской губерніи. Псковъ. 1909. Тип. Губ. Правленія. 8⁰ (15×22). 15 стр. Вѣсъ 2 л. 512 экз.

Незеленовъ, А. И. Исторія русской словесности для среднихъ учебныхъ заведеній. (Въ двухъ частяхъ). Подъ ред. В. В. Каллаша. Часть I. (Съ древнѣйшихъ временъ до Карамзина). Часть II. (Карамзинскій и Пушкинскій періоды). М. 1909. Изд. книж. маг. В. Думнова (Мясницкая, д. Обидиной). Тип. Г. Лиснера и Д. Собко (Крестовоздвиж., св. д.). 8⁰ (15×22). VIII+237+VI+268 стр. Ц. по 1 р. Вѣсъ по 20 л. 10.000 экз.

Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ сенатскомъ архивѣ. Отдѣлъ 1-й. Томъ 1-й. Составили: Л. П. Гусевъ, В. И. Морева, Н. А. Мурзановъ, Л. Л. Слухоцкій подъ руководствомъ инспектора сенатскаго архива Н. А. Блинова. Составители и руководители пользовались совѣтами и указаніями проф. С. Ѳ. Платонова. Спб. 1909. Тип. Сенатская. 8⁰ (18×25). V+282 стр. Вѣсъ 1 ф. 7 л. 300 экз.

Долгорукій, П. В., кн. Время Императора Петра II и Императрицы Анны Іоанновны. Перев. съ франц. С. М. М. 1909. Изд. Книгоизд. Т-ва Образованіе (Долгоруков., 87). Тип. Русскаго Товарищества. 8⁰ (17×24). 184 стр. Съ портр. и рис. Вѣсъ 1 ф. 12 л. 14.000 экз.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Вып. 10. М. 1909. Изд. т-ва Міръ (Б. Никитская, 22). Тип. И. Н. Кушнерева (Пименовскаи, св. д.). 8⁰ (19×27). 289—368 стр. Съ рис. Вѣсъ 18 л. 7.000 экз.

Отечественная война 1812 г. (Матеріалы военно-ученаго архива Генер. Штаба). Отдѣлъ I. Переписка русскихъ правительственныхъ лицъ и учрежденій. Томъ XI. Подготовка къ войнѣ въ 1812 г. (Апрѣль). Спб. 1909. Изд. Главн. Управ. Генер. Штаба. Тип. Бережливость (Невскій, 139) 8⁰ (18×26). XXI+415+XLV стр. Вѣсъ 2 ф. 8 л. 510 экз.

Переворотъ 1762 года. Сочиненія и переписка участниковъ и современниковъ. М. 1909. Изд. книгоизд. Образованіе (Долгоруковская, 87). Тип. Русскаго товарищ. (Мыльниковъ, св. д.). 8⁰ (18×26). 162 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 ф. 3 л. 2.000 экз.

Русскіе Портреты XVIII и XIX столѣтій. V томъ, 2 выпускъ. Спб. 1909. Изд. Великаго Князя Николая Михайловича. Тип. Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ бумагъ. 4⁰ (30×37). 120 стр. 25 листовъ портр. Вѣсъ 3 ф. 24 л. 800 экз.

Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ. Томъ XIV. Юрьевъ. 1909. Тип. В. Маттисенъ (Обводная, 4). 8⁰ (17×24). 269 стр. Вѣсъ 27 л. 425 экз.

Сиповскій, В. В. Историческая Хрестоматія по исторіи русской словесности. Томъ I.—Вып. 3. (Русская литература XVIII вѣка). Спб. 1909. Изд.

3-е, Бр. Башмаковыхъ. Тип. „Трудъ“, (Фонтанка, 86). 4⁰ (17×23). VIII+224 стр. Ц. 80 к. Вѣсъ 21 л. 4.000 экз.

Труды Вятской Ученой Архивной Коммиссіи за 1908 г. Вып. II. Вятка. 1909. Тип. Губернская. 8⁰ (15×24). 19+3 нен.+72+II стр. Вѣсъ 13 л.

Труды Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи подъ ред. С. Д. Яхонтова. Т. XXII. Вып. 1. Рязань. 1908. Тип. Губ. Правленія. 8⁰ (17×26). 76+XXVIII стр. Вѣсъ 10 л.

Александровскій, Г. В. Чтенія по новѣйшей русской литературѣ. Вып. 1. Кіевъ. 1909. Изд. 6-ое Н. Я. Оглоблина (Крещатикъ, 33). Тип. 1-й арт. Печ. Дѣла (Трехсвятительская, 5). 8⁰ (18×27). VIII+212 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 29 л. 5.000 экз.

Андреевъ, Ник. Доисторическая и древнѣйшая Русь. № 1 (Культурно-Истор. очерки Россіи). Спб. 1909. Изд. В. И. Яковенко. Тип. М. Меркушева (Невскій пр., 8). 8⁰ (14×20). 41 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Вѣсъ 6 л. 5.100 экз.

Андреевъ, Ник. Славянская или догосударственная Русь. № 2. (Культурно-историч. очерки Россіи). Спб. 1909. Изд. В. И. Яковенко. Тип. М. Меркушева (Невскій пр., № 8). 8⁰ (14×20). 35+1 нен. стр. Съ 13 рис. Ц. 12 к. Вѣсъ 3 л. 5.100 экз.

Лаппо, И. И., проф. Исторія русской церкви. (Лекціи). Юрьевъ. 1909. Изд. и тип. Бертельсона. 4⁰ (19×30). 111—183 стр. Вѣсъ 12 л. 100 экз.

Муравьевъ-Амурскій, В. В., графъ. Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій. 1809—1909. Варшава. 1909. Тип. Копытовскаго (Новый Свѣтъ, 47). 8⁰ (18×26). 60 стр. Съ рис. Вѣсъ 12 л. 500 экз.

Нагуевскій, Р. Петръ Великій въ Карлсбадѣ въ 1711 и 1712 г.г. Историческій очеркъ. Къ двухсотлѣтію преславной памяти Государя Императора Петра Великаго. Рига. 1909. Изд. Іонка и Поліевскаго. Тип. Мюллеръ. 16⁰ (15×18). 76 стр. Съ рис. Вѣсъ 4 л. 620 экз.

Памятники древней русской письменности, относящіеся къ смутному времени. Русская историческая библіотека. Томъ XIII. Спб. 1909. Изд. 2-е. Тип. М. А. Александрова (Надеждинск., 43). 4⁰ (19×27). XLI+1472 ст. (въ 2 ст.). Ц. 3 р. Вѣсъ 4 ф. 25 л. 600 экз.

Петръ Великій на Сѣверѣ. Сборникъ статей и указовъ, относящихся къ дѣятельности Петра I на Сѣверѣ. Подъ ред. А. Ѳ. Шидловскаго. Къ 200-лѣтнему юбилею Полтавской побѣды надъ шведами. Архангельскъ. 1909. Тип. Губернская. 8⁰ (18×27). II+166+II+66 стр. Съ портр. и рис. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 700 экз.

Письма жены французскаго посла г-жи Маріи Кингъ Ваддингтонъ къ своимъ сестрамъ. Спб. 1909. Изд. О-ва ревн. истор. просв. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8⁰ (18×27). 5 стр. Вѣсъ 1 л. 100 экз.

Русско-японская война. Вып. II. Отъ боя на Ялу до Ляояна (Перев. съ англ. бар. Винекенъ). Спб. 1909. Изд. Березовскаго. Тип. т-ва Буссель и К⁰ (Мытнин. набер., 9). 8⁰ (19×22). XIII+269 стр. Цѣна 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 1 л. 2.000 экз.

Щегловъ, В. Новые документы о Гавриліадѣ. Спб. 1909. Изд. о-ва ревн. историч. просв. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5-я л., 28). 8⁰ (18×27). 2 стр. Вѣсъ 1 л. 100 экз.

Мигуновъ, И. В. Рѣдкія русскія монеты съ 1810 до 1910 года. Мѣдныя, серебряныя, золотыя и платиновыя и 2) Русско-Польскія монеты съ 1815 по 1841 годъ. Спб. 1909. Тип. „Варшавская Скоропечатня“ (Гороховая, 12). 8⁰ (16×24). 32 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 6 л. 1.000 экз.

Мироновъ, А. М. Проф. Полтавская битва въ памятникахъ искусства. Юбилейная поминка о Петрѣ Великомъ въ связи съ Полтавской битвой. Казань. 1909. Изд. О-ва археол., исторіи и этногр. Тип. Университетская. 8⁰ (16×24). 50 стр. Съ рис. Вѣсъ 9 л. 100 экз.

Незеленовъ, А. И. Исторія русской словесности для среднихъ учебныхъ заведеній, въ двухъ частяхъ. Часть I (съ древнѣйшихъ временъ до Карамзина). М. 1909. Изд. В. В. Думнова, 16-е (Мясницкая, д. Обидиной). Тип. Г. Лиснера и Д. Собко (Крестовоздвиж., св. д.). 8⁰ (15×22). VIII+236 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 21 л. 8.000 экз.

Токмаковъ, И. Ѳ., свящ. Краткій историческій очеркъ Московскаго Ивановскаго дѣвичьяго монастыря. М. 1909. Изд. 2-е. Тип. И. Ефимова (Б. Якиманка, св. д.). 8⁰ (15×23). 28 стр. Съ рис. Вѣсъ 4 л. 2.000 экз.

Гроссевичъ, Мих. Петр. Бой. подъ Вафангоу. Владикавказъ 1909. Изд. автора (Марьинская, 7). Тип. Р. Сегаль. 8⁰ (13×21). 72 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 7 л. 3.000 экз.

Довгялло, Дм. Ив. Петръ Великій и Полтава для православной Вильны и Западной Руси (Изъ „Вилен. Вѣстн.“, 1909 г., № 1809 и 1810). Вильна. 1909. Тип. Русскій починокъ (Сиротинская, 20). 8⁰ (13×22). 20 стр. Вѣсъ 2 л. 200 экз.

Евстафіевъ, П. В. Новая русская литература (отъ Петра Великаго до настоящаго времени). Спб. 1909. Изд. 23-е и тип. М. М. Гутзаца (Шпалерная, 26). 8⁰ (17×25). 252+IV стр. Съ рис. Ц. 1 р 60 к. Вѣсъ 27 л. 2.000 экз.

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Вып. 25. Спб. 1909. Изд. Т-ва Гранатъ (Загородный, 14). Тип. Кушнерева (Фонтанка, 117). 4⁰ (19×26). 241—327 стр. Съ 4 портр. Ц. 1 р. 35 к. Вѣсъ 20 л. 15.400 экз.

Матеріалы для исторіи московскаго купечества. Общественные приговоры. Томъ VII. М. 1909. Тип. А. Н. Иванова (Кузнецкій мостъ, 11). 4⁰ (26×30). XXVII+541 стр. Вѣсъ 2 ф. 20 л. 200 экз.

Памятники исторіи смутнаго времени. Подъ ред. А. И. Яковлева. М. 1909. Изд. Н. Н. Клочкова. Тип. Вильде (М. Кисловка, св. д.). 8⁰ (19×28). 101+3 стр. Адр. скл.: книжн. магаз. А. А. Карцева (Моховая, 20). Ц. 65 к. Вѣсъ 12 л. 3.000 экз.

Сборникъ Историко-Филологическаго о-ва при институтѣ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ. Томъ VI. Нѣжинъ. 1909. Тип. Насл. В. К. Меленевскаго. 8⁰ (17×27). 21+53+13+66+19+41 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 30 л. 200 экз.

Содержаніе: Отдѣлъ I. 1) Замѣтка о состояніи и составѣ о-ва въ $190^{7}/_{8}$ уч. г. 2) Протоколы засѣданій Инст.-Фил. о-ва за $190^{7}/_{8}$ г. Отдѣлъ II. 3) Саввa, В. И. Матеріалы изъ архива Нѣжинскихъ братствъ и магистрата. 4) Козловскій, И. П. Значеніе XVII в. въ Русской исторіи, его связь съ предыдущими и послѣдующими эпохами. 5) Музыченко, А. Ѳ. Отчетъ о зан. педагогикой. 6) Заболотскій, П. А. Н. А. Некрасовъ. 7) Турцевичъ, И. Г. Древніе разск. о вдовѣ.

Сборникъ систематическихъ сообщеній по исторіи Русско-Японской войны 1907—1908 г.г., сдѣланныхъ въ Виленскомъ военномъ собраніи въ теченіе зимняго періода. Часть II. Вильна. 1909. Изд. Вил. Отд. Общ. ревнит. воен. знаній. Тип. Русскій починокъ (Сиротинская 20). 8⁰ (22×28). 194 стр.+18 картъ. Вѣсъ 1 ф. 14 л. 1.500 экз.

Губернарчукъ. Очерки исторіи 129-го пѣхотнаго Бессарабскаго Его Имп. Выс. Вел. Кн. Михаила Александровича полка 1806—1863—1906. По матеріаламъ, собраннымъ Шевавдинымъ. Кіевъ. 1909. Тип. Р. К. Луб-

ковскаго (Б. Владимірская, 46). 8° (17×26). X+395+92 стр. Съ портр., рис. и таб. Вѣсъ 2 ф. 24 л. 270 экз.

Павловъ-Сильванскій, Н. П. Государевы служилые люди, люди кабальные и докладные. Сочиненія, т. I. Спб. 1909. Изд. 2-е. Тип. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8° (16×23). X+336 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 3 л. 1.600 экз.

Памятники древне-русскаго искусства. Вып. второй Спб. 1909. Изд. Имп. Академіи Художеств. Тип. Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (30×41). 41 стр. 11 таб. рис. Вѣсъ 1 ф. 29 л. 500 экз.

Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Вып. XI. Спб. 1909. Изд. и тип. Академіи Наукъ (В. О., 9 л. 12). 8° (17×25). 130 стр. Съ таб. и портр. Вѣсъ 19 л. 713 экз.

Юнаковъ, Н. Л. Сѣверная война. Кампанія 1708—1709. Военныя дѣйствія на лѣвомъ берегу Днѣпра. Томъ IV. Труды Императорскаго русскаго военно-историческаго общества. Спб. 1909. Тип. Гр. Скачкова (Итальянская, 16). 4° (22×30). XXII+308 стр. и 17 чертежей и плановъ. Вѣсъ 2 ф. 21 л. 1.000 экз.

Оборона Севастополя. Штурмъ 6-го іюня 1855 года. Спб. 1909. Тип. Т-ва Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 8° (29×20). 14 стр. и 12 рис. Вѣсъ 10 л. 5.000 экз.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Вып. II. М. 1909. Изд. Т-ва Міръ (Знаменка, д. Фетисова). Тип. И. Кушнерева и К° (Пименовская, св. д.). 8° (19×27). 369—431+32 стр. Съ портр. Вѣсъ 22 л. 7.000 экз.

Обозрѣніе преподаванія наукъ на историко-филологическомъ факультетѣ Имп. Спб. университета въ осеннемъ полугодіи 1909 г. и въ весеннемъ полугодіи 1910 года. Спб. 1909. Тип. Б. М. Вольфа (Невскій, 126). 8° (16×24). 32 стр. и табл. Ц. 10 к. Вѣсъ 4 л. 500 экз.

Обуховъ, А. М. и Саввинъ, Н. А. Тридцатые и сороковые годы XIX столѣтія въ исторіи русскаго общества и литературы. Историко-Литературная хрестоматія. Н.-Новгородъ. 1909. Тип. Печ. дѣло К. М. Филипповой. 8° (15×22). 168 стр. Ц. 80 к. Вѣсъ 13 л. 1.100 экз.

Окончаніе Кавказской войны 1856—1864 г. (третій періодъ). Спб. 1909. Тип. Е. Тиле (Адмиралт. каналъ, 17). 16° (13×18). 19 стр. Вѣсъ 2 л. 500 экз.

Самоквасовъ, Д. Я. Московскій архивъ Министерства Юстиціи. Архивный матеріалъ. Новооткрытые документы помѣстно-вотчинныхъ учрежденій Московскаго Царства. Томъ II. М. 1909. Тип. Университетская. 8° (19×28). XXIII+141+628+2 нен. стр. Вѣсъ 4 ф. 600 экз.

Середонинъ, С. М. Графъ М. М. Сперанскій. Очеркъ государственной дѣятельности (изъ „Русскаго Біографическаго Словаря“). Спб. 1909. Тип. Т-ва „Обществ. польза“ (Б. Подъяческ., 39). 16° (13×18). 189 стр. Вѣсъ 13 л. 100 экз.

Сиповскій, В. В. Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Т. III, вып. 4. Русская критическая литература XIX в. (40—60 г.г.). Спб. 1909. Изд. бр. Башмаковыхъ. Тип. „Трудъ“ (Фонтанка, 86). 8° (16×24). IV+288 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 29 л. 3.150 экз.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

Московской обл. библиотеки

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1910 годъ.

Вступая въ 1910 году въ сорокъ первый годъ своего существованія, **„Русская Старина“**, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакція предполагаетъ напечатать въ 1910 году: **А. Ф. Кони** — „Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля“. — „Житейскія встрѣчи“. **П. О. Пирлинга.** — „Переписка Карла IX съ самозванцами“.—„Поѣздка въ Самборъ“. Изъ воспоминаній **И. И. Мечникова. П. М. Ковалевскаго.**—„Встрѣча на жизненномъ пути.“—„Николай Алексѣевичъ Некрасовъ“. Записки основателя „Русской Старины“ **М. И. Семевскаго. Д. А. Скалонъ**—„Походъ на востокъ 1876, 1877 и 1878 гг. Воспоминанія **И. И. Янжула.** „О пережитомъ и видѣнномъ 1864—1909 гг.“ при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Толстого, Тургенева, Достоевскаго, Полонскаго, Гайдебурова, Писемскаго, Островскаго, Щедрина, Юрьева, Елисѣева, Михайловскаго, Шелгунова, Успенскаго, Кони, Соловьева, Баршева, Бѣляева, Лешкова, Крылова, Чичерина, Муромцева, Ковалевскаго, Чупрова, Стороженко, Плеве, Витте, Бунге, Делянова, Боголѣпова, Побѣдоносцева и многихъ другихъ. „Воспоминанія жизни“ **Ѳ. Г. Тернера**, при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Ламанскаго, Рейтерна, кн. Оболенскаго, Самарина, Соловьева, Безобразова, баронессы Раденъ, Бисмарка, Вирхова и многихъ другихъ. „Депутатъ отъ Россіи“. Воспоминанія и переписка **Ольги Алексѣевны Новиковой. М. В. Безобразовой**—„Дневникъ академика В. П. Безобразова“. **Барона А. Э. Штромберга**—„Изъ воспоминаній о Некрасовѣ“. **С. И. Глѣбова**—„Объ ученическихъ годахъ Гоголя“. **В. И. Храневичъ** — „Достоевскій въ воспоминаніяхъ ссыльнаго поляка“. **А. Г. Полянская** — „Къ біографіи Л. А. Мея.“ — „Письма П. И. Чайковскаго“. **А. А. Чебышева** — „Письма П. А. Катенина И. А. Бахтину“. **М. И. Кіановскій** — „Дневникъ Министра Финансовъ графа Канкрина“. **Н. К. Полевой** — Два года 1864 и 1865 изъ исторіи крестьянскаго дѣла въ Минской губерніи. Устройство быта крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ Калишской комиссіей по крестьянскимъ дѣламъ 1805—1810 гг. **Ю. Д. Татищевъ** — „Дѣло о покушеніи на жизнь Домейки“. „Отчетъ М. Н. Муравьева по управленію Сѣверо-Западнымъ краемъ“. **Г. Т. Синюхаевъ** — „Пугачевскія знамена у Терскихъ казаковъ“. **Н—ъ—** „Тяжелые дни Мукденскихъ боевъ“. **Б. М. Колюбакинъ** — „Воспоминанія графа Бенкендорфа“. О Кавказской лѣтней экспедиціи 1845 г. **Е. С. Каменскій**—„Записки гр. Ланжерона 1812 г.—Кутузовъ главнокомандующій турецкой арміей“. **В. Ф. Рудневъ**—„На крейсерѣ „Африка“. **В. И. Шереметевскій**—„Темное царство“ (черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка). Шествіе съ краснымъ флагомъ въ XVII столѣтіи. Изъ бумагъ **Ал. Н. Попова** — „Генералъ Моро въ русскихъ войскахъ“. „Воспоминанія Д. Сапглена, Веселовскаго, Леваковскаго, Семенова и др.“. Воспоминанія изъ русско-японской войны, изъ жизни духовенства.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛѢ
„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса”.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;
«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб., и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Нельзя отказать автору въ судѣ по тѣмъ законамъ, власть которыхъ надъ собою признаетъ онъ самъ. Сквозь строки книги, легкія, живыя, мѣстами задорно-веселыя, глядитъ улыбающееся лицо, съ искорками смѣха въ умныхъ, ироническихъ глазахъ. Но такъ кажется только съ перваго взгляда, и хотя Шестовъ въ началѣ книги и подбадриваетъ себя, что истины бояться нечего, что она не Медуза, не съѣстъ, но самъ-то, видно, не особенно храбро смотритъ ей въ глаза, а лишь взглядываетъ на нее исподтишка. Оттого у него какой-то небрежно-капризный тонъ, онъ какъ будто шутитъ, но шутка, растянувшаяся на двѣсти страницъ, слишкомъ уже серьезна для простой шутки. Вмѣсто „я думаю“, „я утверждаю“, Шестовъ осторожно посмѣивается: „мнѣ кажется—или, можетъ быть, мнѣ только хочется, чтобъ казалось“, „мнѣ въ настоящую минуту (за завтрашній день не ручаюсь)“...—но читатель чувствуетъ, что это только болѣе или менѣе ловкій подходъ, quasi-небрежная усмѣшка вродѣ той, какая появляется на лицѣ атлета послѣ труднѣйшаго tour de force. Шестовъ хочетъ казаться скептикомъ, хотя на самомъ дѣлѣ твердо вѣруетъ, вѣруетъ именно въ тѣ будто бы парадоксы, которые на самомъ дѣлѣ для него—святая истина. Логику, метафизику, какъ стремленіе объяснить цѣли жизни, Шестовъ отрицаетъ, но намъ вовсе не важно, отрицаетъ ли или утверждаетъ,—важна сама жгучая потребность въ этомъ отрицаніи, эта своего рода „вѣра въ невѣріе“, стремленіе мысли все равно по какому радіусу. Мы, конечно, не станемъ указывать Шестову, который насъ объ этомъ заблаговременно предупредилъ, на его противорѣчія, одно изъ которыхъ—отрицаніе логики при пользованіи ея же орудіями,—но какъ красиво, какъ захватывающе это сверканіе мысли! Пусть Шестовъ сколько хочетъ „протираетъ глаза отъ удивленія“, слыша, какъ его называютъ скептикомъ.

Шестовъ—скептикъ, но скептикъ русскій, которому, во что бы то ни стало, нужно чему-нибудь вѣрить или чему-нибудь не вѣрить. Скажемъ автору его же словами: „пусть говоритъ, что хочетъ и какъ хочетъ. Пока въ его словахъ мы слышимъ знакомые звуки призыва къ борьбѣ, пока въ глазахъ его горитъ огонь непреклонной, отчаянной рѣшимости, мы поймемъ его. Мы привыкли разбирать іероглифы“. А этой рѣшимости такъ много у Шестова. Для него „міръ долженъ быть оправданъ весь, чтобъ можно было жить“. Ему мучительно хочется оправдать, объяснить міръ, а какъ—не все ли равно? Здѣсь всякая дорога ведетъ въ Римъ, и всякая веревочка пригодится: и логика хороша, и алогизмъ хорошъ, и отверженіе міра хорошо, и принятіе міра годится. Таковъ этотъ писатель, которому, изъ русскихъ перерусскому, нужно во что-нибудь вѣрить, на что-нибудь опереться. И пусть у него семь пятницъ на недѣлѣ,—сущность остается одна: потребность вѣры—сегодня въ Параскеву-Пятницу, завтра въ „великое безликое ничто“, въ безнадежность. Но богиня, видно, не очень-то покоитъ своего жреца. Если ужь безнадежность, то что и книги писать о ней?

У Шестова, какъ у тургеневскаго героя, имѣвшаго одно убѣжденіе, что никакихъ убѣжденій нѣтъ на свѣтѣ, есть одна истина—что нѣтъ истины. Маловато въ сущности (о противорѣчіи, конечно, мы опять говорить не будемъ), и читатель спроситъ: что же даетъ книга Шестова? Но кто сказалъ, что книга должна что-нибудь непремѣнно давать? Шестовъ на это не претендуетъ, а просто показываетъ сквозь строки свое лицо. Но съ этимъ умнымъ, интереснымъ лицомъ стоитъ познакомиться.

Съ удивительнымъ чутьемъ Шестовъ-критикъ находитъ себѣ подобныхъ. Лучшая статья въ его книгѣ посвящена Чехову. Въ этомъ „пѣвцѣ безнадежности“ Шестовъ вѣрно и тонко подмѣтилъ отвращеніе къ догматизму и любовь къ дѣтямъ безнадежности: пока человѣкъ пристроенъ къ какому-нибудь дѣлу, пока человѣкъ имѣетъ хоть что-нибудь впереди себя, — Чеховъ къ нему совершенно равнодушенъ“... Чеховъ собственно нигдѣ не высказываетъ этого прямо, но посмотрите, каковы у него представители идеи, какой—безразлично. Взять хотя бы Лаевскаго („Дуэль“),—ужь на что никчемный, жалкій и непріятный человѣчишка,—но Чеховъ его дѣлаетъ прекраснымъ, ставя рядомъ съ нимъ исполненнаго благихъ мыслей, трезваго и раціональнаго фонъ-Корена. Тотъ даже не слишкомъ добродѣтеленъ, не до „непроходимости“ и, повидимому, человѣкъ совсѣмъ недурной, а въ соціальномъ смыслѣ въ тысячу разъ лучше Лаевскаго, но въ васъ все сильнѣе и сильнѣе растетъ ненависть къ нему, та ненависть, которою такъ сильно и въ то же время легко и незамѣтно заражаетъ васъ Чеховъ, лукавый врагъ Кореновъ и поэтъ Лаевскихъ. Такъ противенъ докторъ Львовъ со своей вѣчной правотой, этотъ почтенный „гражданинъ чище снѣга альпійскихъ вершинъ“, ядовито сопоставленный съ безнадежнымъ, грѣшнымъ Ивановымъ. Это въ сущности, при всей кажущейся сначала „безыдейности“, та же старая идея, тревожившая много лѣтъ назадъ Константина Леонтьева и недавно Л. Андреева („Тьма“): „не смѣешь ты быть хорошимъ, если я плоха“. Какъ и Чеховъ, Шестовъ тоже не говоритъ прямо о своемъ отвращеніи къ Львову и фонъ-Корену и о симпатіи къ Лаевскому, но объ этомъ такъ ясно говоритъ „лицо“ критика-философа. Другого писателя по себѣ Шестовъ нашелъ въ Гейне. Критикъ остроумно и вѣрно подчеркиваетъ искренность этого поэта, котораго принято обвинять въ неискренности, и любитъ его за эту искренность.

Н. Л.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1910 г.

СОРОКЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазин.: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20, **«Новое Время»**, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостинный дворъ, № 13. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова**, (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ— VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. **По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ**, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1908 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ",

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.